АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

В.М. МАССОН

АЛТЫН-ДЕПЕ

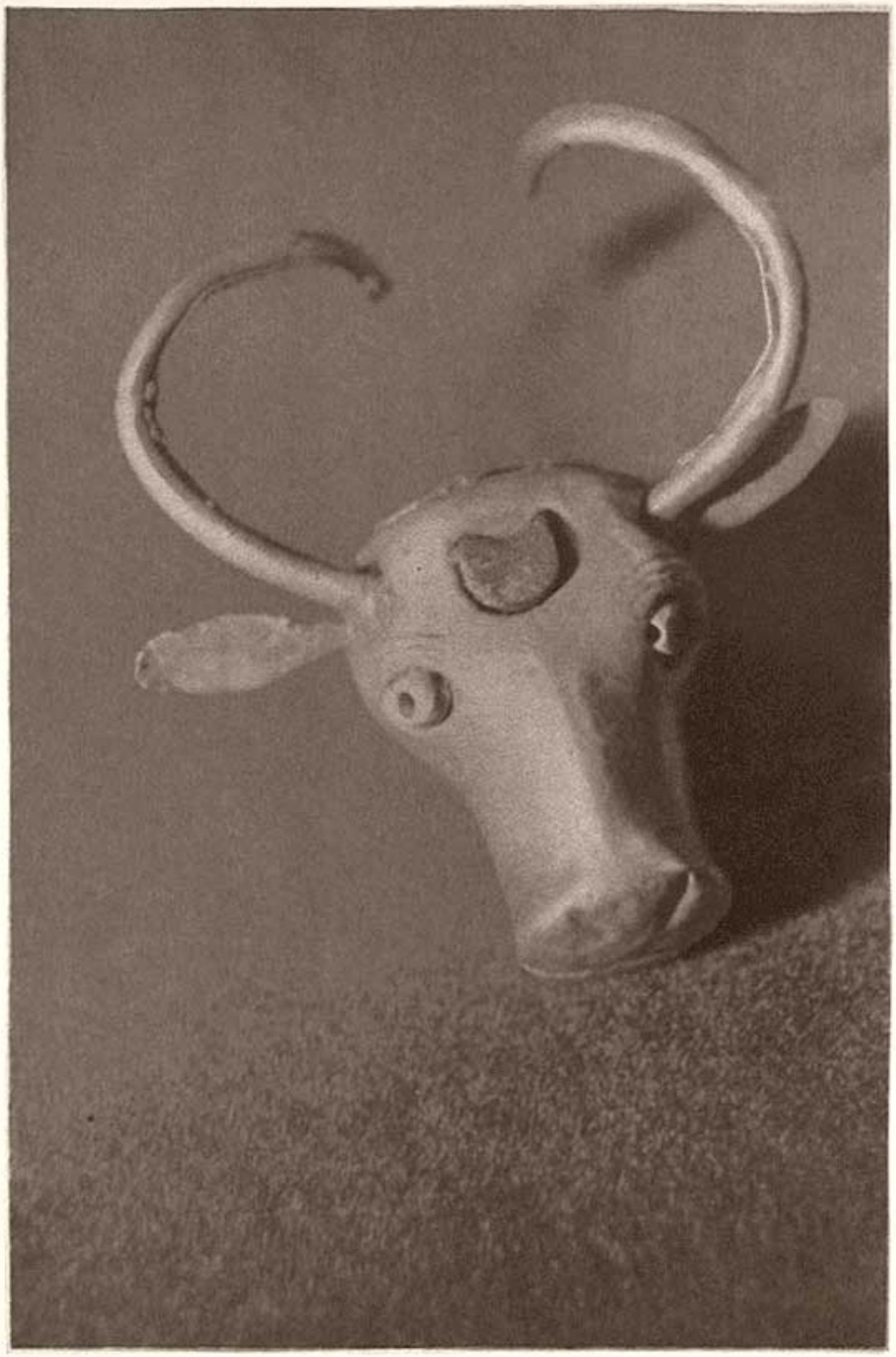

ЮТАКЭ
1965-
1978

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТРУДЫ ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ТОМ XVIII

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

В. М. МАССОН

АЛТЫН-ДЕПЕ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

Книга посвящена итогам 15-летних раскопок ЮТАКЭ на поселении Алтын-Депе, в результате которых на территории СССР был открыт северный очаг цивилизаций древневосточного типа. Анализируются результаты раскопок жилых кварталов, описываются предметы материальной культуры, определяются хронология памятника и его историко-культурные связи. Особенно важны многочисленные свидетельства торговых связей с древней цивилизацией долины Инда. Рассматриваются проблемы формирования поселений городского типа на Древнем Востоке.

Издание рассчитано на специалистов: археологов, историков и этнографов.

Ответственный редактор
акад. А. П. ОКЛАДНИКОВ

М $\frac{10602\text{-}538}{042\,(02)\text{-}81}$ 128-81 0503000000

© Издательство «Наука», 1981 г.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее издание посвящено общей характеристике результатов раскопок Алтын-Депе, систематически проводящихся силами Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР (ЮТАКЭ) и Каракумской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Эти раскопки дали большой и разнообразный материал, детальная публикация и анализ которого составят содержание специальных томов ТЮТАКЭ. В данной книге подробный анализ предложен лишь по материалам культового комплекса (раскоп 7).

Сосредоточение усилий на раскопках Алтын-Депе — закономерное и естественное звено в процессе археологического изучения Туркменской ССР. В 1955—1963 гг. здесь был проведен цикл работ на раннеземледельческих поселениях поры неолита и энеолита, в том числ на памятниках, ставших эталонными в отечественной и зарубежной археологии, таких как Джайтун, Кара-Депе и Геоксюр. Соответствующие материалы полностью опубликованы [Массон, 1962а, 1964б, 1971б; Хлопин, 1963, 1964, 1969; Сарианиди, 1965]. В результате в этой области был совершен подлинный рывок, на фоне которого ярко выступило отставание изучения памятников бронзового века, проводившегося эпизодически и далеко не всегда на должном методическом уровне.

В силу указанных соображений работы ЮТАКЭ в сфере первобытной археологии были переориентированы на памятники бронзового века. В 1964 г. проведены раскопки на Намазга-Депе, а с 1965 г. началось планомерное изучение Алтын-Депе. Сам памятник к этому времени был уже известен в литературе, и на нем проводились некоторые раскопки. Впервые он был обследован специалистами в 1929 г. в ходе работ Хаверанской экспедиции, возглавлявшейся А. А. Семеновым [1946]. Затем Алтын-Депе неоднократно посещалось рядом ученых, хотя в большинстве своем результаты обследований не получили отражения в печати.

Участники ЮТАКЭ рано обратили внимание на Алтын-Депе — оно было обследовано в 1949 г. XII отрядом. И тогда же отмечено, что по облику материала верхние слои городища хронологически близки верхним наслоениям Намазга-Депе. В 1952 г. в процессе широкомасштабных работ по изучению древнеземледельческих поселений Южного Туркменистана Б. А. Куфтин, возглавивший XIV отряд ЮТАКЭ, осмотрел Алтын-Депе и собрал там яркий подъемный материал, в том числе коллекцию терракот [1954; 1956, с. 263]. Затем в 1953 г. А. Ф. Ганялин заложил на городище два небольших шурфа, углубленных до 3.5 м и давших представление о характере археологического материала, содержавшегося в верхних слоях [1959].

В 1959—1962 гг. раскопки были продолжены, причем в них помимо А. Ф. Ганялина принимали участие А. А. Марущенко, Д. Д. Дурдыев, Е. Атагаррыев и О. К. Бердыев [Бердыев, 1971, с. 12—13]. Обнаружены остатки мощной стены из сырцового кирпича, произведено вскрытие группы строений верхнего слоя, где встречены интересные материалы, в частности два замурованных в стену клада с импортными вещами. К сожалению, полевая документация велась не на должном уровне, а объективность изучения археологических комплексов порой подменялась стремлением доказать то или иное априорное соображение. После начала работ ЮТАКЭ на Алтын-Депе нами были предприняты усилия по изданию информации о них [см.: Ганялин, 1967].

Как бы то ни было, не оставалось сомнения, что Алтын-Депе — крупный центр, содержащий неперекрытые напластования развитого бронзового века (или Намазга V — по разработанной в Южном Туркменистане шкале относительной хронологии). Второй такой крупнейший центр — Намазга-Депе, хотя и превосходил Алтын-Депе по площади, уступал ему степенью сохранности верхних слоев, нарушенных на большей части городища поздним кладбищем. Это и определило выбор Алтын-Депе в качестве объекта для постоянных, многолетних изысканий. Организация работ была направлена в первую очередь на изучение структуры памятника в пору Намазга V, а также на исследование генезиса археологического комплекса.

В течение первых двух сезонов раскопки велись с целью нащупывания узловых объектов, детально исследовался микрорельеф памятника, по топографии и другим признакам воссоздавалась его внутренняя структура. Площадь городища Алтын-Депе, по уточненным данным, 26 га; возвышается оно над окружающей поверхностью на 17—22 м. Вместе с тем, как показала шурфовка, культурные слои здесь углублены по крайней мере на 8 м и максимальная их толщина составляет не менее 30 м. В целом руины Алтын-Депе образуют компактный массив, близкий в плане к овалу. Склоны его прорезаны довольно глубокими лощинами, частично образованными еще в древности, а затем значительно разработанными талыми водами (рис. 1).

Анализ микрорельефа городища, наблюдения за характером растительности и степенью концентрации подъемного материала позволили подойти к изучению его микроструктуры, причем предварительные определения, как правило, подтверждались в ходе последующих раскопок. На юге памятника широкая лощина определяет место былого въезда, и именно здесь были раскопаны мощные предвратные сооружения. Всхолмления, с двух сторон ограничивающие лощину, по характерным находкам получили наименования «холм меди» — на востоке и «холм ступок» («холм зернотерок») — на западе. Сама лощина имеет обширное понижение, условно названное центральной площадью. Это понижение заполнено глинистыми отложениями и в сезоны обильных осадков густо покрывается растительностью. Неглубокий овраг, проходящий по центру понижения и обнажающий слои на глубину до 1 м, позволяет говорить об отсутствии на этом уровне каких-либо культурных слоев. Разница в высоте с окружающими всхолмлениями, где располагались древние дома, планировка которых четко проступает после обильных дождей, достигает 5 м. Наиболее значительное всхолмление Алтын-Депе находится в восточной части памятника и носит название «холм вышки». Судя по всему, именно в данном месте сосредоточены самые ранние культурные наслоения и эта традиционная преемственность обусловила важность участка в эпоху бронзы, когда здесь располагался «квартал знати» и по соседству с ним — культовый комплекс. Большую часть Алтын-Депе занимает западный участок — «массив жилых кварталов». Два невысоких всхолмления, расположенных около «холма вышки», получили названия по строениям, открытым в ходе археологических работ: юго-западное — «холм погребальных камер»; северное — четко обособленный в рельефе «холм стены». На восточном фасе последнего были открыты массивные стены из сырцового кирпича, подчеркивающие, как подтвердили дальнейшие раскопки, специфическую функцию этого участка древнего памятника.

Непосредственно к северу и западу от «холма стены» находится значительное понижение — «малая площадь»; она отделяет от основного массива поселения его северную часть. Здесь почти на 2.5 га в изобилии встречаются бракованные фрагменты керамики, шлаки и остатки гончарных печей, отмеченные на поверхности овальными пятнами обгоревшей земли. Отдельные горны найдены и в других местах Алтын-Депе, но именно этот участок является местом их преимущественного сосредоточения. Здесь в период дождей было открыто до 60 древних горнов; в ходе раскопок их число возрастает, обнаруживаются новые гончарные печи, не имевшие на уровне дневной поверхности специфических признаков. Указанный участок получил название «холм ремесленников» (последующие раскопки подтвердили его точность). Исследования Алтын-Депе проводились с учетом данных о внутренней топографии поселения, а новые наблюдения каждый год вносили в общую характеристику дополнения и уточнения.

В 1965 г. основные усилия были направлены на исследование мощных сырцовых стен, вскрытых на «холме стены» в предшествующие годы, причем удалось установить сложную картину их перестроек. На раскопе 1 изучалась стратиграфия напластований, были намечены три строительных горизонта времени Намазга V (Алтын 1—3) и один — позднего Намазга IV (Алтын 4). На раскопе 2 исследовались строения верхнего культурного слоя, а на раскопах 3 и 4 — погребальные камеры [Сарианиди, 1966]. В 1966 г. работы на стратиграфическом раскопе были продолжены, в центре городища заложен шурф, установивший мощность наслоений поры Намазга V (5 м). На раскопе 5 началось вскрытие в широких масштабах участка на уровне верхнего строительного горизонта, сразу же давшее яркие вещевые находки [Массон, 1967в], а на раскопе 6 (северная окраина городища) изучались погребальные камеры [Сарианиди, 1967]. Материалы первых двух

Рис. 1. План поселения Алтын-Депе. Съемка А. А. Ляпина.

сезонов позволили говорить о существовании на юге Средней Азии в эпоху бронзы своеобразной протогородской цивилизации. Одновременно намечались также перспективы и задачи исследования памятника: изучение хозяйства, идеологических представлений, общественных отношений; разрешение проблем хронологии, зарождения письменности и места культуры Алтын-Депе в системе древневосточных цивилизаций [Массон, 1967г]. В дальнейшем эти задачи были уточнены, а также поставлены новые, и прежде всего обоснованное выделение археологических комплексов как устойчивого набора типов археологических артефактов и развитие культуры

начиная с древнейших слоев. Соответственно изучалась динамика поселения, постепенно формировавшегося как крупный населенный центр со сложной внутренней структурой.

Для изучения характера южнотуркменистанского общества поры развитой бронзы особенно важны работы 1967—1969 гг., когда был открыт и детально исследован монументальный культовый комплекс (раскоп 7). Одновременно продолжалось вскрытие строений на раскопе 5, где наметилась жилая застройка вдоль уличных магистралей. Принципиальное значение имело открытие в 1969 г. по микрорельефу прямоугольного дома специфической планировки, получившего название «дом вождя» (раскоп 9), а также изучение южного въезда на Алтын-Депе, где было обнаружено основание массивного башнеобразного сооружения (раскоп 8). Все это позволило предложить новый уровень обобщения и поставить вопрос о существовании в эпоху бронзы в обширном регионе между Шумером и Индостаном целой зоны раннегородских цивилизаций, одной из которых и являлась цивилизация Алтын-Депе [Массон, 1970е].

В 1970—1971 гг. работы велись параллельно в двух направлениях: широкомасштабное вскрытие специфических подразделений древнего города — «холма ремесленников» (раскоп 10) и «квартала знати», занимающего бóльшую часть «холма вышки» (раскоп 9), — и вместе с тем детальное изучение всей 30-метровой толщи культурных напластований Алтын-Депе. Этому способствовало и некоторое расширение масштаба работ, которые раньше велись в основном силами 12—15 человек. Увеличение размаха исследований стало возможно благодаря некоторому возрастанию ассигнований и привлечению техники для отбуксировки отработанных отвалов земли. После решения Президиума АН ТССР о развитии археологических работ в республике (декабрь 1969 г.) в распоряжение археологов был выделен бульдозер типа «Беларусь» с экскаваторным ковшом. Наряду с широким вскрытием на раскопах 9 и 10 древней застройки в 1970—1971 гг. производились более ограниченные работы на раскопах 5, где строения горизонта к краям холма постепенно выклинились, и 8, где к востоку от центрального въезда был расчищен ряд небольших построек. Одновременно на восточном фасе холма изучалось обрамление внешних границ поселения и была открыта неоднократно перестраивавшаяся обводная стена, фланкированная башнями (раскоп 11). Наличие техники позволило продолжить исследование культового комплекса и на раскопе 7. Там были убраны строения верхнего строительного горизонта и во втором горизонте вскрыт отдельно стоящий дом подквадратной планировки. Исследование стратиграфии городища осуществлялось в двух точках: на восточном фасе «холма ремесленников» стратиграфический раскоп 1 был продолжен в виде стратиграфической траншеи шириной 4 м, а в лощине около раскопа 11 заложен шурф глубиной 14 м, достигший материка.

Возрастание масштабов работ способствовало новым открытиям. В 1972 г. при раскопках культового комплекса на уровне третьего строительного горизонта была открыта жреческая гробница с богатыми подношениями, в том числе золотыми головами быка и волка [Массон, 1974б]. Одновременно велось вскрытие строений верхнего горизонта на раскопах 8—10. После 1972 г. произошло возрастание ассигнований на раскопки и по линии ЛОИА АН СССР, что позволило развернуть в Алтын-Депе лагерь на 50—60 человек.

В 1973—1978 гг. проводились широкие исследования, превратившие Алтын-Депе в наиболее изученный памятник бронзового века Средней Азии и прилегающих областей. Прежде всего продолжалось крупномасштабное вскрытие строений верхнего строительного горизонта: докапывался раскоп 7, большие работы проводились на раскопе 9 и начато вскрытие участка городской застройки на раскопе 13, заложенном неподалеку от восточной окраины центральной площади Алтын-Депе. Резкая разница в характере застройки и богатстве гробниц ярко характеризовала сословно-престижное членение городской территории. Сенсационной явилась находка в 1975 г. в «квартале знати» (раскоп 9) печати с надписью харапского типа [Массон, 1977д]. Другое важное открытие — обнаружение монументального въезда в город, существовавшего в пору позднего Намазга IV и раннего Намазга V (раскоп 8).

Вторым направлением работ явилось изучение генезиса культуры, представленной верхними наслоениями городища. С этой целью на раскопе 5 были убраны остатки строений и начато послойное углубление на площади 500 м². Постройки второго и третьего горизонтов оказались принадлежащими ко времени Намазга V, тогда как постройки четвертого—шестого — ко времени Намазга IV. При этом существенно, что материалы рисуют постепенное развитие главных элементов культуры Алтын-Депе поры развитой бронзы на местной основе.

Такова краткая хроника раскопочных работ, проводившихся на Алтын-Депе и объединивших многих исследователей. В первые годы активными участниками были И. Н. Хлопин, В. И. Сарианиди, А. Я. Щетенко. Несколько лет руководил работами на отдельных раскопах А. Ф. Ганялин. Постоянно действующая экспедиция стала базой подготовки кадров, своего рода учебно-методическим центром, в поле регулярно проводились научные заседания и занятия с участвую-

щими в раскопках студентами Ленинградского и Ашхабадского университетов. В результате сформировался кадровый костяк экспедиции. Многие сотрудники начинали свои работы на Алтын-Депе как студенты и продолжали их будучи стажерами, аспирантами, а позже и научными сотрудниками. К числу таких принадлежат В. А. Алекшин, Ю. Е. Березкин, В. А. Завьялов, Л. Б. Кирчо, Г. Н. Курочкин, К. Курбансахатов, Н. Н. Скакун. Много трудились на раскопках Алтын-Депе С. Б. Гультов, Н. А. Лазаревская, В. И. Кнышев, В. И. Осипов. Молодые сотрудники писали по материалам Алтын-Депе курсовые и дипломные работы, публиковали статьи [Курочкин, 1970; Кнышев, 1971; Кирчо, 1972, 1976, 1979; Скакун, 1972, 1977а; Алекшин, 1973; Завьялов, 1974, 1977; Курбансахатов, 1976]. Материалы Алтын-Депе были широко использованы в кандидатских диссертациях И. С. Масимова [1973а], В. А. Алекшина [1977], Л. Б. Кирчо [1980]. На Алтын-Депе осваивали методику полевых исследований аспиранты В. А. Софронов, Э. Кадыров, К. Сабиров, С. Хамракулиев, стажер, а затем аспирант О. Лолекова, стажер Е. Смагулов; для изучения опыта работ на крупном памятнике приезжали кандидаты наук И. Г. Нариманов (АН АзССР), Н. М. Шмаглий (АН УССР) и В. Н. Станко (Одесский университет). Работы на Алтын-Депе удалось осуществить в столь значительном объеме благодаря самоотверженному труду сотрудников различных учреждений и предприятий Ленинграда и Николаева, с энтузиазмом проводивших свои отпуска на раскопках древнего города. Функционированию лагеря в пустынной и безводной степи в немалой степени способствовала работа водителей автобазы АН ТССР А. Мамедова, Е. Челетенова и автобазы АН СССР Л. Фахретдинова, А. Г. Зайцева, Н. М. Ахметзянова и др. Автор обращается со словами благодарности ко всем сотрудникам, делившим радости открытий и невзгоды полевого бытия на городище Алтын-Депе.

Состав участников экспедиции определялся требованиями комплексного подхода к материалам, получаемым в ходе раскопок, применением к его анализу различных методов смежных дисциплин. Так, палеогеоморфологическое обследование района было осуществлено Г. Н. Лисицыной [1968, 1978], антропологические коллекции изучались как в поле, так и в лабораторных условиях Т. П. Кияткиной [1977а, 1977б; Массон, Кияткина, 1976], палеозоологические — Н. М. Ермоловой [1970, 1972, 1976, 1977, 1979]. Г. Ф. Коробкова возглавила специальную группу, проводившую экспериментально-трасологическое изучение орудий труда [1974, 1977]. Технология металлообработки была детально проанализирована Н. Н. Тереховой [1976], а технология керамического производства — Э. В. Сайко [1972, 1977, 1978]. Большую работу по исследованию древних горнов и очагов с целью установления палеомагнитных явлений провел Г. Ф. Загний. Усилия коллектива, занятого всесторонним изучением материалов Алтын-Депе, частично уже нашли отражение в печати. Помимо работ руководителя экспедиции другими сотрудниками опубликовано около 50 статей и научных сообщений. Дальнейшая публикация предусматривается в виде развернутых работ, объединяемых в тематические сборники. Настоящая же книга должна дать в первую очередь общую характеристику замечательного памятника среднеазиатской археологии.

Глава первая

АЛТЫН-ДЕПЕ В ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ

Поселение Алтын-Депе расположено на подгорной равнине, примыкающей к невысоким юго-восточным отрогам Копетдага, неподалеку от русла довольно крупной горной речки Акмазар, или Меана-Чай. Юго-восточнее протекает вторая подобная речка — Чаача-Чай. Обе в период паводков сильно разливаются. Сравнительно хорошая водообеспеченность района привела к тому, что он уже в довольно ранний период был освоен оседлоземледельческими племенами. Здесь открыты джейтунские поселения VI тыс. до н. э.: Чагыллы-Депе [Бердыев, 1964, 1966], Монджуклы-Депе [Бердыев, 1966, с. 29—30; Коробкова, 1969, с. 54—57] и Гадыми-Депе [Коробкова, Воловик, 1972; Лоллекова, 1978; 1979, с. 5—6]. Материалы Гадыми-Депе и нижних слоев Чагаллы-Депе относятся к среднему этапу джейтунской культуры; комплекс же Монджуклы-Депе, по заключению Г. Ф. Коробковой, имеет отчетливые черты раннеджейтунской кремневой индустрии [1969, с. 58]. Расселявшиеся по подгорной равнине джейтунские племена, видимо, очень рано осваивают бассейн Меаны—Чаачи, где на среднем этапе, судя по результатам раскопок Гадыми-Депе, складывается локальный вариант джейтунской культуры, отличающийся специфическими местными признаками.

Поселение Монджуклы-Депе расположено южнее Алтын-Депе, в 1.5 км от него. Не исключено, что где-то в недрах этого археологического гиганта таятся наслоения джейтунской культуры, но пока в шурфах и разрезах выявлены лишь энеолитические материалы. Они получены главным образом в результате стратиграфических работ, но тем не менее позволяют в общих чертах наметить ранние этапы истории поселения. Суммирование всех данных позволяет составить достаточно полную стратиграфическую колонку Алтын-Депе, хорошо документированную разрезами и профилями. Последнее особенно важно, поскольку, например, эталонные шурфы Намазга-Депе, послужившие основанием для новой периодизации анауской культуры, такой документации не имеют. По существу в распоряжении исследователей там имеются собственно-археологические артефакты, взятые по различным глубинным отметкам без связи с культурными слоями и строительными остатками.

Остановимся теперь на общей характеристике основных шурфов и разрезов Алтын-Депе. Весьма значительный материал, характеризующий энеолитические наслоения, был получен из раскопа 1, заложенного на восточной окраине «холма ремесленников». Здесь в 1965—1966 гг. вскрыты три строительных горизонта времени Намазга V, названных соответственно Алтын 1—3. Тогда же был выявлен горизонт Алтын 4, содержащий расписную керамику типа, который был свойствен позднему Намазга IV. В 1970 г. работы по изучению стратиграфии на этом раскопе были продолжены и в траншее шириной 4 м, спущенной по склону, пройдены культурные слои до подстилающего их материка с выделением горизонтов Алтын 5—15 (рис. 2). В 1974 г. эта траншея была расширена на уровне горизонтов Алтын 9 и 10 с целью получения материалов, характеризующих позднеэнеолитические комплексы поселения. Стратиграфические раскопки на Алтын-Депе велись по строительным горизонтам, а при их отсутствии — по условным ярусам, равным 50 см.

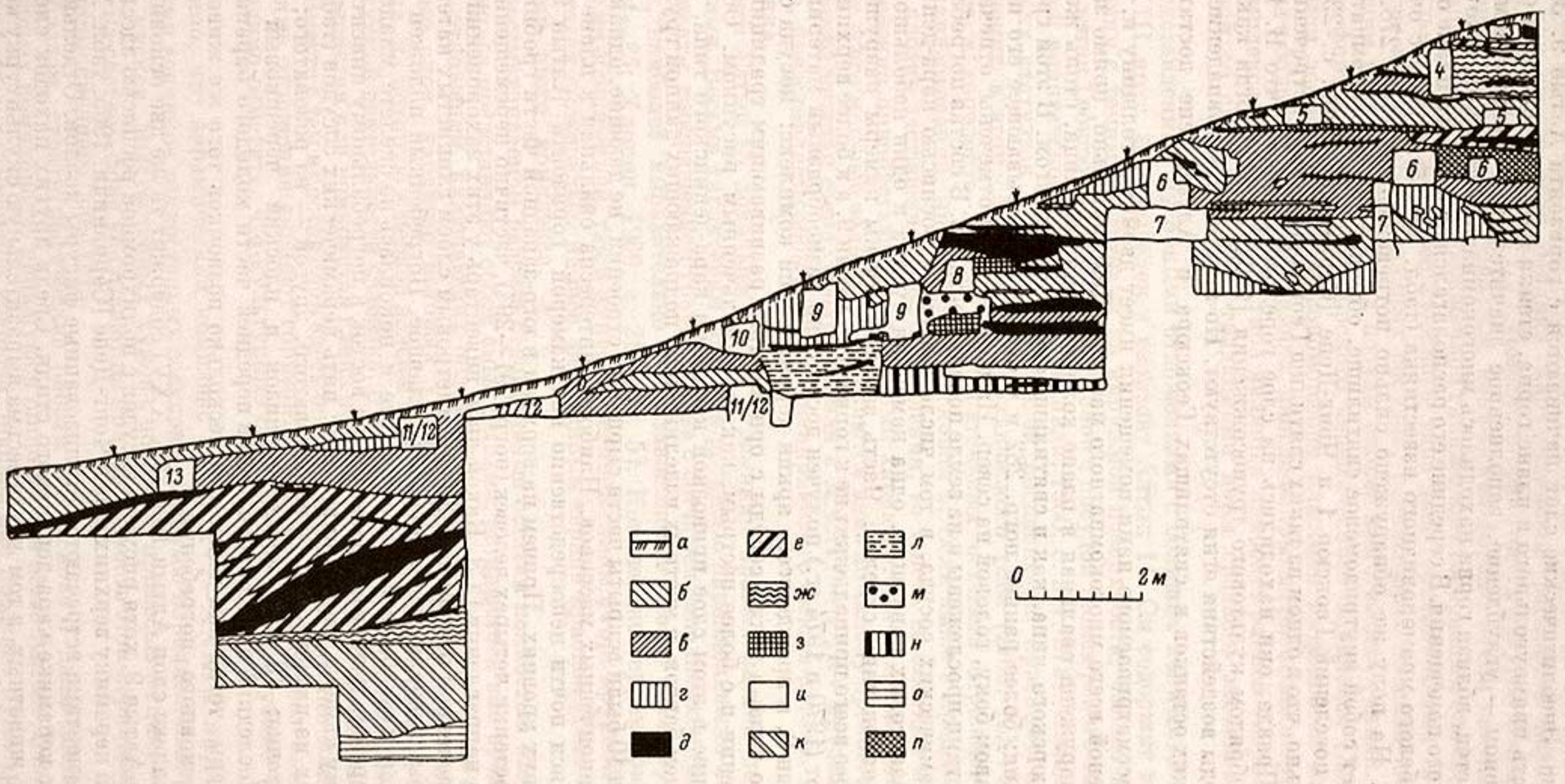

Рис. 2. Стратиграфическая траншея раскопа 1. Профиль южной стены.

а — поверхностные наточные слои; *б* — рыхлые слои с кусками сырца; *в* — плотный завал сырца; *г* — мусорные слои с кусками сырца; *д* — зольные слои; *е* — мусорные слои с зеленоватыми прослойками; *ж* — наточные слои с зеленоватыми прослойками; *з* — ошлакованные кирпичи; *и* — сырцовые стены в разрезе; *к* — слоистая и комковатая глина; *л* — рыхлые слои коричневого цвета; *м* — ошлакованная обмазка керамического горна; *н* — глинобитная забутовка; *о* — материковая глина; *п* — горизонтальная глинобитная прослойка. *Цифры* — номера горизонтов Алтын 4—13.

Расположение раскопа 1 на краю поселения обусловило лишь частичную сохранность вскрываемых строений: одна из стен раскапываемых комнат, внешняя по отношению ко всему поселению, обычно разрушена. Энеолитические слои начинаются с горизонта Алтын 9. Здесь в обрезе траншеи выявилась часть прямоугольного в плане горна, стенки которого покрыты ошлакованной обмазкой; рядом с горном — углубление, заполненное значительным количеством галек. Судя по вскрытым остаткам стен, вблизи горна находилось многокомнатное строение, в котором удалось вскрыть часть небольшого помещения. В середине его располагался овальный в плане очаг, а в нем,— сосуд, выточенный из белого мраморовидного известняка (табл. VII, *5*). Рядом с очагом на полу лежал рог животного. На полу же обнаружено сильно потревоженное погр. 278. Видимо, это помещение представляет собой внутридомовое святилище, обычное для многокомнатных массивов позднеэнеолитических поселений Геоксюр 1 и Чонг-Депе [Сарианиди, 1960, с. 231—235; 1965, с. 10—14]. Примечательно, что в одном из таких святилищ Геоксюра на полу встречены нарушенные костяки трех человек. Правда, они находились на слое горелого хвороста, что В. И. Сарианиди склонен связывать с обрядом культового трупосожжения [1962, с. 51], тогда как в святилище горизонта Алтын 9 следы воздействия огня отсутствуют. Но вместе с тем совпадение самого факта нахождения человеческих останков в святилищах Геоксюра и Алтын-Депе достаточно показательно.

Западная стена рассматриваемого нами помещения имеет двойную толщину и, по-видимому, являлась наружной стеной всего многокомнатного массива. Действительно, прямо за ней на незастроенном участке обнаружена овальная в плане коллективная гробница, столь же характерная для памятников геоксюрского типа, как и святилище с овальным очагом. В этой гробнице располагались два погребения: более раннее погр. 282 и частично перекрывающее его погр. 281. Оба костяка лежали на правом боку, головой на север. На полу камеры отмечены отпечатки циновки; такие же отпечатки местами прослежены и на земле поверх костяков. В состав погребального инвентаря входили два керамических сосуда, в том числе плошка с росписью кара-депинского стиля (табл. IV, *6*), два терракотовых навершия, одна каменная бусина и один небольшой медный треугольник (возможно, наконечник стрелы). Часть западной стены камеры разрушена впускным погр. 283, которое скорее всего принадлежит не к горизонту Алтын 9, а к более верхним наслоениям.

За два сезона работ (1970 и 1974 гг.) получен достаточно разнообразный материал, характеризующий горизонт Алтын 9, и прежде всего яркий керамический комплекс: посуда с полихромной росписью геоксюрского типа, а также сосуды с орнаментом, развивающим традиции этого стиля, в одноцветном исполнении и с более пестрым, как бы измельченным рисунком. Особый интерес представляет нахождение в этом слое привозной керамики кара-депинского типа, включая один фрагмент с изображением барсов, и местных изделий, явно подражающих данной группе расписной посуды.

В горизонте Алтын 10 были вскрыты части сырцовых строений, не дающие, однако, четкой планировки каких-либо законченных массивов. Наиболее интересна овальная в плане погребальная камера, располагавшаяся почти непосредственно под камерой горизонта Алтын 9. Погребения в ней находились на двух уровнях. Причем на верхнем в юго-западной части гробницы встречены компактно лежавшие останки четырех человек (погр. 291—294), частично перемещенные и ориентированные в основном в направлении ССЗ. Какой-либо инвентарь у этих захоронений отсутствовал. На нижнем уровне, отделенном от верхнего 20-сантиметровым слоем глинистых натеков, непосредственно на полу камеры, располагалось погр. 296, главное. Погребенный положен на левый бок, головой на север; левая рука была согнута в локте и покоилась на скелете младенца, который находился перед его черепом, а правая протянута на восток к погребальному инвентарю, занимавшему восточную сторону камеры. Состав инвентаря: пять керамических сосудов (табл. IV, *3*, *4*, *7*); два сосуда, выточенных из камня (один — из беловатого, другой — из розоватого; табл. VII, *6*); медная булавка-лопаточка; 10 бирюзовых пронизок и плоский черешковый медный нож (табл. XXVII, *7*, *10*). Последний лежал среди костей передней части молодого барана, помещенной у восточной стены камеры, тогда как челюсть и несколько позвонков того же животного находились перед черепом основного погребения.

Керамический комплекс слоя Алтын 10 (табл. XXV) содержит те же две основные группы керамики, что и горизонт Алтын 9, хотя рисунок сосудов с полихромной росписью здесь более укрупненный, напоминающий керамику верхних слоев Чонг-Депе [Сарианиди, 1965, табл. XIII]. Наряду с геометрическими орнаментами встречаются стилизованные фигуры козлов. Отдельные фрагменты по рисунку подражают керамике кара-депинского стиля. Среди других находок следует отметить терракотовые фигурки животных, в том числе весьма выразительную скульптурку козла, изящные статуэтки сидящих женщин и фрагмент терракотовой коробочки, покрытой снаружи углубленным геометрическим орнаментом.

Следующий горизонт — Алтын 11/12 — содержит строительные остатки, не дающие четкой планировки. Расписная керамика здесь выдержана в хороших традициях геоксюрского стиля (рис. 3). Правда, фрагмент сосуда шаровидной формы с дробной сетчатой росписью может рассматриваться как своего рода реплика кара-депинской расписной керамики [Массон, 1960б, табл. XXV, *18*; XXXIV, *4*; XXXVI, *7*]. Помимо терракотовых фигурок женщин и различных животных обнаружены терракотовые пряслица конической формы, куски каменных сосудов и плоская пуговицеобразная поделка из необожженной глины с крестообразным орнаментом на одной стороне.

Выразительную керамику геоксюрского типа дает горизонт Алтын 13, где вместе с тем имеются фрагменты красноангобированных сосудов, расписанных красной же краской, с неясным, как бы потекшим рисунком. Этот вид посуды скорее всего весьма ранний, характеризующий начальные этапы формирования геоксюрского керамического комплекса [Хлопин, 1964, с. 35, 36, 122, 123]. Среди зооморфной и антропоморфной пластики выделяются массивные женские фигурки из глины с большой примесью самана, иногда покрытые расписными узорами. Данная группа терракот в комплексах геоксюрского типа является наиболее ранней [Сарианиди, 1965, с. 32. 33], тесно связанной со скульптурными традициями поры среднего энеолита [Массон, Сарианиди, 1973, с. 16].

Слой, представленный мусорными отложениями с большим количеством зольников и охватывающий XXXIII ярус, был выделен в горизонт Алтын 14. Он содержит нерасписную красноло-
щеную керамику с темными пятнами на наружной поверхности, близко напоминающую посуду слоя 3 на поселении Геоксюр 1, отделяющего слои с посудой геоксюрского типа от нижних горизонтов с керамикой яланrачского облика [Сарианиди, 1960, с. 271, 272]. Находка нижних частей массивных женских статуэток с темно-коричневой росписью по красному ангобу свидетельствует о распространении в этом слое терракот архаического типа (табл. XXVI, *7*).

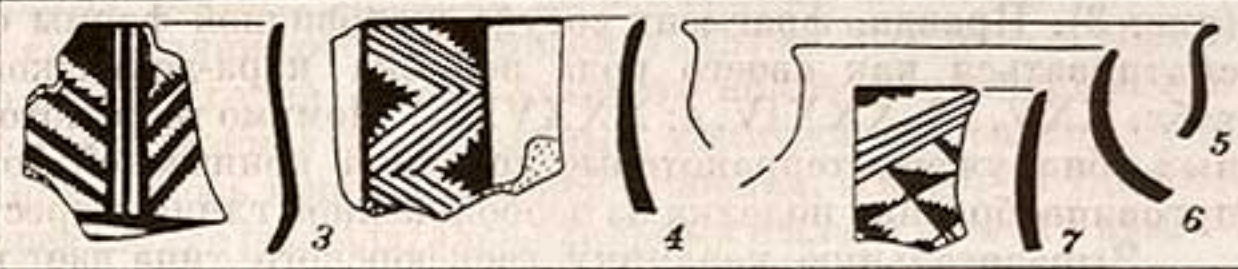
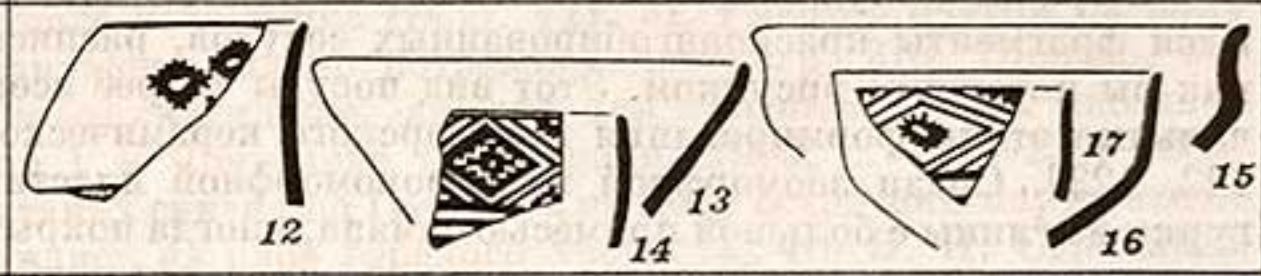
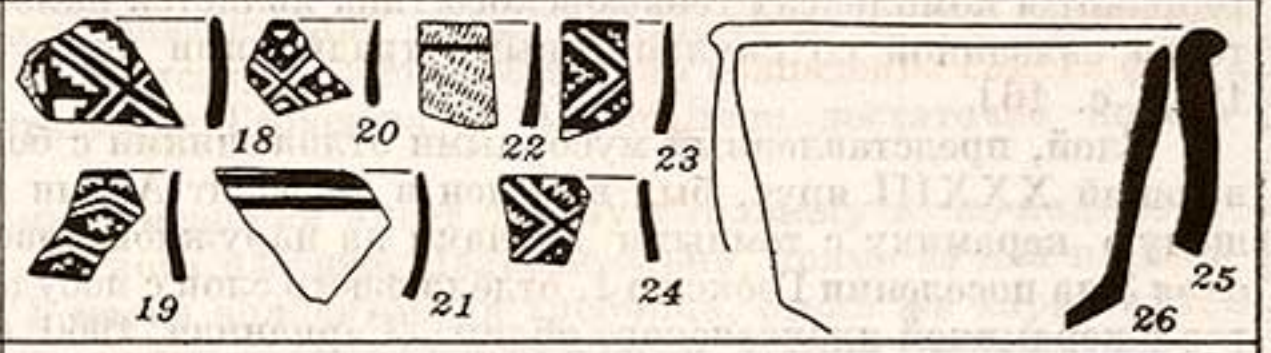
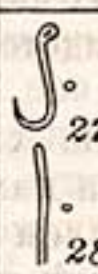
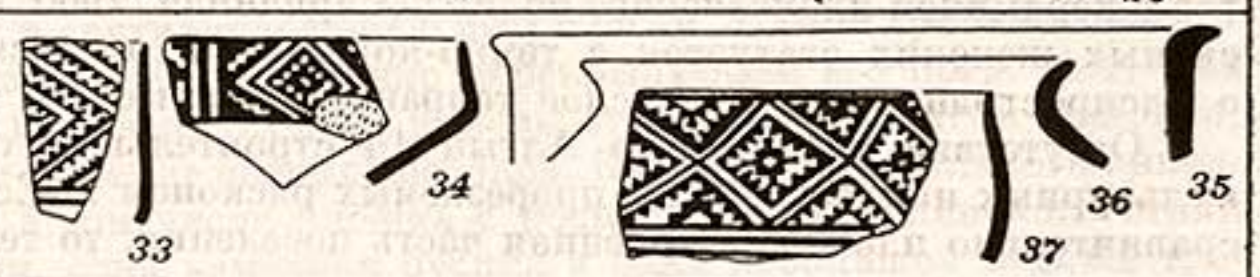
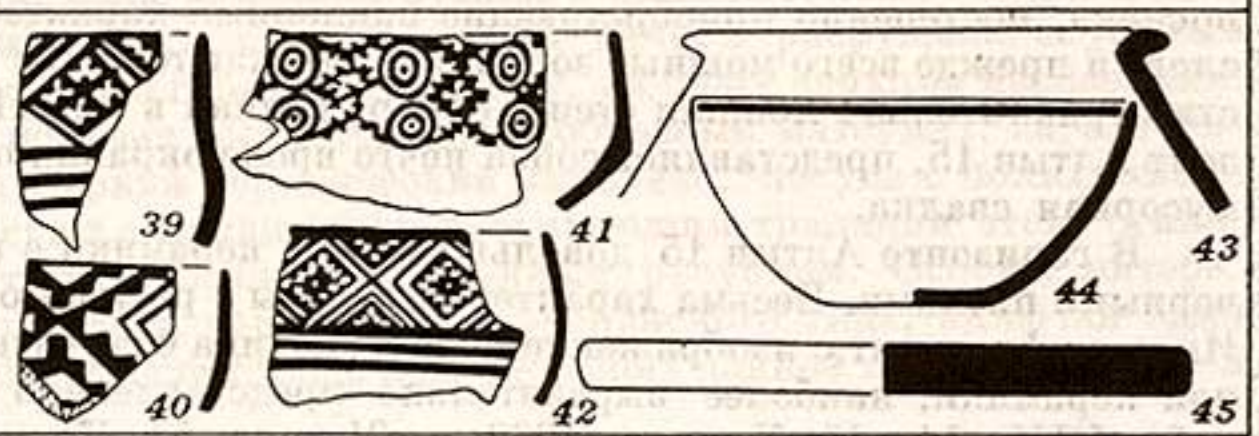
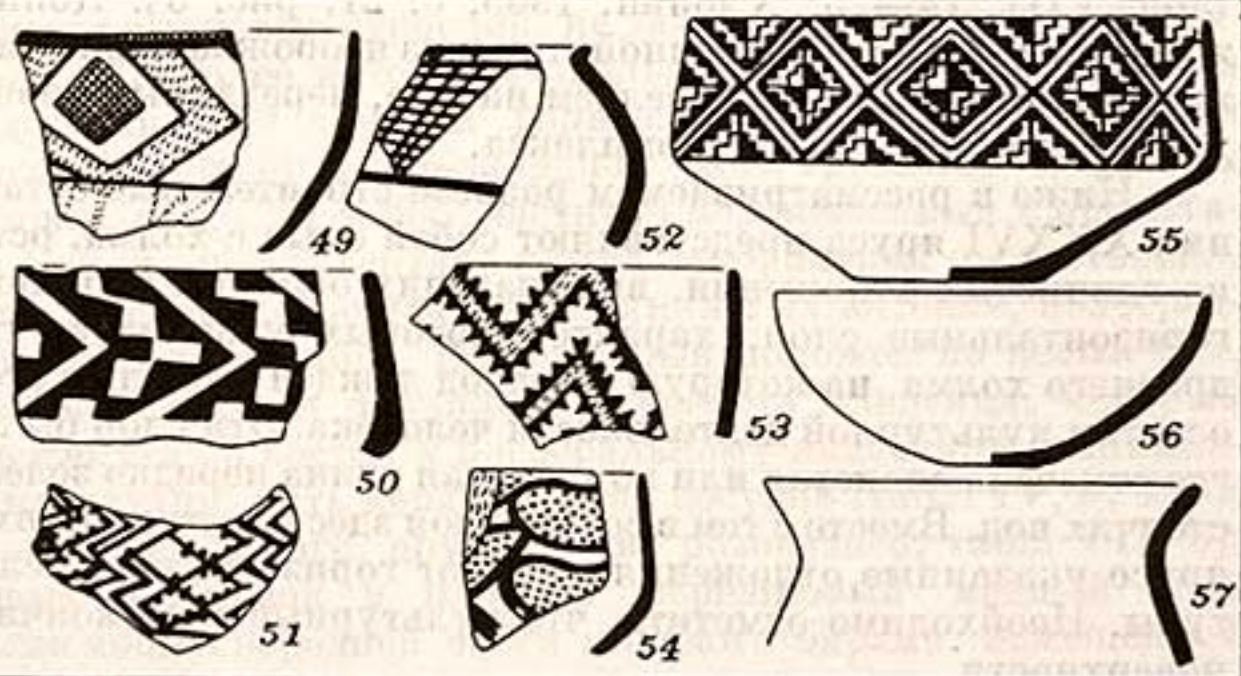
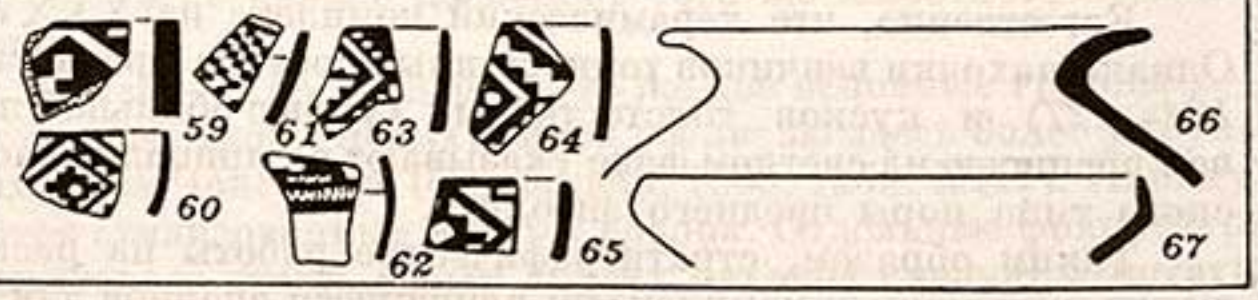
Отсутствие в горизонте Алтын 14 строительных остатков отражает изменение характера культурных напластований, прорезаемых раскопом 1. Если выше в пределах раскопа находилась сравнительно плотно застроенная часть поселения, то теперь ее сменяют мусорные слои окраины поселка, постепенно приобретающие наклонный характер. На разрезе ясно видно, как мусорные слои, и прежде всего мощные зольники, спускаются вниз по склону древнего края холма. По существу сравнительно мощная стена, обнаруженная в XXXIV—XXXV ярусах и выделенная в горизонт Алтын 15, представляет собой нечто вроде окраинного забора-дувала, за которым начиналась мусорная свалка.

В горизонте Алтын 15 довольно много керамики с краснолощеной поверхностью, покрытой черными пятнами. Весьма характерны сосуды с росписью параллельными линиями вдоль венчика. Имеется фрагмент с изображением треугольника с сетчатым заполнением (рис. 3, *102*) типа расписной керамики, наиболее выразительно представленной в слое 5 Геоксюра 1 [Сарианиди, 1965, табл. VIII, *14—25*; Хлопин, 1969, с. 21, рис. 5]. Конические терракотовые пряслица, фигурки животных как из обожженной, так и из необожженной глины и торс крупной светлоангобированной женской статуэтки с ожерельем на шее, переданным черной краской (табл. XXVI, *15*), дополняют характеристику этого комплекса.

Ниже в рассматриваемом разрезе строительные остатки полностью отсутствуют. Так, наслоения XXXVI яруса представляют собой смыв с холма, оставшегося вне пределов шурфа, и состоят из глинистых отложений, включающих обломки керамики, угли и куски сырца. Ниже следуют горизонтальные слои, характер которых указывает, что перед нами горизонтальная подошва древнего холма, на которую в период дождей стекали с его склонов потоки, приносившие кое-какие остатки культурной деятельности человека. Эти слои были пройдены в XXXVII—XXXIX ярусах, где отмечена слоистая или комковатая глина нередко зеленоватого цвета, указывающего на наличие стоячих вод. Вместе с тем в состав слоя здесь постоянно входят черепки или кусочки углей. В XL ярусе указанные отложения сменяют горизонтальные слои глины без следов человеческой культуры. Необходимо отметить, что культурные слои кончились на глубине 4.5 м ниже современной поверхности.

Естественно, что керамический комплекс из XXXVI—XXXIX ярусов сравнительно беден. Однако находки венчиков тонкостенных сосудов с росписью параллельными линиями (рис. 3, *120*, *124—127*) и кусков толстостенных хумов с обильной примесью в глине самана и темно-коричневой росписью на светлом фоне указывают на принадлежность этой керамики к комплексам яланrачского типа поры среднего энеолита.

Таким образом, стратиграфические работы на раскопе 1 дали достаточно четкую колонку смены культурных комплексов, явившуюся опорной для всего Алтын-Депе. Вместе с тем шурф, заложенный в пределах разведочной траншеи, прошел вне пределов нуклеарной части древнего поселения. Однако даже тот фрагментарный материал, который был получен из нижних ярусов шурфа,

Горизонт	Металл	Камень	Терракота	Керамика
Алтын 4		 1	 2	 3 4 5 6 7
Алтын 5		 8	 9 10 11	 12 13 14 15 16 17
Алтын 6				 18 19 20 21 22 23 24 25 26
Алтын 7	 27 28		 29 30 31 32	 33 34 35 36 37
Алтын 8			 38	 39 40 41 42 43 44 45
Алтын 9		 46	 47 48	 49 50 51 52 53 54 55 56 57
Алтын 10			 58	 59 60 61 62 63 64 65 66 67

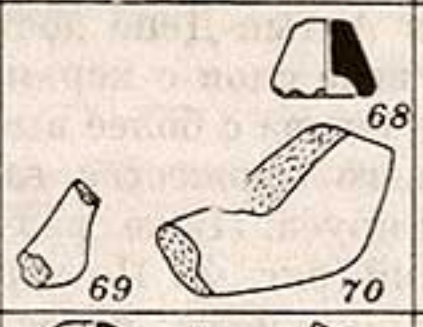
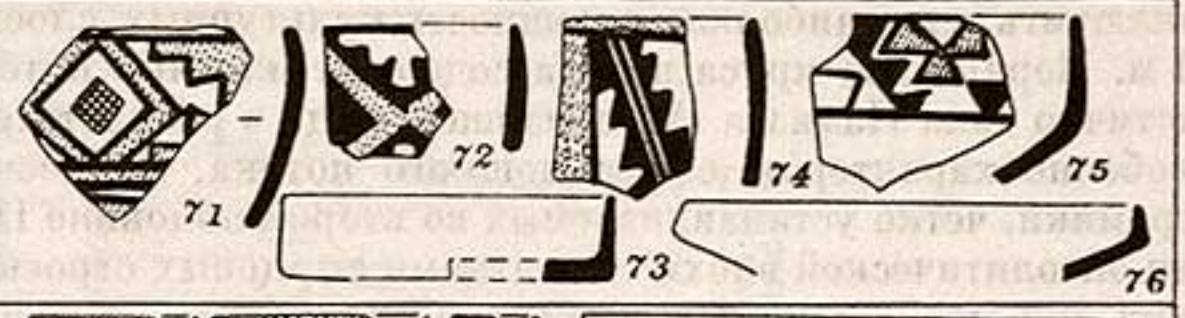
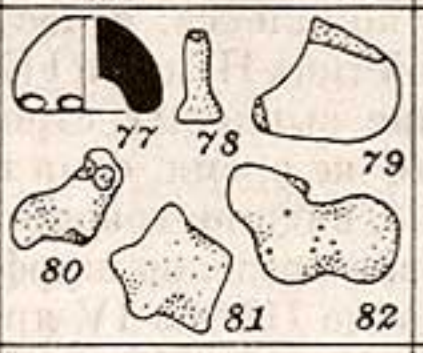
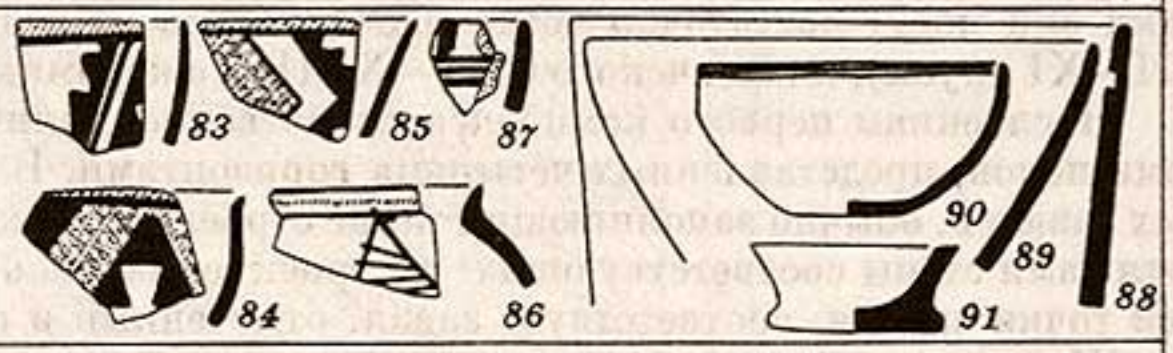
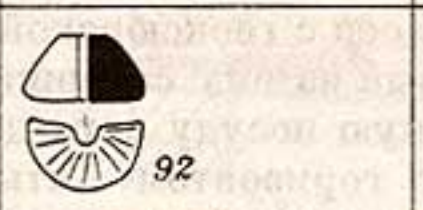
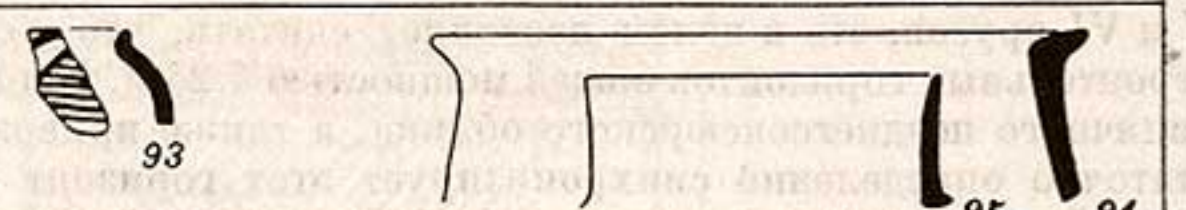
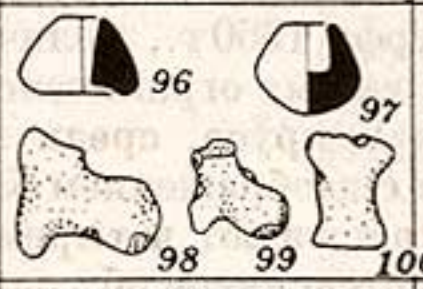
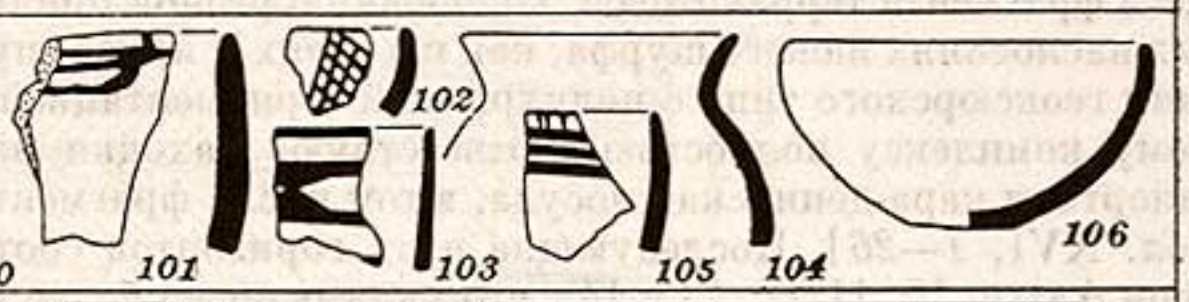
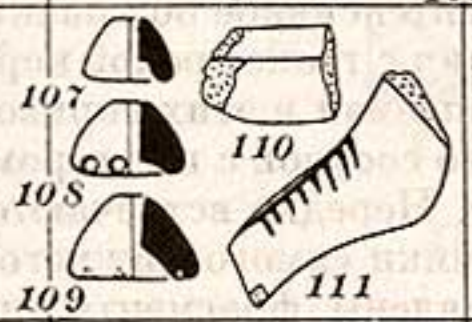
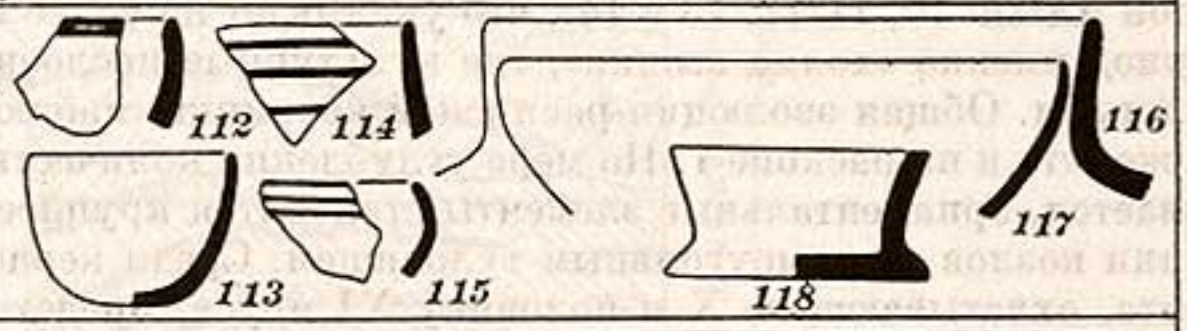
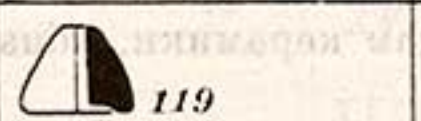
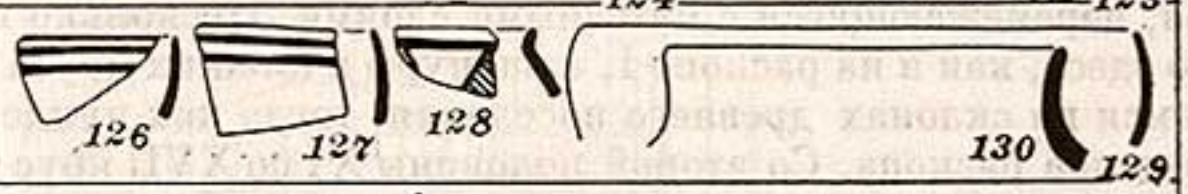
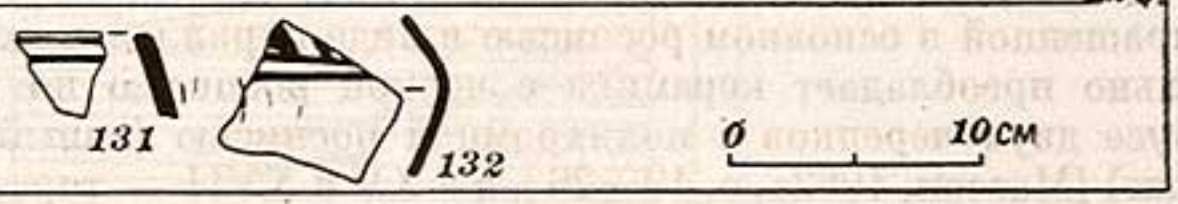
Горизонт	Металл	Камень	Терракота	Керамика
Алтын 11/12				
Алтын 13				
Алтын 14				
Алтын 15				
XXXVI ярус				
XXXVII ярус				
XXXVIII ярус				
XXXIX ярус				

Рис. 3. Стратиграфическая колонка по материалам раскопа 1.

Арабские цифры — номера находок.

позволял заключить, что, по всей вероятности, «холм ремесленников» не был обжит в сколько-нибудь значительных масштабах в период раннего энеолита, характеризуемого комплексами типа Намазга I. Эти ранние наслоения следовало искать в центральной части Алтын-Депе, где значительно большая высота всхолмлений позволяла предполагать наличие в нижних слоях культурных горизонтов, не представленных на более низком «холме ремесленников».

Работы на стратиграфическом шурфе раскопа 11, расположенном в лощине у южных склонов «холма вышки», полностью подтвердили высказанное предположение. Довольно глубокая лощина позволяла надеяться на вскрытие непосредственно энеолитических наслоений, минуя горизонты времени Намазга IV и V. Шурф в лощине был заложен еще в 1960 г., но тогда из-за сильных дождей смогли его углубить всего на 2.5 м [Сарианиди, 1965, с. 8, 27]. В 1971 г. он был заложен на новом

месте и доведен до материка, встреченного на глубине 13.5 м от начальной отметки шурфа, или на 8.5 м ниже окружающей равнины. Поскольку максимальная высота «холма вышки» 22 м, можно заключить, что наибольшая мощность культурных слоев Алтын-Депе достигает по крайней мере 30 м. Первые два яруса шурфа содержат плотные натечные слои с керамикой типа Намазга V и частично типа Намазга IV, попавшей сюда в результате смыва с более высоких частей поселения. Особенно характерны следы мощного потока, принесшего множество галек и крупных кусков керамики, четко устанавливаемых во второй половине II яруса. Ниже сразу же начинаются наслоения энеолитической эпохи с остатками сырцовых строений (рис. 4). По характеру расписной керамики они могут достаточно четко расчленяться на три комплекса: с посудой геоксюрского типа (III—XI ярусы), ялангачского (XII—XVII) и с керамикой типа Намазга I (XVIII—XXVIII ярусы).

Наслоениям первого комплекса свойственно наличие сырцовых строений с четкими промазками полов, представленных четырьмя горизонтами. В то же время, судя по характеру строительных завалов, обычно заполняющих такие строения, можно, видимо, говорить еще о двух горизонтах, хотя сами стены соответствующих построек оказались вне пределов шурфа. Одному из них, с нашей точки зрения, соответствует завал, отмеченный в конце III и в IV ярусе, а другому — завал V и VI ярусов, это в целом позволяет считать, что у слоев с геоксюрской керамикой было шесть строительных горизонтов общей мощностью 4.25 м. Первый из них содержит расписную керамику типичного позднегеоксюрского облика, а также привозную посуду кара-депинского типа, что достаточно определенно синхронизирует этот горизонт с горизонтом Алтын 9. Отметим находку здесь фрагмента терракотовой коробочки с резной орнаментацией на наружной стороне. В указанных наслоениях нашего шурфа, как и в слоях V яруса шурфа 1960 г., количество фрагментов керамики геоксюрского типа с полихромной орнаментацией весьма ограничено. Совершенно ясно, что этому комплексу полностью соответствуют находки из V яруса, среди которых также имеется импортная кара-депинская посуда, в том числе фрагмент с изображением барсов [Сарианиди, 1965, табл. XVI, *1—26*]. Последующие пять горизонтов соответствуют четырем горизонтам раскопа 1 (слои Алтын 10, 11/12, 13 и 14), что указывает на более интенсивное обживание в соответствующий период именно «холма вышки», где культурные наслоения с геоксюрской керамикой были и более мощными. Общая эволюция расписной керамики, наблюдаемая в этих горизонтах шурфа, в целом та же, что и на раскопе 1. По мере углубления количество сосудов с полихромной росписью увеличивается, орнаментальные элементы становятся крупнее. Нередко встречаются стилизованные рисунки козлов с прямоугольным туловищем. Среди керамики самого нижнего строительного горизонта, охватывающего X и половину XI яруса, представлены фрагменты красноангобированных чаш с как бы потекшим рисунком, аналогичные образцам керамики, обнаруженной на раскопе 1 в горизонте Алтын 13.

Ниже характер культурных наслоений резко меняется: какие-либо строительные остатки или завалы практически отсутствуют; их сменяют рыхлые мусорные слои с включениями золы и угольков, перемежающиеся с натечными слоями. Несколько наклонное падение этих слоев показывает, что здесь, как и на раскопе 1, наш шурф в нижних ярусах вышел к мусорным отвалам, накапливавшимся на склонах древнего поселения, тогда как нуклеарная часть самого поселка оказалась вне пределов раскопа. Со второй половины XI по XVII ярус идут слои с керамикой ялангачского типа, украшенной в основном росписью в виде параллельных полос вдоль венчика. С XIV яруса решительно преобладает керамика с черной росписью по красному фону. Отметим находку в XII ярусе двух черепков с полихромной росписью (явный импорт из района Кара-Депе—Намазга-Депе) [Массон, 1962а, с. 19—26], а в XV и XVII — торсов крупных пышнотелых женских фигурок, покрытых красным ангобом и украшенных черной росписью (табл. XXVI, *16*).

Тот же характер мусорных и натечных слоев, перемежающихся с зольными линзами и имеющих отчетливо выраженный наклон, сохраняется и в XVIII—XXIII ярусах, содержащих расписную керамику типа Намазга I в ее позднем, дашлыджинском варианте (табл. XXIV). Хотя в целом наблюдается генетическая связь с ялангачской посудой, несколько увеличивается количество сосудов с росписью по светлому фону, появляются миски с внутренней росписью, конические донца. В XVIII ярусе найден фрагмент небольшой чаши со сквозными отверстиями на дне; в XXII—XXIII — венчики толстостенных открытых чаш, украшенных снаружи рельефным волнообразным орнаментом. В XXI ярусе встречена костяная проколка, в XIX — плоский медный предмет неясного назначения. В XXIV—XXVII ярусах идут горизонтальные натечные слои с отдельными углями и белыми известковыми включениями. Это древняя подошва холма, который был образован наиболее ранним поселением на Алтын-Депе, но вместе с тем остался далеко за пределами нашего шурфа. Количество фрагментов керамики в этих отложениях, естественно, минимально, но все они относятся к посуде типа Намазга I. Материк в шурфе представлен плотной глиной с рыжеватыми, как бы ржавыми прослойками.

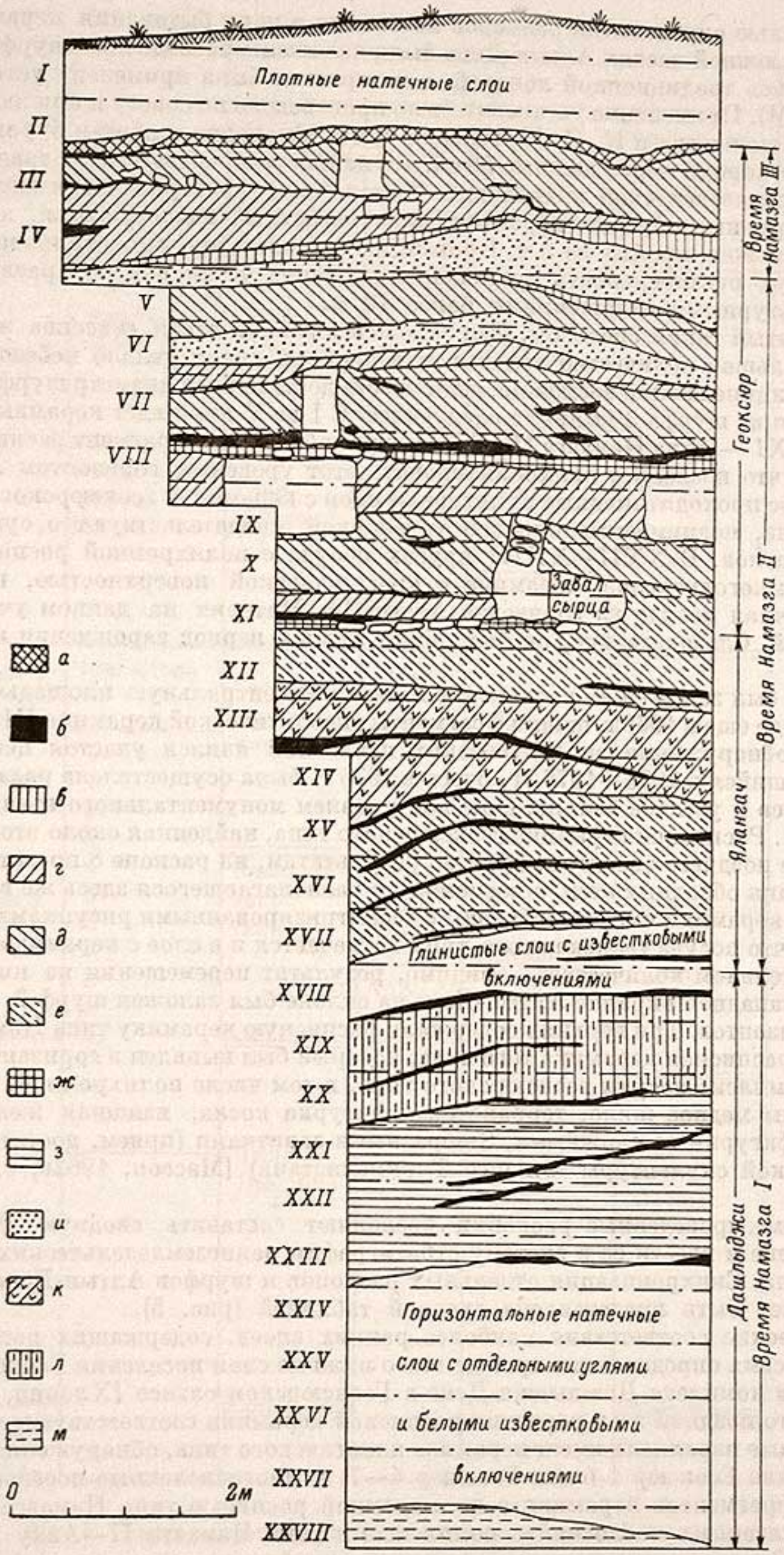

Рис. 4. Шурф раскопа 11. Профиль южной стены.

а — натечный слой с большим количеством керамики и крупной гальки; *б* — зольники; *в* — слой зеленоватой земли с белыми известковыми включениями; *г* — натечные слои с кусками сырца; *д* — завал мелких материалов разрушения с кусками сырца и углями; *е* — рыхлые мусорные слои с коричневыми прослойками, белыми известковыми включениями, углями и золой; *ж* — нивелировочная заливка под полом; *з* — плотные натечные слои с большим количеством углей, комков обгорелой земли и зеленоватой глины; *и* — натечные слои с кусками сырца и углями; *к* — рыхлые натечные слои с белыми известковыми включениями; *л* — рыхлый натечный слой с углями, обожженными комками глины и белыми известковыми включениями; *м* — плотная глина с рыжеватыми прослойками. *Римские цифры здесь и на рис. 7, 10, 18* — ярусы.

В 1974 г. с целью определения размеров поселения в пору бытования керамики геоксюрского типа в западной и южной частях Алтын-Депе были заложены разведочные шурфы, причем на двух из них работы велись традиционной лопатой, а на третьем была применена установка глубинного бурения (УГБ-50М). Применение установки было произведено по совету и при любезном содействии геологов Ю. Н. Моментьева и К. Н. Юргенсона. Сама установка, работая буром диаметром 65 см, вынимает образцы породы через каждые 50 см, что полностью соответствует традиционным ярусам, используемым в среднеазиатской археологии. Тщательная разборка вынимаемого грунта показала, что даже крупные образцы керамики практически не повреждаются, а культурные слои мощностью 12 м можно пройти за 3 ч. Произведенный опыт продемонстрировал высокую эффективность и научную рентабельность применения подобной установки при разведочной шурфовке поселений с культурными отложениями более 10 м.

Шурф 3, отрытый таким способом, был заложен в южной части «массива жилых кварталов». К сожалению, большое количество зольников в верхних слоях делало небезопасным зарисовку разреза, что в принципе вполне возможно, если учесть достаточный диаметр шурфа. В целом классификация керамики из шурфа 3 выявила следующее. С I по V ярус идет керамика типа Намазга V, а ниже — с VI по XI — типа Намазга IV. В XII ярусе обнаружен фрагмент расписного сосуда карадепинского типа, что позволяет синхронизировать этот уровень с горизонтом Алтын 9. Начиная с XI яруса в шурфе проходят мощные культурные слои с керамикой геоксюрского облика. Обломки сырцового кирпича, поднимаемые буровой установкой, свидетельствуют о существовании здесь строительных остатков. В XXII—XXIII ярусах посуда с полихромной росписью исчезает полностью, но зато многочисленна керамика с краснолощеной поверхностью, покрытой черными пятнами, аналогичная посуде из горизонта Алтын 14. Материк на данном участке представлен желтоватой глиной. Следовательно, он был обжит лишь в период зарождения керамики геоксюрского типа.

Другой шурф был заложен на раскопе 8 у въезда на «центральную площадь», на южной окраине Алтын-Депе, где еще в 1969 г. нашли фрагменты энеолитической керамики [Массон, 1970а, с. 10]. Новым пунктом обнаружения энеолитических наслоений явился участок центрального въезда в город, вскрывавшийся в 1975—1976 гг. Здесь в 1976 г. была осуществлена разведочная шурфовка нижележащих слоев и установлено наличие под уровнем монументального въезда обводной стены толщиной 2—2.5 м. Расписная керамика геоксюрского типа, найденная около этой стены, позволяет относить ее к поре позднего энеолита. Судя по результатам, на раскопе 8 представляется уникальный случай изучения обводных стен, а возможно, и располагавшегося здесь же въезда. Среди фрагментов расписной керамики имеются образцы с геометризированными рисунками козлов. Раскопки 1974 г. показали, что посуда геоксюрского типа встречается и в слое с керамикой типа Намазга IV в довольно значительном количестве, — видимо, результат перемещения из нижних горизонтов.

Наконец, на западной окраине Алтын-Депе на склоне был заложен шурф 2, где выявлено пять строительных горизонтов. Три верхних содержали расписную керамику типа Намазга IV. В четвертом представлена расписная керамика того вида, который был выявлен в горизонте Алтын 9, а в пятом идет яркий комплекс посуды геоксюрского типа, в том числе полихромной. Помимо керамики в шурфе 2 найдены медное шило, терракотовая фигурка козла, изящная женская статуэтка и головка женской фигурки со сложными, S-образными завитками (прием, достаточно обычный для позднеэнеолитической скульптуры Южного Туркменистана) [Массон, 1962в, с. 163; Сарианиди, 1965, с. 33].

Таким образом, проведенные раскопки позволяют составить сводную стратиграфическую колонку Алтын-Депе и ввести ее в систему стратиграфии раннеземледельческих памятников Южного Туркменистана. Синхронизация отдельных раскопов и шурфов Алтын-Депе частично отмечалась выше и может быть представлена сводной таблицей (рис. 5).

Стратиграфические соответствия наиболее ранних слоев, содержащих расписную керамику типа Намазга I, весьма определенны: прежде всего нижние слои поселения Геоксюр 1 [Сарианиди, 1965, табл. VIII] и комплекс Дашлыджи-Депе в Геоксюрском оазисе [Хлопин, 1963, табл. XX]. В обоих случаях это поздний этап развития расписной керамики соответствующего типа. Столь же отчетливые восточные параллели имеет керамика ялангачского типа, обнаруженная на Алтын-Депе: опять-таки поселение Геоксюр 1 (слои Геоксюр 4—7) и многочисленные поселения Геоксюрского оазиса. Находки фрагментов керамики с полихромной росписью типа Намазга II подтверждают синхронизацию указанных наслоений с комплексами типа Намазга II—Анау II на памятниках западной группы. Определенные уточнения для стратиграфических соответствий позднего энеолита Южного Туркменистана дают материалы, происходящие из слоев Алтын-Депе с посудой геоксюрского типа. Как известно, на самом Геоксюре 1 эта яркая и нарядная расписная керамика обнаружена вместе с импортной, типа Кара 2 [Массон, 1962а, табл. XIX; Сарианиди, 1965, табл. VII], или

Намазга-Депе	Геоксюрский оазис	Алтын-Депе				Мощность (в м)
		характер керамических комплексов	раскоп I („холм ремесленников")	шурф 3 („массив жилых кварталов")	раскоп II („холм вышки")	
Намазга V	Хапуз-Депе, ярусы I–II	Типа Намазга V	Алтын 1 2 3	Ярусы I–V		1 2 3
Намазга IV	Хапуз-Депе, ярусы III–XII	Типа Намазга IV	Алтын 4 5 6 7 8	Ярусы VI–X	Ярусы I и II	4 5 6
Намазга III	Чонг-Депе	Геоксюрского типа	Алтын 9 10 11/12 13 14	Ярусы XI–XXII	Шесть строительных горизонтов	7 8 9 10
Намазга II	Геоксюр 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Ялангачского типа	Алтын 15, ярусы XXXVI–XXXIX		Ярусы XII–XVII	11 12 13
Намазга I		Типа Намазга I	Материк		Ярусы XVIII–XXVIII	14 15 16 17 18 19
					Материк	20

Рис. 5. Сводная стратиграфическая колонка наслоений Алтын-Депе.

финального Намазга II, а на Чонг-Депе местный керамический комплекс с чертами определенной эволюции сопровождается находками импортной керамики типа Намазга III. Детальное ознакомление с соответствующими материалами показывает, что в верхних слоях Чонг-Депе представлена в основном посуда типа Кара 1Б, или раннего Намазга III [Сарианиди, 1965, табл. XIV, *1—38*]. Следовательно, комплекс Алтын 9, стилистически (по характеру дробной орнаментации) явно более поздний в сравнении с керамикой Чонг-Депе и сопровождающийся находками импортной керамики типа Кара 1А (позднее Намазга III), скорее всего представляет собой финальный этап развития керамического комплекса геоксюрского типа. Видимо, к финальному этапу следует относить те слои памятников восточной группы, где наряду с численно уменьшающейся посудой, украшенной полихромной росписью геоксюрского типа, встречается вышеназванная импортная керамика. С нашей точки зрения, это определяло и конец энеолитической эпохи в указанной области вообще, и на Алтын-Депе в частности, и составляло условную грань между комплексами времени Намазга III (поздний энеолит) и IV (ранняя бронза), которые, согласно всем данным, в том числе и результатам статистической обработки керамических комплексов [Кирчо, 1972], тесно связаны друг с другом. Таким образом, стратиграфия энеолитических наслоений Алтын-Депе, показывающая последовательность культурного развития, не только находит прямые соответствия в других памятниках Южного Туркменистана, но и позволяет провести определенные уточнения общей картины, достигшей уже значительной сложности и дробности.

Абсолютная хронология энеолитических комплексов Южного Туркменистана до более детальных

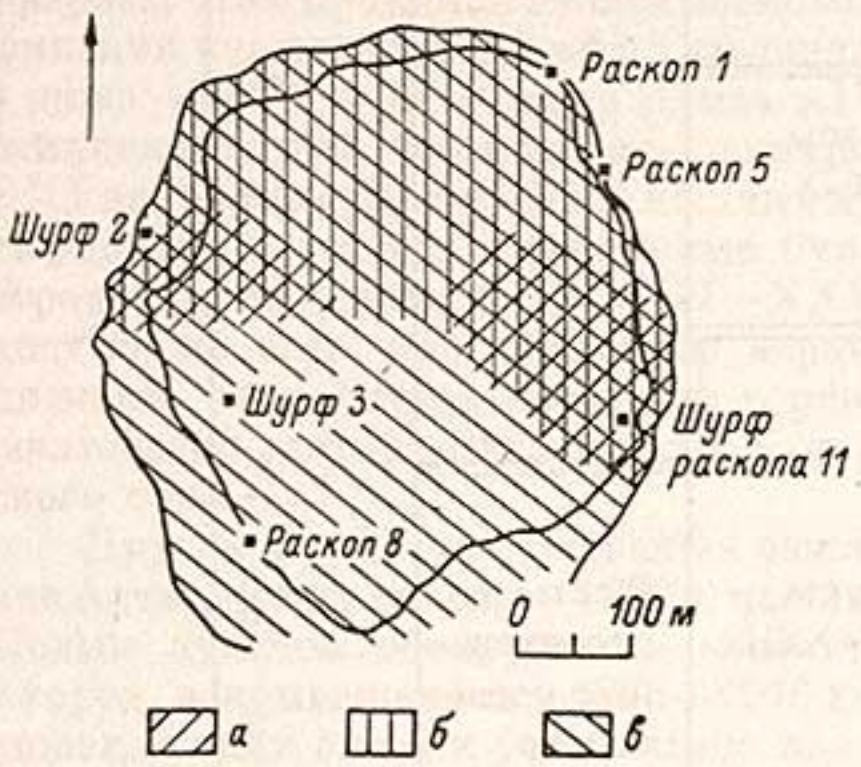

Рис. 6. Схема распространения слоев энеолитической эпохи на Алтын-Депе.

а — слои раннего энеолита типа Намазга I; *б* — слои среднего энеолита ялангачского типа; *в* — слои позднего энеолита геоксюрского типа.

исследований остается пока в рамках традиционных дат: от V до начала III тыс. до н. э. Для комплексов геоксюрского типа на Геоксюре 1 были получены радиокарбоновые даты: 2860 (±100) и 2490 (±100) гг. до н. э.; на Алтын-Депе слои позднего Ялангача датированы 3160 (±50) г. до н. э. Если применять систему поправок к соответствующим определениям, сторонниками которой выступает сейчас ряд исследователей Ирана, то даты для раннего Геоксюра — 3410—3240 гг. до н. э., а для позднего Ялангача — 3810 г. до н. э., что в принципе соответствует датировке слоев Шахри-Сохте I, где найдена импортная керамика южнотуркменистанских типов. Из других моментов укажем на находки в Юго-Восточном Иране (Тали-Иблис) типичной керамики Кара 4 в слое, датированном радиокарбоновым методом без удлиняющего пересчета 3645±59 г. до н. э. [Caldwell, 1967].

Раскопки ранних наслоений Алтын-Депе позволяют в известной степени охарактеризовать и развитие этого памятника (рис. 6). Пока наиболее ранние его материалы могут быть отнесены лишь к поздним этапам существования комплекса типа Намазга I, но не исключено, что где-то в толще культурных наслоений погребены остатки еще более древнего небольшого поселка. На самом Алтын-Депе керамика типа позднего Намазга I встречена в шурфе раскопа 11 и в перемещенном состоянии — в шурфе 3. Не исключено, что уже тогда поселение ранних земледельцев на территории Алтын-Депе занимало несколько гектаров, представляя собой относительно крупный центр. Во всяком случае «холм вышки» был обжит, видимо, полностью и содержал многометровые культурные толщи, смывы с которых вскрыты в шурфе на раскопе 11. Расписная керамика (табл. XXIV), терракотовые пряслица, сравнительно немногочисленные изделия из кости и меди составляют обычный набор объектов материальной культуры того периода. По характеру расписной керамики Алтын-Депе тяготеет к восточной группе памятников, в которую входили также и поселения Геоксюрского оазиса. Слои времени Намазга I отмечены и на поселении Илгынлы-Депе, расположенном в 10 км к юго-востоку от Алтын-Депе.

В следующий период, характеризуемый распространением керамики ялангачского типа, на Алтын-Депе наблюдается увеличение обжитой территории, заметное даже на тех ограниченных материалах, которые имеются в нашем распоряжении. Осваивается территория «холма ремесленников», и теперь уже жизнь на этом участке не прекращается до гибели всего городища. Весьма вы-

разительны культурные напластования данного периода и в шурфе раскопа 11. Керамика с росписью горизонтальными полосами вдоль венчика прочно вводит Алтын-Депе в круг памятников восточной группы, и это его культурно-историческое положение дополнительно подчеркивается находками полихромной импортной посуды, происходящей из западных памятников, которая столь резко отличается от местной керамики. Восточные аналогии есть и у массивных терракотовых статуэток сидящих женщин. Покрытые светлым, чаще красным, ангобом, они нередко имеют черную роспись, передающую шейные ожерелья или образующую различные заштрихованные фигуры на плечах и бедрах. На Алтын-Депе такие статуэтки обнаружены в наслоениях позднеялангачского времени, а раскопки на Геоксюре 1 показывают, что скульптура этого типа представлена в раннегеоксюрских слоях, подчеркивая генетическую преемственность двух комплексов. Фигурки животных, зачастую весьма выразительные антропоморфные статуэтки, глиняные пряслица конической формы дополняют характеристику объектов материальной культуры рассматриваемого периода на Алтын-Депе. Илгынлы-Депе также дает яркие материалы этого типа. Причем по крайней мере в позднеялангачское время территория поселения достигает максимальных размеров — 12 га. Вероятно, неменьшими были размеры одновременного поселения на Алтын-Депе.

В геоксюрский период энеолитический Алтын достигает своего наивысшего расцвета. Прежде всего резко увеличивается территория поселения: именно тогда Алтын-Депе формируется в тех параметрах, которые сохраняет и в дальнейшем, в эпоху бронзы. Особенно примечательно заселение южной части памятника, где слои с керамикой геоксюрского типа лежат прямо на материке, как бы воплощая строительную экспансию разрастающегося поселения. Уверенный рост ощущается и на других участках Алтын-Депе, где вскрывались позднеэнеолитические наслоения. Так, на раскопах 1 и 11 позднеэнеолитические дома перекрывают отвалы мусора, скопившегося на окраине поселения ялангачского времени, что свидетельствует об увеличении и здесь числа строений, охватывающих былые окраины. Тип застройки многокомнатными домами с внутридомными святилищами и расположенными поблизости круглыми в плане усыпальницами-толосами типичен для поселений Геоксюрского оазиса этого времени. Качественные, структурные изменения самого поселения на имеющихся материалах едва ли могут быть отмечены, но количественный рост налицо. Различия в погребальном инвентаре, характерные для погребений раскопа 1, скорее свидетельствуют и о сложной социальной структуре общества Алтын-Депе указанной эпохи. Примечательно, что соседнее поселение — Илгынлы-Депе — сокращается в размерах уже в раннегеоксюрское время и полностью забрасывается в конце позднеэнеолитического периода. Вероятнее всего, часть его жителей была поглощена растущим Алтын-Депе и данный процесс концентрации населения является одним из важных симптомов будущей урбанизации общества.

Материальной культуре Алтын-Депе позднеэнеолитического периода свойственна расписная керамика геоксюрского типа с постепенной трансформацией его исходных элементов в измельченный ковровый рисунок, типичный для местной посуды времени Намазга IV. Представлены также сосуды, выточенные из беловатого мраморовидного известняка, терракотовые коробочки со стенками, украшенными резной орнаментацией из крестов и полукрестов, и терракотовые фигурки сидящих женщин иногда с подпрямоугольными плечами, характеризуемые изящностью и плавностью линий, что отличает их от массивных терракот позднеялангачского периода. Весьма показательны и головки таких статуэток с крупным горбатым носом, миндалевидными углубленными глазами и S-образными завитками волос или подвесками. Этот сравнительно стандартный набор артефактов практически идентичен комплексам Геоксюра 1 и Чонг-Депе.

Поскольку в Южном Туркменистане в пору позднего энеолита сохранялось деление на две культурные провинции, следует признать, что по основным показателям Алтын-Депе относится именно к восточной области. Вместе с тем необходимо отметить, что различия между двумя областями в сфере материальной культуры менее значительны, чем признаки культурной общности, объединяющие южнотуркменистанские памятники этой эпохи в единое целое. Многокомнатные дома, выточенные из камня сосуды, формы медных изделий, в частности так называемых лопаточек, стиль терракотовой скульптуры и детали ее отделки, традиция коллективных гробниц, сосуществующих с одиночными могилами, — все это практически идентично на западе и востоке. Отличия проявляются главным образом в расписной керамике: на западных памятниках распространяется посуда кара-депинского типа, а на восточных, в том числе и на Алтын-Депе, — геоксюрского. Причем следует отметить, что отдельные элементы росписи (кресты, полукресты, ступенчатые пирамидки и др.), так же как отдельные композиционные решения, в обеих провинциях одинаковы и отличаются лишь разными сочетаниями и масштабом изображения. Например, на Кара-Депе роспись более дробная и пестрая, а на Геоксюре господствует стремление к крупным геометрическим фигурам, не теряющимся в пестром орнаменте. Поскольку керамика, сколь бы выразительна она ни была, составляет лишь один из элементов культурного комплекса [Массон, 1974ж], в данном случае

следует говорить о двух вариантах (кара-депинском и геоксюрском) единой культурной общности, вернее — анауской культуры.

Слои времени ранней бронзы (или Намазга IV) открыты на Алтын-Депе, так же как и энеолитические напластования, в целом ряде пунктов. В стратиграфическом плане они подробно рассматривались на раскопе 1. Детально анализировались обводные стены, обнаруженные в основании «холма стены». На раскопах 3 и 4 вскрывались погребальные камеры. На раскопе 8 изучался монументальный въезд в город. Видимо, к поздним этапам бытования комплекса ранней бронзы относится по крайней мере часть строений раскопа 13. Наконец, в последние годы в широких масштабах слои этого времени исследуются на раскопе 5, где вскрытие ведется послойно сверху вниз, приближаясь к упомянутым выше обводам. Общая характеристика соответствующих материалов Алтын-Депе дана Л. Б. Кирчо [1979]. Поэтому ниже будет предложен лишь краткий обзор полученных результатов по отдельным раскопам, исключая раскоп 8, ибо открытые здесь сооружения продолжали функционировать еще в период Намазга V и в целом будут рассмотрены ниже (с. 40). Начнем с вышеназванных обводных стен, обнаруженных в ходе раскопок 1959—1961 гг., но не подвергшихся тогда детальному изучению [Ганялин, 1967]. Последнее было проведено в ходе наших работ в 1965 г. и выявило сложную картину истории сооружений, существовавших долгое время, неоднократно надстраивавшихся и перестраивавшихся (рис. 7). Наиболее ранней является стена *Б*, построенная из сырцового кирпича 46—49×20—22×15—16 см. Толщина ее 1.9 м; сохранилась она местами на высоту почти до 5 м. Топографически стена представляет собой внешний обвод, за которым располагалось само поселение (его мощные культурные слои непосредственно примыкали к стене). Шурф, заложенный у внешней грани стены *Б*, показал, что там идут слои толщиной 2.5 м с керамикой, покрытой геометрической орнаментацией, которая определена в 1965 г. как относящаяся к ранней фазе комплекса Намазга IV. Ниже встречена полихромная керамика геоксюрского типа в ее позднем (чоңговском) варианте. В свете дробной стратиграфии, установленной в настоящее время на Алтын-Депе, не исключено, что слои, подстилающие стену *Б*, могут быть отнесены ко времени Намазга III. Внешний фас стены, сохраняя общее направление, тем не менее не образует единой линии, а слагается из нескольких то отступающих, то выступающих отрезков. В местах отступов стена фланкирована прямоугольными в плане пилястрами (рис. 8). В целом в длину стена *Б* может быть прослежена на 60 м. Ее внутренняя грань имеет небольшой откос, направленный в поселение. Стена функционировала в течение длительного времени. Со стороны поселения отмечен ряд уровней, фиксирующих постепенное накопление культурных отложений и повышение горизонта. Снаружи к пилястрам в ряде случаев пристраивались тонкие стенки, идущие перпендикулярно. Возможно, к внешнему фасу обводной стены примыкали какие-либо помещения. Не исключено и производство ремонтных работ, когда основная кладка обводной стены подновлялась или надстраивалась. Во всяком случае на одном участке в толщу стены вклинивается зольник мощностью до 20 см. Частично прослеживается и разрушение стены: у ее внешней грани накопились отложения, полого поднимающиеся к стене, на которые обрушились крупные блоки самой кладки. За стеной располагались многочисленные погребения; о них можно судить по суммарной характеристике А. Ф. Ганялина [1967].

Менее ясно соотношение более поздних стен, условно обозначенных как стена A_1 и стена A_2. Первая из них прослеживается в северной части раскопа и использует в качестве фундамента частично стену *Б*, частично культурные слои. Подобно стене *Б*, она не образует одной линии, а идет с отступами. Сохранилась стена на небольшую высоту — до 1.2 м. Толщина стены в том месте, где удалось ее проследить, достигает 5 м. Не исключено, что на этом участке к обводной стене примыкали со стороны поселения какие-то строения, создавшие в целом значительный массив. В длину стена с достоверностью прослеживается на 20 м, причем ее северный край загибается внутрь городища, как бы обводя «холм стены» по его внешнему периметру.

Близкой по времени, видимо, является и стена A_2, прослеженная в южной части раскопа. Она также идет над стеной *Б*, сохраняя в целом направление последней и используя ее частично в качестве фундамента. Вместе с тем в центре раскопа ясно видно, что зольные наслоения, перекрывающие стену A_1, как бы примыкают к остаткам стены A_2. Это заставляет воздержаться от полной синхронизации по крайней мере даты постройки двух указанных стен, хотя, возможно, какой-то период они и функционировали одновременно. Толщина стены A_2 около 1.9 м, сохранность в высоту до 1.5 м. Считая отдельные небольшие отрезки, общая длина остатков стены может быть определена в 26 м. Примечательно, что на юге, она, так же как и стена A_1, поворачивает внутрь городища, огибая по внешнему краю «холм стены».

Наконец, самой поздней является стена, расположенная много выше по склону с отступом внутрь поселения. Она была построена в ту пору, когда за стенами *Б* и A_2 культурные слои наросли в высоту на 3 м. Общее направление стены такое же, как и более ранних обводов, но в длину ее про-

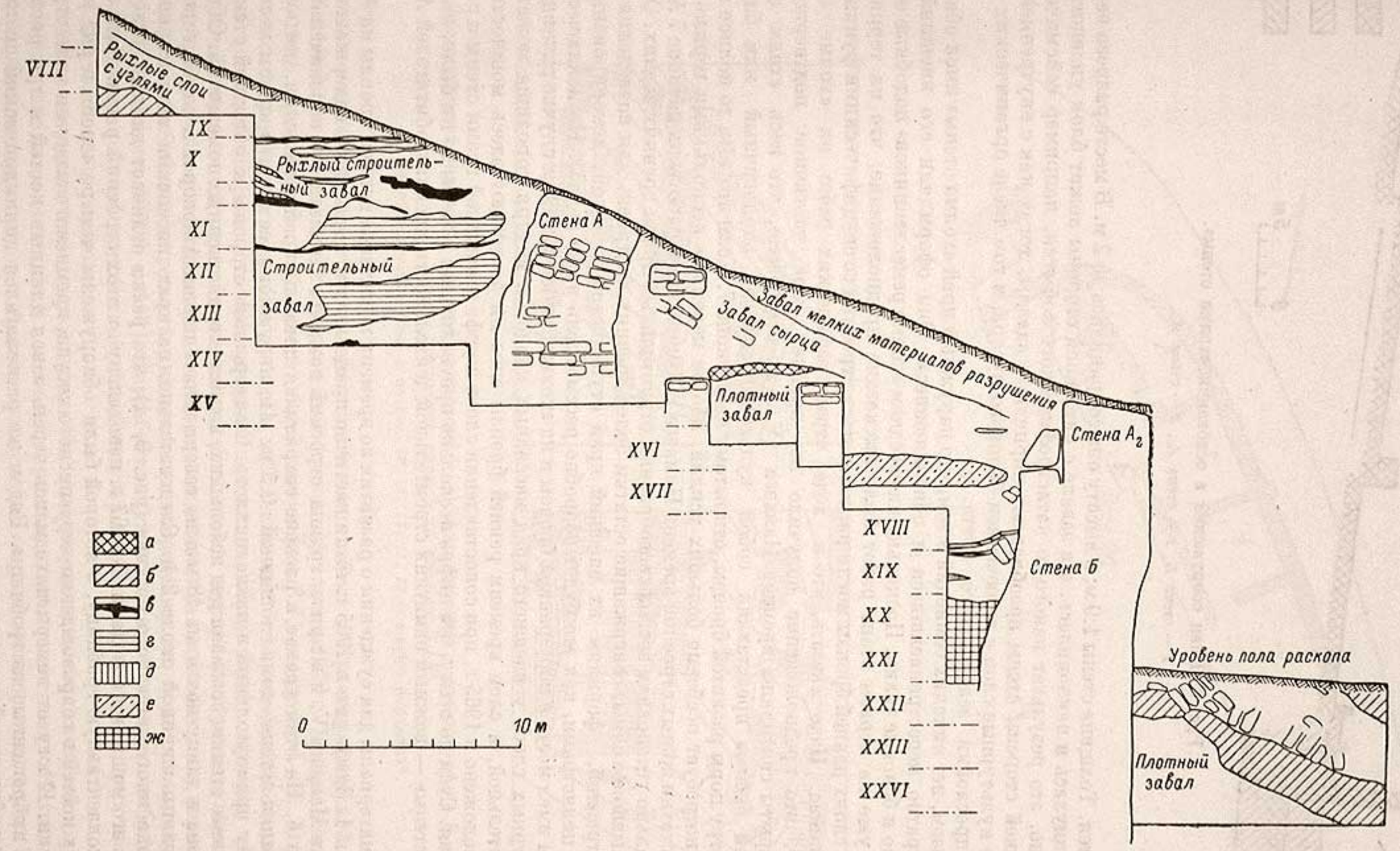

Рис. 7. Траншея на восточном склоне «холма стены». Профиль северной стены.

а — рыхлая коричневая земля; *б* — натечные слои с известковыми включениями; *в* — слои, насыщенные золой; *г* — горизонтальные слои рыхлой коричневой земли; *д* — мусорные слои зеленоватого цвета; *е* — рыхлый завал с зольными прослойками; *ж* — рыхлый завал с углями.

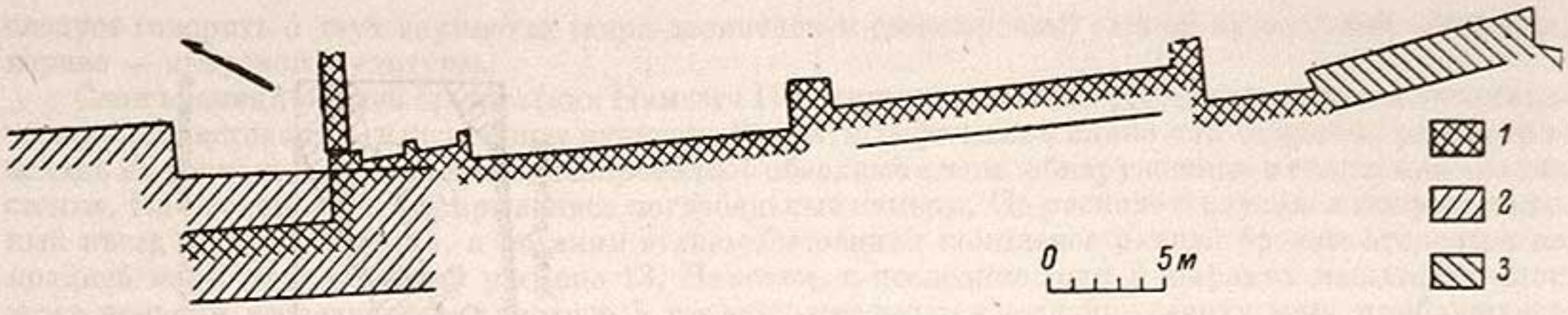

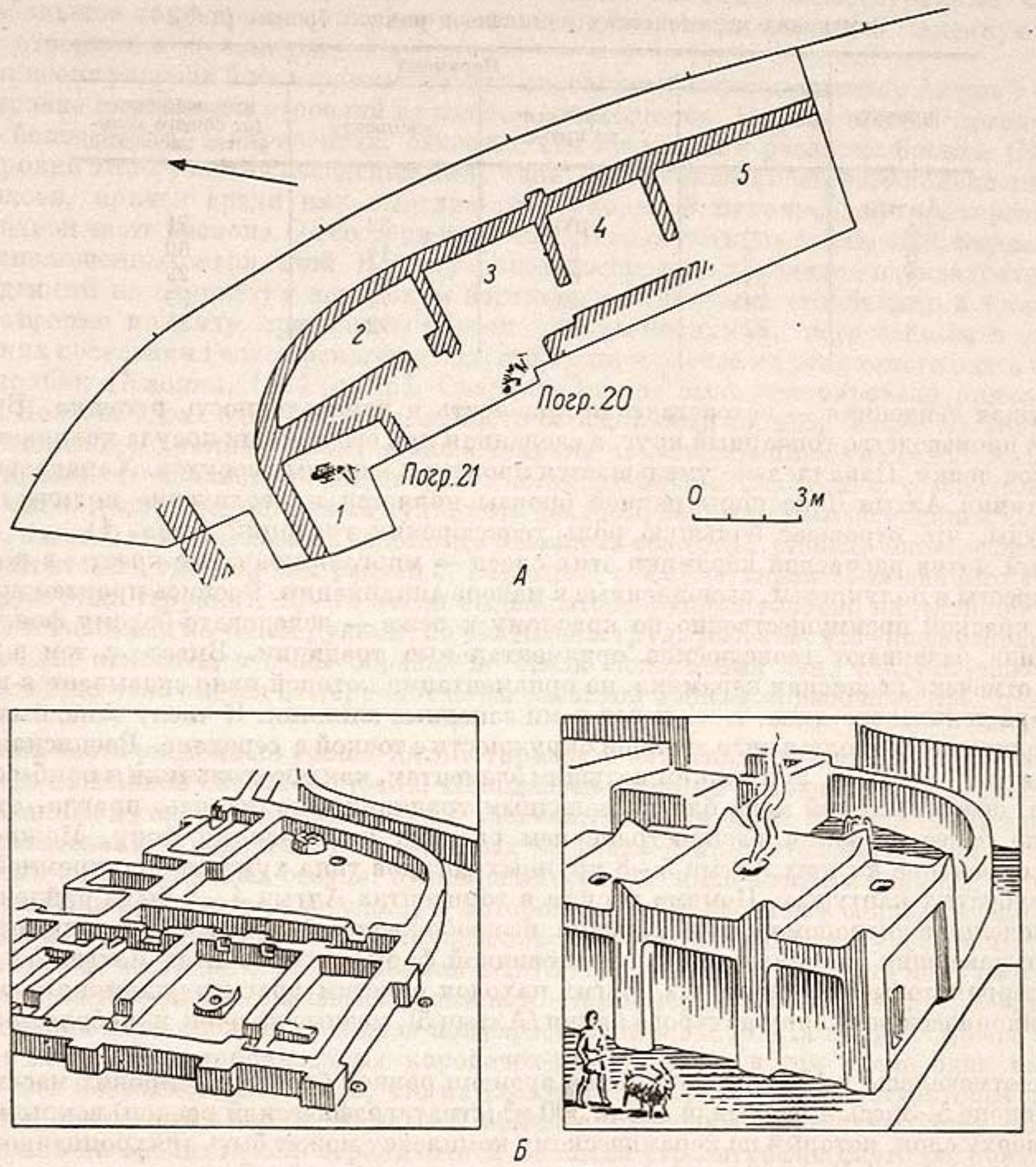
Рис. 8. План сооружений в основании «холма стены».

1 — стена *Б*; *2* — стена A_1; *3* — стена A_2.

следить не удается. Толщина стены 1.9 м; в высоту она сохранилась до 2 м. В месте разреза верхняя часть стены сдвинулась и наклонилась, а в завале с наружной стороны лежит блок упавших кирпичей. Возможно, это результат какого-то катастрофического события, например сейсмического толчка. С внешней стороны стены преобладают кирпичные завалы, тогда как с внутренней идут горизонтальные культурные слои с включением бытового мусора, в том числе органических остатков, дающих прослойки зеленоватого цвета.

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что наружный край «холма стены» имел обводные стены, неоднократно перестраивавшиеся и обновлявшиеся. Они оформляли его внешний фас, а также частично и боковые грани. Поскольку на соседнем «холме ремесленников» подобные обводы отсутствовали, уже на первом этапе работ было высказано предположение, что на территории «холма стены» в слоях ранней бронзы могли располагаться строения со специфическими функциями, например святилища. Надо сказать, что в ходе стратиграфических работ на «холме стены» в 1977—1978 гг. это предположение получило по крайней мере частичное подтверждение. Здесь были открыты святилища времени Намазга IV, и не исключено, что весь «холм стены» в эпоху ранней бронзы представлял собой культовый центр, аналогичный или близкий культовому центру поры развитой бронзы, открытому на раскопе 7. Если это так, то полное изучение комплекса потребует особенно больших усилий, ибо он перекрыт несколькими горизонтами, содержащими остатки жилых строений времени Намазга V. Вместе с тем работы на раскопе 7 Алтын-Депе документально установили весьма своеобразный строительный прием древних зодчих. Они использовали оплывшие холмы, содержащие остатки более древних построек, для возведения монументальных строений, оформляя их внешний край ступенчатой кладкой, декорированной по внешней грани пилястрами, как это будет подробно рассмотрено ниже (с. 57). Не исключено, что подобный прием имел место в пору ранней бронзы и на «холме стены». В таком случае разница в залегании культурных слоев у внешнего края массивных кладок и внутри городища может быть довольно значительной, а слои времени ранней бронзы едва ли достигают здесь мощности 9 м, как было предположено в 1965 г. при сопоставлении слоев шурфа у внешней грани стены и разреза внутри поселения. Судя по всему, эта цифра несколько преувеличена. Как бы то ни было, внешние обводы «холма стены» — важный памятник строительной деятельности древних обитателей Алтын-Депе.

Основные материалы для суждения о развитии во времени комплекса ранней бронзы на Алтын-Депе дал раскоп 1. Здесь уже в 1965 г. были частично пройдены три горизонта, содержавшие материалы времени Намазга V, и вскрыта группа строений позднего Намазга IV, обозначенная как горизонт Алтын 4. На этом уровне в раскопе сохранился древний край поселения, на который выходила внешняя стена дома толщиной 0.5 м. По наружному ее фасу в одном месте сделан небольшой, прямоугольный в плане пилястр. С внутренней стороны к обводной стене примыкают поперечные стенки, создавая ряд небольших, видимо, хозяйственных помещений. Обводная стена прослежена в длину почти на 18 м и на севере делает плавный поворот в глубь городища, образуя край улицы шириной около 2 м. Следовательно, на краю поселения имелась внешняя утолщенная стена многокомнатного массива (рис. 9, *А*), что резко отличает данный участок от «холма стены» с его мощными обводами. В 1967 г. неподалеку от этих строений расчистили сильно разрушенную коллективную гробницу, в которой были обнаружены четыре черепа и ряд разрозненных длинных костей в сопровождении нерасписного сосуда, кремневого изделия типа стрелы и нескольких бусин. К югу от камеры находились череп, завал длинных костей и три расписных сосуда, видимо выброшенные из гробницы. Рядом же располагался цилиндрический светильник из белого камня, типичный для алтыновских комплексов ранней бронзы.

А

Б

Рис. 9. План строений горизонта Алтын 4 на раскопе 1 (*А*). Аксонометрия и реконструкция В. Б. Зернова культового комплекса слоя 5 на раскопе 5 (*Б*).

Арабские цифры здесь и на рис. 12, 13, 15, 17, 19 — номера помещений.

Более нижние напластования на раскопе 1 вскрывались в стратиграфической траншее, заложенной в 1969 г. и расширенной с уточненной фиксацией слоев в 1970 г. Ко времени Намазга IV относятся пять строительных горизонтов общей мощностью 3.75 м (Алтын 4—8). В них раскопаны остатки стен сырцовых строений, а иногда и небольшие комнатки, имевшие полы из глиняной обмазки. Характерно широкое распространение зольников, порой весьма мощных, что показательно для окраины поселения, куда сносился всевозможный мусор. В горизонте Алтын 8 отмечены остатки керамического горна, сохранившегося в виде массива ошлакованного кирпича. В горизонтах Алтын 5 и 6 были обнаружены два двойных погребения; их предположительно определяют как парные [Щетенко, 1970б, с. 417]. Погребения Алтына 5 сопровождались небольшим сосудом и кубовидной терракотовой коробочкой с резным узором (реликварий); около рук погребенных в горизонте 6 стоял один горшок.

Комплекс посуды из горизонтов Алтын 4—8 рисует развитие керамической традиции, сложившейся в эпоху позднего энеолита в восточной группе анауских памятников. Исходным пластом для местной керамики поры ранней бронзы послужили сосуды геоксюрского типа. По материалам Алтын-Депе отмечается постепенная трансформация орнаментики, свойственной посуде этого типа,

Таблица 1

Изменения керамических комплексов ранней бронзы (в %)

Горизонт	Керамика			
	лепна	сделанная на круге	расписная	краснофонная (от общего количества расписной)
Алтын				
4	—	100	33	71
5	3	97	14	60
6	31	69	67	29
7	74	26	72	33
8	82	18	72	25

причем ведущая тенденция — возрастающая дробность и измельченность рисунка. Вместе с тем внедряется в производство гончарный круг, а сделанная при его помощи посуда начинает вытеснять сосуды ручной лепки. Параллельно уменьшается процент расписных сосудов. Характерной особенностью керамики Алтын-Депе поры ранней бронзы является и увеличение количества краснофонной посуды, что отражает большую роль геоксюрских традиций (табл. 1).

Исходный мотив расписной керамики этих слоев — многоступенчатые кресты в ромбовидных картушах, кресты и полукресты, выполненные в манере аппликации. Роспись производилась темно-коричневой краской преимущественно по красному и реже — зеленовато-белому фону. Оба указанных мотива развивают геоксюрские орнаментальные традиции. Вместе с тем в горизонтах Алтын 6 и 8 отмечена расписная керамика, на орнаментации которой явно сказывается воздействие керамики кара-депинского типа, т. е. перед нами западные влияния. К числу западных элементов относятся солярные символы в виде двойной окружности с точкой в середине. Расписная керамика горизонта Алтын 4 (табл. V, *2*) по таким ведущим элементам, как треугольники и ромбы с мелкозубчатым краем, еще в большей мере близка западным традициям, отличаясь, правда, от керамики Намазга-Депе более широким распространением росписи по красному фону. Можно отметить устойчивое сохранение в слоях Алтын 5—8 крупных сосудов типа хумчи с полихромной росписью крестами в зубчатых картушах. Помимо посуды в горизонтах Алтын 4—8 были найдены фигурки животных, поделки и антропоморфные фигурки из необожженной глины. Широко распространены терракотовые навершия биконической и шариковидной форм. В горизонтах Алтын 7 и 8 найдены конические терракотовые пряслица. Из других находок отметим фрагмент глиняного реликвария и крупную биконическую бусину из серого камня (Алтын 5), медные крючок и небольшой стержень (Алтын 7).

Как уже отмечалось, в 1977—1978 гг. слои времени ранней бронзы в широких масштабах изучались на раскопе 5. Здесь на площади около 500 м² (стратиграфический раскоп) вскрыты строения четвертого сверху слоя, который по керамическому комплексу может быть синхронизирован с горизонтом Алтын 4 раскопа 1. Выявлено полностью или частично семь хозяйственно-жилых комплексов, каждый из которых состоял из нескольких помещений. Среди них имелись более крупные жилые комнаты с подквадратными в плане отопительными очагами, приподнятыми над полом на небольшой платформе, и менее значительные, часто перестраиваемые подсобные строения. Особый характер у комплекса в северо-западной части раскопа: обособленный прямоугольный дом площадью около 50 м² состоял из узкого коридора, идущего вдоль длинной стены дома, и пяти помещений, связанных проходами, три из которых расположены анфиладой. В главном, квадратном, помещении в центре находился овальный в плане очаг, близко напоминающий очаги-алтари геоксюрских святилищ и святилища позднего энеолита, вскрытого на раскопе 1 Алтын-Депе в горизонте 9. В одной из стен этого помещения имелись две прямоугольные в плане ниши, в другой — два узких сквозных щелевидных отверстия. Вполне вероятно, что перед нами здание со специализированными функциями — святилище или небольшой храм. Дополнительный выход из святилища вел в примыкающий к нему замкнутый двор.

На уровне рассматриваемого строительного горизонта было открыто 21 детское погребение. Все могилы полностью лишены погребального инвентаря и находятся преимущественно под стенами домов в грунтовых ямах, за исключением одной, обнаруженной в кухонном котле. В восточной части раскопа ближе к древнему краю поселения расчищена коллективная гробница со следами перезахоронения, причем могут быть отмечены части по крайней мере 14 погребенных. Как в самой гробнице, так и снаружи у ее стен найдены 14 керамических и два каменных сосуда, два бронзовых кольца, одна бусина из серого камня и одна сердоликовая. При вскрытии оснований стен гробницы

обнаружен выточенный из мраморовидного известняка высокий четырехгранный светильник, имеющий небольшое закопченное углубление в верхней части и овальную каменную крышечку с круглым отверстием в центре.

Пятый горизонт раскопа 5 по керамике близок описанному выше комплексу Алтын 5 (табл. I, *2*). На данном уровне планировка строений во многом повторяется. Налицо полная преемственность, тогда как в более верхних горизонтах, относящихся ко времени развитой бронзы (Намазга V), схема планировки этого участка поселения была иной. Здесь также имеется несколько многокомнатных комплексов, причем среди них выделяется правильной планировкой прямоугольный дом в северо-западной части раскопа. Он состоял первоначально из четырех помещений, соединенных проходами и расположенных анфиладой. В центральном посередине находился подквадратный в плане очаг, огражденный по периметру невысоким бортиком с глиняными столбиками в четырех углах. Очаг на платформе по ряду признаков близок очагам-подиумам, встреченным в святилищах энеолитических поселений Геоксюрского оазиса, где в одном случае на углу такого очага сохранился глиняный столбик [Хлопин, 1964, с. 16]. Снаружи здание было декорировано прямоугольными пилястрами. Позднее вдоль одной из его стен построили длинный коридор (рис. 9, *Б*). По планировке это здание идентично храмику слоя 4, и оно к тому же находилось прямо под ним. Как и в слое 4, к храмику примыкал хозяйственный двор с многочисленными очагами и хозяйственной ямой. Видимо, мы имеем дело с традиционным культовым центром, вскрываемым по крайней мере частично на раскопе 5, и в этой связи нельзя не вспомнить о мощных обводных стенах, опоясывающих по основанию «холм стены», где заложен раскоп 5. Вероятно, с особым характером данного участка связана и находка ряда терракот. Из их числа выделяются крупная головка на длинной шее и торс женщины со сложенными на талии руками, подносящей к груди ребенка, фигурка которого передана налепом. Следует отметить, что оба образца по стилю исполнения явно следуют энеолитической традиции и заметно отличаются от терракот поры развитой бронзы, в изобилии представленных на Алтын-Депе.

В восточной части раскопа на уровне пятого горизонта наметился древний край поселения с идущей вдоль него массивной обводной стеной. Неподалеку от стены расчищены две погребальные камеры, образованные путем пристройки стен к располагавшимся здесь строениям. В одной камере были последовательно захоронены два взрослых человека с относительно обильным инвентарем (пять глиняных и два каменных сосуда, бусина и навершие, выточенные из камня). К этой камере в свою очередь была пристроена клетушка, в которой погребен ребенок в сопровождении двух глиняных сосудов и двух бусин, агатовой и халцедоновой. При углублении на уровень шестого строительного горизонта, частично осуществленном в 1978 г., почти сразу же были получены свидетельства особого характера данного участка поселения. Например, вскрыли комнату, в одной из стен которой шла серия ниш, сделанных в виде полукрестов (табл. I, *1*). На полу соседнего помещения нашли части нескольких терракотовых коробочек-реликвариев, в том числе один почти целый образец. Все это позволяет заключить, что на «холме стены» располагался культовый центр поры ранней бронзы, смененный в период Намазга V обычными жилыми кварталами. Пока этот комплекс исследован лишь на сравнительно ограниченной площади стратиграфического раскопа и по периметру обводных стен, но уже сейчас его особый характер не вызывает сомнений.

Помимо работ на раскопах 1 и 5, доставивших наиболее значительный и разнообразный материал для характеристики Алтын-Депе периода ранней бронзы, существенное значение имеет открытие монументального въезда и обводных стен на раскопе 8, которые будут охарактеризованы ниже (с. 31). В меньшей мере это касается других пунктов, раскопки которых скорее позволяют говорить о факте наличия слоев ранней бронзы, чем о каких-то более детальных характеристиках. Так, на раскопе 7 в 1976 г., после того как были убраны строения горизонта 3, вскрыли ряд нижележащих построек. Следует отметить, что уже в постройках горизонта 3 раскопа 7 был обнаружен ряд фрагментов расписной керамики типа Намазга IV, а одна расписная чашечка входила в состав погребального инвентаря коллективной гробницы в пом. 32. Поэтому возможно, что культовый комплекс впервые был возведен на данном участке еще на последнем этапе ранней бронзы одновременно с постройкой монументальных пилонов центрального въезда в город. Строения более нижнего, четвертого строительного горизонта на раскопе 7 уже бесспорно относятся ко времени существования комплекса Намазга IV. Здесь найдена характерная расписная керамика, в том числе обломки двух изящных сосудов с черной росписью по зеленовато-белому фону, привезенных, очевидно, с запада, из районов Намазга-Депе. На уровне четвертого горизонта намечается узкая улочка или коридорчик, разделяющий два планировочных комплекса, возможно два отдельных дома. В одном из них вскрыто маленькое помещение с нишами хорошей сохранности.

Погребальные камеры времени Намазга IV раскапывались в 1965 г. на раскопе 4 (юго-восточная окраина Алтын-Депе). Были выявлены четыре небольших прямоугольных помещения, расположен-

ных в два ряда и имеющих дверные проемы. В одном из помещений в углу обнаружены останки семи человек, причем сами скелеты находились в хаотическом состоянии. Здесь же найдены 32 сосуда, преимущественно расписных, и каменная курильница. Слои ранней бронзы отмечены в шурфах 1—3. В шурфе 2, заложенном на западном склоне Алтын-Депе, ко времени Намазга IV относились три слоя, давших кроме расписной керамики также находки обломков медных шильев и частей женских терракотовых статуэток позднеэнеолитического облика. В целом на Алтын-Депе слои ранней бронзы открыты в девяти пунктах, причем характер наслоений указывает на длительное обживание всей территории городища в указанный период.

Комплексы ранней бронзы (или времени Намазга IV) остаются в Южном Туркменистане сравнительно слабо изученными и плохо опубликованными. На раскопе 1 Алтын-Депе их мощность не достигает и 4 м, но следует иметь в виду, что и слои позднего энеолита здесь менее значительны, чем в других местах поселения. Согласно данным первоначальных исследований на «холме стены», слои времени Намазга IV достигают здесь чуть ли не 9 м в толщину [Массон, 1967г, с. 170]. Однако если учесть возможное оформление внешнего края этого холма ступенчато расположенными обводными стенами, то названная цифра должна быть подвергнута сомнению. Мощность трех строительных горизонтов Намазга IV, вскрытых на вершине холма на раскопе 5, не более 2.5 м, и они соответствуют горизонтам Алтын 4—6 раскопа 1. Если даже предположить, что ниже будут не два горизонта ранней бронзы, соответствующих Алтыну 7 и 8, а несколько больше, все равно ни о каком 9-метровом слое не может быть и речи. Напомним, что на Хапуз-Депе слои ранней бронзы составляют 5 м [Сарианиди, 1964, с. 42]. На Улуг-Депе к этому времени относится шесть строительных горизонтов (Улуг 1, 1а, 2, 2а, 3 и 4). Как будто несколько более значительны соответствующие наслоения на западе подгорной равнины. На Намазга-Депе слои Намазга IV составляют 4 м в шурфе 1 и 6.5 м в шурфе 2 [Массон, 1956б, с. 302]. Согласно А. А. Марущенко, на Ак-Депе под Ашхабадом эти слои занимают девять строительных горизонтов и их мощность 7 м [см.: Дурдыев, 1959, с. 8].

Внутреннее членение комплекса типа Намазга IV исследовано недостаточно. На основании изученных материалов первых лет работ на Алтын-Депе было предложено выделение раннего этапа, которому было свойственно распространение росписи геометрического стиля, базирующейся на позднеэнеолитических традициях (хапузовский тип керамики), и позднего — с керамикой намазгинского типа, характеризуемой дробным ковровым рисунком и широким использованием фигур с мелкозубчатым оформлением краев [Массон, 1967 г, с. 172]. Если ориентироваться на стратиграфию раскопа 1, то горизонты Алтын 6—8 дают керамику хапузовского типа, а горизонты 4—5 — посуду, близкую намазгинской.

Более определенно можно говорить о культурных связях алтыновского комплекса поры ранней бронзы. В литературе уже ставился вопрос о локальных вариантах керамики типа Намазга IV и предлагалось выделение западной группы памятников, где особенно многочисленна серая керамика, и восточной, где соответствующая посуда единична, а расписная сохраняет воздействие энеолитических традиций керамики геоксюрского типа поры позднего энеолита. Новые материалы подтверждают наличие специфических особенностей в керамических комплексах западной группы памятников. Так, помимо Ак-Депе, которому показателен большой процент серой керамики [Массон, 1966д, с. 160, 162; Сарианиди, 1976б], сходные комплексы получены на двух поселениях: одно из них находится неподалеку от Новой Нисы, а другое — в Геок-Тепинском районе [Ляпин, Масимов, 1974; Ляпин, 1975]. Здесь же найдены сероглиняные терракотовые печати и статуэтки. Похожие материалы обнаружены при шурфовке поселения Гоч-Депе, расположенного в 31 км к востоку от Кизыл-Арвата; там, в частности, была найдена женская терракотовая статуэтка из серой глины с богатым набором шейных украшений, переданных налепами [Юсупов, 1976; Юсупов, Губаев, Дурдыев, 1976]. Южнее Кизыл-Арвата слои, содержащие серую керамику времени Намазга IV, отмечены на поселении Чингиз-Депе к югу от Парау, где их перекрывали отложения с посудой культуры архаического Дахистана. Таким образом, область к востоку от Ашхабада выделяется в особую керамическую провинцию поры ранней бронзы. Вторую керамическую провинцию этого времени образуют памятники центральной части подгорной полосы, прежде всего Намазга-Депе; третью — памятники восточной группы начиная с Улуг-Депе. Третья провинция территориально полностью совпадает с границами распространения керамики геоксюрского типа. Алтын-Депе безусловно относится к памятникам восточной группы, а керамика хапузовского облика, как отмечалось выше, отражает закономерное развитие геоксюрских традиций.

Алтын-Депе в эпоху ранней бронзы существует в пределах, сложившихся в позднем энеолите. Отмечается дифференциация территории поселения на специализированные участки. Так, в районе «холма стены» длительное время функционирует своеобразный культовый центр, огражденный с внешней стороны мощными сырцовыми стенами, придающими ему монументальный облик. Это

наиболее контрастно при сравнении с небольшими помещениями рядовой застройки, обнаруженными по соседству на раскопе 1 («холм ремесленников»). Тонкие стены построек, вскрытых в горизонтах Алтын 5—8, свидетельствуют о том, что на протяжении всего периода ранней бронзы здесь располагался район рядовой застройки. Обнаружение разрушенного гончарного горна указывает и на начавшуюся специализацию этого участка как места обитания и деятельности мастеров-профессионалов. Оформление в конце периода Намазга IV монументального въезда двумя башнями-пилонами, декорированными пилястрами, также говорит о постепенном превращении Алтын-Депе в поселение городского типа. С точки зрения прогресса производства, особенно характерно все более широкое применение гончарного круга, приведшее к полному вытеснению лепной посуды. Первоначально это был, видимо, простой поворотный круг, на котором отделывались лишь горловины сосудов, но к концу периода, судя по следам на керамике, перед нами явно гончарный круг быстрого вращения. Однако еще в пору Алтына 5 горны для обжига были все еще архаической одноярусной конструкции, как это видно на материалах раскопа 5.

С точки зрения культурогенеза, наиболее характерная черта Алтын-Депе поры ранней бронзы— продолжение позднеэнеолитических традиций. Оно наблюдается и в керамике, и в терракоте, и в коллективных гробницах, и в форме очагов-подиумов, и в распространении терракотовых коробочек-реликвариев. Однако данный исходный геоксюрский пласт постепенно трансформируется в значительной мере за счет технологических достижений, как это, например, происходит в гончарном деле. Наблюдается в масштабах подгорной полосы и усиление культурной интеграции, постепенно нивелирующей локальные различия, восходящие к поре энеолита, что видно на примере керамики Алтына 4, имеющей значительную близость с одновременными комплексами расписной посуды Намазга-Депе. Подобные явления культурной интеграции как бы предвосхищают те кардинальные перемены, которые происходят в Южном Туркменистане в эпоху развитой бронзы, когда культурные стандарты становятся едиными для значительной территории.

Глава вторая

РАСКОПКИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Характер оборонительных сооружений Алтын-Депе в эпоху бронзы (и даже вообще их наличие) долгое время оставался не вполне ясным. Аморфная планировка памятника, в виде неправильного овала, разрезанного многочисленными глубокими лощинами, наводила на мысль об отсутствии укреплений. Правда, на восточном фасе «холма стены» был открыт ряд обводных стен, охарактеризованных выше (с. 22). Но они как будто связывались лишь со специфической функцией данной части поселения, тем более что на таком же восточном фасе соседнего «холма ремесленников» на край поселения выходили лишь утолщенные стены обычных домов (раскоп 1). Однако материалы многочисленных раскопок свидетельствовали о том, что жители Алтын-Депе уделяли внимание и укреплению своего поселения.

Уже само местонахождение поселка поры бронзового века на вершине холма высотой до 20 м, образованного мощными культурными напластованиями, благоприятствовало его обороне. Раскопки показали, что в ряде случаев в период Намазга V крутые склоны холма покрывались своего рода панцирем из сырцового кирпича. Это предохраняло их от воздействия природных факторов, а крутой откос, достигавший местами 70°, затруднял доступ на поселение противнику. Выходившие на такой откос строения ограждались обводной стеной, конструкция и толщина которой колебались в зависимости от характера построек и рельефа местности. Так, на раскопе 9 вдоль крайних построек, выходивших на крутой восточный склон, несколько отступя от них, шла стена толщиной 0.5 м, обрамленная снаружи ритмично расположенными прямоугольными пилястрами шириной 50 см, выдвинутыми за плоскость стены на 30 см. Как мы видели, аналогичным было обрамление стены, выходящей к краю поселения на раскопе 1 в горизонте Алтын 4. Видимо, так же оформлялись все склоны Алтын-Депе, но обкладка склонов сырцом, как и внешняя стена, сохранилась лишь на некоторых участках, в других случаях склоны полностью размыты.

Яркую картину перестроек и закладок, связанных с обрамлением внешнего края, вскрыли работы, проводившиеся в 1973 г. на восточном фасе «холма стены», но не в нижней его части, где изучались в 1965 г. обводные стены, а выше по склону. Как показал разрез, ко времени Намазга V здесь относятся три строительных горизонта. На уровне самого верхнего, вскрывавшегося на раскопе 5 в 1966—1969 гг., древний край поселения полностью смыт. Однако уже во втором горизонте удалось установить наличие двух многокомнатных домов, выходивших на край города своими внешними стенами. Промежуток между домами, имевший в длину 5 м, укреплен массивной кладкой, которая вместе с наружными стенами домов образовывала извне единую линию. К массивной кладке снаружи примыкает полукруглая башня диаметром около 2 м. Таким же было оформление внешнего края города на этом участке и в нижнем, третьем строительном горизонте. Только вместо полукруглой башни здесь располагалась прямоугольная, размером 2×1.4 м. Наружная часть башни сложена хорошей регулярной кладкой из сырца, тогда как внутри встречаются и обломки кирпича. Наконец, на уровне четвертого строительного горизонта, содержавшего уже керамику типа позднего Намазга IV, внешний край был укреплен кирпичной стеной толщиной 2 м, прослеженной в длину на 10 м, но лишенной башен или пилястров. По наружной грани эта стена сохранилась в высоту на четыре ряда кладки, тогда как со стороны поселения проходит лишь один ряд. Видимо, кладка велась прямо по склону холма без его предварительного выравнивания. Башни, вскрытые на рас-

копе 5, судя по всему, играли двойную роль. С одной стороны, они были как бы массивными контрфорсами, укрепляющими обводную стену, идущую по верху довольно крутого склона, с другой — могли использоваться и как собственно башни, обеспечивающие фланговый обстрел противника из лука или пращи. Возможно, что именно строительная функция контрфорса составляла первоначально основу развития башен как фортификационного сооружения.

Более ответственные участки внешнего обвода Алтын-Депе укреплялись тщательнее. Так, глубокие лощины, рассекающие края современного городища, служили в древности, во всяком случае в эпоху бронзы, дополнительными въездами или проходами. В одной из лощин, где менее крутые склоны позволяли надеяться на то, что соответствующие слои не размыты полностью, произвели исследования и заложили раскоп 11. Здесь вдоль глубокой низины, уходящей внутрь городища, располагалось всхолмление, вытянутое в длину на 60 м. Раскопки показали, что на его внешней, восточной части находился обширный дворовый участок прямоугольной формы, огражденный стенами толщиной 0.5 м. Дальше на запад по направлению к внутренней части городища весь южный склон холма обрамлен мощной кирпичной кладкой, несущей следы многочисленных перестроек. Судя по всему, здешняя постройка фланкировала один из дополнительных въездов в город. Именно со стороны раскопа 13 по направлению к этой низине идет улочка шириной около 2 м. В оформлении указанного южного склона различаются два участка. На первом из них есть сооружение типа полукруглой башни диаметром около 1.5 м, от которого идет прямой фас мощной сырцовой кладки. На втором участке четко видна стена толщиной примерно 2.3 м, фланкированная двумя подпрямоугольными в плане башнями. В длину эта стена прослеживается почти на 12 м. Позднее она была застроена как изнутри, так и по внешнему краю, причем в последнем случае башни оказались полностью скрытыми под застройкой, а кладка приобрела толщину около 6 м. В период бронзы путники, направлявшиеся на поселение по указанной низине, имели справа от себя сырцовую стену с башнями. Возможно, аналогичным было обрамление и противоположного края лощины, но в настоящее время у расположенного там всхолмления отмечен крутой склон, на котором соответствующие постройки практически полностью смыты.

Особенно сложными оказались оборонительные сооружения в районе главного въезда в город, располагавшегося, как это отчетливо видно по рельефу, на южном фасе Алтын-Депе. Здесь предварительные раскопки были осуществлены еще в 1969 г., но наиболее важные результаты получены при их продолжении в 1975—1976 гг. Картина перестроек и изменений оказалась весьма сложной, но именно перестройки позволили обнаружить фортификационные сооружения раннего периода, довольно хорошо сохранившиеся и достаточно выразительные.

При начале работ в районе главного въезда основное внимание было уделено его западной части, где более пологие склоны позволяли надеяться на лучшую сохранность строительных остатков, тогда как крутой восточный склон уже при предварительном осмотре выглядел сильно размытым. В западной стороне в 1969 г. были вскрыты обводные сооружения, связанные с последними этапами существования Алтын-Депе. Здесь выявлена стена толщиной 80 см, идущая параллельно въезду и, судя по всему, оформлявшая некогда его центр. На юге, со стороны внешнего фаса, эта стена упиралась в массивную кладку, занимающую площадь 4×3.5 м и являющуюся скорее всего основанием башнеобразного сооружения на углу ворот. К привратной башне с запада подходит обводная стена толщиной около 1.8 м, фланкированная прямоугольной башней размером 2.2×2.8 м. Позднее к обводной стене снаружи были пристроены небольшие комнатки.

В 1975 г. во время дальнейших раскопок все поздние постройки после тщательной фиксации были снесены. Под ними удалось раскопать более ранние фортификационные сооружения. Здесь был вскрыт участок крепостной стены из сырцового кирпича толщиной 6 м. От нее вдоль въезда отходит прямоугольная башня-пилон размером 6.2×3 м, декорированная прямоугольными пилястрами (табл. II, *1*). Со стороны города в этом месте к воротам подходила улица, первоначально имевшая ширину 2.8 м, позднее застроенная и сузившаяся до 1.3 м. По направлению ось улицы, скорее всего ориентированная на городскую застройку, несколько отличалась от оси фортификационных сооружений. К востоку от стены, ограждающей улицу, располагался широкий участок центрального въезда в город. Он, так же как и улица, заполнен вымостками из толстых стенок сосудов, неоднократно возобновляющимися и перемежающимися натечно-надувными слоями. К востоку от угловой башни находились также неоднократно перестраивавшиеся стены, регулирующие продвижение по центральному въезду. Со стороны поселения обводная стена была оформлена массивными выступами, к которым пристраивались стены небольших пристенных помещений. В одном из них найдены разрозненные кости младенца и несколько сосудов (пом. 32).

Шурф, заложенный со стороны поселения на участке, условно названном пом. 31, и широкие раскопки за внешним фасом крепостной стены позволили наметить историю оборонительных сооружений в этом месте городища (рис. 10). К первому, наиболее раннему из установленных здесь

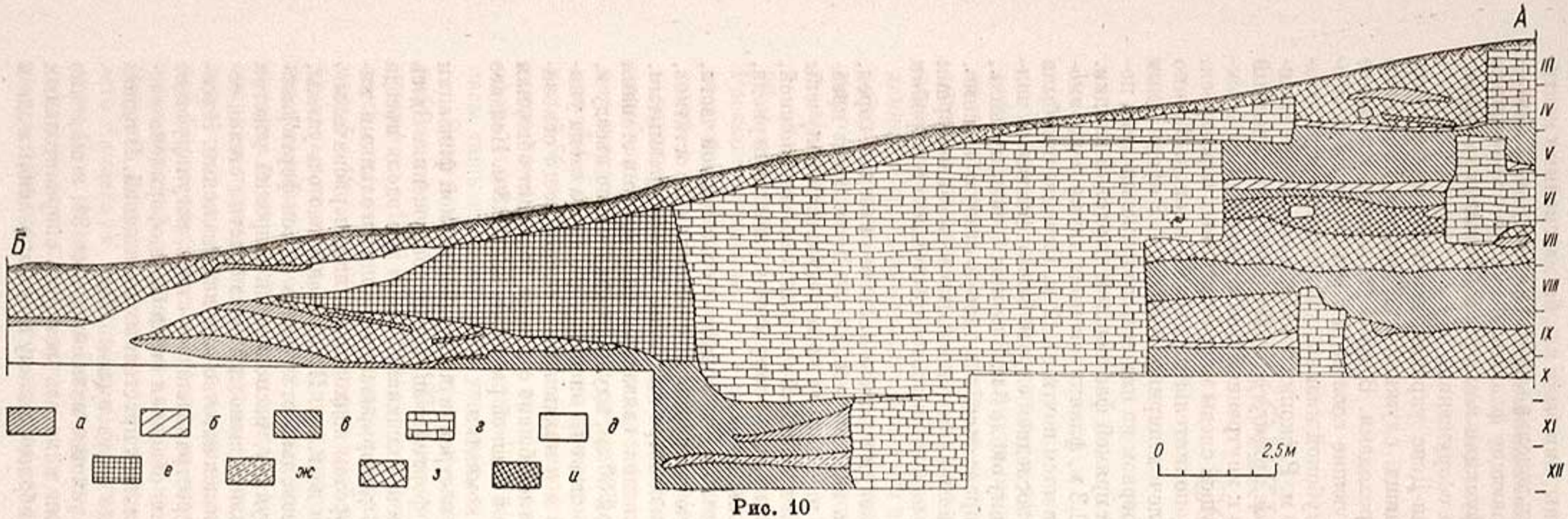

Рис. 10

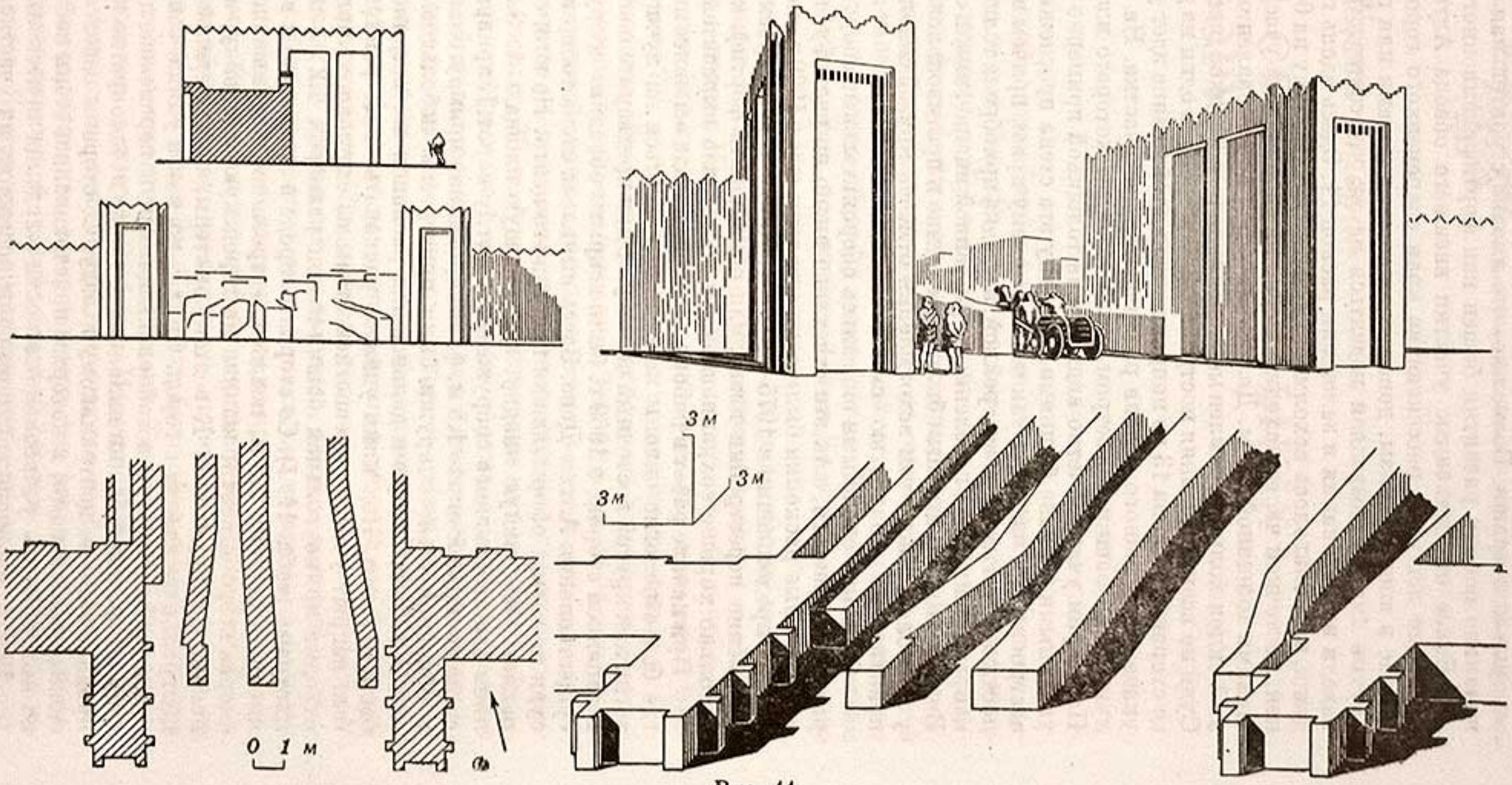

Рис. 11

периодов относится обводная стена, частично выявленная в разрезе у внешнего фаса в XI—XII ярусах. Ее наружная грань отступает внутрь города почти на 1.5 м по сравнению с основной стеной, вскрытой в раскопе. От стены, примыкая к ней, идут чуть наклонные культурные слои, содержащие расписную керамику времени раннего Намазга IV (или горизонта Алтын 8 — по стратиграфии Алтын-Депе).

Во второй период крепостная стена увеличивается и достигает ширины 4.8 м. Видимо, в это же время появляется и привратная башня-пилон, декорированная пилястрами. Со стороны города к крепостной стене подходят небольшие строения, остатки которых представлены во второй половине VII—первой половине X яруса. Помимо обломков керамики здесь найдено несколько глиняных ядер для пращи. В целом комплекс расписной керамики напоминает посуду горизонтов Алтын 6 и 7 (среднее Намазга IV).

Третий период отражает расцвет оборонительных сооружений. Со стороны города крепостная стена надстраивается еще раз и достигает теперь толщины 6 м. Стены соответствующих ей внутригородских строений образуют два строительных горизонта и занимают V—первую половину VII яруса. Обнаруженный здесь керамический комплекс относится ко времени позднего Намазга IV и по стратиграфии раскопа 1 может быть определен как соответствующий горизонтам Алтын 4 и 5.

Наконец, четвертый период относится к раннему Намазга V, когда в течение какого-то промежутка времени фортификационные сооружения поры ранней бронзы полностью сохраняли свое значение. Не исключено, что крепостная стена была еще несколько утолщена за счет пристроек с внутренней стороны города. Вместе с тем замечается некоторое пренебрежение к состоянию крепостных стен. Около них накапливаются мусорные отложения с мощными зольными прослойками — городской мусор сваливался прямо под стены. Вероятно, такое постепенное исчезновение под мусором внешних граней — одна из причин того, что старые стены были в конце концов оставлены и на них как на фундаменте возведена менее капитальная обводная стена с новой привратной башней, которая была вскрыта в 1969 г. и которую, согласно устанавливаемой теперь периодизации, можно отнести к последнему, пятому периоду.

В западной части центрального въезда на Алтын-Депе картина оказалась более сложной, поскольку крутые склоны способствовали сильному разрушению сырцовых кладок под действием природных факторов. Здесь удалось обнаружить грань достаточно мощной кладки, идущей внутрь поселения параллельно западной стене въезда. Около нее найдено одиночное погребение с тремя расписными сосудами, один из которых явно относится к позднему Намазга IV (погр. 359). К этому же времени можно отнести и расписные сосуды из находящегося здесь коллективного захоронения (погр. 334—343), сильно разрушенного в силу близости к дневной поверхности. Названные находки позволяют синхронизировать данную стену с третьим периодом предложенной выше схемы. В 1976 г. при продолжении работ удалось обнаружить основание второй, восточной башни-пилона, оформлявшей въезд. Расстояние между ней и западным пилоном 15 м, что и определяет общую ширину ворот (рис. 11). Вместе с тем оказалось, что 15-метровое пространство было расчленено на три улицы, ведущие внутрь Алтын-Депе. Ширина двух таких улиц 1.5—2 м. Они, судя по этим размерам, предназначались в основном для пешеходов. Третья, центральная улица имеет ширину от 4 до 5 м и могла быть использована для повозок, запряженных, как это видно на глиняных моделях, одним или двумя верблюдами. Стены главной улицы выводят к внешнему обводу несколько под косым углом, что, видимо, отражает ориентацию на оси внутренней застройки Алтын-Депе. Конечные же отрезки стен, ограждающих улицу, были слегка отклонены от этой оси и ориентированы уже по граням башен-пилонов, обрамляющих ворота. Все улицы заполнены исключительно плотными глиняными натеками с горизонтальными прослойками древних вымосток из обломков толстостенных сосудов.

При суммировании результатов исследований на раскопках в разные годы вырисовывается следующая картина фортификации Алтын-Депе в эпоху бронзы. Аморфная планировка, унаследованная поселком бронзового века от энеолитической эпохи, привела к тому, что и периметр обводных стен оказался изломанным, многогранным, податливо следующим за особенностями планиграфии городских кварталов. Используя выгодное положение Алтын-Депе на высоком искусственном

Рис. 10. Раскоп 8. Профиль разреза обводных стен.

а — зольники; *б* — горизонтальные прослойки полов; *в* — плотный завал с кусками сырца; *г* — стены; *д* — плотный глинистый натек; *е* — горизонтальные мусорно-натечные слои; *ж* — темно-серый натечный слой с большим количеством известковых включений; *з* — рыхлый завал с кусками сырца; *и* — завал с большим количеством углей.

Рис. 11. Раскоп. 8. Предвратные сооружения нижнего горизонта. План, аксонометрия и реконструкция В. Б. Зернова.

всхолмлении, порой с весьма крутыми склонами, древние строители обычно ограничивались сравнительно небольшими по объему работами: облицовывали склон сырцовым кирпичом и возводили обводные стены, как правило, незначительной толщины, местами усиливая их башнями-контрфорсами, обычно прямоугольными, но иногда и полукруглыми. Более фундаментально укреплялись ответственные участки: различного рода проходы, ведущие внутрь города, и особенно центральный въезд. В последнем случае крепостная стена была весьма мощной, а привратные башни-пилоны, декорированные ритмично повторяющимися выступами-пилястрами, представляли сами по себе выдающиеся произведения древней монументальной архитектуры.

Таким образом, на Алтын-Депе был выработан ряд строительных приемов фортификации как особой отрасли строительного дела, начинает складываться определенный фортификационный канон, что, в частности, доказывается повторяющимися размерами прямоугольных в плане башен. Последние представляли собой массивные сооружения сплошной кладки. В данном отношении они отличаются от овальных в плане построек, включавшихся во внешний обвод стен, ограждавших энеолитические поселения Геоксюрского оазиса [Хлопин, 1964, с. 80—85]. Эти сооружения, играя во внешнем обводе роль башен, одновременно служили обычными жилыми помещениями, о чем свидетельствуют наличие внутри них бытовых очагов и характер находок в культурном слое. Подобная функциональная недифференцированность составляет, судя по всему, одну из характерных черт первобытной фортификации вообще [Массон, 1976а, с. 139—140]. На Алтын-Депе появление башен как специализированных построек и особенно наличие парадно оформленного монументального въезда позволяют говорить о развитии уже собственно фортификации.

Оформление въезда в город (или городских ворот) двумя башнями — весьма древний прием, типичный для восточной фортификации [Yadin, 1963, p. 21—22, 55]. Иногда фланкирующие въезд башни дополнительно украшались ортостатами с различного рода рельефами [Frankfort, 1955, p. 171]. Вместе с тем в Месопотамии главные входы в монументальные храмовые комплексы начиная с раннединастической эпохи тоже оформлялись массивными башнями-пилонами. Центральный въезд на Алтын-Депе в этом отношении стоит ближе именно к парадно украшенным главным входам таких храмов, чем к фланкированным башнями воротам крепостей в Западной Азии, где военная опасность всегда была очень велика. В последнем случае ворота делались очень узкими и продвижение по ним противника затруднялось дополнительным возведением поперечных отрезков стен. На Алтын-Депе, наоборот, мы видим расчленение пространства въезда продольными стенами, скорее организующими движение, чем затрудняющими его. Возможно, образованные таким образом три улицы запирались воротами из массивных бревен, соединенных бронзовыми скрепами или вообще обитых бронзой. Однако несомненно, что уже сама планировка центрального въезда Алтын-Депе отражала пышное гостеприимство, а не настороженную оборону. Архитектура ворот следовала древневосточным канонам, подчеркивая связи Алтын-Депе с культурным миром Передней Азии. Вместе с тем развитие оборонительных сооружений, наблюдаемое на Алтын-Депе в эпоху бронзы, является одним из внешних выражений тех качественных перемен, которые происходили в недрах местного общества.

Глава третья

РАСКОПКИ ЖИЛЫХ КВАРТАЛОВ

На высоком холме, каким был Алтын-Депе в эпоху развитой бронзы, за стенами, укрепленными башнями и контрфорсами, находились тесно расположенные строения. С целью исследования внутренней структуры поселка их раскопки производились на разных участках, предварительно тщательно изученных по данным микрорельефа и подъемного материала. В одних случаях заложенные после такого изучения раскопы были удачными и информативными, в других — строения четкой планировки, позволяющей делать обоснованные выводы, в пониженных участках быстро выклинивались или оказывались разрушенными поздними мусорными наслоениями. Но в целом в результате раскопок накоплен обширный материал, характеризующий внутреннюю застройку Алтын-Депе. Общая площадь раскопов, на которых изучались жилые кварталы, превышает 1 га.

Среди раскопов три связаны с изучением территории «холма ремесленников»: стратиграфический раскоп 1, заложенный на восточной окраине холма; крупный раскоп 10, вскрывший значительную часть квартала в его восточной стороне; небольшой раскоп 12, заложенный на западной оконечности, в низине, где были видны остатки обжигательных печей.

Надо сразу сказать, что раскопки полностью подтвердили определение данного участка как места концентрации ремесленных производств, и прежде всего керамического.

На раскопе 1 следы гончарного производства отмечены во всех трех горизонтах, относившихся к периоду развитой бронзы (время Намазга V). Строения здесь имеют стены, сложенные из прямоугольного сырцового кирпича размером 46×28×12 см. В первом горизонте (Алтын 1) в пределах раскопа сохранился только ряд небольших комнаток, по соседству с которыми располагалась гончарная печь; от последней уцелел лишь низ топочной камеры диаметром около 1 м. Расчищено несколько детских погребений, лишенных инвентаря, и четыре взрослых. Три находились в общей обкладке из сырцового кирпича, видимо представлявшей небольшую коллективную гробницу. Инвентарь крайне беден: глиняный сосудик у одного из погребенных и по одной каменной бусине у двух других. Выделяется погр. 4, в котором встречены кинжал из мышьяковистой бронзы и медная чашечка с длинной ручкой (табл. XXIX, *1*, *2*). Погребение обнаружено прямо под дерновым слоем и, возможно, относится к тому времени, когда весь данный участок Алтын-Депе был заброшен и захоронения в оплывших руинах совершались жителями, занимавшими западную часть поселения.

В горизонте Алтын 2 четко наметилось различие между южной и северной сторонами раскопа: на севере располагались сырцовые строения; на юге рыхлые мусорные слои со значительным количеством фрагментов керамики, в том числе и бракованной, указывают на наличие двора. Во дворе находилась и двухъярусная гончарная печь. Строения северной части сильно забутованы при возведении построек верхнего слоя. Всего намечено девять комнат, в основном небольших хозяйственных закутков, но выделяются крупные, видимо, жилые помещения и примыкающие к ним подсобные строения (пом. 2 и 3). Погребения Алтына 2 преимущественно детские. Инвентарь, как правило, отсутствует, и лишь в одной могиле встречена каменная бусина.

В горизонте Алтын 3 деление на двор и застроенную часть сохраняется. Сам двор огражден стеной толщиной около 0.5 м, идущей с запада на восток, длиной почти 10 м. Расчищены остатки двух керамических горнов. Возле одного из них найдено около 100 поделок из необожженной глины

преимущественно фигурок животных, видимо приготовленных для обжига. Строения сильно забутованы и не дают четкой картины. Погребения, среди которых три взрослых, по-прежнему лишены инвентаря, лишь в одном имеется керамическое пряслице. Преобладают захоронения маленьких детей под стенами комнат, обычно в углах. В пом. 4 обнаружено, например, четыре таких захоронения, в пом. 3 — два. Таким образом, раскоп установил традиционное заселение этой части Алтын-Депе мастерами-керамистами, жившими в многокомнатных домах, расположенных по соседству с обжигательными печами и хоронившими своих усопших без каких-либо приношений. В принципе это подтвердили и работы на раскопах 10, 12, заложенных на «холме ремесленников», где удалось более детально установить характер внутренней планировки хозяйственно-жилых комплексов.

На раскопе 10 работы проводились в течение трех сезонов. В 1969 г. были вскрыты строения самого верхнего слоя, в основном плохо сохранившиеся [Масимов, 1970а, 1970б]. Значительную часть раскопа (около 400 м²) занимал незастроенный дворовый участок, огражденный стеной. В его пределах расчищены нижние части топочных камер двух гончарных горнов, овальных в плане. Здесь же находились три погребения, видимо, относящиеся к поре запустения данного участка Алтын-Депе, когда жизнь сосредоточилась в его западной части. Одно погребение (125) детское, лишенное инвентаря; два других принадлежат взрослым особям. В погр. 124 лежали глиняные горшок и графинчик, а поблизости — каменная плакетка из серого камня с двумя сверленными лунками, в одной из которых встречена овальная вставка из белого камня. Инвентарь погр. 109 более богат: один глиняный сосуд, две печати (каменная и бронзовая), серебряная булавка с навершием в виде головы козла (табл. XXIX, *4*).

К этому дворовому участку примыкает восемь строений, разделяемых на два комплекса узкой извилистой улочкой. Поблизости от одного из них располагался горн, но трудно судить, функционировал он одновременно с жилым комплексом или устроен позднее.

В 1971 г. раскоп был смещен дальше на север, где более низкие высотные отметки позволяли надеяться выйти сразу на строения второго горизонта, имеющие хорошую сохранность. Действительно, постройки верхнего слоя здесь оказались практически смытыми, а стены помещений второго слоя местами достигали 1 м. Все постройки возведены из сырцового кирпича размером преимущественно 39—47×20—25×9—13 см, хотя изредка встречаются экземпляры 24×24×10 см, возможно представляющие собой половинки основного строительного материала. Эти комплексы были детально изучены И. С. Масимовым, посвятившим им ряд публикаций [1972, 1973б, 1973в, 1976б]. Все строения, вскрытые на площади 1400 м², разделяются на несколько комплексов двойными стенами и улочкой шириной 1.5—2 м (рис. 12). Могут быть выделены четыре хозяйственно-жилых комплекса. Жилые помещения отличаются большей площадью, более тщательной отделкой стен, аккуратно обмазанных глиняной штукатуркой, и меньшим числом находок фрагментов керамики. Как правило, в центре их имеются отопительные очаги, устроенные на невысокой подквадратной платформе. Характерная черта вскрытых домов-массивов — наличие составного планировочного элемента, состоящего из жилой комнаты, обычно подквадратной в плане, и соединенного с ней проходом узкого хозяйственного помещения. Площадь таких исходных блоков колеблется от 10 до 18 м², но в среднем по раскопу составляет около 16 м². Остановимся на краткой характеристике вскрытых комплексов.

Наибольший интерес представляет комплекс, названный центральным и состоящий из 13 маленьких помещений и одного такого же внутреннего дворика. Теснота застройки вообще характерна для Алтын-Депе, но на «холме ремесленников» она особенно велика. Так, дворик занимает площадь около 14 м²; у одной из его стен в полукруглом ограждении на невысокой платформе устроены два кухонных очага, овальных в плане. Вне ограждения находился еще один подобный очаг. Во дворе встречены фрагменты трех каменных зернотерок, обломки кухонных котлов и жаровен, что ясно указывает на хозяйственные функции этого участка, условно обозначенного как пом. 12. За время существования дома отмечен ряд перестроек, несколько изменивших его первоначальную планировку. В основе последней лежал названный выше исходный планировочный элемент из жилой комнаты и подсобного хозяйственного строения, соединенного с ней проходом. В центральном комплексе к числу исходных блоков относятся пом. 2/3 и 19, 5 и 6, 7 и 11. Во всех трех случаях комнаты, определяемые как жилые, имеют отопительные очаги на квадратной платформе. На втором этапе существования комплекса проход из пом. 2/3 в пом. 19 был заложен, и последнее, возможно, отошло к соседнему дому-массиву. Также довольно крупное по площади пом. 1 с пристенным очагом, сооруженным из кирпичей, поставленных на ребро, по предположению И. С. Масимова, является производственным. В нем было найдено 13 глиняных статуэток животных и антропоморфных фигурок, причем лишь часть из них обожжена. Здесь же находились три камня шаровидной формы, использовавшихся как лощила.

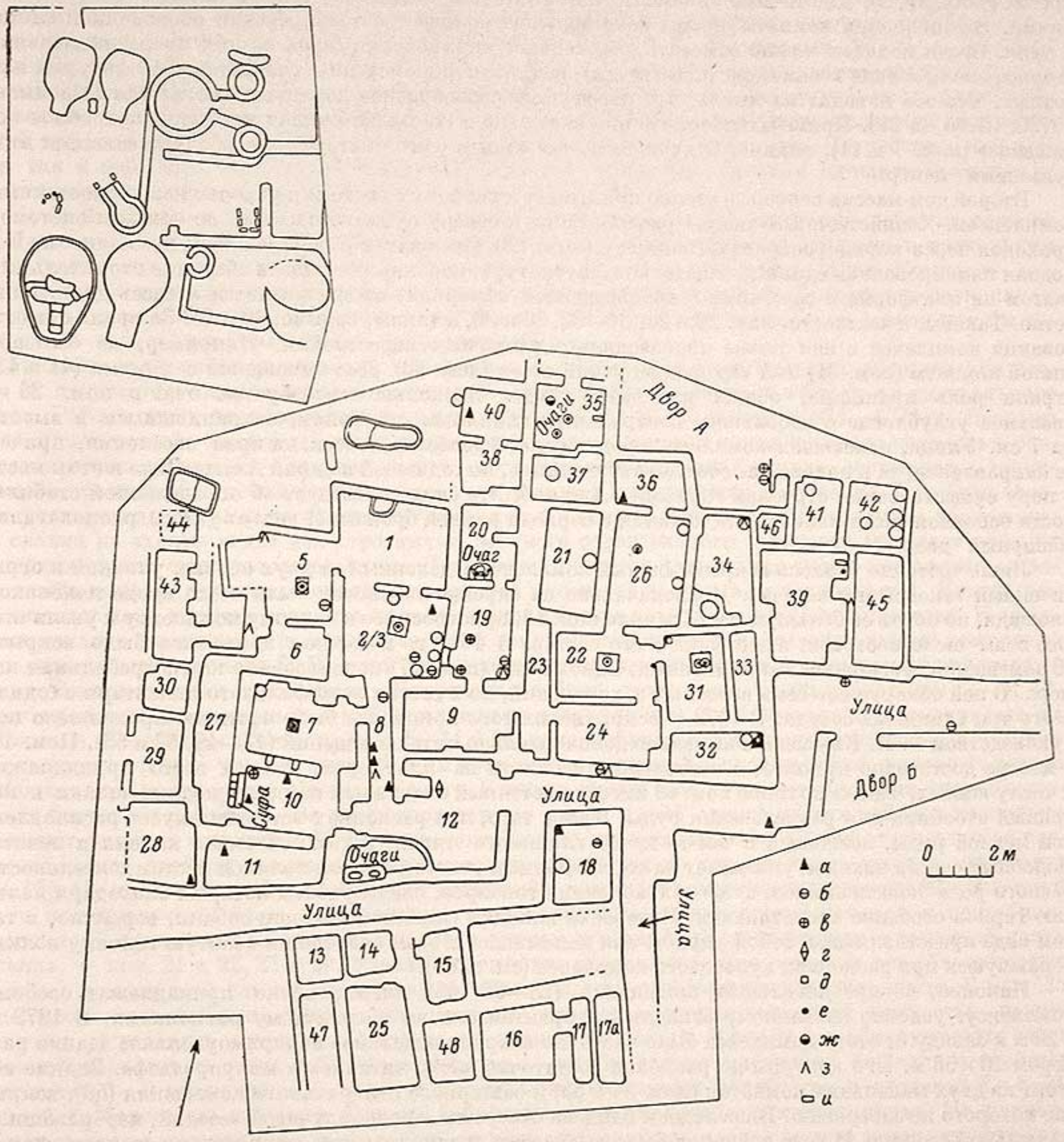

Рис. 12. Раскоп 10. План вскрытых строений.

а — статуэтка; *б* — бусы; *в* — пряслице; *г* — стрела; *д* — пробойник; *е* — подпятник; *ж* — ступка; *з* — погребение; *и* — зернотерка.

Строением явно специализированных функций, но совсем иного порядка было и пом. 10, с небольшой суфой у западной стены. Эта стена имела сквозные отверстия в виде полукреста и четверти креста (табл. II, *2*), идентичные орнаменту на культовых предметах, условно именуемых реликвариями. В заполнении комнаты обнаружено большое количество золы, кусков обожженной глины и угля. Среди находок можно отметить две женские скульптурки (одна из них имела на тыльной стороне знаки в виде восьмиконечной звезды), шесть антропоморфных статуэток и 10 фигурок животных. Все это наводит на мысль, что перед нами своеобразное домашнее святилище [Масимов, 1973б; 1976б, с. 21]. Примечательно, что оно включено в комплекс «жилая комната—подсобное помещение» (пом. 7 и 11), видимо, будучи тесно связанным с его обитателями, обслуживавшими этот культовый центр.

Второй дом-массив непосредственно примыкает к первому с востока и условно назван восточным комплексом. Хозяйственный двор *А* располагался к северу от всего массива, но сам дом системой проходов через коридорообразную комнату (пом. 23) был связан с центральным комплексом. Исходная планировочная единица (тщательно оштукатуренная жилая комната обычно с отопительным очагом на платформе в сочетании с хозяйственной каморкой) прослеживается и здесь достаточно четко. Таковы, в частности, пом. 22 и 24, 31—33, 26 и 36, а также, видимо, 39 и 45. За время существования комплекса в нем также производились различные перестройки. Например, из большой жилой комнаты (пом. 31) был выгорожен узкий отсек (пом. 33). Два помещения с хумами (41 и 42) играли роль хранилищ, общих для всего дома. Несколько своеобразен очаг в пом. 26 — овальное углубление с небольшим центральным глиняным столбиком, сохранившимся в высоту на 7 см. Улица, огибавшая комплекс, продолжалась далее на восток, на край поселения, причем ее направление, да и положение соответствуют улице, выходившей на край Алтын-Депе в этом месте в пору существования строений горизонта Алтын 4. Это свидетельствует об определенной стабильности основной части планировки начиная с периода ранней бронзы. К югу от улицы располагался обширный двор *Б*.

Лишь частично удалось вскрыть южный комплекс, отделенный от двух первых улочкой и ограниченный таковой и с востока. Первоначально на скрещении улочек было нечто вроде маленькой площади, но потом ее бóльшую часть заняло пом. 18, пристроенное к южному комплексу и увеличившее этим число построек, входивших в его состав. В 1971 г. в южном комплексе было вскрыто 10 помещений, в основном хозяйственных. Одно из них (пом. 17) использовано как погребальная камера. В ней обнаружено семь взрослых захоронений, но в состав погребального инвентаря входило всего три глиняных сосуда. В 1972 г. вскрытие южного комплекса было частично продолжено под руководством В. И. Кнышева и выявлено дополнительно пять помещений (47—49, 52 и 53). Пом. 48, в центре достаточно крупное, с отопительным очагом на платформе, скорее всего принадлежит к числу жилых. Также крупное пом. 49 имеет пристенный очаг; в нем найдены медные шлаки и каменный отбойник для размельчения руды. Кроме того, при раскопках встречены кусок расплавленной медной руды, лежавшей в чем-то вроде глиняного тигля, и незаконченная каменная печать. Подобный состав находок указывает на то, что данный участок в целом являлся местом деятельности разного рода ремесленников, а не только одних гончаров, следы работы которых благодаря наличию горнов особенно впечатляющи. Интересна находка глиняной головки собаки, вероятно, в таком виде представлявшей собой амулет; она напоминает в этом отношении золотую головку волка, попавшуюся при раскопках культового комплекса (см. с. 65).

Наконец, четыре небольших помещения (28—30, 43) планировочно принадлежат особому комплексу, условно названному западным и практически не затронутому раскопками. В 1972 г. в 20 м к западу от этого комплекса было частично вскрыто отдельное подпрямоугольное здание размером 10×55 м. Его контуры до раскопок достаточно четко читались в микрорельефе. Здание состоит из двух маленьких комнаток (пом. 54 и 55) и обширного центрального помещения (56), вскрытие которого не завершено. В последнем найдена статуэтка с восьмилучевой звездой, изображенной на тыльной стороне. В ходе раскопок было высказано предположение, что отдельно стоящее здание могло принадлежать к числу общеквартальных построек общественного назначения, но незавершенность раскопок не позволяет говорить об этом с достаточной уверенностью.

Количество захоронений, встреченных на раскопе 10 помимо упоминавшейся коллективной гробницы, весьма невелико. Так, в пом. 1 в хуме находилось погребение младенца, сопровождавшееся глиняным сосудиком, а в пом. 41 — ребенка 6—7 лет без сопровождающего инвентаря. Возможно, при дальнейшем углублении под полы строений центрального и восточного комплексов там были бы обнаружены детские захоронения под стенами. Шесть детских погребений встречено в пределах южного комплекса при его раскопках в 1972 г. Все они лишены какого-либо инвентаря, за исключением захоронения подростка 12—14 лет, при котором найдена сердоликовая бусина.

В северной части раскопа 10, непосредственно примыкая к центральному и восточному комплексам, находился специализированный производственный участок, где располагалось 15 двухъярусных гончарных горнов различной величины. Здесь же в изобилии встречены керамические шлаки и бракованная посуда. Сами горны, в основном овально-вытянутые в плане, имеют глубокую топку, обычно разделенную на две части. Они подробно изучены И. С. Масимовым [1976б, с. 39—48]. Таким образом, исследования на раскопе 10 полностью подтвердили ту предварительную характеристику, которую дали для «холма ремесленников» ограниченные по объему работы на раскопе 1. Это был участок поселения, где концентрировались представители разных ремесленных специальностей, скученно застроенный домами, состоящими из небольших клетушек. Погребения, как детские, так и взрослые, отличались крайней бедностью инвентаря. Средняя площадь помещений, определенных как жилые, на раскопе 10 составляет 8.5 м^2.

По крайней мере в двух отношениях эти выводы нашли подтверждение в ходе работ на раскопе 12 [Масимов, 1974б, 1978а]. Здесь было вскрыто 18 комнат, относящихся, видимо, к нескольким хозяйственно-жилым комплексам, но ни один из них не раскопан достаточно полно. Комнатки, как правило, небольшие; некоторые из них отличаются тщательной отделкой. В пределах раскопа обнаружено также шесть обжигательных печей разных типов и сохранности. Этот раскоп как бы замыкает на западе границы «холма ремесленников».

Небольшие по площади строения, объединенные в многокомнатные массивы, вскрыты и на раскопе 8, на участке, расположенном на южной окраине «холма меди» к востоку от центрального въезда. Работы здесь производились под руководством В. И. Кнышева в 1971—1972 гг. Вскрыто около 30 помещений, вытянутых вдоль современного холма, крутой склон которого полностью разрушил крайние из комнат. Севернее участка располагалась мусорная свалка, состоящая в значительной мере из зольных отвалов и частично разрушившая вскрывавшиеся строения. Подобные свалки характерны для окраин поселений, куда выносился всякий мусор. В данном случае расположение свалки на «холме меди» над строениями верхнего строительного горизонта отражает один из последних этапов существования Алтын-Депе, когда обжитая территория резко сократилась и запустевшие дома на окраинах использовались для мусорных свалок или захоронений. Иногда выбрасывалась даже горячая зола, что привело в ряде случаев к легкому прокаливанию стен. К сожалению, именно эта свалка и не позволила четко вскрыть замкнутые хозяйственно-жилые комплексы на данном участке раскопа 8. В целом таких комплексов было по крайней мере четыре, но каждый представлен немногими строениями. Например, особому дому явно принадлежат пом. 2—4, 12, ориентированные проходами на юг. Тщательная штукатурка пом. 3 и 4 позволяет рассматривать их как жилые. Второй дом состоит из пом. 5—11 и 13, ориентированных проходами на запад, в сторону небольшого дворового участка (пом. 14). Сам двор заполнен рыхлыми слоями земли, в которых весьма многочисленны кости мелкого рогатого скота. К числу жилых комнат в этом комплексе предположительно относятся пом. 5—7. Во дворе имеются два очага; около одного из них найдено несколько глиняных фигурок животных. К третьему дому можно отнести пом. 15—19. Он отделяется от четвертого стеной двойной толщины. Жилыми комнатами, судя по тщательности отделки, являются пом. 15 и 18, причем пом. 15 и 19 образуют типичный для жилого домостроительства рассматриваемой эпохи планировочный блок, состоящий из соединенных проходами жилой комнаты и подсобного строения. К четвертому дому можно отнести группу строений, расположенных в западной части раскопа, — пом. 21 и 22, 25 и 29. Разная ориентация входов, вероятно, связана с необходимостью создать в рамках дома замкнутые планировочные единицы, о которых говорилось выше. В пом. 25 в дерновом слое найдены серебряный кинжал, возможно принадлежавший полностью разрушенному погребению, и женская фигурка со знаком на плечах. В целом для обнаруженных здесь строений характерны очень небольшие размеры — это буквально клетушки: площадь подсобных помещений 2—3 м^2, редко — 4—5 м^2, а площадь жилых комнат колеблется в пределах 7—8 м^2. Данной особенностью строения раскопа 8 близки домам «квартала ремесленников». На раскопе 8 были найдены кусочек меди и несколько медных проколок, но следов самого металлургического производства не отмечено.

В пределах раскопа 8 обнаружены четыре погребения младенцев, лишенных инвентаря. Это обычные захоронения детей младшего возраста в пределах дома (например, три погребения были расположены в углах пом. 19, т. е. в хозяйственном тупиковом помещении, связанном проходом лишь с жилой комнатой 15). Возможно, рано скончавшиеся дети — члены обитавшей здесь семьи.

Строения несколько иного вида встречены в раскопе 5, расположенном на «холме стены». Здесь обширный участок застройки на уровне верхнего слоя был вскрыт в 1966 г. и в течение 1967—1970 гг. в небольших масштабах докапывался В. И. Кнышевым. В результате строения этого слоя были вскрыты полностью: на всех участках были достигнуты понижения, где строения данного го-

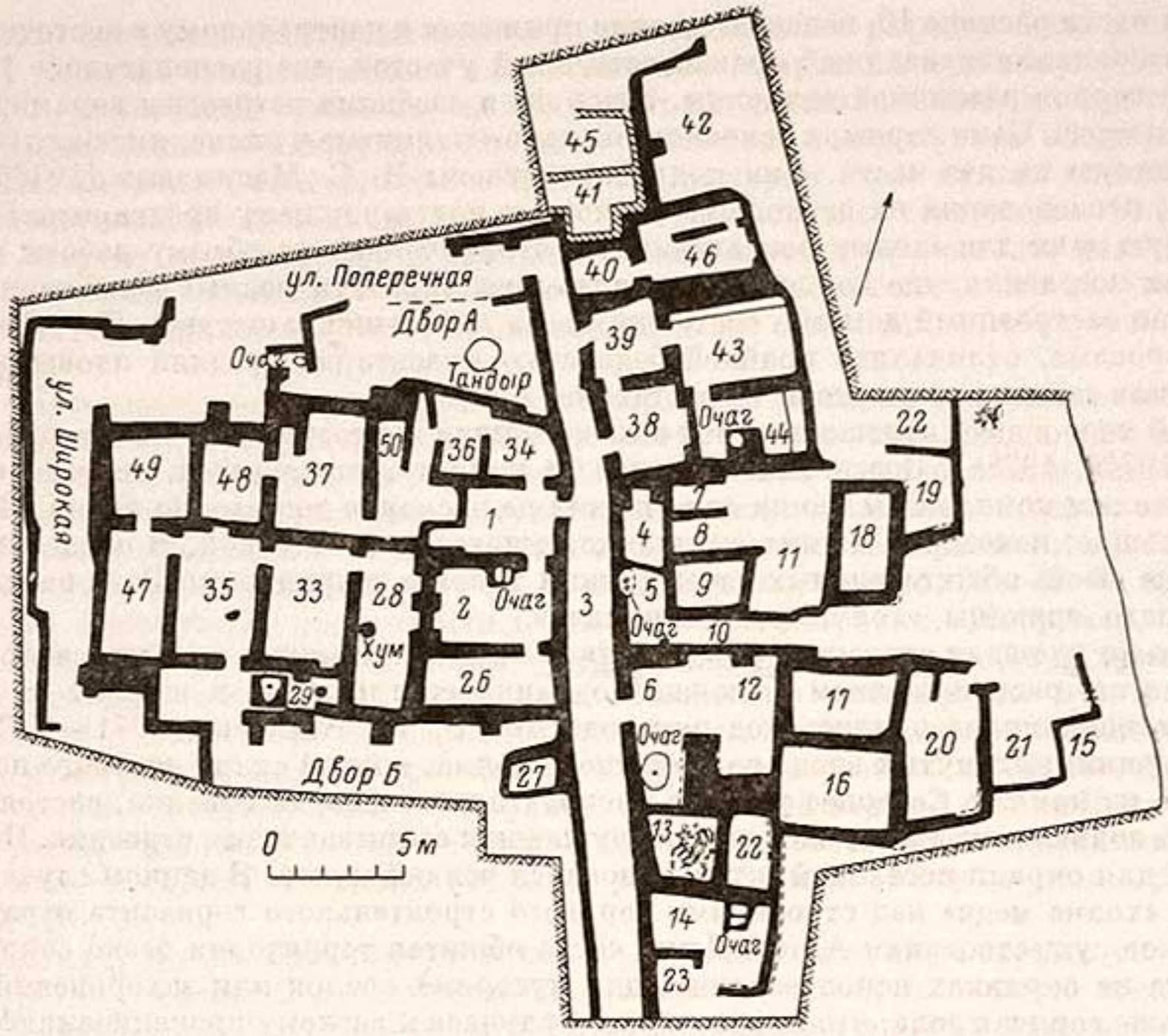

Рис. 13. Раскоп. 5. План вскрытых строений. Заштрихованы стены позднего этапа.

ризонта выклиниваются (рис. 13). Полученный материал дал яркую и выразительную картину, частично уже освещенную в печати [Массон, 1967г; Кнышев, 1971].

С самого начала работ на раскопе выявилась улица, идущая в направлении ЮВ—СЗ и имеющая ширину 1.5—1.8 м. Первоначально она рассматривалась как длинная комната — пом. 3. Позднее западнее была обнаружена другая улица, почти параллельная первой, но шириной 1.7—2.1 м, — Широкая. Улица, открытая первоначально на северо-западе, поворачивает под прямым углом, отчего на этом участке ее и назвали Поперечной. Четко прослеживается она не на всех участках; не исключено, что здесь существовала незастроенная территория типа площади, на которую выходили Широкая и Поперечная улицы. В заполнении улиц в изобилии встречаются фрагменты керамики. Так, только на одном участке Поперечной улицы длиной 4 м были обнаружены 854 осколка глиняных сосудов. Видимо, они образовывали своего рода вымостку, игравшую большую роль во время дождей, когда улицы имевшие наклон по рельефу холма, становились естественными водотоками.

Названные улицы ограждали с трех сторон участок плотной застройки. С четвертой стороны его ограничивал крупный хозяйственный двор *Б*. Этот участок, занимавший пространство 18.5×12—15 м, вскрыт полностью и дал четкую картину распределения помещений по отдельным хозяйственно-жилым комплексам. Раскапывавшиеся постройки, как правило, забутованы, и иногда поверх них прослеживаются тонкие стенки из зеленоватого кирпича, сохранившиеся в высоту на 10—20 см. По существу рассматриваемые строения, именуемые первым строительным горизонтом, были сверху перекрыты еще одним комплексом построек, полностью уничтоженным временем. Хотя, на первый взгляд, весь участок и представляет собой обширный многокомнатный дом-массив, изучение системы проходов показало, что в его составе находятся три отдельных комплекса-квартиры, планировочно обособленных друг от друга. Первый комплекс включал шесть комнат (пом. 28, 29, 33, 35, 47, 49). Отчетливо выступает исходный блок, состоящий из жилой комнаты и хозяйственного закутка: это пом. 33, жилое, и 28, тупиковое, связанное проходом только с жилой комнатой. В последней отмечен на стенах один слой штукатурки. У середины западной стены был врыт хум, около которого располагались три сосуда. Кроме того, здесь найдены три каменных навершия, вы-

прямитель древков стрел и часть медной проколки. Пом. 33 имеет тщательно обмазанные стены. Обмазка неоднократно подновлялась, и общая толщина штукатурки достигает 7 см. В южной стене сделана небольшая ниша, а на западной сохранились следы красной краски, нанесенной поверх штукатурки. Эти особенности позволяют с уверенностью рассматривать помещение как жилое и даже как парадную гостиную. У пом. 35 также есть ниша, а на стенах — три слоя штукатурки. На полу встречен фрагмент крупной зернотерки. У пом. 35 три прохода: один вел через вестибюль во двор *Б*, два других —в соседние комнаты; следовательно, данное помещение проходное, что, однако, не исключает возможности использования его под жилье. Третья дверь из пом. 35 вела на запад, в узкое продолговатое пом. 47, на стенах которого имеется лишь грубая однослойная штукатурка. Столь же небрежно отделано связанное с ним небольшое тупиковое пом. 49. Вероятно, два последних помещения являлись хозяйственными, вход в которые был возможен только через жилую комнату 33. Отопительные очаги во всех описанных комнатах не обнаружены. Зато в пом. 29 находился масивный подквадратный в плане очаг с маленьким глиняным столбиком в центре топки. Скорее всего перед нами кухня, вынесенная поближе ко двору, за пределы жилых строений. Сам двор *Б* заполнен рыхлыми натечно-надувными слоями и выбросами из очагов, включающими золу и мелкие угли. В отличие от помещений обломки сырцовых кирпичей встречаются здесь сравнительно редко. У восточной стены двора, являющейся одновременно и стеной улицы, находится закуток (пом. 27), явно представляющий собой хозяйственную постройку. В нем были найдены три керамических сосуда. К сожалению, двор *Б* удалось вскрыть лишь частично.

Второй комплекс-квартира первоначально состоял из трех комнат, взаимосвязанных проходами (пом. 1, 2 и 26). Пом. 1 имеет на стенах три слоя штукатурки и является, как и пом. 35 в предыдущем комплексе, проходным. Один из проходов, снабженный высоким порогом, ведет на улицу 3; второй — на север, во двор *А*; третий — на юг, в пом. 2, по-видимому жилое. Его стены трижды тщательно обмазаны штукатуркой; в одной из них — две ниши, у другой — двухчастный пристенный очаг. Более узкий проход ведет из этого помещения в продолговатую комнату 26, являющуюся, судя по всему, хозяйственным отсеком. Ее стены покрыты лишь одним слоем штукатурки. Здесь на полу найдены кости мелкого рогатого скота. В процессе функционирования данного комплекса его обитатели не только трижды подновляли отделку главных комнат, но и произвели работы по увеличению занятой ими площади. Часть двора *А* была отгорожена узкой, небрежно сделанной стеной так, что образовались два маленьких помещения (34 и 36). Заполненные кирпичным завалом с большим числом фрагментов керамики, они явно принадлежат к числу подсобных хозяйственных строений. Сам двор *А* содержит рыхлый культурный слой с примесью золы и кухонных отбросов. Во дворе расчищены остатки овальной в плане печи, напоминающей современные тандыры. Диаметр печи по основанию 57—67 см. Стена, отделяющая двор от улицы, сложена очень небрежно, в основном не из целых кирпичей, а из строительных отходов, имеет различную толщину и, очевидно, в древности представляла собой не капитальную стену, а сравнительно невысокий забор.

Не вполне ясна взаимосвязь второго комплекса с пом. 37, 48, 50. Пом. 37 — большая жилая комната, а расположенное за ним тупиковое пом. 48 — подсобный хозяйственный отсек. Пом. 50, узкое и перестраивавшееся, можно рассматривать как вестибюль. Системой проходов эта группа комнат выходит во двор *А*, но планировочно она резко обособлена от второго комплекса, и скорее всего ее надо рассматривать как отдельный комплекс-квартиру.

Менее четко выделяются комплексы к югу от улицы 3, но и здесь можно говорить о существовании отдельных квартир. Таков комплекс из четырех помещений (38, 39, 44 и 43). Проходы с улицы 3 вели в два помещения (38 и 39), которые, вероятнее всего, были хозяйственными. На полу пом. 38 найдены три черепа животных (овцы и двух свиней). Пом. 43 наиболее крупное в комплексе. Стены его неоднократно покрывались глиняной обмазкой; вдоль одной из стен расположена небольшая суфа. Пом. 43 можно рассматривать как жилую комнату. Здесь найдены терракотовая фигурка животного и фрагмент каменной биконической бусины. Дверь, соединявшая эту комнату с пом. 44, имеет невысокий, тщательно оштукатуренный порог. В пом. 44 встречен квадратный пристенный очаг с небольшим углублением, заполненным золой. В отличие от стен помещения, очаг тщательно оштукатурен. Площадь этого комплекса-квартиры в целом около 32 м², а площадь пом. 43 — 10.2 м². Севернее, видимо, располагался следующий комплекс с хозяйственными пом. 40 и 46 и жилой комнатой 42, сохранившейся лишь частично. В пом. 46 обнаружено много ядер для пращи, глиняных, терракотовых и каменных. Возможно, это и не случайно — помещение было одним из крайних на поселении.

Менее ясна группировка строений, находящихся к югу от рассмотренных комплексов. Узкое коридорообразное пом. 10 как будто делит их на две группы, в одну из которых входят пом. 4, 5, 7—9, 11, 18, 19, 22. В небольшом пом. 5 располагался пристенный очаг с двумя маленькими гли-

няными столбиками в центре. Остальные помещения невелики. Лишенные тщательной отделки, они выглядят как хозяйственные. Жилой комнаты здесь выделить не удается. Правда, этот комплекс является крайним на холме и часть его полностью смыта.

Далее на юг открыта обособленная группа помещений, среди которых пом. 6/12, с выходом на улицу 3 и двумя нишами, возможно, было жилым, а примыкающие к нему небольшие пом. 13 и 22 — — хозяйственными. Пом. 13 вторично использовано как погребальная камера. В пом. 6/12 имелся овальный в плане очаг с глиняным столбиком, расположенным в центре. Южнее находятся пом. 14 и 23, отделенные толстой капитальной стеной, причем в пом. 14 есть двухчастный пристенный очаг.

В ходе раскопок комплексов были обнаружены многочисленные погребения, которые можно разделить в возрастном отношении на две группы: захоронения детей и могилы взрослых. Детские захоронения, в основном детей в возрасте до 1—2 лет, располагались в углах домов, в ямах, а в одном случае — в кухонном котле (погр. 36), стоявшем в углу (пом. 4). Приблизительно у трети погребений имелся инвентарь. Так, в погр. 29 и 38 найдено по два керамических сосуда, у шеи младенца в погр. 41 — 19 гипсовых бусин. Нарушенное детское погр. 105 (в пом. 38) содержало три каменные бусины, одну агатовую и две гипсовые биконической формы, покрытые золотой фольгой. При сносе помещений рассматриваемого горизонта и углублении во второй слой было обнаружено детское погр. 258, в котором хорошо сохранился пояс из пастовых бус, расположенный в области таза. Погребения взрослых были как одиночные, так и в коллективной гробнице в пом. 13. Среди одиночных встречались безынвентарные. Например, в погр. 170, расположенном в пом. 49, у плеча лежал лишь рог животного. Пять безынвентарных погребений обнаружено на раскопе 5 при вскрытии второго слоя. Но в том же слое имелись и три погребения взрослых в сопровождении различных вещей: в мог. 251 — два керамических сосуда и одна сердоликовая бусина; в мог. 271 покоилась женщина 25—30 лет, имевшая ожерелье из бус и браслеты из гипсовых пронизок на запястьях обеих рук, а также серебряную печать; в женском погр. 272 встречены керамический сосуд и отпечатки плетеной корзинки.

Особенно богатым является двойное погр. 59—60, находившееся на окраине холма к востоку от пом. 22. Погр. 60, основное, принадлежит взрослой особи, по-видимому женщине, положенной в обычной для Алтын-Депе позе: на левом боку, с подогнутыми ногами. Вытянутая вперед левая рука покоилась на двух женских терракотовых статуэтках (табл. XI, *5*, *6*). На мизинце этой руки были два кольца из золотой проволоки. В погребении встречено 96 бусин из лазурита, сердолика, бирюзы, пасты и агата (табл. XXI, *3*). Помещенные на запястье мелкие лазуритовые бусы, очевидно, составляли браслет; среди других выделяются биконические гипсовые с золотой обтяжкой и крупная лазуритовая в виде длинной четырехгранной палочки с золотой оковкой по краям. Уникальна найденная в этом погребении серебряная печать (табл. XVII, *12*), изображающая фантастическое трехглавое существо с туловищем кошачьего хищника и тремя головами: хищной птицы и двух рептилий (змей или ящериц). Второе погребение (59) принадлежит подростку, расположено параллельно первому и лишено какого-либо инвентаря. Учитывая сложную магическую символику (две статуэтки, зажатые в руке, печать, изображающая фантастическое существо), погр. 60 было условно названо погребением жрицы.

Обильный и разнообразный инвентарь сопровождает и захоронения в гробнице, в которую было превращено пом. 13. Здесь налицо продолжение традиции коллективных захоронений в погребальных камерах, свойственной энеолитической эпохе. Такие камеры подробно изучались В. И. Сарианиди на Геоксюре [1972] и, как отмечалось выше, были найдены на Алтын-Депе (см. с. 12). Хоронили в них последовательно, причем при новых погребениях останки ранее захороненных бесцеремонно сдвигались в сторону. Пол гробницы 13 был устлан плетеной циновкой, прослеженной по отпечаткам. Отмечены три слоя захоронений. Наиболее потревоженными, естественно, оказались погребения нижнего слоя. На этом уровне длинные кости рук и ног, так же как тазовые и ребра, были собраны в небольшие углубления, где лежали перемешанные кучи. Однако черепа в них отсутствовали. Всего по черепам можно говорить о захоронении в данной камере 14 взрослых особей. Инвентарь, найденный в ней, достаточно разнообразен. Всего обнаружено 20 керамических сосудов, один каменный (табл. VII, *2*), терракотовая женская статуэтка (табл. VIII, *5*), 86 бусин (в том числе одна лазуритовая и четыре сердоликовые), бронзовое кольцо, кремневый наконечник стрелы и две бронзовые зооморфные печати (одна воспроизводит козла, другая — хищника кошачьей породы). Можно отметить, что погребенный 50 имел на безымянном пальце левой руки бронзовое кольцо и у шеи агатовую бусину, у пояса погребенного 48 находилась печать с изображением кошачьего хищника, у головы погребенного 56 — печать, воспроизводящая козла. Даже при распределении перечисленных вещей на 14 захороненных особей эти погребения выглядят относительно богатыми. Можно подчеркнуть и такую особенность, как поме-

щение в гробницу женской статуэтки и кремневого наконечника стрелы. Скорее всего в могилу была положена целая стрела, но ее древко и оперение полностью разрушились. Печати имелись лишь у двух погребенных и, видимо, находились у пояса.

Таким образом, результаты работ на раскопе 5 позволяют сделать три существенных заключения об образе жизни обитателей этого участка Алтын-Депе. Во-первых, они жили в небольших обособленных домах-квартирах, состоящих из четырех-пяти весьма крупных комнат. Площадь комнат, определяемых как жилые, колеблется в пределах 10—13 м²; площадь подсобных хозяйственных помещений — от 3.5 до 8.5 м². Дома отличаются тщательностью отделки, относительной правильностью планировки. Так, первый комплекс-квартира представляет собой группу комнат, развернутых анфиладой по длинной оси, что указывает на стремление к определенному архитектурному канону. Напомним, что аналогичную планировку имели уже строения эпохи ранней бронзы, вскрытые в том же раскопе в четвертом и пятом горизонтах (см. с. 26). Во-вторых, погребениям, обнаруженным на этом участке Алтын-Депе на уровнях двух строительных горизонтов, свойствен сравнительно богатый и разнообразный инвентарь, встречающийся как в захоронениях взрослых, так и в некоторых могилах младенцев. Погребенные здесь лица имели наборные браслеты из бусин, а иногда и такие же пояса на бедрах; распространено было и ношение металлических колец. Уникальным по составу инвентаря является «погребение жрицы», в котором обыденные предметы, например керамические сосуды, вообще отсутствуют. В-третьих, вся застройка, несмотря на четкость планировки отдельных домов, лишена геометрической правильности, что можно видеть по уличной сети, лишь приблизительно соблюдающей общее направление. Ни одна из обнаруженных улиц не имеет строго прямых стен, а состоит как бы из нескольких их отрезков, идущих в одном направлении, но под разными углами. Практически улицы образовывались за счет незастроенного пространства, остававшегося между крупными массивами строений, неодновременное возведение которых и обусловливало различия в направлении отрезков стен, ограждающих улицы. Предварительная четкая разбивка уличной сети с помощью мерных инструментов явно не производилась. В этом отношении застройка, вскрытая на раскопе 5, близка картине, наблюдавшейся на раскопе 10, и сохраняет традиции крупных поселений поры энеолита, например Геоксюра [Сарианиди, 1965] и Кара-Депе [Массон, 1960б].

В связи с завершением вскрытия домов верхнего строительного горизонта на раскопе 5 и малой перспективностью изучения сильно разрушенных строений на раскопе 8 были предприняты усилия по выбору нового пункта работ, где можно было бы в широких масштабах исследовать жилые постройки верхнего слоя Алтын-Депе. С этой целью в 1974 г. был выбран участок на северо-восточной окраине «центральной площади», где заложен новый раскоп — 13. Работы на нем под руководством В. А. Завьялова продолжались также в 1975 и 1976 гг. [1977]. Строения вскрываемого здесь участка, который в перспективе предполагается соединить с раскопом 9, ограничены с юга улицей шириной около 1.8 м, выходящей, как видно по рельефу местности и по «пятнам промокания» после дождя, в глубокую лощину. Вдоль ее северного фаса был заложен раскоп 11, где обнаружены стены с башнями, обрамлявшие этот дополнительный въезд на Алтын-Депе (см. с. 31). С севера данный участок ограничен дворами *Б* и *В*, заполненными рыхлой землей и мусорными отвалами. Здесь могут быть выделены комплексы-квартиры, состоящие из пяти-шести комнат, объединяемых друг с другом системой проходов.

В центре вскрытого участка располагался внутренний хозяйственный двор *А*. К одной из его стен пристроено подквадратное в плане пом. 40, которое во всяком случае на каком-то этапе было использовано как погребальная камера. Первый из намечаемых комплексов состоял по крайней мере из четырех помещений (4—7). Два из них (пом. 4 площадью 8.75 м² и пом. 7 площадью 8.74 м²) имеют на полу отопительные очаги овальной формы и скорее всего принадлежат к числу жилых. Видимо, жилым во втором комплексе было пом. 11 также с овальным очагом на уровне пола, площадью около 9 м². В этих и прилегающих помещениях обнаружено значительное количество керамических и алебастровых пряслиц.

Строения, вскрытые в сезон 1975 г., дали много находок расписной керамики типа Намазга IV, в том числе крупные целые сосуды, стоявшие в углах комнаты. Если постройки этого, более глубокого уровня по сравнению с ранее вскрытыми и не относятся непосредственно к финальному периоду ранней бронзы, то по крайней мере характеризуют тот первый этап комплекса типа Намазга V, когда в быту могли оставаться еще неразбитые древние изделия. Достаточно четко выделяются три комплекса: «квартиры», состоящие из четырех—шести комнат. Первый комплекс объединяет пом. 47—50. Два последних площадью соответственно 9 и 10 м² имеют в полу овальные очаги и могут рассматриваться как жилые. В пом. 48 в одной из стен обнаружены ниша и перед ней — тщательно обмазанный глиняной штукатуркой небольшой выступ. Не исключено, что здесь располагались какие-либо культовые объекты и помещение дополнительно выполняло функцию

домового святилища. В соседнем пом. 47 найдены три необожженные глиняные фигурки животных. Второй комплекс более значителен по размерам: он объединяет пом. 35—37 и 44—46. Пом. 44 (9 м²) с квадратным отопительным очагом, идентичным вскрывавшимся на раскопе 10, может быть определено как жилое. Пом. 37 и 46, в которых встречены крупные сосуды для хранения, скорее всего являлись хозяйственными. В третий комплекс входят пом. 38, 39, 41—43. Пом. 39 (7 м²) и 48 (8 м²) по тщательности отделки могут быть отнесены к числу жилых. Примечательна находка в двух помещениях этого комплекса каменных лощил для обработки кож. Каменные терки и песты представлены равномерно во всех трех комплексах. Описанные комплексы в процессе функционирования неоднократно подновлялись и ремонтировались: в отдельных помещениях отмечено до четырех промазок глиняных полов. Из 15 захоронений младенцев раскопа 13 лишь в одном находился керамический сосуд. По одному такому сосуду было и в трех из семи погребений взрослых. В упомянутой камере во дворе *А* обнаружены разрозненные части двух усопших; возможно, останки погребенных здесь лиц были на определенном этапе куда-то перенесены. Захоронения вне камеры, наоборот, оказались непотревоженными. Помещение их рядом с незаполненной гробницей несколько странно: очевидно, усопшие были лицами, которые по тем или иным обстоятельствам погребались вне места успокоения основного коллектива.

Участок раскопа 13, обозначенный как дворы *Б* и *В*, довольно значителен по занимаемой территории и, возможно, представлял собой нечто вроде междомной площади. Здесь обнаружено интересное сооружение: отдельно стоящее пом. 55 размером 2×1.4 м. Такое расположение, как и размеры, характерны для погребальных камер, но человеческих останков внутри пом. 55 не встречено. В нем вдоль двух стен вертикально стояло по 15 крупных уплощенных камней, пространство между которыми заполнено рыхлой землей. За вторым рядом лежали керамические чаши (51 экз.), в основном кверху дном, нередко стопками по нескольку штук. Они производят впечатление нарочно опрокинутых. В этом месте находились кости животных, принадлежавшие, по определению Н. М. Ермоловой, коровам и овцам, причем имеются мелкие обломки всех костей скелета, кроме нижних частей ног, обычно не употребляемых в пищу. Кости овцы принадлежат пяти молодым особям и одному ягненку. Интересны два остатка шеи овцы, состоящих каждый из двух сочлененных позвонков. Они явно были положены как отдельные куски туши, хотя, возможно, и обглоданные. По заключению Ермоловой, остеологический материал указывает на трапезу, после которой обломки костей были собраны и водружены позади стопок перевернутых чаш. Эти данные заставляют предполагать, что перед нами кенотаф, в котором останки умерших на стороне заменили вертикально поставленными обломками плоских камней. При поминальной трапезе съели некоторое количество мяса, а обглоданные кости положили в гробницу, так же как и перевернутые чаши, из которых выпили соответствующие напитки. Если судить по числу чаш, то в церемонии принимал участие 51 человек. Для поминального комплекса использовали существовавшее во дворе *Б* помещение, которое лишь слегка надстроили. По характеру керамики это событие может быть отнесено к позднему этапу Намазга V, когда восточная часть Алтын-Депе, где находится раскоп 13, была заброшена, а жители, сосредоточившиеся в западной стороне поселения, могли использовать обветшавшие руины для своих церемоний.

В целом материалы раскопа 13 свидетельствуют о расселении обитавших здесь людей по отдельным комплексам-квартирам, напоминающим аналогичные комплексы раскопа 5. Однако размеры жилых помещений здесь менее значительны: площадь ни одного из них не превышает 10 м². Замечена и большая небрежность в архитектуре: в плане домов много асимметрии, при соблюдении общих осей стены даже соседних комнат несколько сдвинуты от единой прямой, сами комнаты нередко косоугольны. Для захоронений характерна значительная бедность погребального инвентаря.

Наиболее широко вскрытие жилых и хозяйственных строений верхнего слоя Алтын-Депе было произведено на раскопе 9, расположенном в северной части «холма вышки». Работы здесь начаты в 1969 г., причем первоначальное место раскопа было выбрано на основании наблюдений за травянистой растительностью, покрывавшей отдельные участки холма. Хорошо прослеживалось большое подпрямоугольное строение четкой правильной планировки. Трава обильно произрастала по линиям контакта его сырцовых стен и культурных слоев, заполняющих внутренность помещений, что позволило до раскопок почти полностью наметить план строения, который в дальнейшем был лишь несколько уточнен. Открытое строение, выделявшееся размерами, геометрической правильностью планировки и тщательностью отделки, настолько отличалось от всех предыдущих, что получило название «дом вождя». В 1970 г. был вскрыт прилегающий к дому участок подсобных строений и обнаружена гробница с относительно богатым погребальным инвентарем. Перспективность исследований на этом участке заставила после завершения работ на культовом комплексе перенести сюда основные работы экспедиции. В результате выявилась четкая система улиц, расхо-

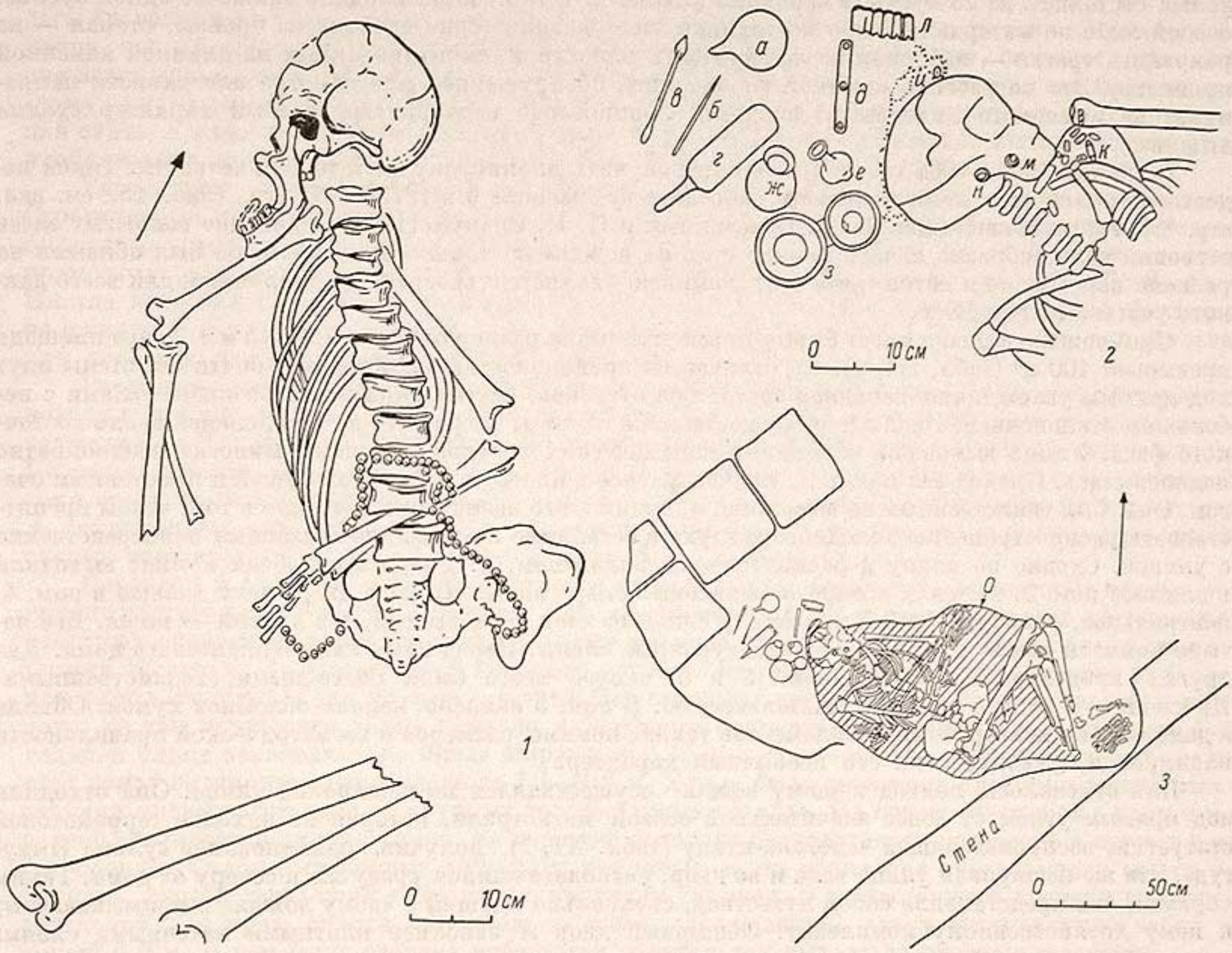

Рис. 14. Погр. 198 (*1*) и 252 (*2*, *3*).

Находки в погр. 252: *а* — зеркало; *б* — шило; *в* — булавка; *г* — лопаточка; *д* — палочка из слоновой кости; *е*, *ж* — глиняные сосуды; *з* — двойной каменный сосуд; *и* — бисер; *к* — бусы ожерелья; *л* — зубы животного; *м*, *н* — бронзовые височные кольца; *о* — следы истлевшей подстилки.

дящихся под прямым углом, и примыкающих к ним просторных домов, сопровождающихся богатыми гробницами и погребениями. Это позволило именовать данный участок «кварталом знати».

Скорее всего именно «холм вышки», во всяком случае его восточная часть, был местом обитания состоятельной верхушки общества. Уже в ходе раскопок 1959—1962 гг. здесь были обнаружены два замурованных в стену клада вещей, в состав которых помимо керамики входили ценные импортные предметы, в том числе изделия из слоновой кости [Ганялин, 1967]. В 1973 г. западнее этого раскопа было открыто богатое погребение женщины 30—35 лет (рис. 14, *2*, *3*). Умершая помещена в могильную яму на спине со скрещенными на груди руками и ногами, согнутыми в коленях, которые, упав затем на бок, образовали «позу скорченности». Судя по истлевшим отпечаткам на дне могильной ямы и частично поверх скелета, тело было завернуто в материю, а не в циновку, как это характерно для погребений в других раскопах. В головах находился столик, сделанный из сырцового кирпича; около него располагались различные предметы, в их числе два глиняных сосудика, двойной сосуд из мраморовидного известняка (табл. VII, *1*), квадратная в сечении палочка из слоновой кости с нанесенным на нее орнаментом из прочерченных кружков (табл. XXII, *5*) и металлические изделия (шило, булавка, плоская лопаточка и серебряное зеркало с короткой ручкой). Весьма разнообразным оказался и набор личных украшений. Так, у височных костей лежали бронзовые подвески из двух витков проволоки; на черепе — мелкий пастовый бисер, видимо украшавший расшитую шапочку несколькими уплощенными дугами. Всего на шапочке было 418 мелких пастовых бусин и две сердоликовые. Оригинальным оказалось и оже-

релье, состоящее из 28 бусин, в основном агатовых. В его состав входило также по одной бусине, особой либо по материалу, либо по технике изготовления (одна сделана из бронзы, вторая — из раковины, третья — наборная из лазуритовых пластинок, смонтированных на длинной каменной пронизке). Это погребение «знатной горожанки», обнаруженное при осмотре поверхности памятника, размываемого ливневыми дождями, лишний раз подчеркивает особый характер «холма вышки».

Раскопки 1959—1962 гг. не позволили получить планировку достаточной четкости. Такой недостаток полностью компенсирован работами на раскопе 9 в 1973—1978 гг. (рис. 15, см. вкл. стр. 48), возглавлявшимися Ю. Е. Березкиным и Н. Н. Скакун [1978]. Описание вскрытых здесь строений целесообразно начать именно с «дома вождя» не только потому, что он был обнажен на раскопе первым, но и потому, что этот комплекс является своего рода эталонным для всего данного участка Алтын-Депе.

«Дом вождя» в плане имеет форму прямоугольника размером около 7.5×15 м,т. е. его площадь превышает 100 м² (табл. III, *1*). Он отличается правильностью планировки: почти все стены идут под прямым углом, лишь западная состоит из отрезков, поставленных под разными углами с небольшим отклонением. Вход в дом осуществлялся с улицы шириной 1 м, проходящей вдоль восточного фаса. Улица вымощена обломками керамических сосудов, причем вымостка неоднократно подновлялась. Проход вел в пом. 2, подквадратное в плане, с небольшой нишей и пристенным очагом. Очаг был единственным во всем доме, и, видимо, его назначение состояло в том, чтобы препятствовать распространению холодного воздуха в остальные комнаты, не связанные непосредственно с улицей. Сходно по плану и расположенное рядом пом. 1. Двери этих обеих комнат выходили в длинное пом. 3, в стенах которого выявлены четыре ниши. Отсюда дверь вела дальше в пом. 4, центральное, размером 5×3.5 м. Здесь у одной из стен есть выступ, а в другой — ниша. Все четыре комнаты имеют прекрасно оштукатуренные стены. Перед нами явно жилая часть дома. Два других продолговатых помещения (5 и 6) скорее всего были подсобными, хозяйственными. Их стены отделаны с меньшей тщательностью. В пом. 5 найдено немало обломков хумов. Обилие в доме мелких конструктивных элементов также, помимо размеров и геометрической правильности планировки, указывает на его необычный характер.

Как отмечалось, подход к «дому вождя» осуществлялся по неширокой улице. Она отходила под прямым углом от более значительной осевой магистрали, которая по находке терракотовой статуэтки, воспроизводящей человека-птицу (табл. XI, *1*), получила наименование «улица Имдугуд». Эта же неширокая улица вела и во двор, располагавшийся сразу же к северу от дома. Таким образом, она представляла собой путеотвод, специально идущий к «дому вождя» и примыкающему к нему хозяйственному комплексу. Обширный двор *А* заполнен плотными натечными слоями и незначительными развалами сырцового кирпича, сколько-нибудь мощные зольники здесь отсутствуют. Это указывает на то, что данный двор, впрочем, так же как и сам «дом вождя», содержался в чистоте: зола и прочий мусор относились на край холма и там выбрасывались вниз по склону, как было отмечено и в других местах Алтын-Депе, в частности на разрезе «холма стены» (см. с. 22). В пределах двора расположены крупное пом. 20 и пристроенное к нему небольшое пом. 13. Судя по всему, они имели хозяйственное назначение. В пом. 13 на полу была найдена часть каменной гири дисковидной формы. Завершался двор незамкнутым пом. 102. Неподалеку от него находился тандыр для выпечки хлеба, сохранившаяся нижняя часть которого имеет в плане форму овала диаметром около 80 см. Кроме того, посередине двора открыта отдельно стоящая постройка — пом. 11. Она перестраивалась по крайней мере дважды и внутри плотно забутована кирпичом. В ранний период она использовалась как погребальная камера. Вторая погребальная камера, расположенная поблизости, — пом. 9 — встречена к западу от двора *А* на территории отдельного планировочно обособленного участка, куда из двора *А* вел специальный проход. Следовательно, специфическими чертами данного хозяйственно-жилого комплекса являются большая площадь, тщательность отделки и четкая планировка с прямыми углами, характерная не только для отдельных помещений, но и для всего комплекса в целом. Такая планировка подразумевает предварительную разбивку выделяемого под застройку участка мерной веревкой. Эти черты в той или иной мере свойственны основной группе строений, вскрытых на раскопе 9.

Регулярность планировки видна уже по уличной сети рассматриваемого участка Алтын-Депе. Здесь основной магистралью служила прямая улица Имдугуд длиной 32 м, которая на востоке упирается в своего рода тыловой, окраинный комплекс «квартала знати» — край поселения, а на западе выходит к центру овального дома. Обтекая его, улица разделяется на две менее крупные улочки: Зеркальную, названную так по находке бронзового зеркала, и противоположную, Зазеркальную. Последняя, как показали дополнительные исследования, представляет собой по существу лишь небольшой отрезок уличной магистрали, выходящий на обширный незастроенный

участок — двор *Г*. Возможно, это был даже не двор, а площадь. Именно через нее осуществлялась транспортная связь домов «квартала знати» с остальной частью поселения. Зеркальная же улица, так же как и улочка, идущая вдоль восточного фаса «дома вождя», оказалась тупиковой: она ведет прямо во двор *М*, связанный с обширным жилым домом, а до этого на нее выходит дверь «дома с пилястрами». Таким образом, через два указанных отвода осуществлялась внутриквартальная связь, а в целом все примыкающие к этим трем улицам строения имели выходы только на них и образовывали планировочно замкнутый «квартал знати», или мегакомплекс Имдугуд.

Рассмотрим теперь отдельные хозяйственно-планировочные единицы этого мегакомплекса. Строительные приемы в них одинаковы: стены сделаны в подавляющем большинстве случаев из сырцового кирпича, и лишь в хозяйственных строениях — изредка из пахсы. Кирпич в основном прямоугольного формата, хотя и с незначительными вариациями: 38—46×20—22×9—11 см. Иногда встречаются кирпичи размером 25×20 и 20×20 см, представляющие собой фактически половинки стандартного формата, либо случайно обломанные, либо специально изготовленные для удобства кладки в местах сопряжения стен.

Рассматриваемые строения по существу относятся уже ко второму строительному горизонту: поверх них в эпоху бронзы были возведены постройки, от которых местами остались обрывки стен толщиной 1—1.5 кирпича. Причем более ранние помещения оказались частично забутованными. По таким забутовкам можно судить, что поздние постройки концентрировались в основном к востоку от «дома вождя». На участках к западу от этого комплекса и примыкающего к нему двора *А* вскрываемые строения основного горизонта были перекрыты просто рыхлыми культурными слоями толщиной до 40 см, а местами и мощными отвалами золы.

Переходя к комплексам вскрывавшегося строительного горизонта, рассмотрим прежде всего группу построек к югу от «дома вождя». Они сконцентрированы в единый массив четких прямоугольных очертаний, ограниченный на западе улочкой, идущей вдоль «дома вождя», а на юге — улицей Имдугуд. На севере такой границей служила массивная прямая стена, строго параллельная улице Имдугуд. Судя по всему, стеной был огражден этот основной прямоугольник и на востоке, но там понижение холма привело к большему разрушению строительных остатков. Самая главная улица первоначально имела ширину от 2.15 до 2.3 м, но затем за счет утолщения внешних стен домов ее ширина сократилась до 1.1—1.6 м. Улица была вымощена плоскими глиняными черепками преимущественно от крупных толстостенных сосудов. На одном участке был изучен и характер оформления склона холма, на вершине которого располагалось поселение в период развитой бронзы. Склон был покрыт сырцовым кирпичом, и эта облицовка образовывала своего рода панцирь, способствовавший сохранению крутизны склонов, и до настоящего времени весьма значительной. По краю склона параллельно стене, ограждающей улицу Имдугуд, шел забор толщиной 0.5 м. В нем была сделана небольшая калитка для выхода за пределы поселения.

Основной прямоугольник, огражденный улицами и толстыми стенами, внутри разделялся на ряд взаимосвязанных проходами помещений, которые образовывали несколько хозяйственно-жилых комплексов, получивших свои названия в ходе раскопок по специфическим чертам планировки или характерным находкам. Таков прежде всего «дом со святилищем», состоявший из восьми помещений и занимавший площадь около 90 м². Проход с улицы Имдугуд вел в узкую прихожую, где в стене напротив входа были устроены две ниши (пом. 32). К числу жилых комнат в этом доме можно отнести крупные, тщательно оштукатуренные пом. 30 и 36 (14 м²). К комнате 30 примыкает узкое хозяйственное пом. 29, образуя вместе с ней исходный планировочный блок, столь свойственный жилой архитектуре Алтын-Депе. В пом. 36 в полу сделан углубленный, овальный в плане отопительный очаг и вдоль одной из коротких стен проходит неширокая суфа-скамья. Особый интерес представляет располагающееся в центре дома пом. 33 размером 4.1×2.7 м. Вдоль двух его стен идет неширокая суфа, в длинных стенах устроены ниши. В центре помещения находится слегка возвышающийся над полом круглый очаг диаметром 70 см с небольшим центральным углублением, которое сохранило следы длительного воздействия огня. Овальные в плане очаги-жертвенники характерны для энеолитических святилищ Геоксюра и, как можно было видеть, есть в энеолитических наслоениях Алтын-Депе (см. с. 12). Это позволяет предполагать, что в данном случае мы имеем дело с комнатой, использовавшейся как домашнее святилище. Здесь же была найдена нога крупной терракотовой статуэтки. Но вообще, подобно «дому вождя», рассматриваемый комплекс отличается чистотой и отсутствием мусора.

Хозяйственно-дворовой участок, планировочно связанный с этим комплексом, был полностью обособлен от жилой и парадной частей дома. Он занимает площадь 21×7 м, состоит из двора (пом. 37) и трех подсобных строений (пом. 46—48). Весь комплекс имел самостоятельный вход с улицы Имдугуд. Во дворе и подсобных помещениях встречены очаги разных типов и размеров. Так, во дворе помимо сложенного из кирпича фундаментального очага размером 1.7×1.3 м най-

дены еще один, менее значительный очаг и овальный в плане тандыр. В хозяйственно-дворовом участке кроме многочисленных обломков кухонных котлов обнаружены массивная зернотерка, кремневый наконечник стрелы, фрагменты терракотовой модели повозки (колесико, часть кузовка) и голова верблюда.

К востоку от «дома со святилищем» идут остатки другого замкнутого комплекса, занимавшего площадь более 100 м² и состоявшего по крайней мере из восьми комнат (пом. 21—28). Здесь в полу пом. 21 расчищен небольшой, овальный в плане обогревательный очаг. Крупный массивный очаг располагался в маленькой подквадратной комнатке 28, занимая почти все ее пространство. Планировку и детали отделки этого углового дома не удалось выявить с желательной полнотой, ибо плотная забутовка всех помещений весьма затрудняла их вскрытие.

Третий дом в пределах рассматриваемого прямоугольного массива располагался в его северо-западной части и получил название «дом статуэтки» по найденной там уникальной для Алтын-Депе крупной фигурке женского божества, увенчанного венком из цветов (табл. VIII, *4*). Наряду с небольшими подсобными помещениями в его состав входили крупные жилые комнаты, имевшие в центре квадратные отопительные очаги на платформе (пом. 38, 49 и 52). Пом. 49, самое обширное, занимает площадь 25 м². Всего дом состоял из семи комнат. Выходом он был ориентирован на север, где, судя по всему, и находился его дворовой участок, получивший в ходе раскопок условное наименование пом. 53 и 57. Через проход во двор *А* этот участок был планировочно связан с улочкой «дома вождя».

На указанном дворовом участке располагался отдельно стоящий дом, получивший по обилию концентрирующихся в его районе очагов наименование «дом пекаря». Подпрямоугольный в плане, площадью немногим более 40 м², он построен под углом к основному прямоугольному блоку рассматриваемых строений и отличается более низким качеством строительства и отделки. Ядро дома составляют два прямоугольных помещения (56 и 58), причем в последнем имеется в центре отопительный очаг на квадратной платформе. Здесь же найдена пятилепестковая серебряная печать. Затем к этому ядру были пристроены с каждой стороны по одному узкому помещению (55 и 60). Их планировка и характер находок свидетельствуют, что они скорее всего принадлежат к числу хозяйственных комнаток. Так, в пом. 60 были найдены многочисленные обломки хумов, два каменных песта, ядро для пращи из необожженной глины и керамический диск, игравший роль скребла. Несколько странно наличие в пом. 56 большой прямоугольной двухкамерной печи, занимавшей почти четверть площади. Два круглых очага есть и на территории дворового участка. Однако и этот дворовой участок отличала, подобно двору «дома вождя», относительная чистота и отсутствие отвалов золы. Вдоль западного фаса дома располагалось удлиненное пом. 59, в котором найдены два керамических пряслица. Отдельно стоящий «дом пекаря» как бы находится при фундаментальных многокомнатных домах раскопа 9, но планировочно обособлен и отделен.

Судя по вскрытым отрезкам стен, в пределах основного прямоугольника находился по крайней мере еще один просторный многокомнатный дом, занимавший его северо-восточную часть. Однако перепад склона Алтын-Депе на этом участке настолько значителен, что трудно ожидать здесь наличие строительных остатков хорошей сохранности. Таким образом, в пределах блока прямоугольника были четыре больших жилых комплекса и один хозяйственно-дворовой участок, вписанный в рамки прямоугольника.

Подлинно хозяйственным центром рассматриваемого мегакомплекса оказалась территория, расположенная в его восточной части. Здесь находились своего рода хозяйственные тылы «квартала знати». Раскопки этого участка были осуществлены в 1974 г. под руководством А. Ф. Ганялина. Всего на нем открыто три планировочных комплекса, разделяемых улочкой и небольшой площадью, условно обозначенной как пом. 65. В центре первого из комплексов есть три помещения (62—64). Комплекс расположен поперек улицы Имдугуд, как бы закрывая вид на хозяйственные тылы людям, проходящим по ней в свои дома. Улица Имдугуд огибает стоящий поперек дом и выходит на площадь (пом. 65), откуда расходится несколькими проулками, разделяя ими отдельные комплексы. Назначение «поперечного дома», построенного из кирпича и пахсы, остается не совсем ясным. Два его помещения имеют самостоятельные выходы на улицу. Из одного дверь вела в пом. 63, где имелся пристенный очаг, а в самый поздний период почти половина комнаты была занята очагом с подом, выстланным галькой. С востока к дому примыкала группа подсобных строений (пом. 67 и 90). Для их ограждения была сооружена S-образно изогнутая стена. Далее на юге находятся два дворовых участка, обозначенных на плане как пом. 68 и 69, выходящих на склон холма и заполненных зольными отложениями и рыхлой коричневой землей, указывающей на примесь разложившегося помета скота. В пом. 69 найдены терракотовое пряслице и 24 шарообразных ядра для пращи. Напомним, что этот двор располагался на самом краю поселения, но забор на данном участке оказался полностью смытым.

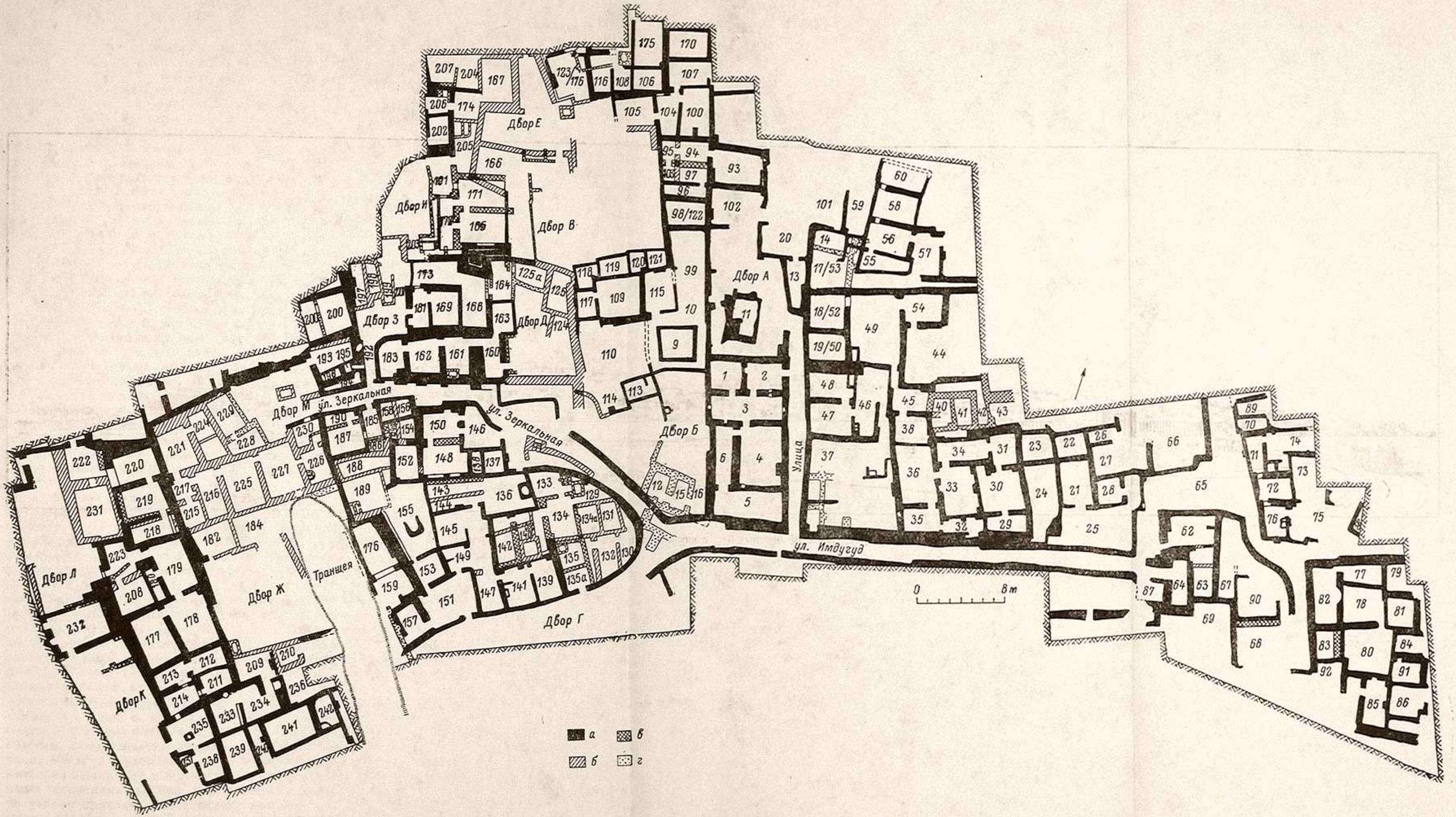

Рис. 15 Раскоп 9. План вскрытых строений.

а — стены домов второго строительного горизонта; *б* — стены домов второго этапа второго строительного горизонта; *в* — стены домов третьего этапа второго строительного горизонта; *г* — стены домов первого строительного горизонта.

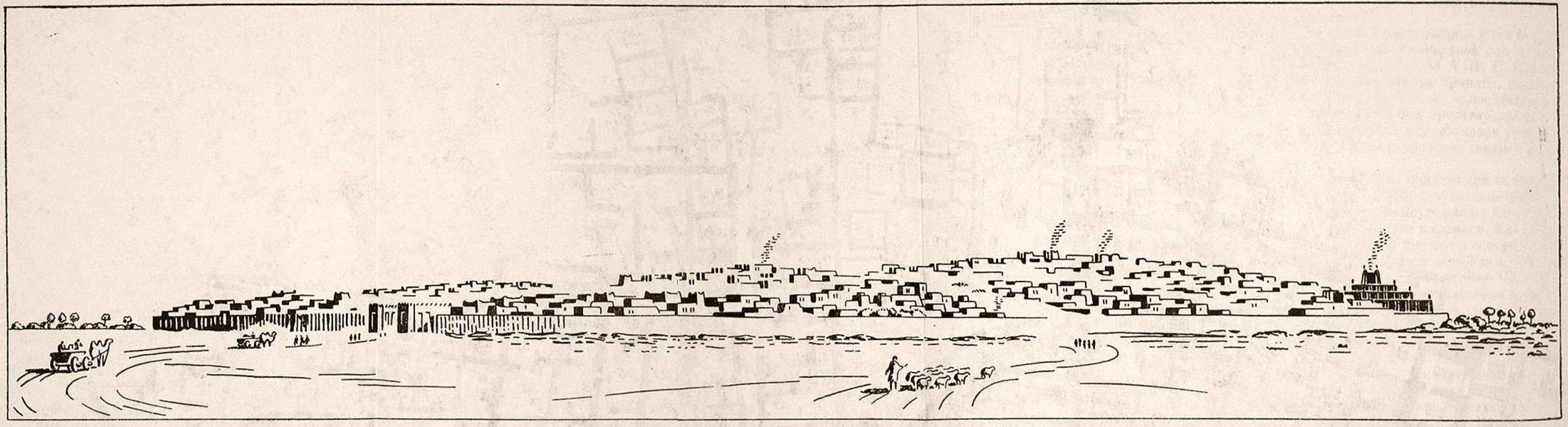

Рис. 30. Алтын-Депе в период развитой бронзы. Вид с юго-востока. Реконструкция В. Б. Зернова.

Второй планировочный комплекс, который можно назвать «хозяйственным домом», с запада и юга ограничен прямыми наружными стенами и состоит из пом. 70—76 и 89. Узкие вытянутые пом. 70 и 89 явно принадлежат к числу подсобных. Таково же, видимо, и назначение пом. 74 с двумя внутрикомнатными отсеками. В пом. 70 найдены терракотовое пряслице и дисковидный нуклеус из черной гальки. Пом. 72 и 76, с аккуратно сделанными порогами, а одно даже с пристенным очагом, можно было бы рассматривать как жилые комнаты, если бы не их проходной характер. К востоку от пом. 76 на участке, обозначенном как пом. 75, идут слои дворового типа с большим количеством рыхлой коричневой земли. Здесь находилось также какое-то сооружение, дающее в плане овал и имеющее тщательно оштукатуренные стенки.

Третий планировочный комплекс находился на востоке, на самом краю поселения, замыкая весь рассматриваемый мегакомплекс. Здесь еще ранее был расчищен идущий вниз по склону сток, сделанный из вставленных друг в друга удлиненных сосудов с выбитым дном. Отвод нечистот за пределы поселения является, как и вымостка улиц, одним из показателей заботы о его благоустройстве. В этом комплексе намечаются два различных объекта, возможно различных по времени. Более поздний, соответствующий основному горизонту, вскрываемому на раскопе 9, имеет прямоугольные очертания и состоит из пом. 82, 83, 77—80 и 92. Стены его отличаются от стен подсобных строений массивностью. В пом. 80 найдена серебряная булавка с навершием в виде головы козла. С востока к этой группе строений подходит массив из пом. 84—86 и 91, характеризуемых иной планировочной осью и тонкими стенами. В пом. 86 отмечены остатки трех хумов, а пом. 85 характеризуется хорошо оштукатуренными стенами, имеет небольшой внутренний выступ и нишу. Вероятно, перед нами жилая комната, отличающаяся тщательностью отделки.

Второй обширный участок в пределах рассматриваемого мегакомплекса, связанный с хозяйственными функциями, находился севернее и северо-западнее «дома вождя». Непосредственно к западу от «дома вождя» располагался небольшой двор *Б*, заполненный рыхлой землей коричневого цвета. Судя по этим отложениям, здесь содержался скот. Ближе к стенам в заполнении двора встречаются и завалы сырцового кирпича. В одном из них в северной части двора С. Б. Гультовым был найден небольшой клад, в котором имелись две изящные статуэтки с процарапанными на плечах «знаками растительности» (табл. IX, *3*, *7*), черноангобированная чашечка, импортированная из Северо-Восточного Ирана, и нашивная бляшка беловато-зеленоватого цвета. К северу от двора *Б* находилась гробница (пом. 9) — центр целого комплекса, вычлененного в обособленный участок. В его состав входило располагающееся против входа в гробницу пом. 115, к задней стене которого пристроен массивный прямоугольный очаг. Рядом был прямоугольный незастроенный участок (двор), обозначенный как пом. 99. Следует полагать, что и помещение с очагом, и этот участок предназначались для церемоний, связанных с погребальным культом.

Далее на северо-запад располагался двор *В*, занимающий площадь около 80 м². Здесь в отличие от двора *Б* нет коричневой земли, так же как отсутствуют кухонные очаги. С севера двор замыкает группа небольших комнаток, вытянутых в линию и служивших, судя по всему, хранилищами (пом. 106, 108, 116, 123). Такая же группа линейно расположенных комнат-хранилищ открыта на юге двора (пом. 119—121). Видимо, этот обширный двор и примыкающие помещения выполняли функцию своего рода складского комплекса, причем масштабы позволяют видеть в нем общественное сооружение. Показательно и отсутствие во дворе находок, обычных для хозяйственных участков: на всей его обширной территории найдено всего одно пряслице и одно колесико от модели повозки. Выход из двора *В* ведет, однако, не на юг, в сторону магистрали Имдугуд, а через двор *Е* на север, где, вероятно, была другая улица, по которой грузы могли поступать в этот хозяйственный комплекс. Мегакомплекс, планировочно связанный с улицей Имдугуд, включал еще два крупных домохозяйства, ориентированных входами на Зеркальную улицу. Они, правда, не образуют четкого единого массива геометрически правильных очертаний, как это было с домами, расположенными восточнее «дома вождя», но сами по себе отличаются фундаментальностью и крупными размерами. В данном отношении они аналогичны домам южной группы. Первый такой комплекс — «дом с пилястрами», расположенный к северу от Зеркальной улицы. На последнюю и открывается вход, который, судя по наличию каменного подпятника, был в древности снабжен вращающимися дверьми. Пилястрами обрамлен фасад дома. Сам дом занимает площадь около 100 м² и ограничен с запада и востока двумя дворами. Западный из них — двор *З* — сравнительно неширокий и к тому же на позднем этапе существования застроен узкими прямоугольными строениями, видимо, хозяйственного назначения (пом. 197, 198). Но именно через двор *З* по узкому проходу, обозначенному как пом. 192, из дома осуществлялся выход на Зеркальную улицу. Наоборот, двор *Д*, находившийся к востоку от дома, был замкнутым и тупиковым. Вместе с тем сделанные находки говорят о выполнении им хозяйственных функций. Так, в нем были обнаружены два пряслица и два необожженных ядра для пращи. С другой стороны, антропоморфная

фигурка, встреченная здесь же, может свидетельствовать и о культовых церемониях, возможно связанных с наличием поблизости двух гробниц. Для этого были использованы располагавшиеся во дворе небольшие строения 124 и 125. Они находились именно в тупиковом дворе и недалеко от гробницы 9.

Сам «дом с пилястрами» распадается в планировочном отношении на две части, причем обе ориентированы входами на двор *З*. Южная — анфилада из трех комнат с массивными стенами (пом. 160—162), к которым затем за счет отгороженной части двора *З* была добавлена четвертая (пом. 183 с массивным пристенным очагом). Возможно, эта группа комнат представляла собой большое хранилище. Но следует иметь в виду, что, только пройдя указанные помещения, можно было попасть в тыловой двор *Д* с его гробницами. Северная часть дома объединяет пять помещений (164, 168, 169, 173, 181). К числу жилых комнат может быть отнесено пом. 169 с тщательной штукатуркой на стенах и овальным в плане отопительным очагом в полу. Для остальных помещений характерно большое число находок каменных орудий, среди которых имеются шесть зернотерок, девять пестов, один обломок куранта, противовес, три ударных инструмента, использовавшихся как молоты для дробления руды, один отбойник и четыре абразива для заточки металлических орудий. Высокой концентрацией каменных орудий отличалось пом. 173. Особенно интересен фрагмент каменного жезла, принадлежавшего, судя по всему, к вотивным предметам. Из этой группы помещений через дверь, у порога которой сохранился подпятник, можно было попасть во двор *Д*.

Следующим крупным домовладением в мегакомплексе является «дом с анфиладой», раскопанный в 1978 г. Именно к нему подходит Зеркальная улица, которая дальше не продолжается. Общая площадь составляющих его помещений 100 м². Небольшой двор *М*, на который приводила Зеркальная улица, впоследствии был еще более уменьшен за счет постройки двух хозяйственных строений. Во дворе раскопана массивная подквадратная печь и отмечено несколько керамических вымосток, существовавших на разных уровнях. К югу от двора расположены два помещения (226 и 230). Первое из них скорее всего играло роль кухни: здесь находился приподнятый на невысокой кирпичной платформе очаг с двумя овальными углублениями, подобно тому как это наблюдалось во дворе одного из домов-массивов, вскрывавшихся на «холме ремесленников» (см. с. 36). Рядом с очагом был полуовальный отсек, возможно, использовавшийся для золы, которая выбрасывалась на край поселения. Из пом. 226 проход вел в анфиладу комнат — пом. 216, 225, 227 — и разгороженные на тамбур и закуток пом. 215 и 217. В пом. 225 встречен обогревательный очаг на квадратной платформе, что позволяет рассматривать его как жилое. В нем обнаружены значительное число целых небольших сосудов и каменные пест, противовес, лощило для кожи. Керамические сосуды имелись и в пом. 216, где найдены также различные каменные орудия, в том числе зернотерка, гиря и шарообразный противовес с опоясывающим желобком. Параллельно этой анфиладной цепочке располагался блок из двух комнат: жилой с отопительным очагом на квадратной платформе (пом. 221) и примыкающей к ней узкой, хозяйственной (пом. 224). Последняя в поздний период существования была дополнительно разгорожена. Здесь встречены одна целая зернотерка и два обломка, плоская дисковидная гиря, шарообразный противовес с опоясывающим желобком, пест, точильный камень и два обломка каменных жезлов.

В пределах рассматриваемого мегакомплекса помимо «дома пекаря» имеется еще один комплекс, уступающий по размерам и качеству архитектуры основным фундаментальным домам. Это домик, расположенный также на Зеркальной улице, но напротив «дома с пилястрами». Возможно, он появился позднее других строений и, будучи пристроенным к внешней стене полуовального дома, занял находившуюся здесь площадь. Дом занимает 70 м² вместе с небольшим двориком, обозначенным как пом. 146. Мелкие помещения, зачастую дополнительно разгороженные в процессе существования, явно принадлежат к числу хозяйственных (пом. 137, 138, 152, 154, 156, 158). Особенно тщательно отделано пом. 148, имеющее две ниши и маленькую суфу-сиденье. Первоначально оно вместе с комнатой 150 представляло собой одно крупное помещение, но позднее было разгорожено. Находки в этом небольшом домике оказались довольно разнообразными. Так, во дворе были обнаружены колесико от повозки и фигурка животного; в пом. 150 — пряслице и тоже фигурка животного; в пом. 148 — колесико от повозки и две фигурки: антропоморфная и изображающая животное. Особенно многочисленными были находки в пом. 152, где в углу имелся вкопанный в пол хум. Здесь обнаружены фрагменты реликвария, серебряный ножичек, горло крупного сосуда из белого мрамора, черноангобированная чашечка североиранского происхождения, голова верблюда и колесико от модели повозки, фигурка животного и антропоморфная статуэтка. Мелкие предметы найдены и в пом. 154: шесть пряслиц (два алебастровых и четыре керамических), две антропоморфные статуэтки и одна фигурка

животного. Состав находок позволяет предполагать, что перед нами небольшое квартальное святилище, в котором хранились и культовые объекты, и разного рода ценные предметы. Но такой атрибуции противоречит отсутствие очага-жертвенника. Возможно, этот дом был жилищем кого-либо из служителей культа.

Данный вопрос можно было бы как-то решить, если бы удалось определить функцию последнего составного элемента мегакомплекса Имдугуд — полуовального дома. В осторожной форме высказывалось предположение о его культовом характере [Массон, 1977б; Березкин, Скакун, 1978]. С точки зрения архитектуры, этот дом, выходящий полуовальной частью на улицу Имдугуд, которая здесь раздваивается на две другие улочки, огибающие строение, действительно выглядит необычно. Со стороны Зеркальной улицы к нему примыкает пристройка с лестницей, ступени которой сложены из камня. Это первый случай употребления данного материала в архитектуре Алтын-Депе. Правда, трудно судить, куда вела лестница — на какой-то помост, пристроенный к дому, или прямо на его крышу. Однако внутренняя планировка полуовального дома обыденна и утилитарна. Глухая стена разделяет внутреннее пространство на два комплекса. Один из них, восточный, имел вход со стороны Зеркальной улицы и состоял из девяти неоднократно перестраивавшихся комнаток, часть из которых — обыкновенные отсеки.

Можно отметить концентрацию очагов в районе пом. 133. Массивный, подквадратный в плане очаг встречен и в неоднократно перестраивавшихся пом. 140—142. Среди сделанных при раскопках находок есть как рядовые, так и более редкие предметы. В пом. 131 найдены два терракотовых пряслица и серебряное зеркало; в пом. 130 — печать в форме пирамиды. Терракотовое пряслице было обнаружено в пом. 133, три антропоморфные фигурки — в пом. 140. В пом. 129 — небольшом отсеке-сегменте — у внешней стены скопилось несколько мелких вещей: пряслице, колесико от повозки, антропоморфная статуэтка и фигурка животного.

Вторая группа строений, расположенная западнее, имела вход со стороны Зеркальной улицы. Снабженный высоким порогом, он вел в просторную комнату 136 с подквадратным пристенным очагом, которую в обычном домостроении можно было бы трактовать как жилую. Однако сразу же за этой комнатой находились три крупных подпрямоугольных очага; далее, в пом. 147, в непосредственной близости от них — большой очаг подквадратной формы. Что такая концентрация очагов для данного участка была традиционной, показывает наличие здесь, но в самом верхнем слое, крупного прямоугольного в плане очага. В пом. 136 были обнаружены пряслице, антропоморфная статуэтка и терракотовое колесико. Единичные подобные предметы встречены и в соседних комнатах. Несколько необычной находкой является лишь медный шлак из пом. 147. Весь западный комплекс через просторное пом. 151 имел второй выход в сторону двора *Г*, причем, судя по подпяточному камню, он был снабжен вращающейся дверью. Западный комплекс трудно интерпретировать как жилой дом, но в равной мере его нельзя пока считать и культовым комплексом. Может быть, у него было какое-то специализированное производственное назначение, например выплавка руды и изготовление из нее ценных предметов, таких как печати, зеркала и им подобные вещи. Но вопрос этот требует дальнейшего изучения.

Таким образом, уже анализ строений, входящих в состав мегакомплекса Имдугуд, характеризует их как имеющие существенные отличия от таковых на других участках Алтын-Депе. Эти отличия становятся еще более разительными, если обратиться к рассмотрению обнаруженных здесь погребений. Среди них наибольший интерес представляют четыре коллективные гробницы, уже упоминавшиеся выше при описании вскрытых строений.

Обнаруженная первой гробница 9 является и центральной для всего рассматриваемого мегакомплекса. По существу это был как бы основной мавзолей, куда последовательно помещались скончавшиеся члены обитавших здесь коллективов. Как теперь выясняется, гробница 9 была помещена в стороне от улицы, посередине многокомнатных комплексов и хозяйственных участков. Она находилась в южной части продолговатого двора, обозначенного как пом. 99. Напротив гробницы располагалось небольшое строение с массивным очагом (пом. 115), а саму гробницу с трех сторон огибали стены, оставляя узкое пространство для своего рода обводного коридора. Южный и западный отрезки коридора представляли собой узкую щель, заполненную керамикой (в том числе целыми сосудами), костями животных и другими предметами (например, часть кузова и крупное колесо от терракотовой модели повозки). Более широкая, восточная часть коридора, обозначенная в процессе раскопок как пом. 10, явно использовалась для проведения поминальных обрядов. Здесь стояли три женские терракотовые статуэтки и три миниатюрных керамических сосудика. Возможно, идольчики и сосудики ставились сюда по мере совершения церемоний при погребении очередного усопшего, статус которого этого требовал. Все статуэтки имеют процарапанный знак «треугольник с ресничками» (табл. VIII, *2*), и именно такой знак был на статуэтке, найденной в погребальной камере раскопа 5.

Сама гробница представляла собой прочно сделанную постройку размером 2.2×2.2 м со стенами толщиной 0.5 м. По-видимому, на северо-западе ее имелся проход, закладывавшийся, вероятно, после каждого повторного захоронения. Погребения в пределах камеры к моменту раскопок представляли обычную для подобных сооружений картину перемещенных костяков, причем, как правило, в нерасчлененном виде сохранились лишь кости ног и тазовые. Судя по черепам, в гробнице было захоронено 38 человек (все взрослые). В четырех случаях положение позвоночного столба, костей таза и ног позволило определить ориентацию скелетов, дважды северную и дважды западную. Несколько необычно отсутствие самого позднего для данной камеры погребения, которое отличалось бы правильным положением непотревоженного костяка. В составе инвентаря преобладала керамическая посуда (34 экз.). В основном это горшковидные и биконические сосуды (последние на поддоне). Имеются также одна ваза, пять графинов и некоторые другие редкие формы (табл. XXXIII). Несколько ожерелий, обнаруженных в камере, включали в свой состав 210 бусин, главным образом гипсовых и лазуритовых. Кроме того, здесь были два кремневых наконечника стрел, два гипсовых пряслица, каменная фишка и бронзовая крестообразная печать, лежащая у бедренной кости одного из погребенных (табл. XVI, *1*). По характеру погребального инвентаря гробница близка погребальной камере, обнаруженной на раскопе 5.

Следующая гробница, вскрытая на раскопе 9, была устроена в пом. 11, представляющем собой продолговатое строение, расположенное отдельно во дворе *А* (рис. 16). Размеры этой гробницы 2.2×2.6 м. Судя по стратиграфии, она по уровню пола относится к несколько более раннему периоду, чем «дом вождя» и гробница 9. Всего в камере найдены останки 11 погребенных (погр. 182—185, 187, 188, 191—198). Среди костяков, частично нарушенных последующими захоронениями, прослеживается различная ориентация: северная (погр. 185), северо-западная (198), северо-восточная (195), западная (196) и юго-западная (погр. 197). Сдвинутые костяки были помещены в два, а местами три слоя и сосредоточивались у западной стены камеры. Здесь же находилось и ненарушенное, наиболее позднее захоронение 194 (на левом боку, головой в направлении ССЗ). Весьма любопытным оказался состав лиц, погребенных в гробнице. Среди них был лишь один мужчина в возрасте 35—40 лет. Кроме него здесь находились двое детей 5—6 лет, трое женщин 20—30 лет и двое — 16—17 лет.

Данная гробница отличалась богатым и разнообразным инвентарем: две статуэтки со знаком «треугольник с ресничками», помещенные в юго-восточном углу камеры, и 28 керамических сосудов, среди которых необычны по форме три рюмковидных изделия. Кроме того, в камере были найдены одно серебряное и три бронзовых кольца и бронзовая печать крестовидной формы. Среди украшений преобладали бусы (417). Изготовлены они главным образом из пасты, а также сердолика, агата, бирюзы, оникса и горного хрусталя. Выделяется плоская сердоликовая бусина с белым орнаментом. Интересная закономерность отмечена в расположении бус. Если бусы из полудрагоценных камней в небольшом числе находились на шее, то пастовые образовывали своеобразные наборные пояса, охватывающие бедра. В одном случае в таком поясе было 77 бусин (погр. 195), в другом — 70 (погр. 198; рис. 14, *1*). В этой связи можно вспомнить, что на женских статуэтках, как правило, процарапаны пояса, идущие по бедрам нередко в несколько рядов. Вероятно, подобные пояса входили в состав одеяния состоятельных обитательниц Алтын-Депе.

Эти же черты состоятельности характеризуют две другие коллективные усыпальницы рассматриваемого мегакомплекса, находившиеся во дворе *Д*. Первая из них располагалась в пом. 125 и содержала семь захоронений, из которых определены шесть: мужчины 40—45 лет, женщины 20—25 лет, трех женщин 15—12 лет и ребенка 2—3 лет. По преобладанию женщин эта усыпальница напоминает камеру 11. Погребенные были обернуты в тонкую шерстяную ткань, чем существенно отличались от погребенных, обнаруженных на других раскопах, в том числе и на раскопе 5. С гробницей 125 связана и находка крупной женской статуэтки с нанесенным на нее знаком «треугольник с ресничками». Керамических сосудов здесь было всего два, но зато найдены две печати: одна крестообразной формы, другая в виде птицы с распростертыми крыльями (табл. XVII, *13*). Обнаружены также 74 бусины, в том числе одна золотая, пять агатовых и одна из травленого сердолика.

Высокий уровень состоятельности демонстрирует и гробница, устроенная в пом. 124, тщательно исследованная под руководством Г. Ф. Коробковой. Здесь было захоронено пять женщин (одна около 50 лет, две 35—45 лет, одна 20—25 лет, одна 15—16 лет), двое мужчин (патриарх 60—70 лет и мужчина 30—35 лет), а также четверо детей в возрасте от 5 до 10 лет. На костях в одном из погребений отмечены следы охры. В захоронениях детей обычно находились сосуды в виде чайников. Всего в гробнице обнаружено 11 керамических сосудов и четыре корзинки,

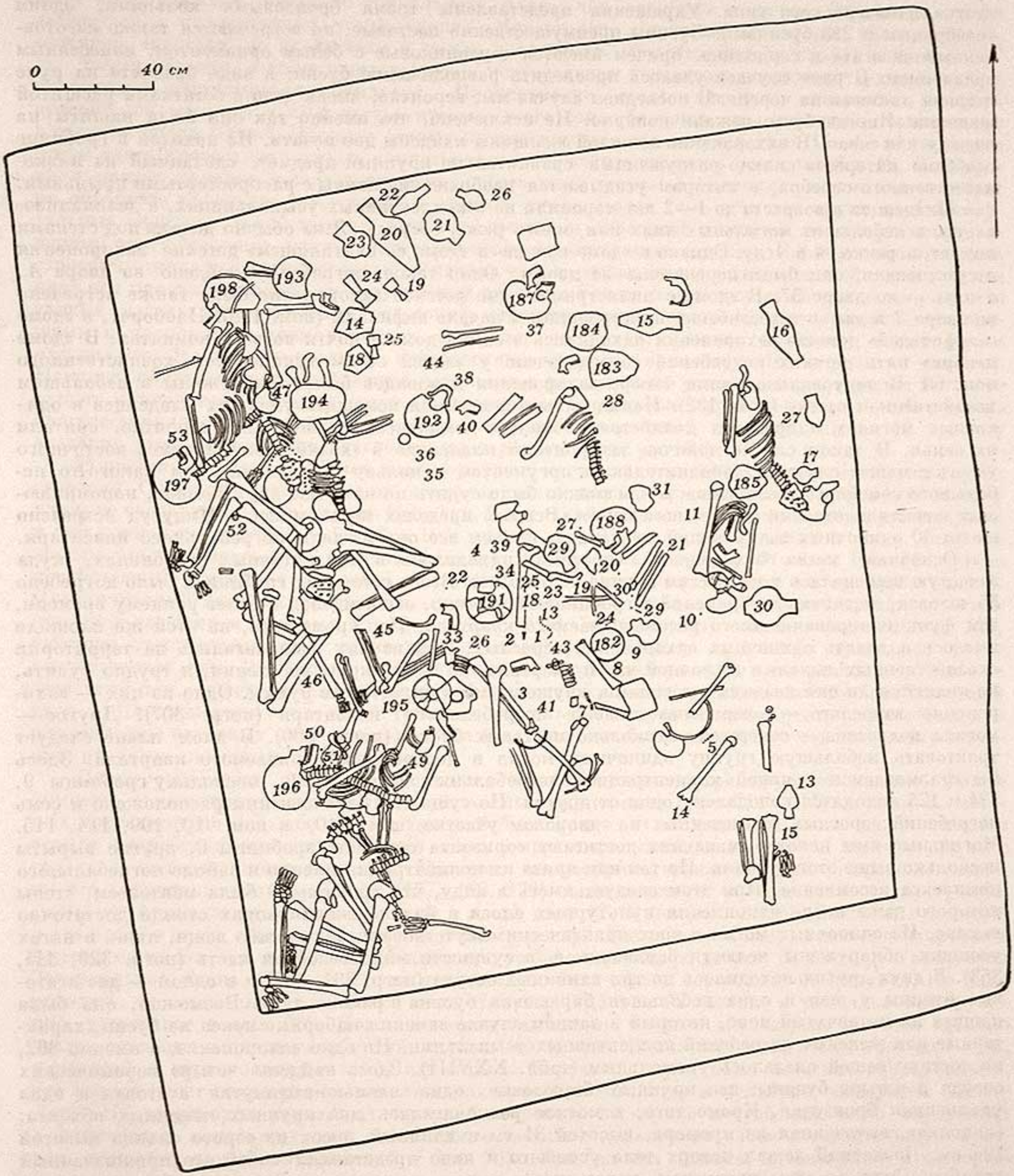

Рис. 16. Раскоп 9. План погребальной камеры 11.

Цифры здесь и на рис. 20, 23 — номера погребений и сосудов.

прослеженные по отпечаткам. В погр. 424 (молодая женщина 15—16 лет) лежала женская статуэтка намазгинского типа. Украшения представлены тремя бронзовыми кольцами, одним серебряным и 213 бусинами. Бусины преимущественно пастовые, но встречаются также изготовленные из агата и сердолика, причем имеются сердоликовые с белым орнаментом, нанесенным травлением. В ряде случаев удалось проследить расположение бусин: в виде браслета на руке и тремя линиями на черепе. В последнем случае мы, вероятно, имеем дело с остатками расшитой шапочки. Иногда бусы лежали попарно. Не исключено, что именно так они были нашиты на одежду или саван. В захоронении пожилой женщины найдены две печати. Из находок в гробнице особенно интересен сильно разрушенный сравнительно крупный предмет, сделанный из низкокачественного серебра, в котором угадывается изображение птицы с распростертыми крыльями.

Младенцев в возрасте до 1—2 лет хоронили не в коллективных усыпальницах, а делокализованно, в небольших могильных ямах или, много реже, сосудах. Ямы обычно делали под стенами комнат, нередко — в углу. Однако в «доме вождя» и «доме со святилищем» детские захоронения отсутствовали, они были перенесены во дворы. Одно такое погребение найдено во дворе *А*, а пять — во дворе 37. В «доме с пилястрами» одно детское захоронение было также встречено во дворе *З* и два — в вестибюле, пристроенном в начале анфилады (пом. 183). Наоборот, в «доме с анфиладой» детские захоронения находились в самом доме и почти во всех комнатах. В «доме пекаря» пять детских погребений сосредоточено у задней стены тупикового, хозяйственного пом. 60. В полуовальном доме четыре захоронения младенцев были обнаружены в небольшом хозяйственном отсеке (пом. 132). Налицо явная тенденция помещать умерших младенцев в одиночных могилах в пределах хозяйственно-жилых комплексов, в которых, вероятно, обитали их семьи. В таком случае наличие захоронений младенцев в «хозяйственном доме» восточного участка может служить дополнительным аргументом в пользу проживания там какого-то небольшого семейного коллектива, о чем можно было судить по наличию двух комнат, напоминающих качеством отделки жилые помещения. Всего в пределах мегакомплекса Имдугуд встречено около 40 одиночных захоронений младенцев, причем все они лишены погребального инвентаря.

Основная масса захоронений взрослых находилась в коллективных гробницах, куда зачастую помещались и подростки начиная с 5—6 лет. Всего в четырех гробницах было погребено 55 человек, не считая захоронений в гробнице 11, видимо, относящейся к более раннему времени, чем функционирование всего рассматриваемого квартала. Но, кроме того, на этой же площади имелось и девять одиночных захоронений взрослых. Два из них располагались на территории «хозяйственных тылов» в восточной части квартала, на самом краю поселения, и трудно судить, не являются ли они поздними могилами, впущенными в опустевшие руины. Одно из них — захоронение взрослого — совершенно лишено погребального инвентаря (погр. 307). Другое — могила подростка — содержало несколько пастовых бусин (погр. 300). В ином плане следует трактовать небольшую группу одиночных могил в центре рассматриваемого квартала. Здесь мы сталкиваемся с явной концентрацией погребальных сооружений, поскольку гробницы 9, 124 и 125 находятся неподалеку одна от другой. По существу близко к ним расположено и семь погребений взрослых, встреченных на дворовом участке пом. 110, в пом. 10, 109, 114, 115. Могильные ямы некоторых из них достигают горизонта основной гробницы 9, другие вырыты несколько выше этого уровня. Но так или иначе их концентрация именно в районе погребального комплекса несомненна. При этом следует иметь в виду, что гробница 9 была мавзолеем, стены которого даже после накопления культурных слоев в близлежащих дворах стояли достаточно высоко. Из одиночных могил в трех практически отсутствовали какие-либо вещи, лишь в ногах усопших обнаружены челюсти барана, т. е. в сущности малосъедобная часть (погр. 329, 344, 353). В двух других находилось по три глиняных сосуда (погр. 361, 367) и в одном — две агатовые бусины у шеи и одна небольшая бирюзовая бусина в районе таза. Возможно, она была нашита на матерчатый пояс, который в данном случае заменил наборные пояса из бусин, характерные для женских погребений коллективных усыпальниц. Но одно захоронение, а именно 362, по составу вещей оказалось уникальным (табл. XXVIII). Здесь найдены четыре керамических сосуда и четыре бусины: две крупные бирюзовые, одна овально-вытянутая агатовая и одна удлиненная бронзовая. Кроме того, в могиле располагались два крупных каменных объекта: «колонка», выточенная из мрамора, высотой 31 см и длинный посох из серого сланца высотой 124 см. Последний лежал поверх тела усопшего и явно представлял собой его прижизненный атрибут. Судя по этим предметам, перед нами могила лица, занимавшего особое положение в обществе. Она была названа «захоронением пастыря». Помещение таких лиц в могилы вне пределов гробницы, в которой еще оставалось (а возможно, даже было специально расчищено) свободное место, вероятно, указывает на их особый статус. Можно предполагать, что в «погребении пастыря», так же как в «погребении жрицы» и могиле «знатной горожанки», были захоро-

нены лица наиболее высокого социального ранга, чьи атрибуты и личные предметы могли затеряться в коллективных усыпальницах. Могилы же, лишенные инвентаря, принадлежали, очевидно, «слугам», не входившим в состав коллектива, пользовавшегося усыпальницами.

Таким образом, и домостроительство, и погребальные комплексы свидетельствуют об особом положении мегакомплекса Имдугуд. Планировочно взаимосвязанный системой уличных артерий, он включал в свой состав прежде всего семь больших домовладений, занимавших в среднем около 100 м². Площадь жилых комнат внутри этих домовладений 14—17 м², т. е. они почти вдвое превосходят жилые комнаты массивов, изучавшихся на раскопах 8 и 10. Как правило, каждое крупное домовладение имеет собственный дворовый участок со следами деятельности по обработке продуктов земледелия и выпечке хлеба. Более того, есть две крупные общекварталь ные единицы: хозяйственные тылы на востоке и складской комплекс на северо-западе, — видимо обслуживавшие нужды обитателей всего мегакомплекса в целом. Планировка изученных строений отличается регулярностью. Уличная сеть и осевые стены в значительной части участка идут под прямыми углами, прямоугольный двор «дома вождя» и находившийся к востоку от него единый массив прямоугольных очертаний характеризуются сходными пропорциями, восходящими к пропорциям прямоугольных сырцовых кирпичей, бывших основным строительным материалом. Налицо следование определенным строгим архитектурным нормам и канонам. Наконец, обильный и разнообразный инвентарь в раскопанных усыпальницах, в состав которого входят уникальные предметы, также подчеркивает особое положение и значительный уровень благосостояния обитавших здесь коллективов, наиболее высокий на Алтын-Депе. К анализу значения этих фактов и их трактовке мы вернемся ниже (с. 103).

В пределы раскопа 9 помимо рассмотренного мегакомплекса попал также целый ряд других строений. Среди них есть несколько многокомнатных домов, ориентированных на иную систему улиц, не связанную с магистралью Имдугуд. Один такой дом частично вскрыт к северу от двора *А*, и ему принадлежат пом. 93—95, 97 и 103, причем пом. 93, с небольшой нишей в стене, является жилым. Часть второго дома вскрыта к западу от «дома с пилястрами». Это пом. 193—196 (узкие хозяйственные отсеки и закрома) и крупное пом. 200 с отопительным очагом (явно жилое). Пятикомнатный дом, располагавшийся к западу от «дома с анфиладой», ориентирован системой проходов на север и занимает площадь около 70 м². Здесь к числу жилых относится пом. 219, имеющее отопительный очаг на квадратной платформе. К нему примыкает тупиковое узкое хозяйственное пом. 218, вдоль стен которого помещены захоронения пяти младенцев. Рядом — четвертый дом, ориентированный системой проходов на запад, где находился его хозяйственный двор *Л*. Площадь дома около 65 м². Кстати, капитальная восточная стена этих двух домов, следуя направлению основных осей мегакомплекса Имдугуд, как бы отсекает тяготеющие к нему строения от более западных домовладений.

Планировка «дома двора *Л*» достаточно четкая — открыты три крупные, видимо, жилые комнаты, замыкающиеся четырьмя хозяйственными каморками (пом. 211—214), в одной из которых сосредоточено большое количество разбитых хумов. В этом доме и в его дворе имеются четыре погребения младенцев. Менее ясен вопрос с многокомнатным домом, примыкающим с запада к полуовальному строению. Частично он разрушен траншеей позднего происхождения, но его сохранившаяся часть (пом. 157, 159, 176) свидетельствует о капитальности постройки. Дому мог принадлежать подквадратный в плане двор *Ж*, в котором есть ряд подсобных строений и овальный в плане очаг с глиняным столбиком в центре. Возможно, и двор, и дом ориентированы проходами на юг, т. е. на обширную площадь, условно названную двором *Г*, в которую вливается Зазеркальная улица. В таком случае этот дом мог быть связан с комплексом Имдугуд. Но надо отметить, что их планировочные оси явно отличны. С двором *Ж* связано и уникальное сооружение, устроенное в пом. 209. Пол помещения тщательно покрыт алебастром, и в нем сделано девять овальных в плане углублений, идущих около стен. Вдоль восточной стены проходит сток, уходящий в нераскопанную часть памятника. Вероятно, перед нами остатки винодавильни, что представляет немалый интерес для характеристики хозяйства и культуры обитателей Алтын-Депе. На территории указанных строений встречено несколько погребений, явно впущенных в запустевшие помещения, уже заполненные частично культурном слоем и строительным мусором, например группа захоронений в пом. 232. Три из них лишены инвентаря, а в четвертое положены три керамических сосуда и части барана: челюсть и лопатка. Показательна концентрация захоронений младенцев в небольших хозяйственных пом. 186 и 188. Их там найдено 12 — перед нами своеобразное детское кладбище. Судя по стратиграфии, оно также относится ко времени запустения основных строений «квартала знати». Такова краткая характеристика результатов раскопок жилых комплексов Алтын-Депе, давших яркую картину деления общества на группы людей различного благосостояния.

Глава четвертая

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТОВОГО ЦЕНТРА

Размеры поселения и общий облик культуры, каким его рисуют археологические материалы, позволяли говорить о наличии в Алтын-Депе культового центра, отличающегося монументальностью строений и сложностью внутренней структуры. Действительно, святилища ранних земледельцев в Южной Туркмении представлены на нескольких энеолитических памятниках [Сарианиди, 1962] и, как показали новые исследования, существовали уже в неолите [Бердыев, 1970]. Однако первоначальные наблюдения за топографией Алтын-Депе не давали оснований, для того чтобы с уверенностью судить о месторасположении подобного комплекса. Лишь проведение раскопок в ряде пунктов памятника, уточнивших функциональную характеристику и специфические природные условия, сложившиеся в один из сезонов, позволили поставить вопрос о его локализации, что затем получило достаточно впечатляющее подтверждение.

Данный вопрос при детальном и систематическом изучении микрорельефа и внутренней структуры Алтын-Депе был специально поставлен в сезоне 1967 г. и решался, в частности, методом исключения. Многочисленными наблюдениями и проведенными раскопками было установлено, что всю северную окраину поселения занимает обширный «холм ремесленников», где расположены многочисленные печи для обжига керамики. Существование и длительное функционирование этого мощного производственного центра, кратко охарактеризованного выше, делало малоперспективными поиски здесь культового комплекса. Подобные печи нередко встречаются и на западной окраине поселения, что также, во всяком случае на первых порах, исключало ее из ареала возможных поисков. Можно было бы предполагать, что подобный комплекс достаточно внушительных строений выходил на обширный незастроенный участок в середине поселения, условно названный центральной площадью, но здесь в рельефе не было никаких свидетельств их наличия пусть даже в оплывшем состоянии. Кроме того, обильные дожди, шедшие весной 1967 г., сильно промочили поверхность памятника, и на ней достаточно отчетливо стали проступать очертания древних стен, помещений и отдельных комплексов. Планировка и размеры сравнительно узких стен явственно указывали на рядовой, обыденный характер нераскопанных домов.

Следовательно, косвенные обстоятельства негативного характера указывали на восточную часть Алтын-Депе как на возможный район поисков монументального культового центра. Раскопки, произведенные здесь, также подтверждали, что именно на этих участках находились дома и могилы достаточно состоятельных лиц. На «холме вышки» были, например, обнаружены два замурованных в стены клада различных изделий, среди которых имелись также импортные предметы из слоновой кости [Ганялин, 1967]. В 1966 г. во время работ на раскопе 5 было открыто «погребение жрицы» с богатыми украшениями и серебряной печатью. При детальном обследовании восточной окраины Алтын-Депе особенно перспективным представился овальный в плане холм размером около 40×50 м, расположенный обособленно от остальной части поселения и соединяющийся с ней невысоким возвышением, видимо соответствующим древней улице. Достаточно примечательной оказалась и поверхность холма: дожди позволяли проследить на влажной земле широкие стены толщиной до 1 м и часть крупного прямоугольного очага, весьма

близкого очагам-подиумам, столь характерным для святилищ Месопотамии и Южной Туркмении [Сарианиди, 1962]. Весьма своеобразна была поверхность восточного склона. Почти лишенная керамики, она представляла собой рыхлую солончаковую структуру, которая производила впечатление не культурного слоя, а естественных отложений. Раскопки показали, что именно этот участок соответствует мощным кладкам монументальной архитектуры, обусловившим подобный характер поверхности.

Начатые в мае 1967 г. работы на раскопе 7 полностью подтвердили косвенные данные, указывавшие на необычность всхолмления. Уже в первый сезон здесь установили наличие монументальных строений вдоль восточного, парадного, фасада, хотя их характер первоначально не удалось детально восстановить [Массон, 1968а, 1968б]. В 1968 г. тщательные раскопки позволили уверенно говорить о ступенчатом башнеобразном сооружении, которое явно следовало традициям знаменитых зиккуратов Месопотамии [Массон, 1969а]. В истории монументальных строений были достаточно четко установлены три периода существования. В 1969 г. завершено вскрытие строений на уровне верхнего строительного горизонта фасада [Массон, 1970а]. Использование бульдозера «Беларусь» позволило в 1971 г. отодвинуть образовавшиеся на раскопе земляные отвалы и вскрыть на уровне второго строительного горизонта отдельно стоящее здание, получившее наименование «дом жреца» [Массон, 1972а]. Блестящие результаты дали раскопки третьего строительного горизонта, начатые в 1972 г. и завершенные в 1973 г. Оказалось, что наряду с рядом жилых и хозяйственных помещений за парадным монументальным фасадом располагался целый погребальный ансамбль, бывший местом последнего успокоения членов жреческой общины, обслуживавшей этот комплекс. Находки не только подтвердили его культовый характер, но и позволили наметить более уточненные определения [Массон, 1973г, 1974а, 1974б]. В общем как вскрытые строительные остатки, так и обнаруженный в ходе раскопок археологический и антропологический материал дают достаточно разностороннюю характеристику комплекса. Обратимся к его более детальному описанию начиная с монументальных строений восточного фасада, позволивших установить трехчленную периодизацию истории существования всего комплекса (рис. 17). Периодизация установлена на основании анализа последовательности застройки всего комплекса, когда между кладками разных периодов образовались сквозные швы. Кроме того, было отмечено, что ранним строениям свойствен сырцовый кирпич желтоватого цвета, тогда как при перестройках последующего времени часто употреблялся зеленоватый кирпич с красными прожилками. В результате использования такого кирпича иногда на застроенных поверхностях более древних стен оставался красный налет, напоминающий краску. Поперечные разрезы массивов кладок до их основания дали сведения по истории строительства, а разрезы культурных напластований, примыкавших снаружи к парадному фасаду, позволили судить об истории постепенного разрушения и упадка изучаемого сооружения. Нумерация помещений в строительных горизонтах проводилась раздельно, каждый раз с № 1.

Всего на парадном, восточном, фасаде были выделены три группы строений: монументальная башня-платформа, «дом с обводом» и «угловой дом». Рассмотрим историю их функционирования. Начнем с наиболее раннего, первого периода.

Шурфы, сделанные в пом. 9, в «доме с обводом» и в массиве кладки башни-платформы позволили говорить о том, что в основании всего изучавшегося комплекса лежит небольшое всхолмление времени ранней бронзы (или Намазга IV). Его восточная окраина как раз и была вскрыта в упомянутых шурфах. То, что это была именно окраина холма, показывает наклонный характер наслоений, в которых слои мусора перемежаются с кирпичными завалами и зольными прослойками. В шурфе пом. 9 в этих слоях было найдено погр. 107, лишенное какого-либо инвентаря. Костяк здесь располагался в сильно скорченной позе, головой на юг, на правом боку, с руками, согнутыми в локтях так, что кисти рук были помещены перед лицом. Расписная керамика нижних наслоений (преимущественно с красным фоном и черным рисунком) по стилю принадлежит к самой поздней фазе комплекса Намазга IV, представленной на нашем памятнике материалами горизонта Алтын 4. Наличие костяка также скорее всего служит указанием на окраинный характер вскрытого участка всхолмления эпохи ранней бронзы, поскольку на крупных поселениях захоронения обычно располагались на периферии памятника.

Непосредственно на указанных культурных отложениях без какого-либо выравнивания образованного ими склона и было возведено первое, самое древнее башнеобразное сооружение (рис. 18, *А*). Примечательно, что постепенное выравнивание кладки из наклонной, как бы обтекающей склон холма, в горизонтальную производилось за счет разгонки швов, что, разумеется, отнюдь не способствовало прочности воздвигаемого строения и являлось одной из главных причин его сравнительно быстрого разрушения. Само древнейшее башнеобразное сооружение имело по фронту около 21 м и было ориентировано с севера на юг. Его кладка в настоящее время

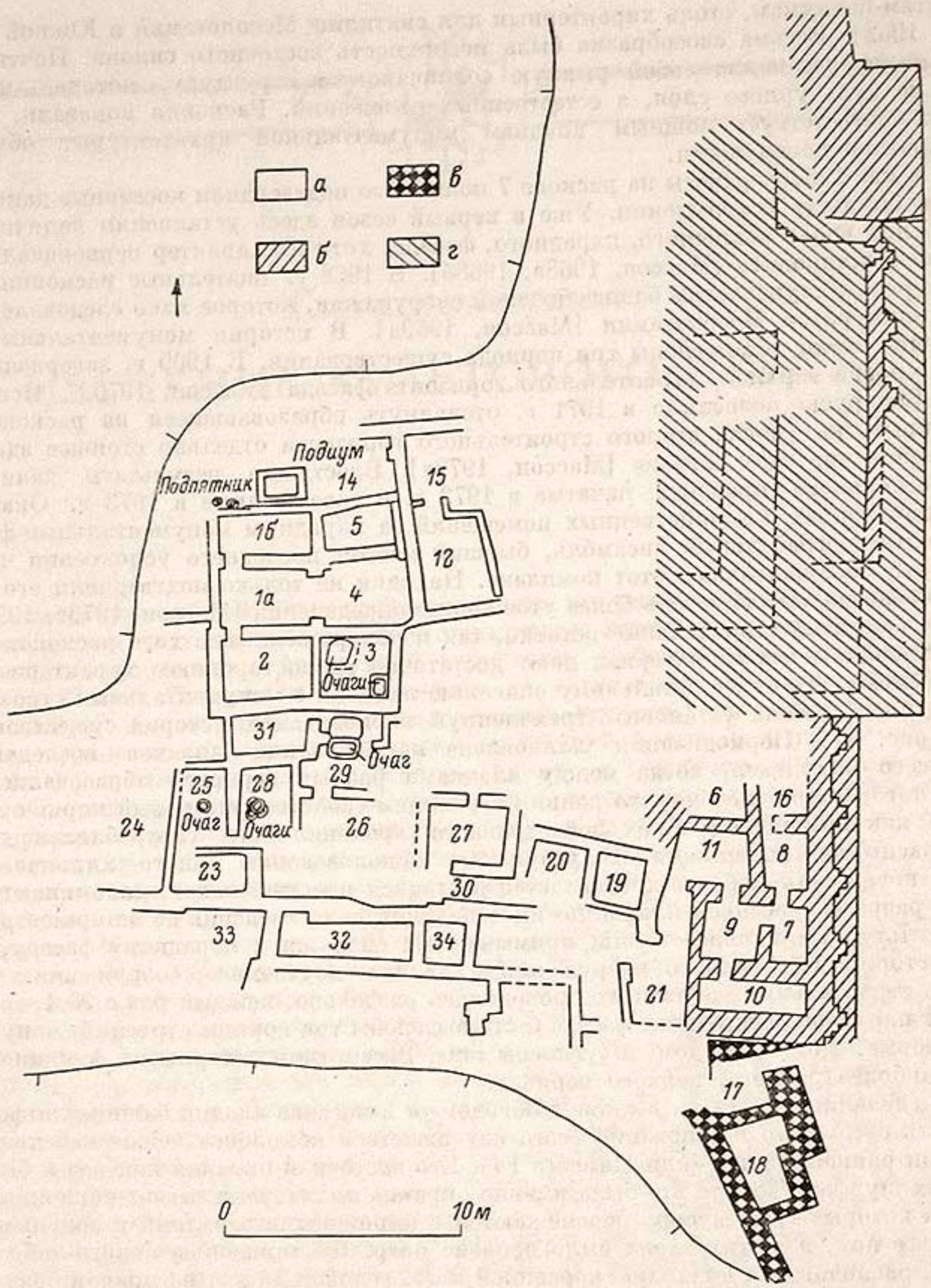

Рис. 17. Раскоп 7. План вскрытых строений.

а — стены строений верхнего горизонта; *б* — стены монументальных строений периода расцвета; *в* — стены «углового дома»; *г* — кладка монументальной башни первого периода.

сохранилась в высоту на 6 м, причем удалось расчистить остатки четырех ступеней. Высота первой ступени, сохранившейся полностью, около 2 м, и в ее основании была сделана небольшая глинобитная вымостка, выступавшая наружу на 80 см. Вероятно, подобная вымостка частично предохраняла основание первой ступени от разрушения дождями и выветривания. Внешний фас второй ступени был декорирован трехступенчатыми в плане пилястрами. Для третьей и четвертой ступеней подобной декорации отметить не удалось. На вершине холма сырцовая кладка, образующая массив башки, идет внахлест непосредственно по культурным наслоениям времени ранней бронзы и примыкает к полам строений и дворовых пространств, находившихся позади парадного фасада в пору первого периода существования всего комплекса. Следовательно,

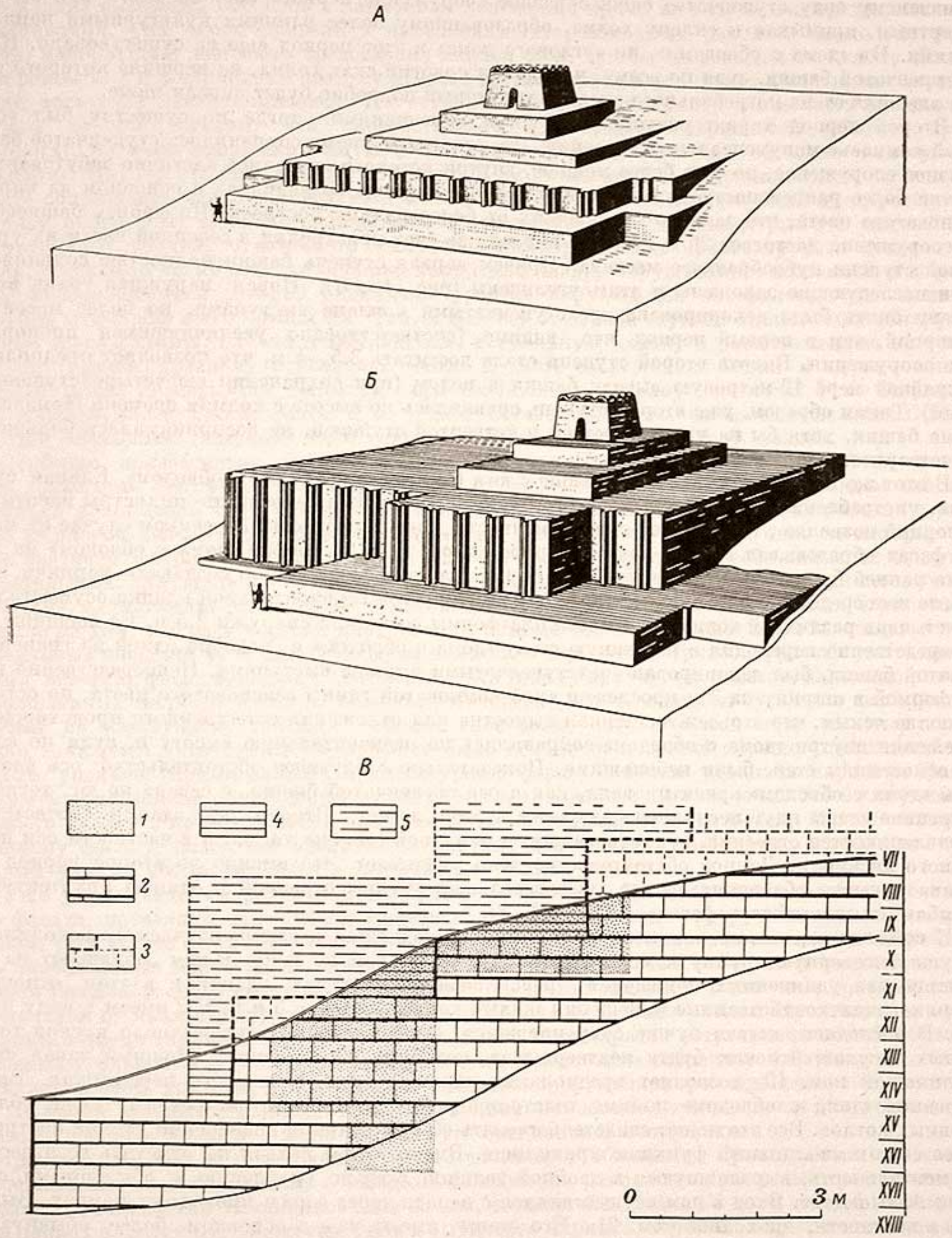

Рис. 18. Раскоп 7. Сооружения.

А — монументальная башня раннего периода; *Б* — культовый комплекс в период расцвета (*А*, *Б* — реконструкция А. К. Филиппова); *В* — разрез башнеобразного сооружения (*1* — контуры шурфа и разреза, *2* — сохранившаяся кладка раннего периода, *3* — реконструируемая кладка того же периода, *4* — сохранившаяся кладка периода расцвета, *5* — реконструируемая кладка того же периода).

по внешнему виду ступенчатое башнеобразное сооружение первого периода было как бы трехчетвертным, примыкая к склону холма, образованному более ранними культурными напластованиями. Ни «дома с обводами», ни «углового дома» в этот период еще не существовало. К югу от ступенчатой башни, судя по всему, находился пологий скат холма, на вершине которого отмечена внешняя стена погребального ансамбля, который подробно будет описан ниже.

Второй период характеризуется большими изменениями: тогда по существу был создан целый комплекс монументальных строений. На юге по-прежнему сохранялось ступенчатое башнеобразное сооружение, но уже более мощное, внутри которого оказались частично забутованными остатки более ранней постройки. Строения второго периода возводились в основном из кирпича зеленоватого цвета, что заметно отличает их от более ранних построек. По фронту башнеобразное сооружение достигает 26 м главным образом за счет пристройки в северной части на уровне первой ступени кубообразного массива. Причем первая ступень башни полностью сохраняется, а три последующие заложены и этим увеличены (рис. 18, *В*). Новая наружная грань второй ступени опять была декорирована трехступенчатыми в плане выступами, но более массивных пропорций, чем в первый период, что, видимо, соответствовало увеличившимся пропорциям всего сооружения. Высота второй ступени стала достигать 3.5—4 м, что позволяет предполагать по крайней мере 12-метровую высоту башни в целом (при сохранении ею четырехступенчатой формы). Таким образом, уже вторая ступень сравнялась по высоте с холмом времени Намазга IV, а сама башня, хотя бы на уровне третьей и четвертой ступеней, не воспринималась больше как трехчетвертное сооружение.

В этот же период к ступенчатой башне с юга был пристроен «дом с обводом». Единая ориентация, употребление кирпича зеленоватого цвета, а также раскрепованные пилястры идентичных пропорций позволяют говорить об одновременности данных построек. Во всяком случае их парадный фасад образовывал единое архитектурное целое. При постройке «дома с обводом» на краю холма ранней бронзы была возведена платформа, нижний ряд которой создавали кирпичи, положенные непосредственно по склону, тогда как выше разгон горизонтальной кладки осуществлялся за счет швов различной толщины. Высота платформы достигала снаружи 2.5 м. Ее внешний край непосредственно переходил в наружную стену «дома с обводом» и, подобно одной из граней ступенчатой башни, был декорирован трехступенчатыми в плане выступами. Непосредственно перед платформой в ширину на 3 м прослежен слой комковатой глины зеленоватого цвета, но осталось не вполне ясным, что это: искусственная вымостка или отложения естественного происхождения. Помещения внутри «дома с обводом» сохранились на незначительную высоту и, судя по вскрытым основаниям стен, были небольшими. Показательно следующее обстоятельство: ось внешней стены «дома с обводом» ориентирована, как и ось ступенчатой башни, с севера на юг, тогда как внутренние стены идут несколько под углом к этой линии. Вторая ось здания соответствует направлению стен строений, существовавших в западной стороне холма, и в частности оси погребального ансамбля. Данное обстоятельство ясно указывает, что именно во второй период была сделана попытка объединить ранее существовавшие группы строений в единый архитектурный ансамбль за счет общего фасада (табл. III, *2*).

К сожалению, сильно размытая седловина, проходившая в центре изучаемого всхолмления, разрушила северную группу комнат «дома с обводом». Тем не менее в нем обращают на себя внимание два удлиненных помещения, расположенных в углах здания и в этом отношении напоминающих хозяйственные помещения жилых домов раскопов 5 и 9. Мы имеем в виду пом. 8 и 10. В последнем, кстати лучше сохранившемся, было найдено большое число кусков толстостенных сосудов, что как будто подтверждает подобное заключение. Мощный завал сырца, заполнявший пом. 10, позволяет предполагать наличие здесь сводчатого перекрытия. Внутри помещений «дома с обводом» помимо толстостенных сосудов были встречены также обломки кухонных котлов. Все это может свидетельствовать об утилитарном назначении данной постройки, скорее всего выполнявшей функцию хранилища. Вместо с тем нельзя не отметить ее известную монументальность, выразившуюся в двойной толщине стен по сравнению с обыденными строениями Алтын-Депе. Вход в дом осуществлялся с запада через серию проходных комнат. Выделяется, в частности, проходное пом. 21. Его стены имеют уже в основном более обычную для Алтын-Депе толщину: от 25 до 50 см. Само помещение частично забутовано, частично заполнено плотным завалом сырцового кирпича, а стены его сильно деформированы. К югу от пом. 21 идет сплошной массив сырцовой кладки, в котором не удалось расчистить какие-либо следы заложенных стен. Возможно, перед нами основание лестницы или пандуса, ведущего на крышу или на второй этаж «дома с обводом».

Второй период был временем наивысшего расцвета всего комплекса и отмечен стремлением создать единое архитектурное целое (рис. 18, *Б*). Однако конструктивные недостатки, и прежде

всего кладка сырцовых массивов в наклонном положении прямо по склону без предварительного выравнивания, уже скоро привели к изменениям, потребовавшим ремонта. Насколько можно судить, наибольшую опасность представлял наклон стен, как бы сползавших по склону. Различными ремонтами и достройками поэтому отмечен третий период в истории существования парадных зданий восточной части комплекса. На ступенчатой башне, например, были частично заложены выступы второй ступени, что способствовало их лучшей сохранности (с точки зрения археолога), но явно нарушало общую композицию. Особенно сложно обстояло дело у «дома с обводом». Наклон его стен наружу составил 20 см на высоте 2 м. Неудивительно, что снаружи в месте сопряжения «дома с обводом» и башни к внешней стене первого была пристроена стена шириной около 1 м, частично заложившая декоративные выступы-пилястры. Это также печать определенного упадка, отмеченного вынужденным нарушением архитектурного декора. Возможно, в какое-то время отдельные блоки кирпичной кладки обрушивались полностью и выравнивание образовавшихся завалов поднимало уровень окружающей поверхности, что понижало высотные масштабы всего комплекса. Так, к востоку от первой ступени башни были обнаружены мощные завалы сырца, близко напоминающие регулярную кладку и расположенные на уровне, соответствующем древнему основанию стены. В месте сопряжения башни и «дома с обводом» подобный завал перекрывала вымостка, прослеженная в ширину почти на 3 м. Видимо, это была попытка как-то организовать, и во всяком случае прикрыть, накопившиеся завалы. Поверх вымостки отложились натечные слои глины, сползшие со здания в пору дождей.

Особенно показательна история сооружения «углового дома», располагавшегося к югу от «дома с обводом». Эта группа строений была возведена в период, когда перед фасадом основного комплекса накопились культурные слои толщиной 1 м, т. е. практически одновременно с упомянутой сырцовой вымосткой. Здесь расчищены два помещения (17 и 18), одно из которых было потом частично застроено. В планировке «углового дома» обращают на себя внимание следующие обстоятельства: значительная толщина стен, перекликающаяся с монументальными стенами «дома с обводом», и стремление оградить нечто находящееся к западу от данной постройки. Строго говоря, это даже не дом, а ограда с двумя внутренними помещениями. Обращает на себя внимание и раскрепованный внешний угол пом. 18. Перед нами явно стремление архитектурно оформить достраиваемый внешний фасад парадного комплекса, хотя такому приему, разумеется, далеко до ритмично расположенных пилястр «дома с обводом». Интересно, что к западу от «углового дома» никаких строений не обнаружено: там идут мощные слои золы, спускающиеся вниз по склону холма. Можно заключить, что данное сооружение было возведено в третий период, отличающийся известным упадком (примитивность архитектурных форм), с целью удлинить парадный фасад и прикрыть пристройкой накопившиеся отвалы мусора, главным образом золы. Это были уже явные признаки упадка и провозвестники приближающегося конца. Серия разрезов, перпендикулярных парадному фасаду, позволяет представить картину дальнейшего разрушения комплекса, спасти который уже не могли какие-либо достройки и мелкий ремонт.

Уже упоминавшиеся разрезы культурных наслоений, образовавшихся к востоку от парадного фасада, позволяют пролить определенный свет и на историю разрушения всего комплекса в целом. Они вместе с тем свидетельствуют, что в ходе функционирования комплекса образовывались значительные массы золы, которая, в частности, обнаружена в большом количестве перед фасадом башнеобразного сооружения на уровне древнего горизонта. Выше этих зольных отложений начиная от края первой ступени башни идут резко наклонные завалы строительного мусора, в первую очередь глиняной штукатурки. Среди них неоднократно встречаются скопления мелких древесных угольков. Это позволяет заключить, что к подножию ступенчатой башни неоднократно сносились ветром угольки, указывает на интенсивное функционирование очагов разного рода. В то же время зольные отвалы здесь не столь велики, как на юге комплекса, где для их маскировки в третьем периоде пришлось даже воздвигнуть специальное сооружение.

Строительные завалы и различные уровни частичного обживания прослежены и к востоку от отмеченной выше вымостки «дома с обводом», связанной с ремонтными усилиями третьего периода. Поверх самой вымостки отложились слои глины, стекавшей со здания в пору дождей. Затем последовал период падения кусков штукатурки и сырцового кирпича, перемежающихся с натечно-надувными слоями. В этот слой было впущено одиночное погр. 103, в состав инвентаря которого входили два глиняных сосуда. На одном из уровней, отражающих накопление таких завалов, у внешней стены «дома с обводом» стоял сосуд типа хумчи, что, надо полагать, демонстрирует уже известное пренебрежение к парадной чистоте монументального комплекса. Во всяком случае все эти данные свидетельствуют об отсутствии катастрофы, приведшей к упадку центра. Постепенно ветшавший, он не мог быть сохранен одними лишь мелкими ремонтами и пристройками, носящими по существу лишь косметический характер. А на большее у общества указанного времени, видимо,

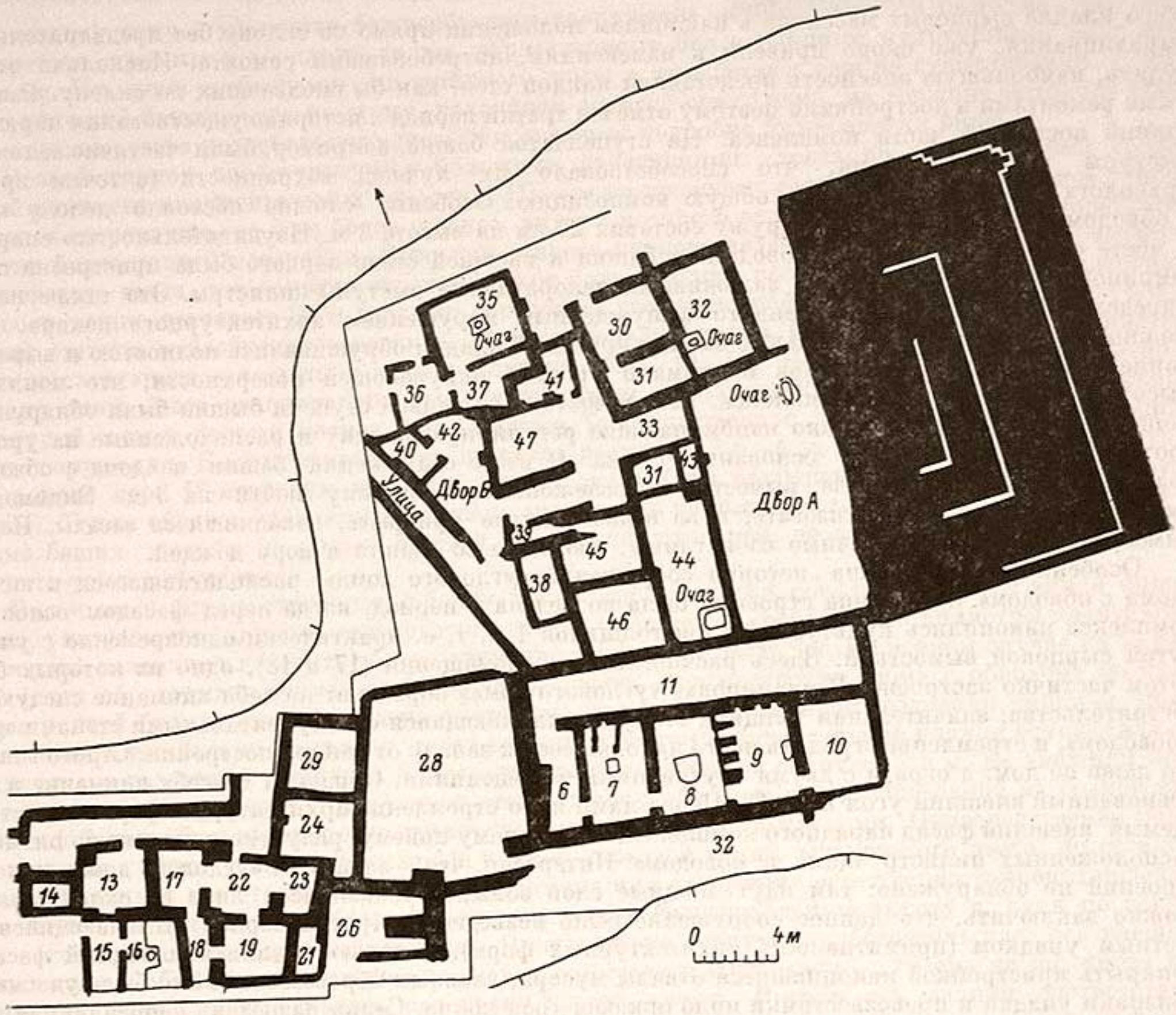

Рис. 19. Раскоп. 7. Сводный план вскрытых строений на уровне нижнего горизонта.

уже не хватало сил, и монументальный комплекс, некогда столь значительный и эффектный, постепенно забрасывается. Одиночное бедное погребение времени Намазга V, впущенное в культурные отложения, накопившиеся у парадного фасада, служит своего рода символом этого запустения.

Аналогичным образом строения трех строительных горизонтов (или трех периодов) могут быть прослежены и на большей части территории холма, располагавшейся за монументальным фасадом. Здесь также полнее сохранились постройки первого периода, давшие к тому же и наиболее богатые находки, позволяющие точнее определить функции и назначение рассматриваемого комплекса сооружений. К характеристике этих строений первого горизонта и обнаруженных в них вещевых материалов мы и переходим.

Здесь могут быть отмечены четыре основные планировочные единицы, входящие в состав всего центра: охарактеризованная выше ранняя ступенчатая башня; погребальный ансамбль, замыкавший центр с юга; серия хозяйственных дворовых участков между этим ансамблем и башней; два жилых дома на северной окраине (рис. 19). С целью получения более полного представления об условиях расположения изучавшегося комплекса строений раскопки были расширены на район невысокого возвышения, соединявшего холм с основным массивом поселения. Там была вскрыта группа хозяйственных и жилых помещений, образующих особую, пятую планировочную единицу (она по существу уже не входит в состав нашего комплекса, а примыкает к нему). Раскопки подтвердили высказанное на основании наблюдения за микрорельефом предположение о прохождении здесь небольшой улочки. Располагавшиеся по сторонам от нее помещения частично забутованы, частично заполнены плотными мусорными слоями, затрудняющими выявление древних стен и

особенно проходов. Всего удалось вскрыть 13 помещений, шесть из которых образуют отдельный комплекс с самостоятельным выходом на улицу (пом. 17—19, 21—23). Можно выделить узкие, скорее всего хозяйственные помещения (18, 21 и 23) и более крупные жилые (17 и 19). Сочетание значительного по размерам помещения и хозяйственного строения-склада весьма характерно для многокомнатных домов Алтын-Депе. Именно такое сочетание мы видим в комнатах 15 и 16, явно принадлежавших другому дому. Здесь жилая комната имела суфу и небольшой отопительный очаг в полу.

Из остальных строений этого участка особый интерес представляет двор площадью около 67 м², условно названный пом. 28. Часть его стен ориентирована по осям погребального комплекса, а направление западной стены согласовано с линией стен описанного жилого комплекса. Таким образом, за счет двора была осуществлена как бы разгонка линий разных архитектурных групп. Сам двор существовал на протяжении длительного времени, на что указывают три горизонта сырцовых вымосток, перемежаемых плотными завалами с зольными включениями. Такая вымостка пола нехарактерна для хозяйственных дворов Алтын-Депе и, возможно, указывает на особое назначение участка, обозначенного как пом. 28.

Описанная выше улочка, не доходя до этого участка, поворачивает под прямым углом на север и там делает резкий зигзаг, направляясь к основному комплексу строений. Видимо, именно таким путем осуществлялся подход к нему со стороны поселения. Отсюда попадали в группу хозяйственных и подсобных строений, образовывавших одну из планировочных единиц культового комплекса.

Тут находился хозяйственный двор, получивший название двора *Б* и переживший за время своего существования два этапа. Первоначально он был достаточно обширным и включал несколько помещений, примыкавших к северной стене погребального ансамбля (пом. 44—46 и др.). В крупнейшем из них (пом. 44) найден большой хозяйственный очаг. Этот очаг, так же как и другие очаги данной планировочной единицы, функционировал весьма интенсивно, в результате чего образовались мощные отвалы золы, постепенно заполнившие территорию двора и некоторые из располагавшихся здесь строений и закутков. Тогда была произведена некоторая перепланировка, уровень двора повысился за счет зольных наслоений и погребенных в них строительных остатков. Такое расположение зольных отложений почти в центре культового комплекса существенно отличает его функционирование в первом периоде от последующих этапов, когда зола выбрасывалась за пределы комплекса. Следует иметь в виду, что не все строения, располагавшиеся во дворе и обозначенные особыми номерами, в древности представляли собой комнаты с высокими стенами и потолочным перекрытием. Некоторые из них могли быть просто небольшими загородками и хозяйственными отсеками. Находки значительного количества фрагментов кухонных котлов и сосудов для хранения подтверждают хозяйственное назначение этого участка, где располагались кухня и хранилища. Во дворе *Б* была найдена часть двуосной модели повозки, имитирующей фигуру животного, на что указывает изображение хвоста на задней стенке. Кроме того, здесь обнаружены четыре терракотовых колесика разного диаметра, также принадлежавших подобным моделям.

К северу от рассмотренного участка располагалась вторая планировочная единица комплекса: группа построек, среди которых главное место занимали жилые дома. Здесь прежде всего выделяется отдельно стоящее прямоугольное строение размером 6×8 м, включающее три помещения (30—32). Все они отличаются тщательной кладкой аккуратно оштукатуренных стен. Вход в дом осуществлялся с севера через пом. 30. Северо-восточный угол дома, куда выходило пом. 32, попадает на склон холма и почти полностью разрушен. В доме найдено пять керамических пряслиц, что указывает скорее всего на обычную хозяйственно-бытовую деятельность его обитателей, занимавшихся также домашними промыслами.

Несколько западнее этого дома находился другой дом, небольшой, постепенно обросший дополнительными пристройками. Его основную часть составляет пом. 35, жилое, размером 3.8× ×4.6 м, с подквадратным отопительным очагом в центре, в котором было найдено терракотовое пряслице. Перед пом. 35 располагался вестибюль (пом. 37). Позднее на этом участке была проведена несколько искривленная стена, отделившая его от двора *Б*, и к ней пристроено еще одно помещение, тоже проходное (пом. 36). Показательно, что основные оси обоих домов соответствуют осям ступенчатой башни и, видимо, именно эти дома оформляли в первом периоде весь ансамбль с севера. На север, а не на юг, где находились хозяйственный двор *Б* и подсобные строения, ориентированы и выходы из домов. Не исключено, что здесь же, на севере, проходила и какая-то ограда вроде забора, но размыв края холма разрушил ее. Таким образом, оба дома с примыкающими строениями и ориентацией входов, и планировкой отчленены от хозяйственного двора *Б* в течение обоих этапов его обживания. В результате внешняя южная стена трехкомнатного дома на высоту

до 0.5 м приобрела черный цвет от многочисленных зольных отложений, накопившихся во дворе *Б* на первом этапе.

Участок, располагавшийся между рассмотренной группой жилых домов и погребальным ансамблем, завершается обширной незастроенной территорией — двором *А*. Последний имеет 12 м в длину и по крайней мере 6 м в ширину, смыкаясь со ступенчатой башней. Во дворе отсутствовали мусорные завалы и находился небольшой прямоугольный очаг. На территории двора обнаружены три глиняных ядра от пращи и фрагменты моделей повозок: части кузова, колесо и голова верблюда, помещавшаяся перед повозкой. Темно-коричневая роспись на стенках повозки по стилю может датировать сам объект временем позднего Намазга IV.

Определенный интерес представляют погребения, обнаруженные на территории описанных объектов. Это прежде всего семь погребений детей в возрасте от нескольких месяцев до 3—4 лет, которые были найдены на территории двора *Б* и соседних хозяйственных строений. Кроме того, в трехкомнатном жилом доме у южной стены пом. 41 в подбое встречено двойное погребение детей в сопровождении семи керамических сосудов (табл. XXXIV, *12*, *17*). Возраст одного из погребенных 9—11 лет (погр. 240), другого — 4—6 лет (погр. 241). В целом нахождение детских захоронений на территории хозяйственно-жилых комплексов не является чем-то особенным. Несколько более необычно обнаружение в зольнике двора *Б* погребения женщины в возрасте около 60 лет. Это тем более странно, что взрослые на этом участке хоронились в особом погребальном ансамбле, образующем третью планировочную единицу рассматриваемого комплекса.

Данный погребальный ансамбль — массивное прямоугольное здание размером около 10× ×16 м, с правильной планировкой. Основные оси здания отличаются от осей ступенчатой башни. Толстые массивные стены заметно выделяют этот дом среди рядовых строений. Он представляет собой анфиладу из пяти прямоугольных комнат (пом. 6—10), расположенных вдоль длинного коридора (пом. 11). Все комнаты связаны между собой проходами и резко различаются по сделанным в них находкам, что отражает их разные функции в системе комплекса в целом. Так, узкое пом. 6 почти лишено находок и играло роль своего рода вестибюля, куда попадали из главного коридора.

Особый интерес бесспорно представляет пом. 7 (рис. 20), сохранившее большое число самых различных предметов, лежавших на полу, поверх которого шел кирпичный завал, а над ним — кирпичная забутовка, являвшаяся фундаментом строений второго слоя. Пол был в древности покрыт плетеной циновкой, отпечатки которой встречены по всей площади комнаты. В центре находился глинобитный очаг-подиум, прямоугольный в плане, с невысокими бортиками и овальным углублением в середине, перекрытым черепками толстостенного сосуда. На очаге располагался небольшой биконический сосуд, возможно использовавшийся для возлияний. Два других сосуда лежали прямо на полу около подиума. Там же, около прохода, ведущего в пом. 8, были найдены рога горного барана, очевидно в древности располагавшиеся над этим проходом. По определению Н. М. Ермоловой, они принадлежали очень старому муфлону. У западной стены помещения обнаружены четыре костяные палочки, покрытые резным орнаментом (табл. XIX, *2*), нижняя челюсть человека и шесть крестовидных плоских поделок, выточенных из белого (три) и серого (также три) камня и, видимо, являвшихся деталями мозаичного набора, крепившегося на разрушенной органической основе (табл. XV, *1*).

Главное место в пом. 7 занимал прямоугольный алтарь, сделанный из сырцового кирпича и перекрытый деревянным настилом, прослеженным по истлевшим остаткам (рис. 21). Располагался он у северной стены. Непосредственно на настиле находились плечевая кость и ребра скелета взрослого человека. Выше них, отделенные глинистым слоем, по всей площади алтаря были рассредоточены плоские бусины из лазурита и слоновой кости (табл. XX, *1*). Скорее всего алтарь вместе с костными остатками был покрыт материей, расшитой бусинами. Под деревянным настилом алтаря в древности было пустое пространство, что видно по слегка прогнувшемуся деревянному перекрытию. Но оно постепенно заполнялось землей и человеческими костями. В заполнении здесь отмечены рыхлые натечные слои, куски глинобитной обмазки и белые известковые включения. Циновка, покрывавшая пол помещения (рис. 22, *2*), проходила и ниже алтаря, но под ней был сделан дополнительный древесный настил, также сохранившийся лишь в виде отпечатков. Поверх циновки находились разрозненные кости нескольких человек, в том числе два черепа (погр. 222 и 223) и четыре нижние челюсти от других особей. Встречены здесь и кости мелкого рогатого скота. Один из черепов принадлежал ребенку 6 лет, а другой, по заключению Т. П. Кияткиной, — мужчине 60—70 лет. Среди костей лежали сердоликовые, агатовые, лазуритовые и золотые бусы, причем некоторые из них располагались в линию, указывающую на наличие ожерелий.

Особый интерес представляет находившаяся на полу у самого южного края алтаря наборная плакетка из серого и светлого камня с изображением полумесяца и креста рядом с двумя верти-

кальными полосами (табл. XXII, *3*). Значительное число различных предметов лежало на полу к западу от алтаря. Среди них — прислоненные к стене помещения и алтаря три крупных изделия из шлифованного камня: плоская колесовидная «гиря» с ручкой, своего рода пестик с поперечными бороздками на обоих концах и «булава» с биконическим расширением посередине; аналогичные предметы хорошо известны в памятниках эпохи бронзы Ирана, Афганистана и сопредельных территорий и обычно трактуются как культовые объекты [Dales, 1972a, 1977]. Тут же были и украшения: золотые (табл. XXII, *2*) и агатовые бусы, несколько нитей мелкого бирюзового бисера. Весьма интересны печати: крестовидная из лазурита (табл. XVI, *11*) и плоская белая с изображением свастики (табл. XXII, *1б*). К востоку от алтаря, в углу комнаты, находился сильно скорченный костяк, лишенный черепа, который был отчленен от корпуса вместе с несколькими шейными позвонками. Здесь же встречены отдельные кости других скелетов, в том числе нижняя челюсть. Рядом обнаружены каменные и лазуритовые бусы, отпечаток дна плетеной корзинки, истлевшие остатки плоского деревянного предмета, на котором лежали, видимо, украшавшие его лазуритовые бусы. При углублении под пол после разборки алтаря оказалось, что там располагались тремя аккуратными рядами 18 шариков: шесть лазуритовых, по столько же белых и из серого камня.

Наиболее интересные предметы найдены среди вещей на полу к западу от алтаря. Здесь помимо уже упоминавшихся массивных каменных объектов были три металлические овальные бляхи с отверстиями для прикрепления к какому-то предмету, серебряная обкладка деревянного гвоздя, голова волка (высота 1.5 см) и голова быка (высота 7.5 см) из золота. Обе они полые, литые, с обработкой мелких деталей пунсоном. Так, у волка подчеркнуты глаза, брови и рот с двумя рядами точечных вдавлений, возможно передающих зубы (табл. XXIII, *2*). Несколько необычны два сквозных отверстия по бокам его морды, которые как бы предназначались для инкрустационных вставок. Голова быка имеет вставные рога и уши; рога сделаны из серебряной проволоки, обернутой золотой пластинкой (табл. XXIII, *1*). Морда круглая, напоминающая свиной пятачок; рот и ноздри переданы углублениями. На лбу и в глазах — вставки из бирюзы, причем для одного глаза с этой целью использована бусина, в которой специально сделали поперечное отверстие. Бирюзовые вставки, уши и рога удерживались комком мастики, ныне совершенно высохшей, но сохранившей четкие отпечатки крепившихся к ней деталей. Как и у волка, у быка по обеим сторонам морды есть сквозные отверстия, по три с каждой стороны. Из прочих найденных у алтаря вещей упомянем кремневый наконечник стрелы, крупную биконическую бусину в виде пряслица и большую плоскую бусину с изящно подобранным рисунком фактуры в виде бокала на высокой ножке (табл. XXI, *1*). Всего в святилище найдены 864 бусины, в том числе девять золотых, 101 лазуритовая, 639 бирюзовых и др.

Пом. 8, несмотря на его большие размеры, было практически лишено находок. На полу располагался крупный очаг, но какие-либо кухонные предметы в виде обломков котлов или костей животных здесь отсутствовали. Пом. 9 представляло собой коллективную гробницу, в которой находились останки по крайней мере 11 человек (рис. 23). Но лишь восемь из них представлены находками черепных коробок, не считая разрозненных нижних челюстей. Расположение скелетов — обычное для коллективных погребений Южного Туркменистана, в том числе и для Алтын-Депе. Кости ранее погребенных беспорядочно разбросаны, лишь скелет мужчины, захороненного последним, покоится на боку в анатомически правильном положении. Отличие данной комнаты от обычных гробниц — находки черепов в нишах, сделанных по стенам помещения сравнительно невысоко от пола. Всего таких ниш в комнате семь: пять глубоких и две мелкие. В четырех глубоких находятся черепа, принадлежавшие соответственно мужчине 35—40 лет, женщине 25—30 лет, женщине 16—18 лет и ребенку 8—9 лет. Инвентарь, обнаруженный в пом. 9, невелик: 11 керамических сосудов, главным образом типа биконических, найденных в святилище у очага-подиума; плетеная корзинка, от которой, естественно, сохранились лишь отпечатки; четыре бусины; лопатки и другие кости баранов, по определению Н. М. Ермоловой — от семи-восьми особей, в основном молодых. Интересно, что часть черепов в нишах лишена нижних челюстей, но иногда имеются расположенные рядом с ними части плечевых костей и ребер. Как и в пом. 7, на полу встречаются разрозненные обломки нижних челюстей.

Наконец, пом. 10 также содержало человеческие останки, но в оригинальном виде. В его юго-восточном углу находилась овальная в плане куча костей, включающая длинные кости и черепа по крайней мере 13 человек. Рядом был поставлен керамический сосуд, предназначавшийся, надо полагать, для всей этой гекатомбы в целом. У северной стены располагалось непотревоженное погребение, ориентированное на юго-восток; около бедренных костей скелета найдена печать в виде двухголовой птицы, сделанная из бронзы (табл. XVII, *9*) и сильно коррозированная (погр. 235). К этому погребению, видимо, относится и биконический сосудик, лежавший к югу от скелета. Два крупных раздавленных сосуда встречены в северо-западном углу помещения.

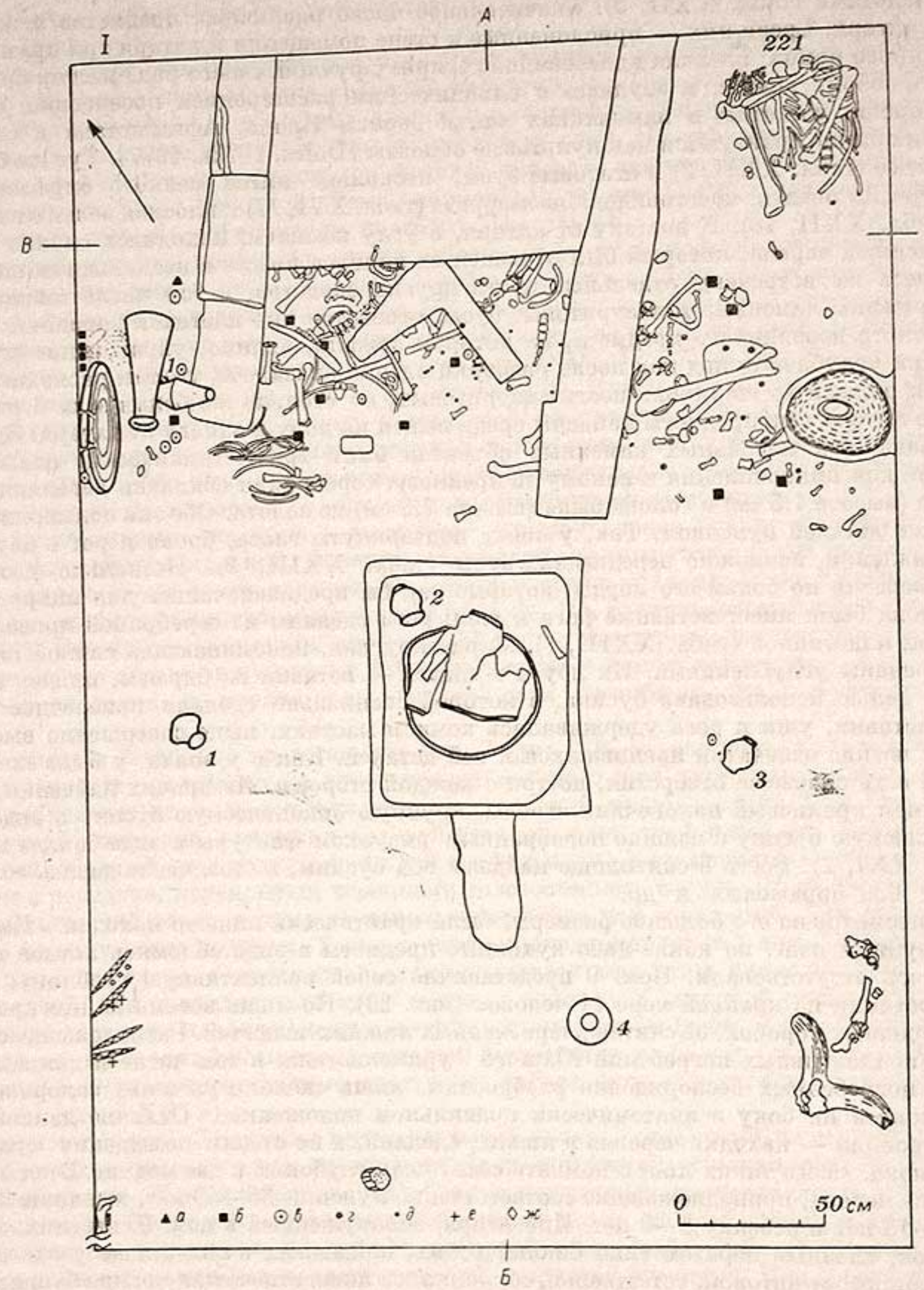

Рис. 20. Раскоп 7. Жреческая усыпальница. Планы пом. 7 (*I*) и 10 (*II*).

а — сердолик; *б* — агат; *в* — металл; *г* — камень; *д* — лазурит; *е* — поделки из темного камня; *ж* — то же из светлого.

Уникальный характер этого погребального комплекса не вызывает сомнений. Благодаря прежде всего большой работе, проделанной Т. П. Кияткиной по определению антропологических материалов, можно высказать некоторые соображения о погребальном ритуале и церемониях. Так, ясно последовательное перемещение человеческих останков из одной комнаты в другую, причем перемещение уже в сильно разложившемся виде. В результате нижняя челюсть из погр. 219 (черепная крышка находилась в пом. 9) оказалась в пом. 10. Наоборот, черепа из погр. 227 и 232 уже были перенесены в пом. 10, в общую кучу, а их нижние челюсти все еще оставались в пом.9, где и были найдены. Только такими перемещениями в пределах комплекса можно объяснить «некомплект-

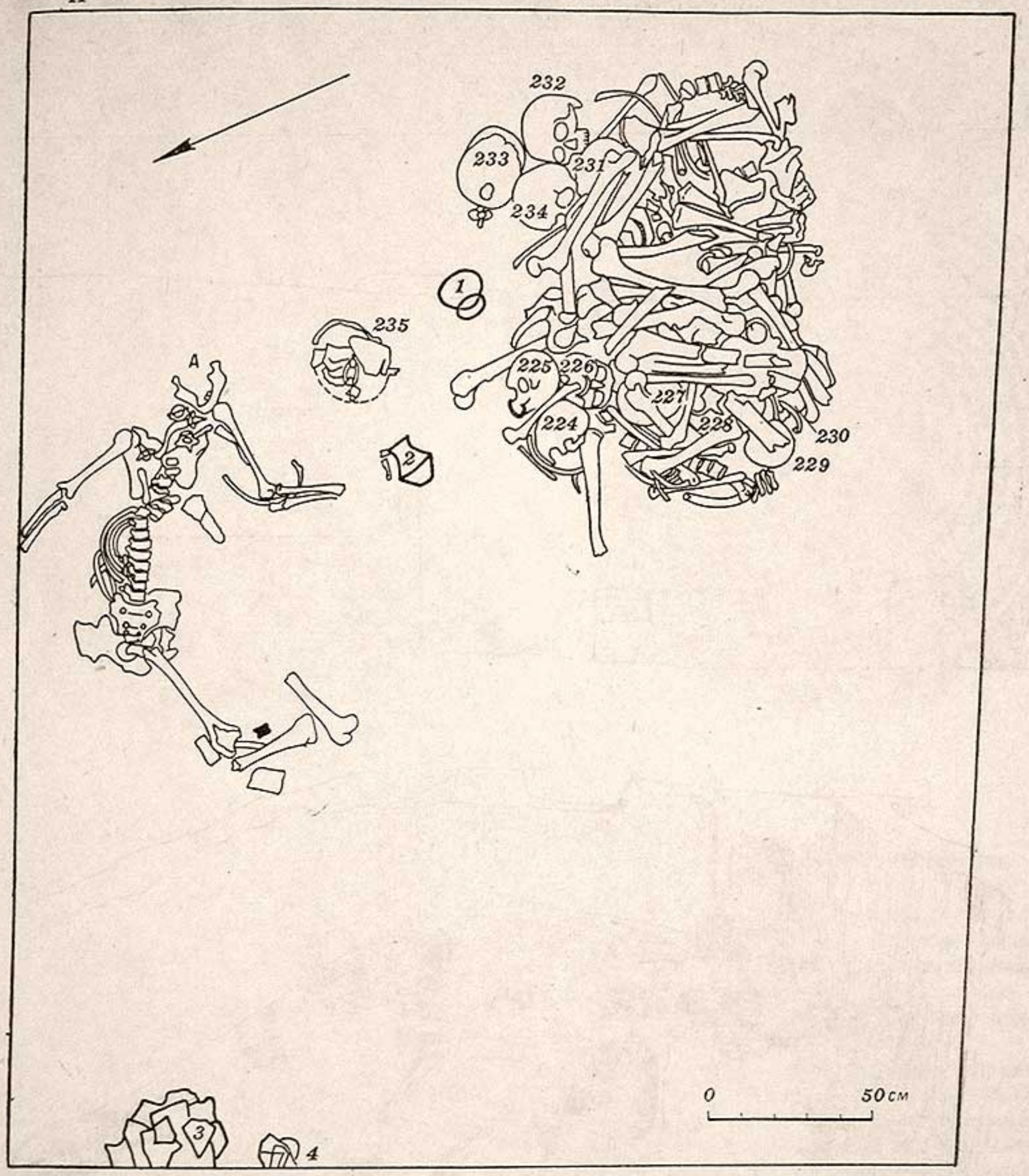

Рис. 20 (*продолжение*).

ность» всех без исключения костяков в пом. 7. Следует заключить, что различные помещения имели специализированные функции соответственно их месту в обрядовой церемонии.

Определение пом. 7 как святилища наиболее достоверно уже по наличию очага-подиума, типа хорошо известных культовых очагов, обнаруженных как в энеолитических святилищах Южного Туркменистана, так и в месопотамских святилищах и храмах. Характер находок из этого помещения подтверждает подобное заключение. Можно предположить, что, пока очередной усопший покоился на алтаре, на очаге-подиуме совершались соответствующие возлияния (см. с. 64) и одновременно демонстрировались священные объекты, сосредоточенные у алтаря. Важно отметить, что, например, ручка «гири» буквально залощена от длительного употребления, а уши вол-

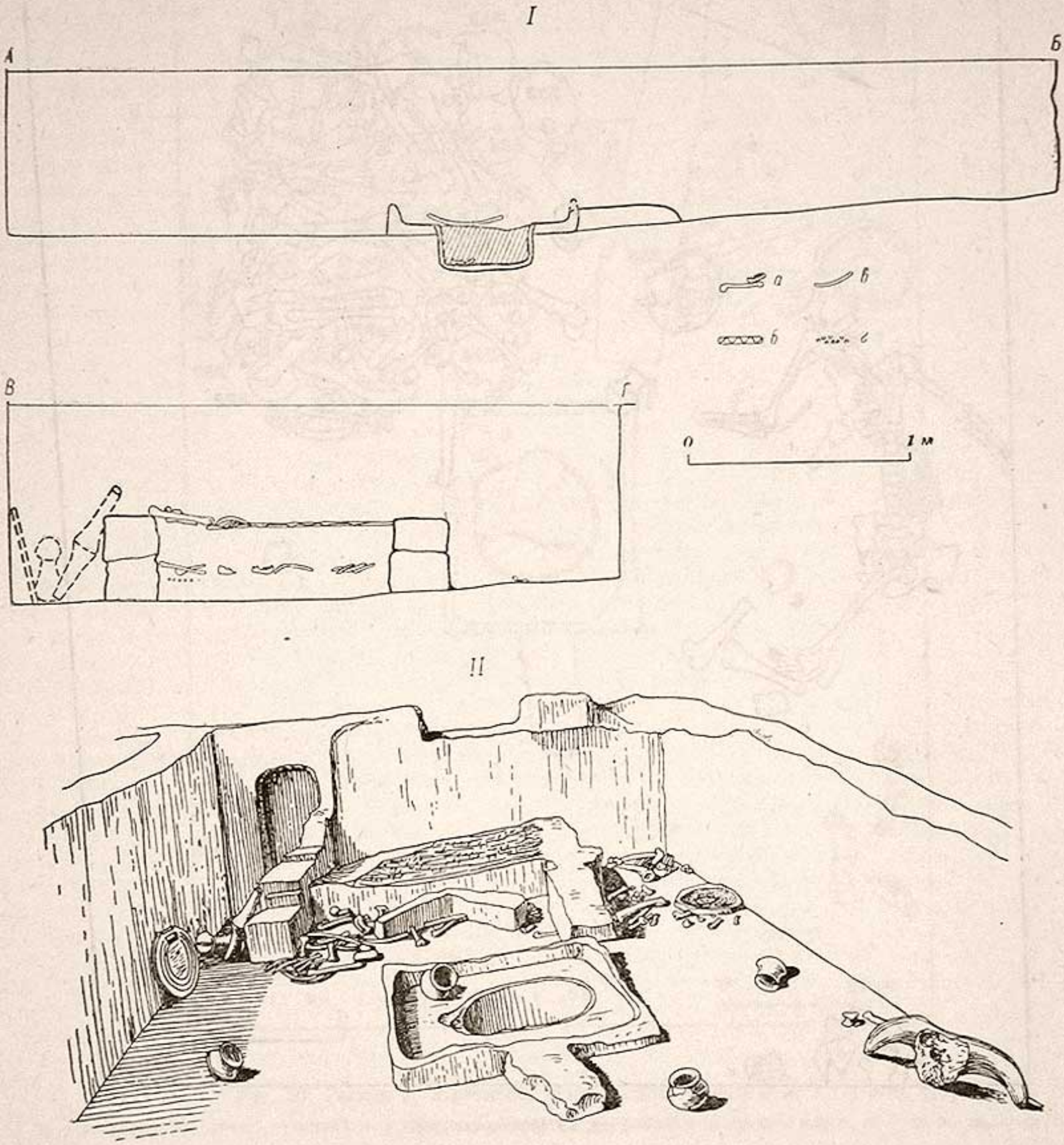

Рис. 21. Раскоп 7. Продольный и поперечный разрезы пом. 7 (*I*). Аксонометрия (*II*).

а — кости; *б* — дерево; *в* — фрагмент хума; *г* — бусы и камешки.

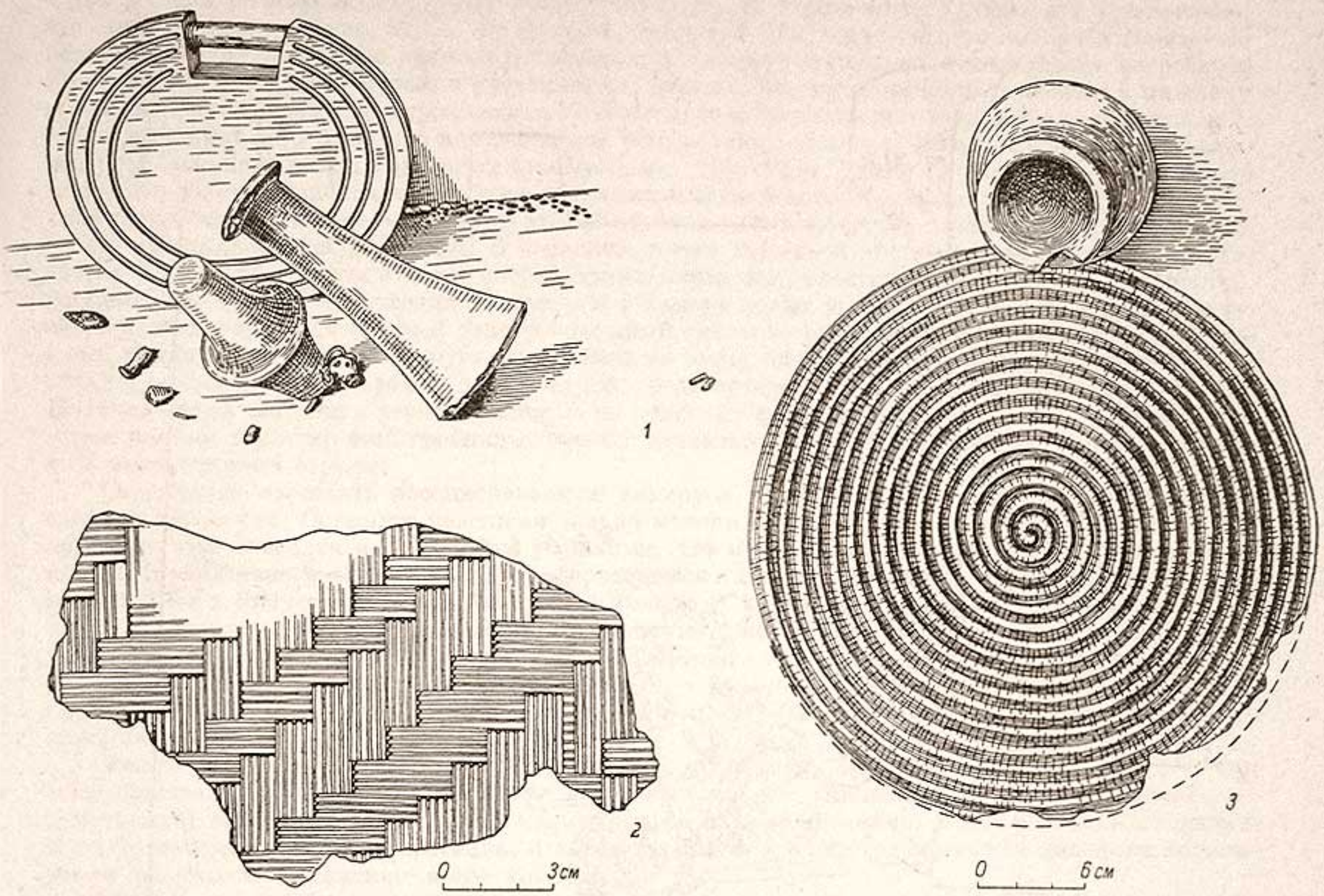

Рис. 22. Раскоп 7. Пом. 7.

1 — расположение предметов у алтаря; *2* — отпечатки циновки; *3* — керамический сосуд и отпечатки дна корзинки.

чьей головы протерты почти насквозь. Далее труп, а иногда, может быть, и его части (в погр. 221, в углу святилища, отсутствует преднамеренно отделенная голова) перемещались в другие комнаты. Интересен факт наличия человеческих останков под настилом самого алтаря. Все они размещены с краю и как бы запихнуты под настил уже в потревоженном состоянии. Но показательно, что именно здесь оказался череп мужчины 60—70 лет, патриарха среди всех лиц, погребенных в данном комплексе, чей возраст, за этим единственным исключением, не превышает 35—40 лет.

Пом. 8, пустое, с огромным очагом на полу, может рассматриваться как хранилище своего рода очищающего огня, отделявшего святилище от собственно гробницы. Пом. 9 — основная гробница, типичная коллективная усыпальница, хорошо известная в Южном Туркменистане начиная с эпохи позднего энеолита, но в данном случае расположенная не обособленно, как в большинстве других случаев, а в системе архитектурного ансамбля. Различные догадки может вызывать нахождение некоторых черепов в нишах стен. Если исходить из необычности такого приема, то следовало бы предположить особую роль лиц, чьи останки удостоились такого посмертного почета. По половозрастному составу погребенные — мужчина, две женщины и ребенок — могли быть членами одной семьи. Переносимые в гробницу останки сопровождались сосудиками для возлияний и, видимо, как правило, жертвенной частью барана. Наконец, на третьем этапе разрозненные кости захороненных переносились в последнюю, тупиковую комнату, где складывались в аккуратную кучу. Правда, не совсем ясны причины помещения сюда же погр. 235, поясная печать из которого подчеркивает его особый характер.

В целом в описанном комплексе отмечены останки почти 40 человек; из них 30 четко определяются в половозрастном отношении: 15 женщин, 12 мужчин и трое детей старше 6 лет. Но общее число погребенных на территории комплекса строений первого периода было бóльшим. Еще

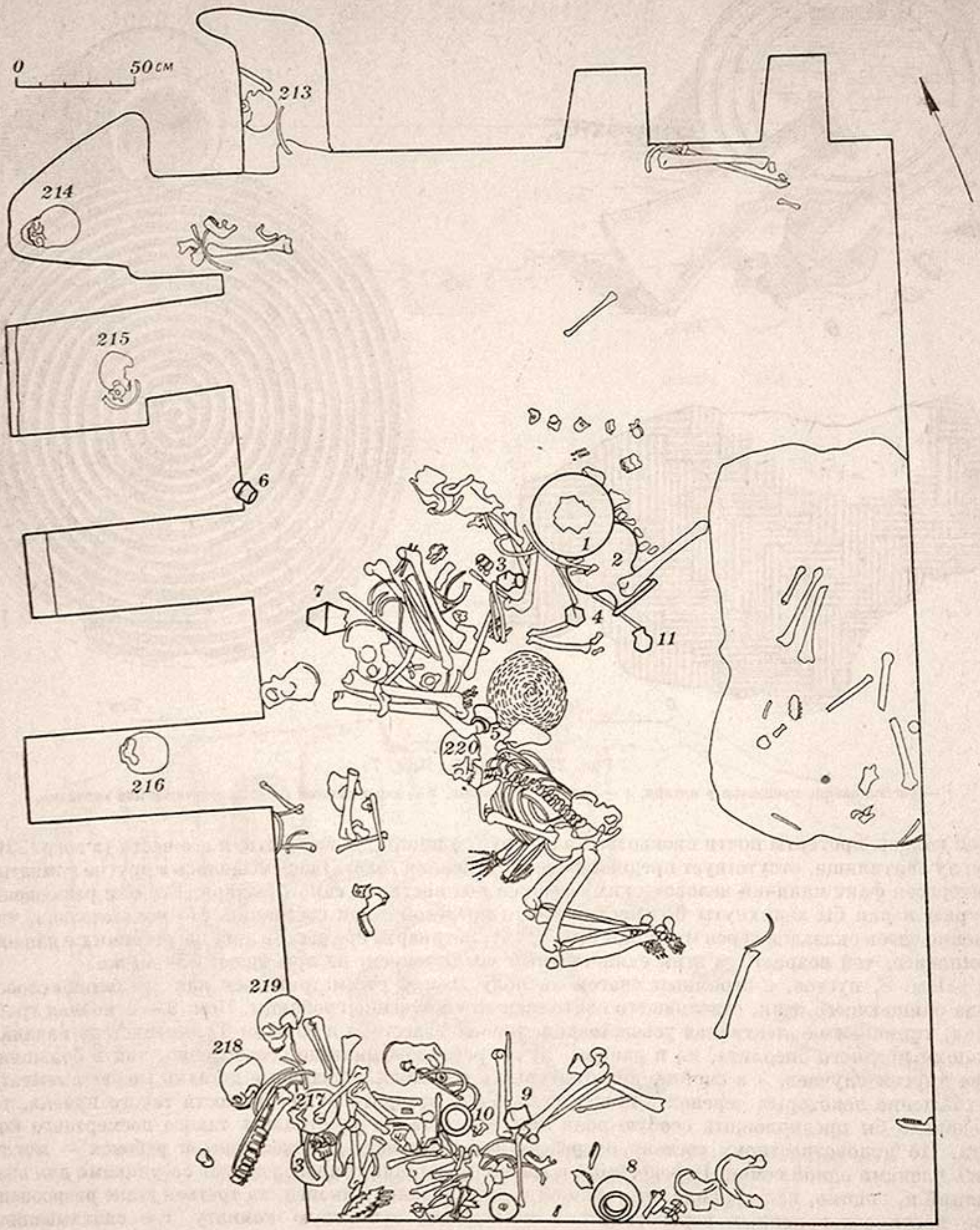

Рис. 23. Раскоп 7. План пом. 9.

в 1969 г. при раскопках подсобных помещений верхнего строительного горизонта установлено, что одна из комнат (пом. 32, по нумерации, принятой для верхнего строительного горизонта) построена на руинах более раннего помещения, в котором находилось коллективное погребение [Массон, 1970а]. Теперь можно с уверенностью сказать, что это помещение относится к нижнему строительному периоду и пристроено с юга к внешней стене погребального комплекса напротив пом. 9, также выполнявшего функцию коллективной усыпальницы. Всего в камере, судя по количеству черепов, было погребено 14 взрослых человек (погр. 110—123). Кости 13 скелетов, бесцеремонно сдвинутые уже в древности, находятся в перемещенном состоянии. Как правило, ненарушенными сохраняются лишь сочленения длинных костей нижних конечностей. Большинство костей сосредоточено в центральной части камеры. В западной, почти лишенной костей, встречено основное количество сосудов, входивших в состав погребального инвентаря, а восточная вообще оказалась пустой. Видимо, с востока и происходило помещение в камеру новых усопших. Во всяком случае именно здесь расположен единственный непотревоженный скелет — на правом боку, со скорченными ногами, вытянутыми вдоль тела руками, головой на запад (погр. 123). Погребальный инвентарь состоял в основном из 24 керамических сосудов, среди которых преобладали биконические формы. Находка одной чашечки с черной росписью по красному фону типа позднего Намазга IV подтверждает ранний характер этой гробницы. Прочий инвентарь представлен тремя бусинами и кремневым наконечником стрелы.

Стремление поставить рассматриваемую камеру в определенную связь с погребальным ансамблем бесспорна. Остаются неясными только мотивы такого ее расположения. Возможно, сам ансамбль уже считался заполненным усопшими, что и вынудило к дополнительной пристройке, как бы приобщавшейся через стену к содержащимся в ансамбле святыням. Отметим, что при раскопках 1969 г. отсутствие в пом. 32 печати вызывало удивление, тогда как предлагаемая трактовка объясняет этот факт наличием печатей в основном комплексе святилища. Вместе с тем нельзя полностью исключать наличие в гробнице 32 лиц иного социального ранга, помещение которых в главный погребальный ансамбль противоречило бы существовавшим в обществе канонам и нормативам. По определению И. И. Гохмана, в пом. 32 было захоронено восемь мужчин и пять женщин в возрасте от 16—17 до 40—45 лет.

Таким образом, весь комплекс строений первого периода отчетливо распадается на четыре планировочные части, различающиеся и в функциональном отношении: ступенчатую башню, хозяйственные строения и дворы, жилые дома и погребальный ансамбль. В дальнейшем мы вернемся к их более детальной интерпретации, открывающей благодаря выразительным находкам возможности раскрытия семантики всего комплекса.

Для следующего строительного горизонта (или второго периода) характерна, как и для всего комплекса в целом, кардинальная перепланировка строений, располагавшихся в его центре. Все ранние помещения забрасываются и забутовываются, и на их руинах при частичном использовании ранних стен в качестве фундамента воздвигается в середине участка отдельно стоящий дом, под которым оказались скрытыми такие строения первого периода, как пом. 31, 43—46. Подпрямоугольный в плане дом состоит из четырех комнат и ориентирован, так же как и жилые дома первого периода, входом на север. Пом. 1, проходное, было связано с пом. 2, на полу которого находилась прямоугольная платформа отопительного очага. Скорее всего это помещение с тщательно оштукатуренными стенами являлось жилым. Другая комната, соединенная проходом с пом. 1, тоже в свою очередь была проходной: из нее дверь вела в пом. 5, где в углу располагался массивный очаг. Примечательно, что данная комната содержала и многочисленные находки обломков керамики. В пом. 6 найдена небольшая каменная гиря. Разнообразные очаги отмечены и за пределами дома, у его северной стены. Помимо очагов к наружным стенам дома были пристроены различные хозяйственные помещения, из которых целиком сохранилось лишь пом. 3. В нем обломки керамики встречены в особенном изобилии, а также найден кремневый наконечник стрелы.

О других постройках этого строительного горизонта судить затруднительно. На севере крутой склон холма не позволил им уцелеть, хотя обнаружение здесь очага на платформе, оказавшегося почти над центром многокомнатного жилого дома нижнего строительного горизонта, позволяет предполагать наличие таких строений. Возможно, двор *А* как большой незастроенный участок сохранялся и во втором периоде. К югу же от описанного дома простирались забутованные помещения погребального комплекса, поверх которых во втором периоде не было сооружено сколько-нибудь фундаментальных построек. Интересно, что здесь в забутовке, южнее пом. 5, была найдена целая терракотовая женская статуэтка — единственная находка такого рода для всех трех строительных горизонтов культового комплекса. По своему иконографическому типу, с толстой налепной косой на спине, эта фигурка принадлежит к числу обычных для Алтын-Депе терракот. Однако на ней отсутствуют нацарапанные знаки. На стратиграфическом раскопе 1 отмечены находки под

полом домов целых фигурок, что могло быть связано с их преднамеренным помещением туда в магических целях, чему есть подтверждения и в письменных источниках Древнего Востока [Массон, Сарианиди, 1973, с. 86]. Видимо, в данном случае нахождение терракотовой фигурки в забутовке можно трактовать аналогичным образом.

Наоборот, строения верхнего строительного горизонта (или третьего периода) прослежены в центральной части комплекса на значительной площади. В это время здесь, как и во втором периоде, ядром был крупный жилой дом, располагавшийся как раз по центру, за парадным фасадом всего комплекса. Часть стен дома являлась прямым продолжением стен дома предыдущего периода, лишь несколько надстроенных. Но в планировочном отношении дом изменился, увеличившись в размерах. Он достигал теперь 7.5 м в ширину и 8 м в длину. Вход в него, как и раньше, вел с севера, а около небольшого порога имелся каменный подпятник. Несколько странно нахождение слегка углубленного в землю, овального в плане очага. Возможно, в нем горел огонь, игравший роль оберега. Дом состоял не из четырех комнат, как во втором периоде, а из шести. Тщательно оштукатуренные комнаты 1а, 1б, 2, 4 и 5 скорее всего следует отнести к числу жилых и парадных. В угловой комнате 3 располагались два массивных очага, занимавших бóльшую часть ее площади. Примечательно, что это помещение точно соответствует пом. 5 второго слоя, где также был очаг. По-видимому, в данном случае мы сталкиваемся со своего рода внутридомовой кухней специального назначения. Нельзя не отметить, что в целом жилой дом третьего периода, хотя и превосходит по размерам своих предшественников, отличается небрежностью постройки, отсутствием прямых линий, что особенно заметно по восточной стене, сформировавшейся как бы постепенно в ходе различных пристроек. В этом мы видим сходство с третьим периодом истории парадного фасада, когда поспешными постройками пытались замаскировать постепенное ветшание и упадок.

Сам жилой шестикомнатный дом находился в окружении хозяйственных участков и подсобных строений. Сразу же за северной стеной обнаружено частично уцелевшее длинное узкое пом. 14, в котором располагался массивный прямоугольный очаг-подиум, чьи контуры были заметны еще до начала раскопок. Однако большинство строений северного фасада, если и существовали в древности, ныне полностью исчезли. Как можно было видеть, в этой части холма относительно сохранившимися были лишь помещения самого нижнего строительного горизонта. Неполностью сохранились комнаты и к востоку от жилого дома (пом. 12, 15), где, правда, отмечены следы перестроек и перепланировок.

Несколько в лучшем состоянии находятся постройки, располагавшиеся к югу от жилого дома. Здесь может быть отмечено стремление древних строителей выровнять линию, ограждающую комплекс с юга. Стены строений, образующих эту линию, имеют толщину от 60 до 90 см. Рельеф местности способствовал сохранению окраинных участков древних строений, тогда как на западе и на севере холма такие строения третьего периода были полностью смыты, а на парадном, восточном, фасаде уцелели лишь благодаря массивности и монументальности.

Непосредственно к югу от жилого дома располагался участок явно хозяйственного назначения. Выделяется обширная территория, условно названная пом. 26 и являющаяся скорее всего небольшим двором. К этому двору тяготеет ряд комнат и отгороженных участков (пом. 23—25, 28, 29, 31). В пом. 29 находились прямоугольные очаг и отсек, сплошь заполненный мелкими обломками керамики (примерно 800 фрагментов) и камнями. Круглые в плане очаги диаметром около 0.5 м имеются на полу пом. 25 и 28. Причем очаг в пом. 28 четыре раза перестраивался, каждый раз сдвигаясь на новое место. В целом можно заключить, что данный участок связан с интенсивной деятельностью по приготовлению пищи, на что указывают также находки фрагментов кухонных котлов.

Труднее судить о назначении расположенных к востоку от хозяйственного участка частично сохранившихся пом. 27 и 30. Как уже говорилось, для строений, выходивших на южный край холма, характерна известная регулярность, отражающая стремление архитектурно оформить южную границу культового комплекса. Правда, в отличие от парадного, восточного, фасада здесь нет единой прямой линии стены. Отмечены две параллельные толстые стены, между которыми находятся строения, то подквадратные в плане (пом. 34), то более длинные (пом. 32, 33). Северная стена использовала в качестве фундамента южную стену погребального ансамбля нижнего строительного горизонта. Все эти помещения заполнены плотным завалом или забутовкой, и о назначении их судить затруднительно. Возможно, они были хранилищами, ныне уже совершенно опустошенными.

Такова общая характеристика сооружений трех строительных горизонтов, или трех периодов в истории культового комплекса. Обратимся теперь к вопросам интерпретации всего комплекса в целом, опираясь на имеющиеся археологические факты и наблюдения. Наиболее яркую картину дает комплекс первого периода. Уже приведенная выше общая характеристика его строений позволяет говорить о четырех функционально различных составляющих элементах комплекса:

многоступенчатой башне; погребальном ансамбле; жилых домах; группе хозяйственных построек (двор, кухня и хранилище). Рассмотрим функции каждого из этих элементов более подробно.

Облик ступенчатой башни бесспорно связан с известными зиккуратами древней Месопотамии. Последние располагались при храме главного божества и венчались небольшим храмиком — жилищем этого божества. Поскольку верхние ступени зиккуратов, как правило, плохо сохраняются, венчающая часть реконструируется обычно на основании косвенных данных, прежде всего известного описания знаменитого зиккурата в Вавилоне, приведенного Геродотом [Her., I, 181]. Верхняя терраса использовалась для разного рода религиозных мистерий и, видимо, одновременно служила жрецам своеобразной обсерваторией. Сходство архитектурных форм со ступенчатой башней Алтын-Депе позволяет рассматривать ее как объект культовой архитектуры, не уточняя пока характера культа или религиозных отправлений.

Второй составной элемент комплекса — погребальный ансамбль — выглядит особенно своеобразно в условиях Алтын-Депе, где хорошо известны многочисленные захоронения, бывшие либо одиночными могилами, либо коллективными гробницами. В нашем погребальном ансамбле подобная усыпальница была лишь частью более обширного комплекса, включавшего еще и ряд других помещений различного назначения, в том числе, что особенно важно, святилище. Размеры и планировка святилища, так же как наличие очага-подиума, продолжают местные традиции эпохи энеолита, тогда как наличие пристенного алтаря — новое явление. В. И. Сарианиди уже высказывалось предположение о связи внутридомовых святилищ Геоксюра с погребальным культом [1965]. Но там эта связь была не вполне четкой, а само святилище представляло собой лишь небольшую комнатку среди прочих жилых и хозяйственных помещений многокомнатного дома. Таким образом, погребальный ансамбль раскопа 7 по своей планировке — уникальное сооружение, где коллективная гробница превратилась в пышную усыпальницу со сложным обрядом. Уже данное обстоятельство подчеркивает особое положение как всего ансамбля в целом, так и той группы лиц, которую он обслуживал. Состав вещей, обнаруженных в святилище, имеющих специфическую магическую семантику и занимающих особое положение в ценностном выражении (золото, серебро, полудрагоценные камни), еще более подкрепляет справедливость подобного заключения. Вхождение погребального ансамбля в один комплекс с зиккуратообразной постройкой позволяет утверждать, что он был местом погребения лиц, связанных с обслуживанием культового центра. Характер погребального инвентаря блестяще подтверждает этот вывод, как число погребенных лиц (около 40 без дополнительной камеры 32) и их половозрастной состав (приблизительно равное число взрослых мужчин и женщин) позволяют говорить, что гробница обслуживала несколько семей, возможно, объединявшихся в особую, замкнутую единицу, противостоящую, по крайней мере по системе погребальных средств, другим обитателям Алтын-Депе. Такой единицей скорее всего была жреческая община, внутри которой могли существовать и родственные связи. Если развивать дальше концепцию территориального единства, то можно предположить, что местом обитания семей, входивших в общину, являлись дома, расположенные вдоль улицы, идущей к культовому центру со стороны городища.

Однако жилые постройки имелись и на самой территории культового центра. Это прежде всего трехкомнатный дом площадью около 50 м², обособленное положение и правильная планировка которого явно свидетельствуют о принадлежности к группе домов Алтын-Депе, служивших местом обитания верхушки общества. Учитывая специфику всего комплекса, его можно именовать «домом жреца» и считать резиденцией семьи лица, возглавлявшего культовые церемонии (вспомним захоронение черепа пожилого мужчины под алтарем святилища). Труднее судить, был ли однокомнатный дом с очагом (пом. 35) жилищем другой семьи, также принадлежавшей к жреческой верхушке, или являлся частью одного и того же жилого комплекса, планировочно делокализованного. Представляется, что интересные материалы для соответствующих заключений могут дать детские захоронения, обнаруженные вне пределов погребального ансамбля. Наличие в последнем особей старше 6—7 лет хорошо соответствует данным по другим коллективным гробницам Алтын-Депе и подтверждает существование в обществе возрастных групп, представители которых хоронились в различных местах. Так, дети до 6 лет обычно погребались на территории самого дома и примыкающего хозяйственного участка, где обитал коллектив, к которому они принадлежали. В рассматриваемом нами ансамбле были обнаружены останки 37 человек (все взрослые), а если учитывать боковую камеру 32, то это число достигнет 51. Однако на территории хозяйственного двора *Б* и его подсобных строений было обнаружено всего семь захоронений детей до 3—4 лет. Такая диспропорция указывает на то, что в пределах двора хоронились дети какой-то ограниченной группы, скорее всего состоявшей из одной или двух семей, чьи жилые дома располагались на том же участке. Вполне логично ожидать, что семья верховного жреца, обитая непосредственно на территории культового комплекса, полностью осуществляла все свои функции на этом же пространстве. В дан-

ном отношении весьма примечательно парное погребение двух сравнительно взрослых детей — 4—6 и 9—11 лет — в подбое в стене трехкомнатного жилого дома. Сопровождающий их инвентарь — семь сосудов — для Алтын-Депе относительно велик и может свидетельствовать об особом социальном ранге погребенных. Может быть, эти дети принадлежали к семье верховного жреца и нашли свое последнее успокоение под стеной дома, в котором протекала их недолгая жизнь.

В свете подобных рассуждений остается, однако, труднообъяснимым захоронение пожилой женщины, найденное в зольном слое хозяйственного двора. Совершенно ясно, что ее по каким-то соображениям (иной социальный ранг — вне жреческой общины?) нельзя было поместить в погребальный ансамбль и вместе с тем всей своей долгой жизнью она была связана с группой хозяйственных и жилых строений. Не исключено, что это — престарелая прислужница семьи жреца, но трудно чем-либо подтвердить подобное, чисто умозрительное предположение.

Наконец, четвертым составным элементом комплекса является группа подсобных и хозяйственных строений, концентрирующихся в районе двора *Б*. Характерные черты этого участка: с одной стороны, наличие хранилищ, с другой — кухонного очага, посуды и особенно явственных следов деятельности соответствующего рода в виде мощных наслоений золы, достигающих местами толщины 1 м. Присутствие значительных отвалов золы служит вообще специфической чертой рассматриваемого комплекса как археологического объекта на протяжении всех трех периодов существования. В первом периоде такие отвалы сосредоточивались в центральной части, постепенно заполняя хозяйственный двор, что вынудило произвести здесь перепланировку подсобных строений и на руинах более ранних, полностью заполненных зольно-мусорными наслоениями, возвести новые. Масштабы деятельности очагов и кострищ, давших столь обильные зольные отвалы, явно превосходят бытовые потребности одной или двух семей, чьи жилые дома входили в состав комплекса. Это заставляет предполагать наличие поминальных или иных культовых пиршеств, центром которых становился в какие-то периоды данный объект. В культовой архитектуре Месопотамии есть многочисленные примеры подобного явления. Так, в храмовом комплексе Ура по соседству с зиккуратом первой династии (XXVI в. до н. э.) располагалась группа построек с хозяйственными остатками и крупными овальными и прямоугольными очагами. Л. Вулли определял данный комплекс как своеобразную храмовую кухню, где из мяса жертвенных животных приготовлялась «пища богов», практически достававшаяся жрецам и прочему обслуживающему персоналу. Аналогичная кухня находилась и около гигантского зиккурата Ура, сооруженного в правление Урнамму в XXII в. до н. э. [Вулли, 1961, с. 110, 144]. В нашем комплексе местом для торжественных пиршественных церемоний мог служить обширный двор *А*, в котором был небольшой очаг. Двор содержался в чистоте и порядке: в нем не было обнаружено зольно-мусорных наслоений, заполнявших район хозяйственного двора *Б*. Не исключено использование для публичных церемоний и вымощенного сырцом двора, названного пом. 28.

Таким образом, функциональный анализ составных элементов комплекса, вскрытого на раскопе 7 на уровне нижнего строительного горизонта, свидетельствует об его особом, неординарном положении. Ступенчатая башня типа зиккурата, погребальный ансамбль с внутренним святилищем, остатки коллективных трапез — все это указывает на специфический характер данного археологического объекта. Проведенный анализ убеждает, что перед нами храмовый комплекс, включавший в свой состав также и жилища некоторых лиц, видимо особенно тесно связанных с осуществлением комплексом его функций. Такому определению соответствует и монументальный, в масштабах Алтын-Депе, характер открытой здесь архитектуры.

Полный анализ планировки позволяет восстановить и ход процессии, доставлявшей в погребальный ансамбль тело очередного усопшего, достойного помещения в данном священном месте. По узкой улочке процессия попадала во двор *Б* и оттуда через пом. 33 — во двор *А*. Проход этот найден заложенным и, очевидно, подобно входам в коллективные гробницы Геоксюра, каждый раз разбирался по мере надобности. Примечательно, что оба жилых дома, и трехкомнатный, и однокомнатный, обращены к возможному движению траурной церемонии глухими стенами. Далее с восточной стороны попадали в коридор погребального ансамбля, где достаточно широкий проход также был заложен, устойчиво повторяя в этом отношении традицию коллективных гробниц. Следовательно, какую-то часть времени погребальный ансамбль со всеми культовыми объектами стоял как бы запечатанным до возникновения потребности в его использовании.

Найденные в ансамбле объекты, прекрасно сохранившиеся до наших дней, позволяют, как кажется, предложить и более уточненную семантическую характеристику храмового комплекса в целом. Отсутствие в погребальном ансамбле, отличающемся богатым набором самых разных предметов, женских статуэток дает уже достаточно яркую негативную оценку. Во всех других коллективных гробницах Алтын-Депе, как правило, такие фигурки присутствуют, причем порой даже в нескольких экземплярах. В данном случае женские терракоты были заменены совершенно

иными культовыми объектами: головами волка и быка, плакеткой с астральными символами. Здесь, как нам представляется, особое место занимает золотая голова быка, весьма эффектно инкрустированная бирюзой. Уникальная для среднеазиатских памятников, она вместе с тем вписывается в круг объектов близкого характера, типичных для ближневосточной археологии и недавно бывших предметом специального обзора. Центром распространения таких изделий безусловно является Месопотамия, где головы быков были обнаружены при раскопках Ура [Woolley, 1934, pl. 107, 111, 115—117, 119—121] и Хафадже [Frankfort, 1936, p. 28—29], не считая ряда находок без точной привязки к археологическим наслоениям [Parrot, 1960, p. 157, fig. 186].

Головы быков, обнаруженные в Уре, помещались в качестве скульптурных украшений на резонаторах лир и изготовлялись из золота, серебра и бронзы. Наибольшую известность получила исключительно выразительная голова быка, сделанная из золота с дополнительными украшениями из лазурита (вставные глаза, небольшая челка на лбу, концы массивных, загнутых вверх рогов и широкая борода). Сочетание лазурита и золота вообще было любимым приемом шумерских ювелиров. Интересно, что особое значение лазурита распространилось и на Египет, где, согласно одному из вариантов цикла Ра, этот бог солнца царствовал много тысячелетий, а когда состарился, кости его превратились в серебро, мясо — в золото, а волосы — в лазурит [Тураев, 1935, с. 180]. С головой алтыновского быка урскую голову сближают прием выполнения глаз инкрустацией, помещение прямо под рогами расставленных в стороны ушей и передача надбровных дуг углубленными линиями. Форма рогов, передача морды животного, да и вообще облик скульптуры в целом принципиально различны. Более художественные и реалистически выполненные урские быки как бы намечают общий круг, в который входит алтыновская находка. В настоящее время, согласно стратиграфической схеме Южного Двуречья, царские гробницы Ура относятся к этапу IIIA раннединастического периода, датируемому 2600—2500 гг. до н. э.

Голова быка из Хафадже найдена в кирпичной закладке в храме Сина VIII и, следовательно, должна быть отнесена ко времени существования храма Сина VII, т. е. к этапу II раннединастического периода [Delougaz, Lloyd, 1941, p. 134], датируемому 2750—2600 гг. до н. э. Изготовленная из бронзы, она по скульптурному решению близка головам быков из Ура и в той же мере, как и последние, отличается от головы быка из Алтын-Депе. Глаза головы из Хафадже выполнены вставками из раковин и лазурита, но имеется также треугольная вставка на лбу из морской раковины, которая характерна для бронзовой головы оленя из Шуррупака [Parrot, 1960, p. 155, fig. 184, *B*] и естественным образом заставляет вспомнить о вставке на лбу нашего быка. Известны, кроме того, другие бронзовые головы быков из Южного Двуречья, обладающие теми же стилистическими чертами, что и скульптуры Ура и Хафадже, и также имеющие глаза, сделанные инкрустацией из лазурита [ibid., p. 157, fig. 186; Zervos, 1935, p. 154]. Все эти находки в целом датируются раннединастическим временем, т. е. XXIX—XXV вв. до н. э. Они хронологически бесспорно предшествуют голове быка из Алтын-Депе и в стилистическом отношении представляют своего рода реалистическую предтечу этой несколько схематизированной и условной скульптуры. Вместе с тем нельзя не отметить, что трактовка рогов и особенно тупой морды, имеющей как бы свиноподобный облик, никак не может быть возведена к шумерским прототипам.

Именно эти черты нашей скульптуры находят довольно близкие аналогии в бронзовой голове быка, обнаруженной, так же как и алтыновская скульптура, за пределами шумерской «метрополии». Речь идет о находке в храме Барбары, расположенном на северном побережье Бахрейна. Здесь при раскопках храма II была встречена бронзовая литая голова быка, пустые глазницы которой прямо указывают на утраченную инкрустацию [Glob, 1955, 1958]. Детально рассмотревшая находку Е. Дьюринг-Касперс указывает, что от месопотамских голов ее отличает фронтальность расположения глаз (тогда как в Шумере они обычно помещаются по сторонам), уплощенность морды животного, у которой нос напоминает рыльце свиньи, и определенное отступление от реального прототипа, следование которому столь четко выделяет произведения месопотамских коропластов [During-Caspers, 1971]. Между тем все эти черты отличия бахрейнского экземпляра от шумерских скульптур типичны как раз для алтыновской находки. Можно только добавить, что и характер длинных рогов с изгибом, аналогии которым Дьюринг-Касперс видит в фигурке антилопы из Ура, в Бахрейне и Алтын-Депе идентичен. Разумеется, о полном совпадении не может быть и речи. В барбарской голове отсутствует проработка надбровных дуг параллельными линиями, нет сквозных отверстий по бокам головы, при общем сходстве трактовки морды детали оформления носа и рта существенно различаются. Но необходимо признать, что именно указанная голова является ближайшей аналогией нашей находке.

Датировке храмов Барбары была недавно посвящена статья П. Мортенсена, который ориентировочно относит храм II к середине III тыс. до н. э. [Mortensen, 1970]. Но вместе с тем он приходит к заключению, что наследовавший ему храм III был построен около 2200 г. до н. э. и продолжал

существовать еще примерно в 2000 г. до н. э. Е. Дьюринг-Касперс, рассматривая месопотамские аналогии головы быка из Барбары, считает возможным на их основании относить храм II к этапам II и IIIB раннединастического периода [During-Caspers, 1971, p. 223], что соответствует 2750—2420 гг. до н. э. Однако учитывая определение времени возведения храма III, можно считать, что храм II продолжал функционировать до 2200 г. до н. э. и что найденные в нем объекты если и не были изготовлены в XXIV—XXIII вв. до н. э., то во всяком случае находились в ту пору в употреблении. Эти соображения значительно сближают датировку скульптур Алтын-Депе и Барбары, принимая во внимание условие, что наша гробница относится к наиболее ранней фазе комплекса Намазга V, ниже которой уже идут слои Намазга IV.

Какова же связь этих голов с шумерской скульптурой? Е. Дьюринг-Касперс более склонна к мнению, что голова из Барбары — местное произведение, которое, однако, восходит к определенному шумерскому прототипу. Правда, она делает оговорку о трудностях различения плохой копии с месопотамской модели и местного произведения с месопотамскими чертами, комбинированными или адаптированными [During-Caspers, 1971, p. 223]. Думается, что голова быка из Алтын-Депе может служить примером справедливости такого заключения. Как мы могли видеть, ее связи с шумерскими образцами ограничиваются, так сказать, общей идеей и аналогиями в отдельных чертах (применение для глаз и лба инкрустации, растопыренные уши, прочерченные надбровные дуги). Возможно, что найденный возле головы быка мелкий бисер из бирюзы в древности образовывал пряди бороды, прикреплявшиеся при помощи сквозных отверстий, идущих с обеих сторон вдоль линии рта. В таком случае аналогии с бородатыми быками Шумера получили бы новое подтверждение. Но даже для инкрустации применен иной материал — бирюза, хотя лазурита в Туркмении было достаточно много и изделия из него в изобилии найдены в том же помещении, что и голова быка. В этой связи особенное значение приобретают известные черты сходства головы быка из Алтын-Депе и энеолитической скульптуры Южного Туркменистана. На Кара-Депе в слоях Намазга III, относимых ориентировочно к началу III тыс. до н. э., была обнаружена довольно неуклюжая фигурка быка, сделанная из мраморовидного известняка. Она своим общим видом, отражающим скорее всего затруднения скульптора в работе с малопластичным материалом, напоминала свинью, и лишь рога и длинный хвост рассеивали подобное заблуждение [Массон, 1960а, с. 371, рис. 24]. Передача морды в виде свиного пятачка с углубленной линией прямого рта и двумя ноздрями, также выполненными углублениями, дает бесспорную аналогию трактовке морды алтыновского быка. Кстати, глубоко просверленные глазницы кара-депинской статуэтки наводят на предположение, что в древности они были инкрустированы вставками из цветных камней [там же, с. 368]. Можно заключить, что ювелиры Алтын-Депе, будучи знакомыми с произведениями шумерской торевтики, вместе с тем исходили из образа, имевшего местную, по крайней мере позднеэнеолитическую, традицию. Проблема же формирования этой традиции — вопрос особый, тесно связанный с вопросом о семантике скульптур такого рода. В свою очередь он связан и с воссозданием утилитарного назначения объектов подобного рода в пору их бытования. Характер нашей находки ясно указывает, что и в древности она функционировала именно как отдельная голова. На это, в частности, указывает золотая пластинка, как бы закрывающая вид сзади на пустотелую голову. Примечательно, что обнаруженная здесь же голова волка носит явственные следы затертости от длительного употребления.

Голова из барбарского храма была найдена рядом с медными полосками, имевшими следы от гвоздей, указывающие на то, что они являлись частью какой-то обивки. Уже П. Глоб предположил, что это остатки деревянного объекта, увенчивавшегося головой быка [Glob, 1955, p. 191]. К сожалению, детальные зарисовки или фотографии условий находки пока не опубликованы. Е. Дьюринг-Касперс, основываясь на описании, приведенном в предварительном отчете, полагает, что голова быка, как и головы других животных, прикреплялась к окованному медью деревянному шесту и в таком виде служила объектом поклонения [During-Caspers, 1971, p. 221—222]. Р. Барнет, базируясь на находках из Ура и некоторых данных иконографии, считает, что барбарская голова быка, так же как и урские головы, служила украшением музыкального инстумента [Barnett, 1969]. Действительно, для конца III тыс. до н. э. известен клинописный текст, в котором описывается арфа, украшенная головой быка, а звук самого инструмента сравнивается с мычанием быка [Вулли, 1961, с. 78].

Условия находки головы быка на Алтын-Депе, где при относительно ненарушенном слое не было никаких следов истлевшего музыкального инструмента, который к тому же едва ли был украшен одной лишь головой, заставляют, однако, отдать предпочтение предположению Е. Дьюринг-Касперс. Обнаружение золотой головы быка в святилище само по себе указывало на то, что едва ли в данном случае это была обычная скульптура. Такой вывод подкрепляется наличием на лбу головы изображения луны, бесспорного астрального символа. Отсутствие во всем комплексе

женских статуэток и находка мозаичной плакетки с воспроизведением опять-таки лунного серпа позволили уже в поле прийти к заключению, что весь раскапываемый комплекс был связан с каким-то астральным божеством, скорее всего мужским [Массон, 1973а, с. 481].

Изучение данного вопроса, как нам кажется, дает возможность говорить об этом и более уверенно, и более определенно. Уже упоминавшаяся выше голова быка из Хафадже была найдена при раскопках храма Сина, известного шумерского бога луны. Назначение храма точно определяется надписью на обнаруженной в нем статуе жреца [Delougaz, Lloyd, 1941, p. 6]. Тесная связь древнего шумерского бога луны Нанны-Сина с образом быка хорошо показана в специальной литературе. Этому божеству, покровителю Ура, был посвящен в самом Уре большой священный квартал, где, в частности, располагался и зиккурат. Надпись на закладных конусах квартала гласит: «Для Нанна, могучего небесного быка, славнейшего из сынов Энлиля, своего владыки, Урнамму, могучий муж, царь Ура, воздвиг сей храм Этеменнигуру» [Вулли, 1961, с. 134]. Тот же образ находим мы и в гимне Нанне, который сохранился в ассирийской копии в знаменитой библиотеке Ашурбанипала, но восходит бесспорно к шумерской эпохе. «Отец Нанна, — читаем мы в этом гимне, — могучий юный телец с мощными рогами, совершенным телом, лазуритовой бородой, полный великолепия. . .» [Тураев, 1935, с. 137].

В шумерской мифологии бык традиционно выступает как лунное животное [Эпос . . ., с. 119], и поэтому в гимнах сам Син предстает как молодой бык цвета огня [Labat, 1970, p. 280]. Аналогии текстов с археологическими материалами бесспорны. Это и цвет Нанны — небесного быка, столь близкий к некоррозированной бронзе, а тем более золоту, это и лазуритовая борода, столь великолепно переданная в материалах Ура. В шумерской космогонии Нанна рассматривался как сын бога воздуха Энлиля, отец бога солнца Уту и его знаменитой сестры Инанны-Иштари — богини планеты Венера. В мифах Шумера планеты и звезды предстают движущимися вокруг луны, причем крупные подобны «диким быкам», а мелкие рассыпаны как зерна [Крамер, 1965, с. 107]. Лунный полумесяц был символом Нанны, аналогично тому как диск — символом бога солнца, а звезда — эмблемой Инанны-Иштари. Эта семантическая связь бога луны как верховного из астральных божеств с образом быка — специфическая черта шумерских религиозных воззрений. Находка золотой головы быка с луной во лбу на Алтын-Депе не оставляет сомнений, что такой же круг представлений был распространен и среди населения Южного Туркменистана эпохи бронзы. Однако связь божества луны с образом быка отнюдь нельзя считать простой и прямолинейной.

Сам культ быка имеет в истории человечества весьма глубинные истоки, бесспорно восходя к традициям охотничьих культур, возможно, еще палеолита. Так, над верхнепалеолитическими жилищами иногда помещались черепа почитаемых животных: мамонта, пещерного льва и овцебыка [Ефименко, 1953, с. 409; Борисковский, 1958, с. 117]. Вместе с тем, как справедливо указывает С. А. Токарев, почитание животных может иметь самое различное происхождение и включает в себя прямое поклонение животным (зоолатрию), различные виды табуации, придание богам зооморфного или зоантропоморфного облика, посвящение животных тому или иному божеству и т. д. [1964, с. 76]. Особенно важно различать божества зооморфного облика и посвященных им животных, которые зачастую становятся и жертвенными животными (нередко при отождествлении божества и самой жертвы). Образ быка, популярный еще в среде охотников каменного века, широко представлен в идеологии раннеземледельческих племен, как это ярко иллюстрируется святилищами антолийского Чатал-Гуюка, датируемыми второй половиной VII—первой половиной VI тыс. до н. э. Стены святилищ буквально заполнены всевозможными изображениями быков — от красочных панно до отдельных рогов. Из 28 святилищ, поддающихся развернутому анализу, лишь в четырех отсутствуют подобные изображения. Особенно разнообразны глиняные головы быков, обычно прикреплявшиеся к стене и покрытые росписью, семантику которых Д. Мелларт несколько прямолинейно предлагает связывать с охотничьими трофеями [Mellaart, 1967, p. 82]. Во всяком случае нет сомнений в огромной роли быка в религиозных представлениях раннеземледельческих племен Анатолии. Эта роль традиционно сохраняется у раннеземледельческих племен Балкан и Центральной Европы, нередко украшавших головами быков свои дома или небольшие святилища [Чайлд, 1952, с. 146; Makkay, 1973], и во всем эгейском мире вплоть до крито-микенской цивилизации. До детального анализа религиозных представлений чатал-гуюкских племен трудно с уверенностью судить о семантике фресок с быками и глиняных скульптур, но в целом, видимо, правы исследователи, ставящие их в связь с мужским божеством, партнером женской богини, антропоморфный облик которой столь явственно доминирует в культовой символике этого замечательного памятника [Mellaart, 1967, p. 200—201; Deshayès, 1969, p. 234]. На стадии антропоморфизации божеств древняя культовая символика сохраняет роль либо в общем значении, либо становясь семантически тесно связанной с определенным божеством. Классический пример такого процесса дают египетские материалы, где боги — покровители отдельных номов — приобретают

специфические и устойчивые зооморфные черты. Место бычьей головы на шесте, бывшей объектом поклонения, занимает бык Апис [Тураев, 1935, с. 178], связанный с мемфисским богом Птахом и официально рассматриваемый как носитель божественной души. Считалось, что на корову с неба нисходит луч, и от этого луча она рождает Аписа [Her., III, 28].

Согласно многочисленным иконографическим материалам и данным источников, божества Месопотамии рано приобретают антропоморфный облик [Токарев, 1964, с. 504; Deshayàs, 1969, p. 246]. Связь между божеством и животным сохраняется лишь частично и отражается в соединении божества с его анималистической символикой. Г. Франкфорт показал, что известные месопотамские чудовища — монстры в ряде случаев являются чисто графической комбинацией бога и его анималистической эмблемы, что ни в коей мере не снимало антропоморфного характера божества [Frankfort, 1955, p. 37—38].

Образ быка имеет в самой Месопотамии весьма древние истоки. Мотив головы быка (букраний) был исключительно популярен в расписной керамике племен халафской культуры, населявших Северную Месопотамию в V тыс. до н. э. и, возможно, даже являлся своего рода символом этого племенного объединения [Массон, 1964б, с. 366]. Изображения зданий с венчающей их головой быка, видимо небольших храмов или святилищ, известны по пиктографическим знакам Шумера конца IV тыс. до н. э. и по месопотамской и эламской глиптике III тыс. до н. э. [Makkay, 1973, p. 3—4]. В месопотамской глиптике III тыс. до н. э. широко распространяется также образ быка-андрокефала, имевший, по мнению некоторых исследователей, эламское происхождение [Афанасьева, 1965, с. 6]. В знаменитом аккадском сказании о Гильгамеше специальный раздел посвящен сражению героя с небесным быком, которого наслали боги на Урук по просьбе отвергнутой Гильгамешем Иштари. В нем отмечается, что рога быка были отлиты из лазурита и оправлены в золото [Эпос. . ., с. 177]. Аналогичный раздел есть и в шумерском эпосе [Крамер, 1965, с. 219]. Друг Гильгамеша Энкиду за участие в убийстве духа лесов Хувавы и небесного быка, ниспосланного на Урук, приговаривается богами к ранней смерти. Не исключено, что в этом цикле нашли отражение традиции своего рода тавромахии, предшествующей закланию жертвенного быка и хорошо известной по критской иконографии.

В таких условиях вполне вероятно, что божество — покровитель одного из крупных центров древнего Шумера, в данном случае Ура, — оказалось тесно связанным с образом быка, чьи расставленные рога вызывали и чисто графическую ассоциацию с лунным рогом. Это никак не подменяло антропоморфного облика лунного божества Нанны, но могло быть одной из его ипостасей. Неудивительно, что золотой бык с лазуритовой бородой, помещенный на арфе, найденной в царской гробнице Ура, столь разительно повторяет эту характерную черту божественного покровителя города, описанную в священном гимне. Не следует думать, что изображения, помещаемые на струнных инструментах, вошедших в состав погребального инвентаря, носили чисто декоративный характер и были лишены сложных семантических ассоциаций. Не исключено, что при храме Нанны находился и священный бык с особыми приметами, вроде отметины на лбу у египетского Аписа, либо посвященный самому богу, либо считавшийся одним из его воплощений. Недаром на лбу головы быка из Хафадже есть мозаичная вставка, а на голове быка из Алтын-Депе она достаточно прозрачно имеет форму лунного рога. Представляет интерес и состав находок в храмах Нанны-Сина в Хафадже. Помимо уже упоминавшейся массивной бычьей головы здесь были обнаружены и золотая подвеска в виде быка, и сосуд для возлияний также в виде этого животного. Показателен и состав зооморфных амулетов, вероятно входивших в число храмовых приношений [Delougaz, Lloyd, 1941, p. 29, 136—148]. Амулеты, изображающие быка или бычью голову, встречаются практически во всех без исключения слоях храма, тогда как фигурки других животных то появляются, то исчезают. Разумеется, не следует говорить о какой-то жесткой связи образа быка исключительно только с лунным божеством древнего Шумера. Мы хорошо знаем, что, например, в храме богини Нинхурсаг, построенном, кстати, неподалеку от Ура, находились превосходные изображения быков [Hall, Woolley, 1927, pl. XXVIII]. Однако наличие на голове быка из Алтын-Депе именно лунарного символа и обнаружение в одном с ним комплексе другой лунной эмблемы заставляют склоняться к мысли, что в данном случае мы сталкиваемся с символикой небесного быка как лунного божества. Видимо, этому божеству, южнотуркменистанскому варианту Нанны-Сина, и был посвящен весь культовый комплекс Алтын-Депе с зиккуратообразной постройкой и описанным погребальным ансамблем.

Такая линия связей имеет большое значение для определения культурно-исторического положения Алтын-Депе. Связь «небесный бык—лунное божество» носит специфический шумерский характер в отличие от связи «бык—солнечное божество», демонстрируемой как египетскими материалами, так и греческими, где хорошо известен критский вариант представлений о быке Зевсе, который в то же время является солнцем и именно в качестве солнечного быка похищает Европу

[Лосев, 1957, с. 121]. Недаром у египетских изображений между рогами есть солнечный диск [Нег., II, 132], а в Микенах был обнаружен серебряный ритон в виде головы быка с золотой розеткой-солнцем во лбу [Блаватская, 1966, рис. 26]. Наличие в Южном Туркменистане эпохи бронзы представлений о небесном быке—лунном божестве тем более существенно, что со временем на этой же территории распространяется представление о противоположном образе: солнечном божестве — быке Митре. Правда, отмечается, что авестийский Митра лишь на определенном этапе стал связываться с солнцем [Соколов, 1963, с. 177], вероятно в то время, когда начала проводиться строгая кодификация и астрализация божеств.

В зороастрийской традиции сохранились представления о первобыке и первочеловеке, а также о синкретическом образе человеко-быка Гопатшаха [Тревер, 1940]. Поскольку сведения о первочеловеке содержатся лишь в пехлевийских текстах, высказывалось мнение, что представления о них восходят еще к дозороастрийским временам. Хотя бык, по зороастрийской мифологии, и погиб благодаря проискам Ахримана, но его семя попало на луну и, вернувшись на землю, дало начало благим животным и растениям. Связь образа первобыка с луной подчеркивается древнеиранским эпитетом луны: *гаучитра* — «содержащая семя быка» [Boyce, 1975, p. 139]. В этих представлениях могли объединиться огромная роль быка в обрядах и культах (а, видимо, и в мифологии) степных скотоводческих племен [Грязнов, 1972] и древневосточная традиция о связи бога луны с образом быка. Астрализация божеств, пусть даже еще не растерявших тероморфную линию семантических связей, была характерной чертой обществ с ирригационным земледелием [Токарев, 1964, с. 308], и Южный Туркменистан не был в данном отношении исключением. Глиняные фигурки быков появляются здесь с позднего неолита, совпадая, кстати, по времени с распространением одомашненного крупного рогатого скота [Бердыев, 1966, с. 22]. Они широко представлены в энеолитических комплексах, уступая, правда, количественно фигуркам мелкого рогатого скота [Хлопин, 1963, с. 16, табл. XXIII, *10*; 1969, с. 44, табл. XVI, *3*]. Однако даже массивная каменная фигурка быка с Кара-Депе, происходящая скорее всего из комплекса культового назначения [Массон, 1960а, с. 347] и хронологически наиболее близкая головам быков из Ура и Хафадже, не имеет никаких признаков астральной символики. Можно заключить, что лишь на определенной стадии развития, когда формировалась кодифицированная система религиозных воззрений [Массон, Сарианиди, 1973, с. 145], астрализация божеств становится свершившимся фактом. Иконографические черты сходства головы быка с Алтын-Депе и произведений шумерской торевтики заставляют полагать, что это происходит не без влияния религиозных представлений Шумера и Аккада.

Храмовый комплекс, посвященный лунному божеству, в первый период своего существования отличался довольно сложной внутренней структурой, но относительно ограниченной монументальностью. По существу лишь ступенчатая башня, имевшая по основанию 21 м в длину и 8—10 м в высоту, представляла объемный массив, доминировавший над группой рядовых строений. Во втором периоде положение изменилось коренным образом. Теперь увеличивается и сама ступенчатая башня, а рядом с ней появляется «дом с обводом», также располагающийся на платформе высотой 3 м. В результате парадный, восточный, фасад формируется как единое архитектурное целое, в достаточной степени величественное и монументальное. Другой составной элемент комплекса — «дом жреца» — теперь состоит из четырех комнат и помещается прямо в центре сразу же за парадным фасадом. Многочисленные очаги, расположенные как в самом доме, так и за его стенами, наряду с мощными отвалами золы на южном склоне холма и частично даже перед парадным фасадом свидетельствуют о сохранении функции «храмовой кухни». Как уже отмечалось выше, «дом с обводом» скорее всего можно трактовать как обширное хранилище. Однако древний погребальный ансамбль застраивается, и мы не находим ничего аналогичного ему по своему назначению. По существу для второго и третьего периодов мы имеем остатки «дома жреца» в центре холма, парадный фасад на востоке его и серию подсобных строений к югу от «дома жреца». Вся северная часть холма остается при таком распределении как бы пустой. Невольно возникает вопрос: уже не сюда ли был перенесен погребальный ансамбль.

Основные функции храмовый комплекс сохраняет и в последний, третий, период своего существования. Мощная ступенчатая башня, поддерживаемая ремонтными закладками и подпорками, по-прежнему высится над окружающими домами. Располагающийся в центре храмового комплекса «дом жреца» становится теперь шестикомнатным. Одна из его комнат специально посвящена трапезным заботам, и многочисленные разнообразные очаги, находящиеся к югу от этого дома, ярко характеризуют продолжающуюся в широких масштабах деятельность, связанную с функцией «храмовой кухни». Накопившиеся на южном склоне мощные зольные отвалы принуждают к строительству «углового дома», которым древние обитатели Алтын-Депе пытались хоть как-то прикрыть неприглядный мусор. Многочисленные хранилища, включая «дом с обводом», вполне могли обес-

печить выполнение храмовым комплексом функции хранителя (и распределителя?) прибавочного продукта, получаемого всем поселением в целом.

Вскрытые в ходе раскопок архитектурные остатки, особенно в районе парадного фасада, дают определенные основания и для графической реконструкции внешнего вида комплекса. Для первого периода этот вопрос решается сравнительно просто, поскольку остатки всех четырех ступеней массивной башни были обнаружены в ходе раскопок. Под позднейшей пристройкой сохранились раскрепованный угол и один из трехступенчатых в плане пилястр, украшавших вторую ступень. Сооружение, венчающее башню, на реконструкции дано условно, с использованием того типа ступенчатых зубцов, который известен по раскопкам Мундигака в Южном Афганистане [Casal, 1961, vol. 2, fig. 22]. Для башнеобразной постройки второго периода мы практически имеем остатки лишь двух ступеней, но можем судить, что высота второй ступени увеличилась примерно до 3.5—4 м. Таким образом, высота первой и второй ступеней, взятых вместе, достигала 5.5—6 м. Данная цифра может быть подтверждена и другим путем. «Дом с обводом» располагался на платформе, высота которой (3 м) может быть установлена довольно точно. Сравнительно большая толщина стен этого здания позволяет предполагать и высоту его комнат — 2.5—3 м, что дает для наружной грани «дома с обводом», образующей архитектурное и декоративное целое со второй ступенью башни, опять ту же высоту — 5.5—6 м. Высота 6 м и принята в графической реконструкции внешнего вида восточного фасада храмового комплекса во второй период, любезно выполненной А. К. Филипповым. Реконструкция верхних частей башни сделана с большей гипотетичностью, но исходя из соображения, что она сохраняла четырехступенчатую конструкцию, точно установленную для первого периода.

Архитектура рассмотренного храмового центра Алтын-Депе обнаруживает определенные связи с архитектурой Шумера. Это касается прежде всего самого приема оформления стен ритмично расположенными контрфорсами. Ступенчатые в плане контрфорсы появляются в Южном Двуречье в последней трети IV тыс. до н. э. и широко представлены в архитектуре III тыс. до н. э., в том числе в оформлении фасада знаменитого зиккурата Ура [Woolley, 1939, pl. 68—72]. К числу месопотамских воздействий следует относить и саму идею башнеобразного сооружения, приведшую к появлению в Южном Туркменистане своего рода вертикальной архитектуры. Следует отметить, что ранние зиккураты Месопотамии обычно имели в плане форму не квадрата, а прямоугольника. Однако в отличие от Шумера башнеобразное сооружение Алтын-Депе ориентировано по странам света не углами, а сторонами. Отличие состоит и в том, что регулярным, монументальным оказывается в значительной мере оформление внешнего, парадного фасада.

Это сочетание эффектного парадного фасада и стихийной планировки характерно и для дворца Мундигака, также принадлежащего к числу памятников монументальной архитектуры [Casal, 1961, vol. 1, p. 49—55]. Стихийность и нерегулярность планировки отмечает для весьма массивных строений Шахри-Сохте и М. Тоси [Lamberg-Karlovsky, Tosi, 1973, p. 23]. Считалось даже, что одно из этих зданий является развалинами дворца [Тоси, 1971, с. 28, рис. 10].

Исследователи Древнего Востока единодушно заключают, что зиккураты, открытые в большинстве крупных центров Двуречья, были типично месопотамскими сооружениями, представленными еще лишь в Эламе [Lenzen, 1961; Deshayès, 1969, p. 283—289]. Вместе с тем изучение культур обширной зоны к востоку от Месопотамии, интенсивно идущих по пути урбанизации, показывает, что эти эффектные архитектурные сооружения, своеобразные символы городов, выполнявшие функцию идеологического и культового центра, были распространены и далеко за пределами той территории, на которой прослеживаются их истоки. Помимо Алтын-Депе следует обратить внимание на руины южнобелуджистанского поселения Эдит-Шахр, где В. Фэйрсервисом отмечены остатки мощного сооружения, трактуемого им как постройка типа зиккурата [Fairservis, 1967, fig. 7; 1971, p. 195—196]. К сожалению, раскопки этого интереснейшего объекта пока не производились. Монументальная кладка на внешней стороне холма была недавно обнаружена и в таком важном центре Северо-Восточного Ирана в эпоху бронзы, каким было Тюренг-Тепе. Ж. Дейе считает, что на вершину холма, обрамленного такой кладкой по парадному фасаду, вела ступенчатая лестница, а находки каменных «колонок» позволяют допускать, что перед нами руины древнего культового центра [Deshayès, 1978]. Уже в 1964 г. нами было высказано предположение на основе разведочной шурфовки, проведенной на Тюренг-Тепе американцами, о наличии на этом памятнике монументальной архитектуры [Массон, 1964а, с. 242]. Дейе сопоставляет открытую им массивную кладку Тюренг-Тепе с культовым комплексом Алтын-Депе.

Таким образом, храмовый комплекс Алтын-Депе, являясь характерной составной частью поселения, обнаруживает достаточно отчетливые связи с архитектурой Древнего Востока в широком смысле этого слова. Впрочем, такие связи — вообще одна из наиболее типичных черт культуры Алтын-Депе.

Глава пятая

АЛТЫН-ДЕПЕ КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС, ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ

Результаты раскопок Алтын-Депе показывают, что перед нами остатки большого и сложного организма, функционировавшего несколько тысячелетий тому назад. Вместе с тем Алтын-Депе — результат деятельности этого организма, выраженный материально, являющийся источником особого рода, подлежащим изучению именно специфическими, в данном случае археологическими, методами. С такой точки зрения, Алтын-Депе на уровне верхних строительных горизонтов представляет собой в первую очередь археологический комплекс как устойчивое сочетание разного рода артефактов. Определение указанного комплекса и установление его пространственных и временны́х границ — это специфическая археологическая процедура, предшествующая исторической интерпретации изучаемого объекта.

В ходе раскопок рассмотренных комплексов Алтын-Депе периода развитой бронзы (или времени Намазга V) были получены многочисленные археологические объекты: от глиняных сосудов до ювелирных изделий. Различные виды таких изделий составляют коллекции, насчитывающие десятки, а то и сотни образцов. Частично анализ был начат для некоторых категорий артефактов. Так, предварительно ставились вопросы типологии печатей [Массон, 1970 г], детально рассматривалась классификация терракот по материалам первых сезонов раскопок [Массон, Сарианиди, 1973], была предложена типология форм керамики [Масимов, 1973а] и даже осуществлена полная публикация металлических изделий с их предварительным анализом [Кирчо, 1980].

В настоящей работе мы, естественно, ограничиваемся лишь общей характеристикой различных типов артефактов, учитывая, что многие из них заслуживают специального анализа. Начнем с наиболее массовых объектов — керамических сосудов. В ходе полевой фиксации коллекций уже в первый сезон керамика по цветовым и фактурным признакам черепка была разделена на четыре группы: с красным или розовым черепком и светлой поверхностью; зеленовато-белым черепком (намазгинский тип, наиболее широко представленный на Намазга-Депе); красным или розовым черепком и с таковым же цветом наружной поверхности; кухонные сосуды с примесью дресвы в тесте [Массон, 1970а]. Были также предложены рабочие наименования формам сосудов с указанием отдельных пропорций. В ходе дальнейших работ и технологического исследования керамики, осуществленного Э. В. Сайко, выяснилось, что эта классификация может быть лишь самой предварительной, поскольку цвет изделий прямым образом связан со стабильностью процесса обжига. Наружная поверхность сосудов, как показали анализы, не покрывалась собственно ангобом, а лишь заглаживалась мокрой тряпкой, что давало эффект лжеангоба. При нестабильности обжига один и тот же сосуд мог иметь в отдельных своих частях черепок разного цвета.

Общей характерной особенностью керамики Алтын-Депе периода развитой бронзы являются вытянутые пропорции сосудов. Нередко тулово сосуда даже поднято на высокой ножке, которая для большей устойчивости делалась не полой, а сплошной. Набор форм сосудов, находимых при раскопках жилых и хозяйственных строений, несколько различается. Так, в погребениях, особенно коллективных, сравнительно редки вазы и вообще сосуды на ножках, наиболее частая находка— горшковидные и биконические сосуды. Вместе с тем наборы керамических сосудов в усыпальницах представляют значительный интерес как своего рода закрытый комплекс, хронологически

ограниченный временем функционирования данной гробницы. Специфической формой керамики поры развитой бронзы следует считать бокалы, представляющие собой конические сосуды, нередко удлиненные, с перегибом тонких стенок у приостренного венчика, слегка отогнутого наружу. Открытые формы более приземистых пропорций без перегиба у венчика рассматриваются как чаши, а сосуды с венчиком, слегка загнутым внутрь, — как миски. Парадным изделием на Алтын-Депе были вазы на высокой ножке, нередко гофрированной или с опоясывающим валиком. Иногда эти вазы снабжены небольшим сливом. Керамику рассматриваемого комплекса в целом отличает изящество форм, тонкость черепка, что отражает значительные успехи технологии керамического производства — внедрение гончарного круга и двухъярусных обжигательных горнов, открывающих большие возможности для получения стабильных условий обжига. По существу лишь кухонные сосуды изготовлены ручной лепкой. В их глину примешана дресва, и они представлены двумя основными видами: котлами и жаровнями. У первых форма приплюснутого сфероида со слегка загнутым внутрь утолщенным венчиком; иногда под венчиком сделан небольшой лопаточковидный слив. Плоские жаровни, как правило, имеют большой диаметр и невысокий бортик, расширяющийся книзу. Толстостенные сосуды для хранения продуктов изготовлялись с помощью гончарного круга в форме цилиндра с подкошенным дном. При массовом учете фрагментированного материала к числу обломков хумов относились экземпляры с толщиной стенок более 1 см.

Практически лишенная орнаментации южнотуркменистанская керамика поры развитой бронзы — сложный объект для внутреннего хронологического членения или для выявления локальных различий. Достаточно отметить, что при работах на стратиграфическом шурфе 1, где была обнаружена лишь фрагментированная керамика, уловить ее временны́е изменения не удалось. В этом отношении более результативным оказалось сопоставление керамических комплексов из коллективных усыпальниц, в результате чего были намечены некоторые хронологические различия в рамках керамического комплекса развитой бронзы [Массон, 1970а, с. 12]. Ярким комплексом раннего периода является группа сосудов, происходящая из пом. 32 на раскопе 7, где на уровне нижнего строительного горизонта располагалась погребальная камера, пристроенная снаружи к жреческой усыпальнице (табл. XXXI, *2—12*; XXXII, *1—3*, *7*, *8*, *11*). Наибольшая древность этой группы (даже в рамках раннего Намазга V) подтверждается как стратиграфическими данными (ниже идут уже слои бесспорно времени Намазга IV), так и наличием сосуда с черной росписью на красном фоне типа позднего Намазга IV. В этом керамическом комплексе преобладают биконические сосуды обычно с острым ребром в нижней трети тулова и чуть вогнутым донцем. Двумя экземплярами представлены графины со слегка отогнутым наружу венчиком, одутловатым туловом, вогнутой придонной частью и выступом у самого дна. Массивные тяжеловесные пропорции характерны и для крупного горшка с широким раструбом горла и вогнутой придонной частью, на которой видны следы подправки металлическим инструментом. Кроме того, в составе этого комплекса имеются розетка, вазочка и чаша. Видимо, синхронен данному комплексу и набор сосудов из двойного погребения 240—241, найденного в том же строительном горизонте раскопа 7 (табл. XXXIV, *12*, *17*). В его состав входят три горшковидных сосуда на поддоне, одна миска, одна розетка и два чайника биконической формы с коротким трубчатым носиком, идущим от стенок под углом вверх.

Ко второму этапу керамического комплекса поры развитой бронзы можно отнести комплексы из гробниц 9, 11 и 124 на раскопе 9 и из гробницы 13 на раскопе 5. По стратиграфическому положению все они расположены на два строительных горизонта выше наслоений времени Намазга IV. В гробнице 9 преобладают биконические сосуды вытянутых пропорций на высоком поддоне (9 экз.) и горшковидные сосуды с высоким, слегка расширяющимся горлом также на поддоне (10 экз.). К последним примыкают горшковидные сосуды на поддоне с более раздутым шаровидным туловом. В состав комплекса входят также один крупный графин и четыре маленьких сосуда этой же формы, ваза, розетка и другие единичные формы. В гробнице 11, по стратиграфическому положению несколько более ранней, чем гробница 9, среди сосудов тоже имеются биконические и горшковидные экземпляры с раструбообразным горлом на поддоне, но больше графинов с шаровидным (3 экз.) и биконическим туловом (6 экз.). Редкими формами являются небольшой горшковидный сосуд с двумя ручками, отходящими от края венчика, и три рюмковидных невысоких сосуда, два из которых покрыты красным ангобом. В гробнице 124 преобладают горшковидные сосуды отдутловатых пропорций, но встречены и изделия удлиненных форм. Три чайника биконической формы с коротким носиком, происходящие из этой гробницы, идентичны чайникам из двойного погребения на раскопе 7. В гробнице 13 в большинстве горшковидные сосуды удлиненных пропорций. Удлиненно-вытянутые формы характерны и для найденных в ней сравнительно редких биконических сосудов. Маленькие графинчики из гробницы 13 имеют симметричное шаровидное тулово без выкружки в придонной части.

Наконец, намечается третий этап в эволюции керамического комплекса на Алтын-Депе. К нему можно относить керамику из горизонтов 1 и 2 на стратиграфическом раскопе 1, находки из верхних слоев шурфа 1 мощностью 2.5 м и керамику из гробницы-кенотафа 55, обнаруженной на раскопе 13. К сожалению, материал из раскопа 1 и шурфа фрагментарен, целые формы практически отсутствуют.

Среди керамики горизонта Алтын 1 преобладают фрагменты с розовым и желтоватым цветом черепка и со светлой поверхностью, что особенно четко видно на обломках толстостенных сосудов. Есть отдельные обломки с черепком красного цвета, но фрагментов с краснолощеной поверхностью, встречающихся в комплексах Намазга VI на Намазга-Депе, здесь нет. Среди разных форм сосудов имеются хумы с цилиндрическим туловом, подкошенной придонной частью и валиковидным венчиком. Представлены также горшковидные сосуды с невысоким горлом, расширяющимся кверху. По отдельным фрагментам можно говорить о наличии ваз на полой ножке с широким раструбом в нижней части и сосудов цилиндрической формы, порой слегка расширяющихся у дна. Есть также горшковидные сосуды на подставке, на донце которой отчетливо видна вихревая розетка, оставшаяся от нитки, с помощью которой сосуд отделялся от диска гончарного круга. Примечательно наличие подставок под сосуды, похожих на усеченный конус, украшенных иногда прочерченными знаками.

Такие же подставки, в том числе с прочерченным орнаментом или косыми насечками, встречены и в горизонте Алтын 2. Здесь основной набор форм близок керамике горизонта Алтын 1, хотя и несколько разнообразнее за счет более многочисленных находок. Так, обнаружена часть графина с рельефным пояском в основании горла, довольно много сливов, как открытых, так и в виде трубчатого носика, скошенного на конце. Имеются плоские жаровни. Фрагменты керамических подставок с процарапанными знаками, например крестом, найдены в наслоениях шурфа 1 до V яруса. Это позволяет относить напластования верхних 2.5 м к позднему этапу существования комплекса типа Намазга V.

Видимо, к этому же этапу следует относить и керамику из гробницы-кенотафа 55 раскопа 13, где обнаружено 50 сосудов. Здесь имеется 13 бокалов с перегибом стенок у приостренного венчика, но они более приземисты по сравнению с бокалами второго этапа. Около половины всех сосудов составляют грубые миски с валиком у венчика и выделенным невысоким поддоном конической формы. Есть также чаша со сливом, аналогичная таковой из погребения на Аучин-Депе, рассматривающаяся нами как характерная для раннего этапа Намазга VI [Массон, 1959а, табл. II, *1*]. Три указанных этапа характеризуют на материалах Алтын-Депе постепенное развитие комплекса Намазга V.

Металлические изделия на Алтын-Депе крайне редки, что объясняется отсутствием поблизости от Южного Туркменистана рудной базы. Данное обстоятельство вынуждало древних металлургов пускать в переплавку любой сломанный предмет, а жителей бережно относиться к металлическим изделиям. Их находки, как правило, происходят из раскопок древних могил, тогда как в самом культурном слое металлические вещи единичны: это в основном маленькие обломки проколок и пробойников. В результате крупные бронзовые орудия являются на Алтын-Депе почти столь же уникальными находками, как и изделия из золота. Рубящие орудия представлены массивными теслами со слегка выгнутой рабочей частью. Единственное целое тесло имеет две цапфы. Небольшие зубила, подпрямоугольные в сечении, снабжены овальной рабочей частью и уплощенной пяткой. Наиболее многочисленная категория орудий труда в коллекции — пробойники и шилья. Пробойники, прямоугольные в сечении, близко напоминают зубила. Шилья разнообразнее — их три разновидности: обоюдоострые, прямоугольные в сечении; односторонние, подквадратные в сечении, с плоским насадом; односторонние, круглые в сечении, с таковым же насадом (последние более редкие).

К режущим орудиям относятся однолезвийные и двулезвийные ножи с небольшим уплощенным черешком для насадки рукояти. Наиболее типичны ножи с клинком листовидной формы, линзовидным в сечении и лишенным осевого ребра. Они бывают и более укороченными, и более удлиненными, но при всех вариантах представляют одну типологическую группу. Возможно, к числу подобных ножей, небольших, с рабочими лезвиями, сильно сработанными в результате постоянной заточки, принадлежат изделия, первоначально трактовавшиеся как наконечники дротиков и формально близко напоминающие ножи катакомбного типа. Известен также один ножкинжал с прямым черешковым насадом и слабо выраженным ребром (табл. XIV, *2*). Подтреугольные наконечники стрел также имеют уплощенное или линзовидное сечение и небольшой плоский черешок (табл. XV, *5*, *6*). Бронзовый серп, найденный на раскопе 13, представляет собой орудие, у которого рабочее лезвие расположено почти под прямым углом к длинному, плоскому в сечении черешку (табл. XXIX, *3*).

Сравнительно редки на Алтын-Депе маталлические предметы туалета и украшения, встреченные, да и то в небольшом числе, лишь в богатых могилах или коллективных усыпальницах. Таковы зеркала, овальные, слегка вогнутые, с боковой ручкой (табл. XV, *8*); височные кольца, сделанные из крученой проволоки; браслеты из овальных в сечении стержней с заходящими друг на друга концами (табл. XIV, *3*, *4*); бусы, плоские или шаровидные. Перстни изготовлялись из медной и серебряной проволоки, скрученной в один или два оборота, или из пластинки, на которую наносился несложный штриховой орнамент. Особая группа изделий — длинные стержни с утолщением на конце, которые заметно варьируют по характеру навершия, делавшегося в виде лопаточки, спирали, серповидной фигуры или головы копытного. По поводу этих изделий существуют различные предположения, но скорее всего они имели двойную функцию: использовались при креплении одежды и одновременно являлись атрибутами лиц особого социального положения. Во всяком случае из двух таких булавок-жезлов с зооморфными навершиями, обнаруженных на Алтын-Депе, одна найдена в относительно богатом погребении (табл. XXIX, *4*), а другая — в обломанном состоянии на территории «квартала знати». Ювелирные изделия из золота также однообразны. Перстни делались из тонкой золотой проволоки, а на бусах золотая фольга покрывала алебастровую основу.

Характерным видом артефактов алтыновского археологического комплекса являются глиняные статуэтки, среди которых первое место как по количеству, так и по яркости передаваемого образа занимают терракотовые фигурки женщин. Вопросы типологии терракот эпохи бронзы уже разработаны [Массон, Сарианиди, 1973], и новые материалы лишь незначительно дополняют их общую систематику. Женские терракоты эпохи развитой бронзы из Алтын-Депе принадлежат в подавляющем большинстве к статуарному типу, воспроизводящему плоскую женскую фигуру в сидячей позе с загнутым вперед приостренным основанием и расставленными в стороны руками. Лишь в единичных случаях концы расставленных рук слегка загнуты вниз, указывая на то, что генетически этот тип, вероятно, восходит к терракотам эпохи энеолита с руками, опущенными вниз. Но, судя по всему, данный образ был забыт в бронзовом веке и заменен фигурками с призывным «жестом объятия». Исключительно редко встречаются статуэтки, у которых руки отсутствуют и их заменяют округлые или покатые плечи. Но такой вид схематизации в отличие от поры энеолита не получил в бронзовом веке сколько-нибудь широкого распространения.

Женские статуэтки поры развитой бронзы отличает значительное число деталей, выполненных налепами и процарапыванием, полностью заменившими роспись, используемую для передачи подобных деталей в пору энеолита. Наиболее тщательно отделывалась верхняя часть скульптуры. Голова с преувеличенно большими ромбовидными глазами, на длинной шее в первую очередь приковывала внимание зрителей. Как правило, ее венчает конусовидный головной убор, расчерченный внутри прямыми линиями, иногда перекрещивающимися (табл. VIII, *1*, *3*, *5*). Высокий головной убор в основном в виде расширяющегося вверх усеченного конуса (табл. IX, *7*), обычно снабженный двумя сквозными отверстиями, условно был назван короной [Массон, Сарианиди, 1973, с. 34]. На лице налепами передавались крупные глаза, высоким защипом — нос; изображение рта у всех известных экземпляров отсутствует. Лицо обрамлено двумя вьющимися косами, нередко ниспадающими на грудь и напоминающими змей (в литературе — косы-змеи). На некоторых особенно тщательно сделанных статуэтках по обе стороны головы на уровне глаз отчетливо видны небольшие головки змей (табл. VIII, *3*, *4*): как будто две змеи стоят на хвосте и обрамляют шею и голову. Правда, на большинстве статуэток воспроизведения змеиных головок практически неразличимы, и трудно судить, сохранялся ли в данном случае семантический смысл или уже возобладало чисто декоративное начало. На спину многих фигурок ниспадает широкая коса, переданная налепом и иногда спускающаяся ниже талии. На шее фигурок, как правило, мы находим процарапанные воспроизведения различных украшений, видимо, аналогичных ожерельям из бус или различным подвескам, встречаемым при раскопках погребений. При типологии терракот было предложено различать прямые ожерелья (табл. X, *4*), ожерелья углом (табл. IX, *1*, *3*, *4*, *7*) и ожерелья с подвесками (табл. X, *1*), когда от прямого ожерелья спускается несколько вертикальных отростков [там же, с. 35]. Новые материалы в принципе не выходят за рамки этой классификации.

Туловище статуэток обычно лишено налепных или процарапанных деталей и тем самым контрастирует и оттеняет перегруженную деталями верхнюю часть фигурок. Иногда посередине туловища спереди помещено процарапанное изображение дерева, ветвями вниз (табл. XI, *5*) или вверх (табл. VIII, *1*, *5*). В нижней части живота воспроизведен треугольник, символизирующий женское начало, подобно тому как треугольник с небольшой поперечной черточкой в протошумерской письменности передавал понятие «женщина». На многих фигурках поверх треугольника идут поперечные процарапанные линии, изображавшие набедренные повязки или пояса. Подобные

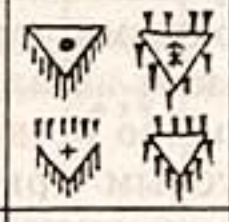
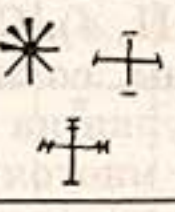
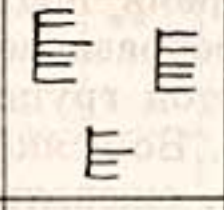
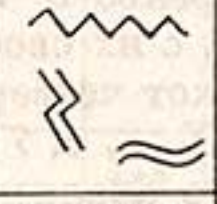
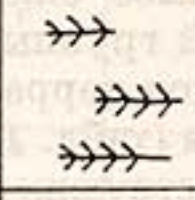
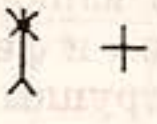
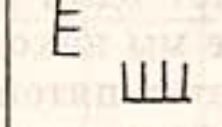
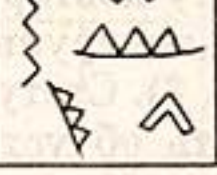
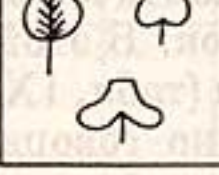
Виды знаков	Группа					
	I	II	III	IV	V	VI
Южнотуркменистанские знаки						
Протоэламская письменность						
Раннешумерская письменность						
Хараппская письменность						

Рис. 24. Сопоставление знаков на статуэтках Алтын-Депе со знаками древневосточных письменностей.

наборные пояса из бус были обнаружены при раскопках гробницы 11 в «квартале знати». В других случаях такие пояса могли изготовляться из органических материалов и до нас, естественно, не дошли. Таким образом, некоторые детали убранства древних терракот бесспорно передают этнографические черты, которые были присущи обитательницам поселения Алтын-Депе.

Наибольший интерес представляет наличие на ряде фигурок процарапанных знаков. Их подробный анализ был уже дан в первых публикациях по Алтын-Депе [Массон, Сарианиди, 1969; 1973, с. 38—40, 114—119]. Однако, разумеется, предложенные характеристики носят предварительный характер и сами знаки заслуживают специального исследования. Сейчас на Алтын-Депе найдено 112 целых фигурок и их фрагментов с процарапанными знаками, имеющих точную территориальную привязку. Их детальный разбор — дело будущего, а здесь мы ограничимся лишь некоторыми общими замечаниями. Знаки, как правило, размещены попарно на плечах фигурок спереди и порой повторены на спине преимущественно ниже талии. Встречены экземпляры, на которых один и тот же знак многократно прочерчен по телу фигурки как на лицевой, так и на оборотной сторонах, но такие экземпляры — редкое исключение. Единичны и статуэтки с разными знаками. В этом отношении наиболее показательна фигурка, на спине которой помещены три знака: в центре — многолучевая звезда; по краям — «треугольник с расничками» (табл. VIII, *2*).

Все знаки мы разбиваем на шесть групп, хотя не исключено, что возможна и большая детализация. У знаков первой группы заметно меняется навершие, венчающее «треугольник с ресничками». Многолучевая звезда порой передается простым крестом. Наиболее варьируют знаки, объединенные в третью группу. По своему происхождению ряд знаков может быть рассмотрен как развитие символов, выделяющихся уже в росписи на энеолитической керамике и иногда встречающихся на женских терракотах. Это общее положение, выдвинутое в первых публикациях [Массон, 1967г, с. 186; Массон, Сарианиди, 1969], было поддержано при дальнейших исследованиях [Антонова, 1972]. Вместе с тем далеко не все знаки и характер их начертания находят прототипы в местной традиции. Некоторые аналогии могут быть отмечены в протошумерской и протоэламской письменности (рис. 24). Такую деталь, присущую наиболее тщательно выполненным экземплярам, как усложнение концов знаков небольшими поперечными черточками (табл. XI, *5*), можно трактовать в качестве подражания клинописной форме подобных знаков. Не исключено, что это прямое влияние древневосточной письменности, особенно протоэламской, доживающей до XXIII в. до н. э., на систему магических символов, складывающихся в южнотуркменистанском обществе поры развитой бронзы. Свидетельством сказанного служат по меньшей мере три обстоятельства. Во-первых, идентичные знаки были найдены на терракотах и других предметах (реже) не только из Алтын-Депе, но и с других памятников бронзового века: Намазга-Депе,

Тайчанак-Депе и Хапуз-Депе. Во-вторых, при большом количестве находок число вариантов незначительно. В-третьих, знаки определенного вида встречаются на фигурках, которые некоторыми деталями своей иконографии также выделяются в особые группы. Это отмечалось уже при анализе первых находок терракот [Массон, Сарианиди, 1973, с. 90—97]. Новые материалы подтверждают такого рода связь различных знаков с иконографией терракот. Например, фигурки первой группы со знаком «треугольник с ресничками» почти без исключения имеют спереди обрамляющие лицо косы-змеи и толстую налепную косу на спине, покрытую расходящимися насечками (табл. VIII). Как правило, у таких фигурок и высокий головной убор. Лишь в одном случае косы-змеи заменены схематизированным набором сомкнутых колечек (табл. XI, *4*), а в другом — на голове изображен венок из цветов (табл. VIII, *4*). Сходными чертами — косами-змеями спереди и т. д. — обладают и терракоты второй группы, со знаком звезды (табл. IX, *5*). Однако другие признаки здесь явно варьируют: у одной фигурки на голове не высокий убор, а небольшая треугольная шапочка; у многих шея обрамлена многоярусным прямым ожерельем с несколькими подвесками. Прямое ожерелье с тремя подвесками можно считать специфическим признаком статуэток третьей группы, с их своеобразным знаком (табл. XI, *5*). Наоборот, ожерелье углом — один из признаков терракот четвертой группы, имеющих на плечах знак зерна-растительности или его дериваты (табл. IX, *3*, *4*, *7*). Во всяком случае из 17 экз., которые можно было использовать для соответствующего анализа, ожерелье углом представлено на 14. Возможно, оно стилистически (и семантически?) повторяет один из вариантов знака растительности, наносившегося на плечи фигурок. В этой же группе мы находим и фигурки с «короной», в том числе и раструбообразной формы (табл. IX, *7*). Статуэтки пятой группы, со знаком зигзага на плечах, весьма редки, и поэтому трудно говорить об устойчивом сочетании признаков. На фигурках шестой группы, с рядами вертикальных насечек, головные уборы довольно разнообразны: здесь и высокий конус, и «корона» со сквозными дырочками-отверстиями. Почти поровну представлены в этой группе фигурки с ожерельем углом и прямым, имеющим подвески (табл. IX, *6*). Вместе с тем весьма ощутимы различия в качестве терракот, обнаруженных на разных участках поселения и особенно в разных раскопах. При сохранении общего иконографического типа терракоты из раскопа 9 («квартал знати») выполнены технически более тщательно. Кроме того, они изящны с точки зрения их скульптурного решения (табл. VIII, *1—3*; IX, *3*, *4*, *7*). Фигурки тех же самых типов, происходящие из раскопов 5 и 10, как правило, более грубы и тяжеловесны (табл. IX, *8*; X, *4*).

В упоминавшейся монографии о терракотах эпохи бронзы, построенной в значительной мере на материалах Алтын-Депе первых четырех лет раскопок, предлагались две основные гипотезы трактовки групп женских статуэток, различающихся как иконографическими деталями, так и характером нанесенных на них знаков. Это могли были быть знаки-метки различных родов и общин, а сами фигурки в таком случае представляли бы собой духов — покровителей названных подразделений общества Алтын-Депе. Другая трактовка: знаки предлагалось рассматривать в качестве символов-пиктограмм различных божеств и считать, например, статуэтки со знаком звезды воспроизведением богини неба типа Инанны-Иштари, со знаком зерна-растительности — образом божества растительности, со знаком зигзага — образом божества вод [Массон, Сарианиди, 1973, с. 119—121].

Новые материалы позволяют произвести определенную количественную оценку распространения терракот того или иного типа по отдельным участкам поселения Алтын-Депе (рис. 25). Четкая, не имеющая исключений связь с отдельными группами домов, которую предполагала гипотеза богов — покровителей отдельных общин, здесь отсутствует, хотя и имеется тенденция к преобладанию фигурок с тем или иным знаком на различных раскопах и участках. Так, фигурки и их обломки, сохранившие «треугольник с ресничками», представлены почти без исключения на всех раскопах и участках Алтын-Депе. Их наибольшая концентрация отмечается на территории раскопа 9, где они составляют 43% фигурок, происходящих из раскопок домов, и 87% — из коллективных гробниц. Вместе с тем среди статуэток из раскопок домов 36% — терракоты со знаком зерна-растительности. Для «холма стены» и расположенного на нем раскопа 5 трудно говорить о каком-то преобладании, хотя из пяти фигурок, обнаруженных в руинах домов, три имеют знак многолучевой звезды, причем на одном экземпляре многократно повторенный. Однако отметим, что сами фигурки встречены в фундаментах домов, а в гробницу 13 этого же раскопа была помещена фигурка со знаком «треугольник с ресничками». На «холме ремесленников» статуэтки с разными знаками представлены почти равномерно, но в подъемном материале около половины составляют статуэтки со знаком третьей группы. Правда, следует учесть, что именно на этом участке поселения скорее всего изготовлялись все терракоты, распространившиеся затем по различным его кварталам. Две фигурки со знаком звезды на раскопе 1, так же как и на раскопе 5, найдены в фундаментах домов. На «холме меди» и расположенном там раскопе 8 представлены фигурки пяти типов,

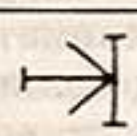
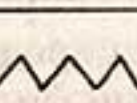
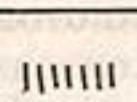
Группы знаков	Холм вышки			Холм стены			Холм ремесленников				Холм меди		Раскоп 13	Массив жилых кварталов	Всего находок
	подъемный материал	раскоп 9 дома	раскоп 9 гробницы	подъемный материал	раскоп 5 дома	раскоп 5 гробницы	подъемный материал	раскоп 1	раскоп 10	раскоп 12	подъемный материал	раскоп 8			
	•	••••• •••••	•••• •••		•	•	•	••		•	•		•	•	30
	•••	••	•		•••		•		••		••	•		•	17
		•				•	•• ••		••			•		•	11
		•••• •••• ••		•			•				•••• ••	•		•••	25
					•		•							••	4
	•••	••• •		•		•	•••		•		••• •		•	••• ••• •	25
Всего находок	7	32	8	2	5	3	12	2	5	1	15	3	2	15	112

Рис. 25. Распределение находок статуэток со знаками по территории Алтын-Депе.

за исключением вообще крайне редких статуэток со знаком зигзага. Около половины из них составляют статуэтки со знаком зерна-растительности. Наконец, на наиболее обширном участке поселения — «массиве жилых кварталов» — представлены терракоты всех шести групп, хотя и преобладают экземпляры со знаком в виде прямых отрезков (45%).

Все это позволяет заключить, что гипотеза о жесткой связи знаков и несущих их фигурок с общественными единицами, локализуемыми на определенной территории, не находит подтверждения в имеющихся материалах. Скорее всего наличие нескольких вариантов терракот, формирующихся как устойчивые типы, отражает существование в пантеоне Алтын-Депе целого ряда различных божеств или духов женского рода, постепенно приобретающих, как это характерно для этапа развивающихся цивилизаций, все более специализированные функции. Вопрос о том, в какой мере система знаков, обнаруженных на терракотах Алтын-Депе, связана с наличием системы письменности, остается пока открытым. Для его решения очень важны находки образцов, на которых были бы представлены разные знаки в их сочетании, но, как отмечалось, такие образцы единичны. Один из них, где сочетаются многолучевая звезда (обычный детерминатив в месопотамских системах письменности перед именем божества) и «треугольник с ресничками» (табл. VIII, *2*), можно было бы трактовать как несущий надпись «богиня [такая-то]», но это не более чем заманчивое предположение. Правда, наиболее массовый на Алтын-Депе знак «треугольник с ресничками» позволяет видеть в несущих его теракотах воплощение женского божества — покровительницы города, вероятно, священной супруги мужского астрального божества — бога луны. Но для более уверенного решения этого вопроса необходимы дальнейшие исследования, и прежде всего новые находки.

Менее многочисленна и, скажем прямо, менее выразительна вторая группа антропоморфных терракот: мужские статуэтки. Стилистически они следуют условно-плоскостным женским терракотам (табл. X, *3*; XII, *9*). Некоторые фигурки даже повторяют абрис женской фигуры (у них узкая талия и широкие бедра). Судя по имеющимся экземплярам, у большинства мужских статуэток руки широко расставлены в стороны. Характерная черта мужских терракот Алтын-Депе — пояс, переданный налепом, иногда украшенный углубленными вдавлениями или процарапанными линиями. Ниже пояса помещено рельефное изображение мужских половых органов в эротическом

состоянии. Сохранившиеся на отдельных образцах три вертикальные линии на шее позволяют говорить о наличии ожерелья с подвесками. На теле порой встречается процарапанное изображение дерева. Одна из статуэток выше пояса сплошь покрыта орнаментацией из прямых и косых линий. Имеются и более схематично выполненные статуэтки, полностью лишенные рук, но неизменны у них пояс и воспроизведение половых органов.

Особую группу составляют антропоморфные фигурки, предельно схематичные, обычно наспех вылепленные и, видимо, предназначавшиеся для одноразового употребления. Они имеют расширяющееся книзу конусовидное основание, изредка чуть вогнутое, а в верхней части — схематичные налепы — изображение расставленных в стороны рук, иногда — небольшой отросток вместо головы (табл. XII, *6*, *11*). В единичных случаях как будто воспроизводятся коса и стоящая торчком борода. Эти антропоморфные фигурки, как правило, плохого обжига или совсем не обожжены.

Глиняные фигурки животных также являются характерной составной частью алтын-депинского археологического комплекса. Они, как и антропоморфные статуэтки, в основном схематичны, плохо обожжены или вообще оставлены необожженными. Впрочем, попадаются и тщательно выполненные реалистические образцы. В подобных фигурках нетрудно угадать и породы животных: мощных быков с небольшим горбом на загривке и массивными складками на шее, видимо, указывающими на принадлежность к зебувидной породе (табл. XIII, *7*—*9*); баранов с круто завитыми рогами (табл. XIII, *4*, *5*); собак с тяжелой подквадратной мордой и поднятым вверх коротким, вероятно, обрубленным хвостом (табл. XIII, *3*). Чаще же можно лишь сказать, что перед нами целая или фрагментированная статуэтка какого-то четвероногого животного. Некоторые фигурки, возможно, воспроизводят диких зверей, в частности сайгу. Нередко встречаются терракотовые головки верблюдов (табл. XIII, *10*, *11*), которые, так же как и массивные терракотовые колеса с двусторонней втулкой, принадлежат, судя по всему, моделям повозок. Головы животных иногда вставлялись в такие модели при помощи стерженька, вылепленного в их нижнем конце (табл. XIII, *12*). Вместе с тем обломки самих кузовов сравнительно редки, что заставляет предполагать их частичное изготовление из органических материалов. Судя по имеющимся моделям (табл. XIX, *1*) и их обломкам, это были массивные сооружения типа бортовых телег, в которые изредка запрягалась даже пара верблюдов (табл. XXX, *1*). Порой борта, по крайней мере сзади и спереди, отсутствовали, что, надо полагать, предусматривало перевозку грузов специфического характера, например длинных древесных стволов. Фигурки животных, в основном схематичных, многочисленны и обнаружены во всех домах на всех раскопах. Особый интерес представляет находка на раскопе 1 в горизонте Алтын 3 целой коллекции поделок из необожженной глины, лежавшей неподалеку от горна и явно предназначавшейся для последующего обжига. В нее входило 35 фигурок, воспроизводящих быков, причем сами фигурки имели разную величину. Головы крупных быков украшены серией отверстий, а у одного на бедре выцарапан какой-то знак (тавро?); 15 фигурок изображало других животных, преимущественно баранов.

Важным составным элементом алтын-депинского комплекса являются изделия, получившие название печатей. Вероятно, таково и было их основное назначение, хотя не исключено, что они одновременно играли роль амулетов или иных объектов сакрального характера. Во всяком случае эти изделия имеют плоскую поверхность, покрытую узором, выполненным в высоком рельефе и явно предназначенным для получения оттисков, на оборотной стороне — ручку-петельку для удобства использования, а также ношения. В ряде гробниц отмечено расположение печатей в районе тазовых костей: они, видимо, носились у пояса. Оттиски печатей Алтын-Депе редки и, собственно говоря, представлены лишь на кусках обожженной глины (табл. XVI, *13*). На других памятниках этого времени, в частности Шахри-Сохте, оттиски на глиняных буллах весьма многочисленны и разнообразны [Tosi, 1969, fig. 277—292]. Печати могли употребляться для опечатывания различных групп вещей, находившихся в общинном или семейном владении. В качестве этнографической параллели укажем на деревянную печатку из Афганистана с изображением шестилучевой розетки в овале, использовавшуюся для опечатывания урожая [Вавилов, Букинич, 1959, с. 188, рис. 89].

Технически алтыновские печати выполнены двумя способами. Наиболее распространены печати из бронзы и низкокачественного серебра с высоким рельефом, отливавшиеся в форме по способу утраченной модели. Реже встречаются печати, сделанные из камня, у которых орнамент выполнен путем высверливания небольших лунок, образующих линии из смыкающихся овалов (табл. XVI, *17*; XVII, *1*, *4*). Единичны и терракотовые печати (табл. XVII, *5*). По своей форме и характеру изображений все печати могут быть разделены на две большие группы: зооморфные или использующие зооморфные мотивы и геометрические. Первая группа относительно немногочисленна, и в ней выделяются две подгруппы. Печати первой подгруппы своей формой повторяют

очертания туловища животного, хотя оно, как правило, несколько укорочено, с тем чтобы получаемый отпечаток в основном сохранял подквадратные пропорции. Из Алтын-Депе происходят печати, воспроизводящие фигуры козла (табл. XVII, *14*), копытного животного, вероятно барана (табл. XXIX, *9*), хищника кошачьей породы (табл. XVII, *10*) и фантастического трехглавого дракона с туловищем кошачьего хищника, одной головой хищной птицы и двумя, принадлежащими рептилиям, возможно змеям (табл. XVII, *12*). Другой синкретический образ передает печать с туловищем четырехногого животного, имеющего клюв и коготь на лапе (табл. XVII, *8*). На Намазга-Депе найдена печать, изображающая орла с распростертыми крыльями [Массон, Сариниди, 1972, табл. 47], а на небольшом поселении Шор-Депе — печать в виде козла [Масимов, 1978б]. В одной из гробниц на Алтын-Депе также обнаружена печать в виде птицы с распростертыми крыльями, но голова ее сильно разрушена коррозией (табл. XVII, *13*). У экземпляров второй подгруппы очертания в виде полумесяца, но внутрь этого полумесяца помещено изображение извивающейся змеи. Одна такая печать выполнена из терракоты (табл. XVII, *3*), другая — из металла, причем последняя дополнительно увенчена крестом (табл. XVII, *15*).

Печати геометрической формы могут быть подразделены на четыре подгруппы. Из них крестообразные наиболее многочисленны и составляют около половины всех металлических печатей на Алтын-Депе (табл. XVI, *1—8*, *10*, *14*). Имеются и схематичные кресты упрощенного рисунка, и сложные кресты с многоступенчатым оформлением, являющиеся прямым повторением орнаментов расписной керамики. В центре крестообразных печатей нередко помещена дополнительная фигура: овал, квадрат или небольшой крест. Пиловидные линии зачастую вписаны в концы крестов, и набор этих деталей придает каждой печати индивидуальные черты, что, вероятно, было важно при различении оттисков. Каменные печати часто развивают ту же основную крестовидную форму. Квадратные печати более редки и внутри зачастую содержат изображение креста (табл. XVII, *4*, *5*). На одной крупной овальной печати помещены изображения четырех двойных кругов, располагающихся около центрального прямоугольника. В две другие такие же печати вписаны в одном случае треугольник (табл. XXIX, *8*), в другом — многолучевая звезда (табл. XXIX, *10*). С использованием овала как композиционного центра построены четырех- и пятилепестковые печати (табл. XVI, *9*). Небольшую подгруппу образуют три печати, повторяющие рисунок ступенчатой пирамиды, также свойственный расписной керамике. Две такие печати имеют форму ступенчатой пирамиды (табл. XXIX, *5*), на третьей — пирамиды соединены вершинами (табл. XVI, *12*). Как уже отмечалось, семантически большинство печатей связано с символикой расписной керамики (рис. 26) Южного Туркменистана эпохи энеолита [Массон, 1967г, 1970г]. Но есть и ряд новых образов, прежде всего трехглавого дракона и змеи в лунном серпе.

На Алтын-Депе довольно многочисленны различные каменные изделия. Это и кремневые лавролистные бесчерешковые наконечники стрел, часто служившие, как показало специальное трасологическое исследование, сверлами [Скакун, 1972], и каменные сосуды, выточенные из светлых полупрозрачных мраморовидных пород с темными прожилками (табл. VII, *2*, *4*), и бусы несложной профилировки из полудрагоценных камней, и различные массивные каменные орудия: зернотерки, песты, ступки, шпатель для заглаживания керамики, скребки для обработки шкур, абразивы и отбойные инструменты для подправки режущего края металлических орудий. Видимо, наличие поблизости галечных отложений способствовало широкому употреблению различных каменных орудий в период бронзового века. В этом нашло отражение максимальное использование технологических достижений предшествующих эпох. Однако в большинстве случаев каменные изделия не образуют характерных типологических групп, определяющих культурную специфику археологического комплекса Алтын-Депе. Некоторые ее черты могут быть отмечены в архитектуре. Прямоугольный сырцовый кирпич представляет собой традиционный формат для южнотуркменистанских раннеземледельческих комплексов. Но такие архитектурные особенности, как трехступенчатые в плане пилястры, прямоугольные здания с анфиладным расположением помещений, внутрикомнатные очаги на невысокой, подквадратной в плане платформе с крупным овальным углублением в центре, составляют до некоторой степени своеобразие алтын-депинского комплекса.

Как устойчивое сочетание типов артефактов комплекс Алтын-Депе характеризуется неорнаментированной тонкостенной керамикой, обжигавшейся в двухъярусных горнах, выполненной на гончарном круге быстрого вращения и отличающейся изящными формами, среди которых наиболее показательны бокалы с изломом стенок у венчика, вазы на высоких полых ножках и сосуды с высоким раструбообразным горлом, биконические или горшковидные, удлиненных пропорций, на высоком поддоне-подставке. Из металлических изделий типичны ножи с небольшим прямым черешком и листовидным уплощенным лезвием, а также булавки с утолщением на конце и фигурными навершиями, в том числе зооморфными. Погребения — одиночные, скорченные, с преиму-

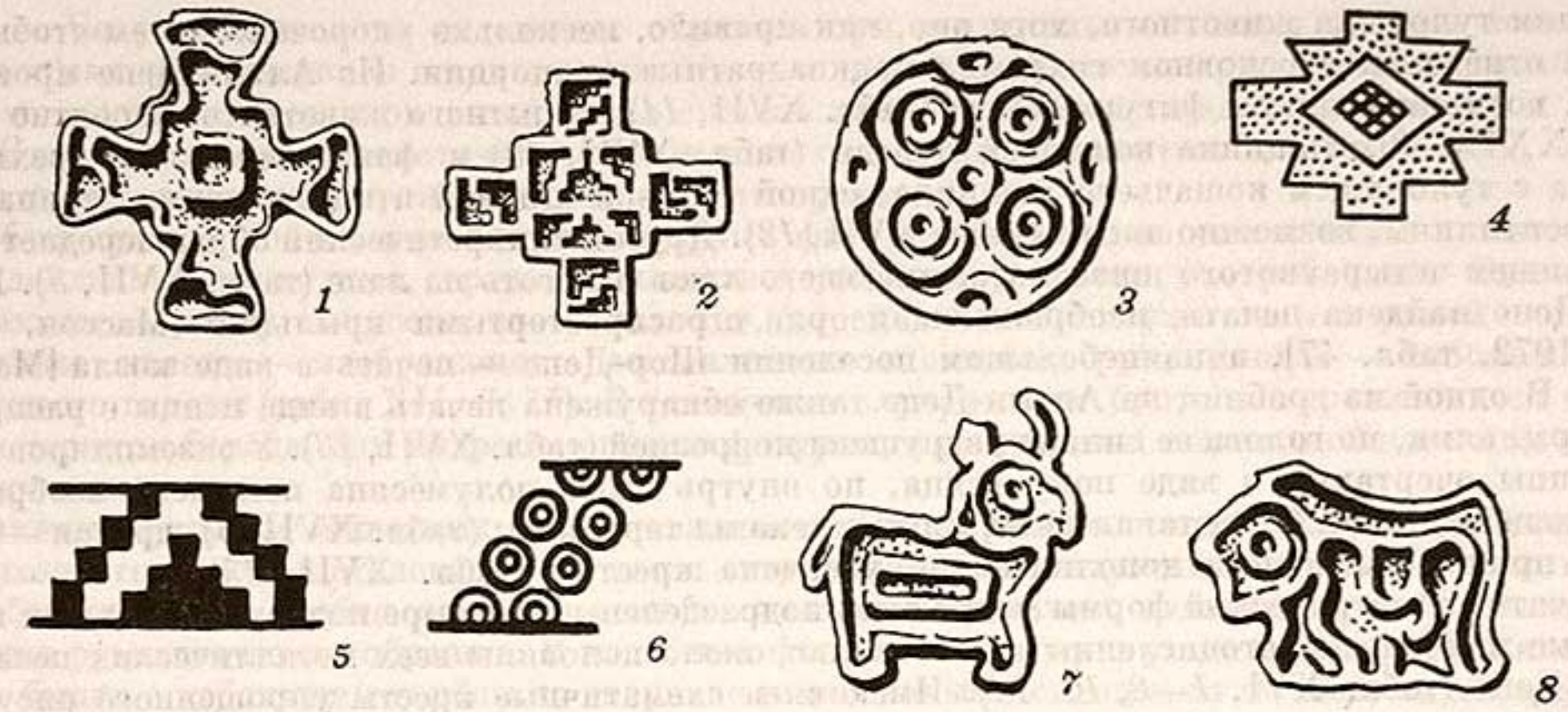

Рис. 26. Печати бронзового века (*1—3*, *7—9*) и мотивы росписи на энеолитической керамике Южного Туркменистана (*4—6*, *10—12*).

щественной ориентацией в направлении ССВ и коллективные в прямоугольных гробницах из сырцового кирпича. Специфическими являются перегородчатые металлические печати с ушком на тыльной стороне, преимущественно в виде крестовидных фигур, а также каменные с орнаментом, выполненным серией сверленых лунок. Из терракот характерны уплощенные сидящие женские статуэтки с лицом, обрамленным вьющимися косами-змеями, со знаками, нанесенными на плечах и на тыльной стороне, а также модели четырехколесных повозок с впряженными верблюдами. Одни из отмеченных изделий имеют отчетливые местные прототипы (печати, ряд форм керамики), другие встречаются и вне Южного Туркменистана в иных археологических комплексах (булавки, ножи). Но именно сочетание всех этих типов изделий дает тот устойчивый культурный комплекс времени Намазга V, который, учитывая наиболее представительную коллекцию, можно именовать культурой Алтын-Депе, или алтыновской культурой в археологическом понимании данного термина [Массон, 1974ж].

Территориальные границы бытования алтын-депинского археологического комплекса в Южном Туркменистане охватывают районы подгорной полосы, а также, как показывают работы последних лет, и дельту Мургаба. Типичные для него металлические изделия, в том числе перегородчатые печати, формы керамических сосудов есть на Намазга-Депе [Куфтин, 1956; Массон, 1956б; Масимов, 1974а]. Аналогичные керамика, печати и терракотовые фигурки, в частности с нацарапанными знаками, были обнаружены на небольших поселениях в районе между Баба-Дурмазом и Артыком [Щетенко, 1968б, 1970а; Масимов, 1968]. Вместе с тем в материальной культуре этих памятников выступают некоторые черты специфики, особенно заметные в керамике, что уже было отмечено И. С. Масимовым [1974а, с. 54—55]. Так, гофрировка высоких ножек ваз и кубков широко представлена в комплексах Намазга-Депе, но редко — на Алтыне. «Чайники» Намазга-Депе в отличие от аналогичных сосудов Алтына имеют выделенное горло, нередко раструбообразное и достаточно высокое. Добавим, что именно на Намазга-Депе распространен своеобразный тип женских статуэток [Массон, Сарианиди, 1973, с. 90]. Они настолько характерны, что, будучи найденными на Алтын-Депе (табл. IX, *2*), легко отличаются от произведений местных мастеров. Вероятно, можно говорить о существовании локального намазгинского варианта культуры Алтына, к которому относятся Намазга-Депе, Шор-Депе, Тайчанак-Депе и Коша-Депе (рис. 27, *II*).

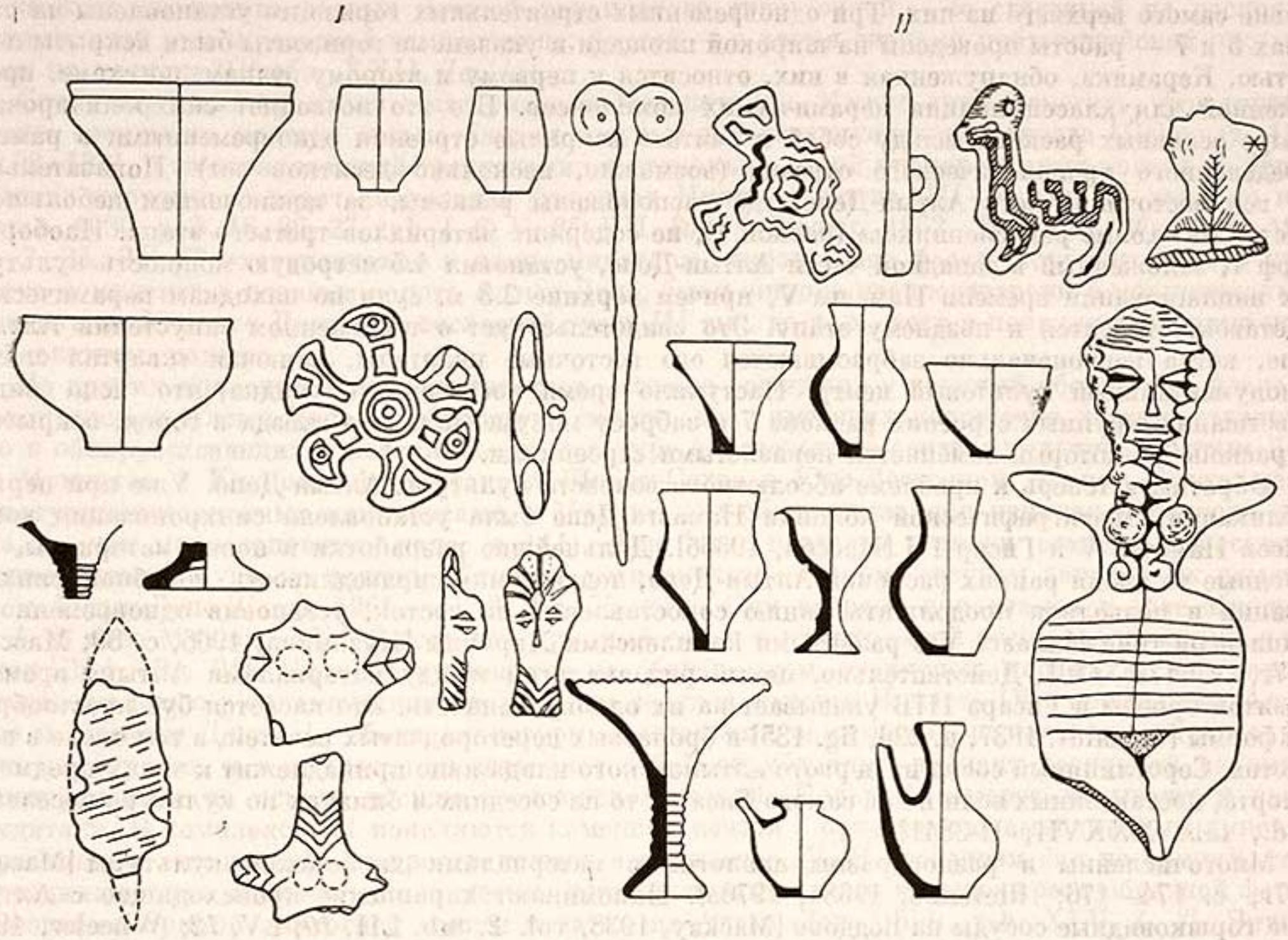

Рис. 27. Келлелинский (*I*) и намазгинский (*II*) варианты археологической культуры Алтын-Депе.

Еще в начале 50-х годов было установлено наличие в дельте Мургаба оседлоземледельческих поселений бронзового века, относящихся к двум хронологическим этапам комплекса типа Намазга VI: раннему — аучиновскому и позднему — тахирбаевскому [Массон, 1959а]. В начале 70-х годов работы были продолжены В. И. Сарианиди, обнаружившим целый ряд памятников, где уже в подъемном материале были сделаны выразительные находки, в том числе собрана интереснейшая коллекция печатей [1973, 1975, 1976а]. Но особенно важно открытие в этой области нового оазиса памятников бронзового века, образующего наиболее раннюю для Мургаба хронологическую группу. Мы имеем в виду келлелинскую группу памятников, открытую и исследованную И. С. Масимовым [1976а, 1979; Масимов, Ляпин, 1977]. Комплекс объектов, определяемый как первый, по его справедливому заключению, идентичен материалам позднего Намазга V подгорной полосы. Это касается и керамики, и перегородчатых бронзовых печатей, и терракотовых статуэток, включая и такой специфический вид, как фигурки со знаком нашей четвертой группы и ожерельем углом [Масимов, 1979, с. 123, 128—129, рис. 7, *6*]. Весь набор материалов указывает не просто на тесные связи с керамикой второго, а частично и третьего этапов развития керамического комплекса Алтын-Депе, а на принадлежность их к единой археологической культуре. Видимо, есть основания говорить о существовании еще одного локального варианта культуры Алтына — келлелинского (рис. 27, *I*). Второй комплекс Масимова при сохранении определенных черт преемственности отличается уже по ряду показателей. Изменяется набор керамических форм, среди которых встречается такая новая форма, как кубок на ножке с высоким цилиндрическим туловом, меняются терракоты, появляются новый тип печатей-амулетов, а также цилиндрические печати. Вероятно, хронологически и культурно этот комплекс близок материалам, выделявшимся ранее в аучиновский этап времени Намазга VI.

Определив пространственные границы культуры Алтын-Депе, перейдем к вопросам ее абсолютной датировки. Внутренняя хронология и синхронизация раскопов Алтын-Депе частично уже затрагивались выше. Шурфы, заложенные на раскопах 9 и 10, показали, что здесь имеются три строительных горизонта времени Намазга V, причем строения, как правило, вскрывались на

уровне самого верхнего из них. Три одновременных строительных горизонта установлены на раскопах 5 и 7 — работы проведены на широкой площади и указанные горизонты были вскрыты полностью. Керамика, обнаруженная в них, относится к первому и второму этапам, по схеме, предложенной для классификации керамических комплексов. Все это позволяет синхронизировать четыре основных раскопа между собой и считать вскрытые строения одновременными в рамках определенного хронологического отрезка (возможно, несколько десятков лет). Показательно, что вся восточная часть Алтын-Депе, где расположены раскопы, за исключением небольшого участка на «холме ремесленников» (раскоп 1), не содержит материалов третьего этапа. Наоборот, шурф 1, заложенный в западной части Алтын-Депе, установил 4.5-метровую мощность культурных напластований времени Намазга V, причем верхние 2.5 м, судя по находкам керамических подставок, относятся к позднему этапу. Это свидетельствует о постепенном запустении Алтын-Депе, когда первоначально забрасываются его восточные кварталы, включая «квартал знати» и монументальный культовый центр. Наступило время постепенного упадка, что ясно видно по ветшанию крупных строений раскопа 7 и забросу монументального въезда в город, вскрытого на раскопе 8, который заменяется неказистыми строениями.

Обратимся теперь к проблеме абсолютного возраста культуры Алтын-Депе. Уже при первой публикации стратиграфической колонки Намазга-Депе была установлена синхронизация комплексов Намазга V и Гисар III [Массон, 1956б]. Дальнейшие разработки и новые материалы, полученные во время ранних раскопок Алтын-Депе, подтвердили справедливость подобной синхронизации и позволили продолжить линию сопоставлений на восток, установив одновременность комплексов типа Намазга V с развитыми комплексами Хараппы [Кузьмина, 1966, с. 89; Массон, 1967г, с. 173—176]. Действительно, целый ряд аналогий между материалами Алтына времени развитой бронзы и Гисара IIIB указывает на их одновременность. Это касается бус крестообразной формы [Schmidt, 1937, p. 226, fig. 135] и бронзовых перегородчатых печатей, в том числе в виде крестов. Сероглиняный сосуд из первого алтыновского клада явно принадлежит к числу предметов импорта, доставленных если не из самого Гисара, то из соседних и близких по культуре поселений [ibid., tab. XXXVII, H-3841].

Многочисленны и разнообразны аналогии с материалами харапской культуры [Массон, 1967г, с. 174—176; Щетенко, 1968а, 1970в]. Напоминают харапские происходящие с Алтын-Депе горшковидные сосуды на поддоне [Mackay, 1938, vol. 2, tab. LII, *10*; LV, *12*; Wheeler, 1947, p. 104]. Имеются и бронзовые сосуды похожей формы [Marshall, 1931, vol. 3, tab. CXLI, *6*], которые, возможно, были исходным прототипом и в отличие от керамики представляли собой достаточную ценность, чтобы служить объектом торговли. Керамические подставки, характерные для третьего этапа развития керамического комплекса Алтын-Депе, есть в нижних слоях Мохенджо-Даро, но там они весьма редки и невыразительны [Mackay, 1938, vol. 2, tab. LXII, *25*, *26*]; зато эти изделия широко распространены в верхних слоях [ibid., vol. 1, p. 206; vol. 2, tab. LVII, *23*, *24*], так же как в Чанху-Даро [Mackay, 1943, tab. XXVI, *4—11*] и Хараппе [Wheeler, 1947, p. 115, tipe XLV].

Весьма значительная близость отмечается и между металлическими изделиями. Уплощенные ножи без осевого ребра, многочисленные на памятниках развитой бронзы Южного Туркменистана, совершенно несвойственны металлургии Гисара, но типичны для древних поселений долины Инда [Mackay, 1938, vol. 7, tab. CXXVIII, *15*]. Там же может найти параллель и металлическая сковородка с ручкой, найденная в одном из погребений Алтын-Депе [ibid., tab. XXV, *17*, *24*]. Но особенно существенно то обстоятельство, что на Алтын-Депе обнаружены вещи, бесспорно привезенные из долины Инда. Например, изделия из слоновой кости, которые представлены там уже в трех пунктах. Так, на раскопе 7 в жреческом погребальном ансамбле встречены кольцевидные костяные бусы. Целый ряд изделий из слоновой кости входил в состав одного из кладов, открытых на «раскопе вышки» [Ганялин, 1967]. Это квадратные и овальные плоские фишки, а также четыре четырехугольные в сечении палочки с концентрическими кружками на трех сторонах (соответственно 1, 2 и 3 кружка) и орнаментом — на четвертой. Абсолютно идентичные предметы являются весьма обычной находкой как в верхних, так и нижних слоях Мохенджо-Даро [Marshall, 1931, vol. 1, p. 560, 561; vol. 2, tab. CXLIII, *47*, *49*, *51*]. В санскритских текстах, восходящих к IV в. н. э., описываются подобные палочки, предназначавшиеся для гадания [Brown, 1964, p. 34] и приводятся толкования различных комбинаций, образующихся при подбрасывании именно четырех палочек, имеющих на своих гранях кружковые изображения чисел 1—4. На палочках из Алтын-Депе и Мохенджо-Даро цифра 4 заменена орнаментацией, но весьма вероятно их использование для тех же целей, тем более что в кладе Алтын-Депе представлены тоже четыре палочки. Наконец, одна такая палочка была найдена в могиле «знатной горожанки» к востоку от «раскопа вышки» (табл. XXII, *5*). Все это указывает на постоянные и систематические связи обитате-

лей Алтын-Депе с носителями харапской культуры. Роль и значение таких связей подчеркивает также находка подквадратных печатей харапского типа: одной — со свастикой на раскопе 7 в упомянутой уже жреческой усыпальнице; другой — с двумя знаками протоиндийской письменности на раскопе 9 (табл. XXII, *1а*, *1б*).

Слабо изучены параллели с материалами Месопотамии. Можно лишь отметить, что горшковидные сосуды на поддоне весьма близки сосудам древневавилонского периода [Delougaz, 1952, p. 122, 132], а заштрихованный треугольник и несколько линий процарапанных поясов на бедрах женских терракот находят аналогии в фигурках Ниппура конца III—начала II тыс. до н. э. [Buren, 1930, p. 5, 16, 26, 27, tab. I, *6*; V, *25*; VII, *36*, *38*; Ziegler, 1962, Tab. 12, *196*; Dales, 1963, fig. 7, 33, 34]. Трехступенчатые в плане пилястры, украшавшие фасад монументального культового комплекса и главные ворота Алтын-Депе, были широко распространены в монументальной архитектуре Южного Двуречья последней трети III тыс. до н. э., хотя и появились впервые почти тысячелетием раньше.

Из других археологических комплексов, широко вошедших в научный оборот уже после начала раскопок Алтын-Депе, необходимо отметить два, имеющих достаточно четкую стратиграфию и обнаруживающих в материальной культуре определенные связи с культурой Алтын-Депе. Это Мундигак в Южном Афганистане и Шахри-Сохте в Юго-Восточном Иране. Связи между южнотуркменистанскими комплексами и Мундигаком обнаруживаются начиная с периода энеолита, на чем мы остановимся далее (с. 111). Для более позднего времени отметим нерасписные горшковидные сосуды на поддоне, близкие аналогичным по форме сосудам харапских памятников и Алтын-Депе [Casal, 1961, vol. 2, fig. 73, *232*]. Они впервые попадаются в слое Мундигак IV, 1. В слое Мундигак IV, 2 встречен крупный сосуд с полихромной росписью крестами в картушах [ibid., fig. 91]. Он явно выбивается из общей массы расписной керамики, но находит прямую аналогию в орнаментации крупных же сосудов времени Намазга IV в комплексах Алтын-Депе и Намазга-Депе. На обоих южнотуркменистанских памятниках роспись на таких сосудах тоже полихромна и в сущности представляет собой огрубленный вариант расписной керамики, формирующийся на основе посуды геоксюрского стиля. Большой интерес вызывают и печати Мундигака. В комплексе III появляются каменные печати с орнаментом, выполненным луночным сверлением, и они широко распространяются в комплексе IV. В последнем как на ранних, так и на поздних этапах имеются металлические перегородчатые печати нередко крестообразной формы, являющиеся прямой аналогией нашим печатям из Алтын-Депе [ibid., tab. XLV, *1*, *3*]. Видимо, есть основания для частичной синхронизации комплексов, во всяком случае комплексов Мундигак IV и Намазга V.

Одним из важнейших памятников Среднего Востока, раскапывавшихся с 1967 г., безусловно является Шахри-Сохте в иранском Систане, в древней дельте Гильменда. По предварительным разведкам, в этом районе было известно до 50 раннеземледельческих поселений, ныне расположенных частично на территории Ирана, частично на территории Афганистана. Уже на основании разведок, осуществленных еще в начале века А. Стэйном, можно было сделать вывод, что наиболее значительное из них — Шахри-Сохте — было своеобразной столицей области в бронзовом веке [Массон, 1964б, с. 279]. С 1967 г. раскопки Шахри-Сохте начала итальянская экспедиция под руководством М. Тоси [Tosi, 1968, 1969; Lamberg-Karlovsky, Tosi, 1973; Тоси, 1971]. Установлена дробная стратиграфия с выделением четырех периодов, из которых первый включает три фазы (8—10), второй — также три фазы (5—7), третий — всего две (3, 4), последний, четвертый, — опять три (1, 2 и самая поздняя — нулевая). Пока имеются лишь частичные публикации, освещающие материалы этой стратиграфической колонки, где в период I бесспорно наличие материалов южнотуркменистанского энеолита (см. с. 111). Аналогии в более поздних напластованиях менее значительны, но все же они налицо. Так, из комплекса III происходит сосуд с монохромной орнаментацией, практически идентичной росписи времени позднего Намазга IV, в частности Алтына 4 [Lamberg-Karlovsky, Tosi, 1973, fig. 57]. Кстати, именно тогда была широко распространена на Шахри-Сохте керамика, сделанная на гончарном круге быстрого вращения. Нерасписная керамика периода IV, особенно горшковидные сосуды на высоком поддоне, весьма близки южнотуркменистанским сосудам комплекса Намазга V [ibid., fig. 61, 63]. Каменные стеатитовые печати периода Шахри-Сохте II, хотя и воспроизводят рисунок крестообразных фигур и пирамид, в целом отличны от алтыновских образцов времени Намазга V. Но зато бронзовые перегородчатые печати крайне близки южнотуркменистанским образцам [ibid., fig. 41—49]. Однако в существующих публикациях не уточнена их привязка к стратиграфии памятника и они в целом определены как относящиеся к периодам II и III. Возможно, первые образцы таких печатей и появились сравнительно рано. В. И. Сарианиди отмечает, что на Улуг-Депе керамические и каменные печати с выступами-ушками на тыльной стороне представлены уже в пору Намазга IV [1977,

с. 88]. Металлическая печать с ушком, которое, правда, имеет усложненную форму, найдена на Яхья-Тепе в слое IVB и своей формой многоступенчатого креста поразительно близка алтыновским образцам [Lamberg-Karlovsky, Tosi, 1973, fig. 4]. К хронологии памятника мы еще вернемся, но отметим, что это как будто наиболее ранняя находка печатей данного типа. В целом можно полагать, что комплекс типа Намазга V одновременен комплексу Шахри-Сохте IV и, по крайней мере частично, Шахри-Сохте III.

Подобная синхронизация материалов Алтын-Депе позволяет перейти и к вопросам абсолютной хронологии. В предыдущих работах мы датировали комплекс типа Намазга V концом III—первой четвертью II тыс. до н. э., или, точнее, 2100—1650 гг. до н. э. [Массон, 1970а, с. 19]. В свете новых работ, особенно применения поправки к датам, полученным методом радиокарбонового анализа, может быть поставлен вопрос о некотором удревнении комплекса, возможно его ранних фаз. Посмотрим, какие изменения предложены в 70-е годы для хронологии памятников, аналогии с материалами которых были кратко рассмотрены выше. Наиболее прочной, пожалуй, остается харапская хронология. Даты, принятые в 40-х годах М. Уиллером, — 2500—1500 гг. до н. э. — просуществовали почти без изменений до 1962 г., когда серия радиокарбоновых исследований позволила сузить их до XXI—XVI вв. до н. э. [Lal, 1962—1963]. По расчетам В. Фэйрсервиса, время распространения харапской культуры едва ли превышало 500 лет [Fairservis, 1971]. И П. Агравал предложил общую дату — 2300—1750 гг. до н. э., с чем, по его мнению, согласуется также анализ харапских и харапподных находок в Месопотамии [Agraval, 1971, p. 72 sq.]. Затем была сделана попытка на основании сопоставления со стратиграфией Яхья-Тепе углубить начало Харапны до 2500 г. до н. э. [Rao, 1973b], что, однако, вызвало возражения. Агравал настаивал на 2350—1700 гг. до н. э. как дате Харапны в долине Инда, а для периферийных районов, куда сответствующие комплексы распространились позднее, — на 2200—1700 гг. [ibid., p. 208]. Добавим, что в отличие от стратиграфии абсолютная хронология Яхья-Тепе представляется нам не вполне еще устоявшейся. Вместе с тем Г. Дейлс отметил, что калиброванные радиокарбоновые даты опустят Харапну почти до 2600 г. до н. э. и сделают ее современницей Аккада и III династии Ура [Dales, 1973, p. 165].

Аналогичная попытка удревнения была предпринята и в отношении Гисара. Так, Р. Дайсон, проанализировав имеющиеся аналогии, первоначально предлагал синхронизировать Гисар IIIB с ранними этапами III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.), а Гисар IIIC сдвинуть к 1900 или 1800 г. до н. э. [Dyson, 1965, p. 241, 242]. Но затем тот же исследователь предпринял попытку с учетом калиброванных радиокарбоновых дат сдвинуть Гисар IIIB до 2800—2400 гг. до н. э., а Гисар IIIC синхронизировать частично с Аккадом, частично с III династией Ура и датировать в рамках 2400—2000 гг. [Bovington, Dyson, Mahadavi, Masoumi, 1974]. В таком случае оказывались справедливыми наиболее ранние аналогии парадному оружию Гисара, которое Д. Мак-Каун сопоставлял с оружием царских гробниц I династии Ура [McCown, 1942]. Не говоря уже о том, что для датировки предпочтительно использовать более поздние, а не более ранние аналогии того или иного комплекса, надо сказать, что вся стратиграфия Гисара не является достаточно надежной. Это было видно уже по характеру опубликованных планов строений разных слоев, где нечеткость очертаний стен как бы скрадывалась накладываемой штриховкой, означающей стены нижних горизонтов. Дайсон и его сотрудники предприняли проверочные раскопки Гисара, которые полностью подтвердили методическую небрежность и положили начало созданию новой стратиграфии этого опорного памятника.[1]

Абсолютная хронология Шахри-Сохте основывается на учете аналогий с месопотамскими комплексами, данных радиокарбонового и палеомагнитного анализов. В итоге М. Тоси и его коллеги датируют период I 3200—2800 гг. до н. э.; II — 2800—2400; III — 2400—2100; IV — 2100—1800 гг. до н. э. Возможно, нижние пределы приведенной хронологической схемы еще нуждаются в уточнении. Наличие в самых древних наслоениях Шахри-Сохте оттисков печатей стиля Джемдет-Наср, например, необязательно говорит о датировке именно этим периодом, поскольку такие цилиндрические печати были широко распространены в Месопотамии и в раннединастический период. Определенная тенденция к заглублению связана с результатами раскопок Яхья-Тепе, где увлеченный первооткрыватель сразу же предложил длинную хронологию, помещая, например,

---

[1] С результатами работ я был любезно ознакомлен проф. Р. Дайсоном во время пребывания в Филадельфии в августе 1979 г. Просматривая в университетском музее коллекции из раскопок Э. Шмидта, мне удалось выделить серый орнаментированный сосуд, идентичный сосуду, найденному в Южном Туркменистане в верхнем слое Кара-Депе в комплексе Намазга III, тогда как, по музейной описи, он отнесен к комплексу Гисар IIIA. Это лишний раз указывает на необходимость пересмотра всего ранее известного материала по стратиграфии Гисара с учетом результатов новых, методически более совершенных раскопок.

самый древний слой в середину VI тыс. до н. э. [Lamberg-Karlovsky C. C. and M., 1971, p. 103]. В поздних публикациях для этого слоя фигурирует уже более реалистическая дата: вторая половина V—начало IV тыс. до н. э. [Vidali M. L. and E., Lamberg-Karlovsky, 1976, p. 237]. Думается, определенные коррективы следовало бы внести и в датировку наиболее интересного комплекса—Яхья IV. Он подразделен на три фазы, которые К. Ламберг-Карловский соответственно датирует IVC — 3400—3000 гг. до н. э.; IVB — 3000—2500; IVA — 2100—1800 гг. до н. э. Нам представляется более реалистичной короткая хронология, едва ли уводящая слой с протоэламскими табличками далеко за пределы III тыс. до н. э. Тем более что мощность культурных напластований слоев IVB и C не настолько велика, чтобы их можно было растягивать почти на тысячелетие. Исследование протоэламских табличек из Яхья-Тепе показало, что они относятся к более позднему времени, чем аналогичные таблички из самих Суз [Вайман, 1972, с. 132].

Помимо сравнительного анализа алтыновских материалов в нашем распоряжении имеется серия радиокарбоновых датировок из Алтын-Депе, выполненных в лабораториях Ленинграда и Берлина [Массон, 1970в, с. 18—19]. Без учета калибровки эти даты выглядят следующим образом: комплекс времени Намазга II, керамика ялангачского типа — 3810±50 гг. до н. э.; позднего Намазга IV (Алтын 4) — 2620±50; Намазга V, раскоп 7 — 1510±60; Намазга V, раскоп 7 — 1390±60; Намазга V, раскоп 5 — 3360±50; Намазга V, раскоп 7 — 2650±100; Намазга V, раскоп 7 — 2570±100 гг. до н. э.

К указанному можно добавить, что, согласно данным берлинской лаборатории, даты слоев позднего Намазга IV на Улуг-Депе — 2646±100 и 2690±100 гг. до н. э. Учитывая, что некоторые датировки по неясным пока причинам значительно расходятся как друг с другом, так и с реальной стратиграфией, можно в целом заключить, что с учетом калибровки (MASKA-correction) смена комплекса Намазга IV комплексом Намазга V произошла где-то около 2500 г. до н. э. Это помещает последний целиком во вторую половину III тыс. до н. э., так же как это сейчас предлагается для одновременных комплексу Намазга V Хараппы и Гисара III. Однако чрезмерное понижение создает в стратиграфической колонке Южного Туркменистана, четко рисующей последовательность культурных комплексов, труднозаполнимую лакуну. Это едва ли позволит уводить комплекс Намазга V полностью ниже 2000 г. до н. э. Месопотамские аналогии материалам Алтын-Депе, сколь бы они не были незначительны, тоже в целом находятся в этих же пределах. Вероятно, подобно тому как предлагает для Хараппы П. Агравал, для слоев Алтын-Депе времени Намазга V сейчас наиболее разумными являются 2300—1850 гг. до н. э.

Глава шестая

АЛТЫН-ДЕПЕ КАК ПОСЕЛЕНИЕ ГОРОДСКОГО ТИПА, ОПЫТ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Основные раскопки на Алтын-Депе затронули слои средней бронзы (или времени Намазга V). В этот период в Южном Туркменистане имелись два крупных центра: Намазга-Депе и Алтын-Депе. Кроме того, в подгорной полосе известен ряд более мелких поселений, а еще большее их число, видимо, не сохранилось — было полностью погребено аллювиально-делювиальными отложениями, достигающими в районе Намазга-Депе 10 м, или разрушено при планировке полей последующих эпох. Из мелких поселений можно отметить южный холм Анау и три памятника между Артыком и Баба-Дурмазом: Шор-Депе, Коша-Депе и Тайчанак-Депе. Последние образовали небольшой земледельческий оазис, культурно, а возможно, и экономически тяготеющий к Намазга-Депе, расположенному отсюда в 25 км. На Шор-Депе раскопки верхнего культурного слоя были проведены А. Ф. Ганялиным [см.: Масимов, 1978б], а затем продолжены А. Я. Щетенко [1968б, 1970а]. Он же осуществлял раскопки на Тайчанак-Депе [Щетенко, 1968в]. На Коша-Депе шурф был заложен И. С. Масимовым [1968]. Площадь этих поселений невелика и в нуклеарной части колеблется от 0.5 до 1.5 га. Материал, иногда встречаемый при шурфовке в окрестностях памятников, судя по разрезам [Щетенко, 1970а, с. 37], связан с оплывами культурного слоя основного ядра поселения. Помимо высококачественной керамики, типичной для комплекса Намазга V, здесь были обнаружены почти все другие составные элементы этого археологического комплекса: женские терракотовые статуэтки, фигурки животных и глиняные модели повозок, терракотовые пряслица, серебряные и бронзовые печати в виде креста и фигур животных. Раскопанные строения представлены массивами многокомнатных домов, состоящих из тесных неказистых помещений, напоминающих постройки, вскрытые на раскопах 8 и 10 Алтын-Депе. Ни производственных центров, ни монументальной архитектуры, ни просторных домов правильной планировки здесь не было. Это лишний раз подчеркивает и качественные отличия Алтын-Депе как крупного центра развитой бронзы. Он не только многократно превосходил своими размерами мелкие памятники, но и, судя по результатам многолетних раскопок, имел иную внутреннюю структуру.

Многие особенности этой структуры были тесным образом связаны с видами деятельности обитавших на поселении коллективов, с теми функциями, которое само поселение выполняло в обществе бронзового века. Основу хозяйства составляли земледелие и скотоводство. Алтын-Депе в настоящее время находится в пустынной степи, оживляемой только весной свежей зеленью эфемеров. Однако ряд данных свидетельствует о том, что в эпоху бронзы этот пейзаж был несколько иным. Анализ древесных углей из слоев разного времени, начиная с неолита и вплоть до II тыс. до н. э., показывает, что в районе Чаачи—Меаны был широко представлен комплекс растительности тугайного типа, в состав которого входили тополь, клен, карагач и ясень [Лисицина, 1968]. Таким образом, судя по составу древней растительности, район имел несравненно большую обводненность: орошавшая его речка, ныне многоводная лишь в пору паводков, обеспечивала произрастание густых тугаев. Здесь водились дикие кабаны, кости которых изредка встречаются при раскопках Алтын-Депе. Интересно отметить, что если первоначально, в VI—V тыс. до н. э., на первом месте по количеству образцов стоял карагач, то в IV тыс. до н. э. тополь встречается чаще его, а к концу III—началу II тыс. до н. э. угли карагача уже полностью отсутствуют. Видимо, это

многолетнее дерево раньше других подверглось губительному воздействию человека. Состав фауны Алтын-Депе указывает вместе с тем на близость к поселению достаточно обширных пустынных и степных пространств, где встречались джейран, кулан и сайга. Тугайные заросли вдоль основного и боковых протоков Меана-Чая, широко раскинувшиеся на территории конуса-выноса реки, и примыкающие к ним участки пустынных степей — такой можно представить природную среду Алтын-Депе в эпоху бронзы. Именно в данной среде и развивалось земледелие, игравшее основную роль в снабжении населения продуктами питания. Почти в каждом хозяйственно-жилом комплексе Алтын-Депе имеются орудия для обработки зерна: зернотерки, песты, ступки. Проведенные эксперименты показали, что производительность зернотерок могла достигать 2 кг муки в течение 4 ч чистого рабочего времени, но такой труд был исключительно тяжел и утомителен. Недаром на Древнем Востоке для растирания зерна в условиях домашнего хозяйства обычно использовался чужой труд. Интересно и то обстоятельство, что даже современные женщины дают на этом инструменте вдвое более высокие показатели, чем мужчины [Коробкова, 1974]. Во многих дворах обнаружены овальные в плане печи для выпечки хлеба, известные в Южном Туркменистане начиная с эпохи энеолита. Таким образом, на Алтын-Депе практически повсеместно производились обработка зерна и выпечка хлеба. Видимо, какая-то часть жителей занималась и выращиванием зерна. Во всяком случае в одном из домов на раскопе 13 был найден бронзовый серп. В пору уборки урожая к сельским работам могли привлекаться почти все обитатели поселения.

Находки обугленных зерен в одном из шурфов Алтын-Депе показали, что основным продуктом земледелия являлись голозерный ячмень и в меньшей мере — мягкая, а также карликовая пшеница. Возделывались формы, приспособленные к условиям орошения, что служит ярким доказательством поливного характера земледелия. Посев был одновидовым; отсутствие семян сорняков говорит о чистоте посева, которая могла быть достигнута лишь при тщательной ручной прополке [Янушевич, 1977, с. 169]. В эпоху бронзы культивировались, как свидетельствуют находки на других поселениях, виноград и нут. Преобладание ячменя, отличающегося высокими питательными свойствами и наибольшей урожайностью в условиях ирригационного земледелия, характерно для многих стран Древнего Востока. Наличие колесных моделей повозок уже давно послужило основанием для предположения, что в эпоху бронзы тягловая сила животных использовалась и при обработке полей каким-либо видом примитивного деревянного плуга [Массон, 1956а, с. 246]. Сейчас это предположение нашло подтверждение: в Афганистане встречен кубок, на котором воспроизведена сцена пахоты при помощи быков, запряженных в подобный примитивный плуг [Deshayès, 1978]. Орошение, тщательная агротехника, использование тягловой силы животных делали земледелие эпохи бронзы достаточно эффективным. Причем Алтын-Депе выступает как потребитель продукции достаточно обширной сельскохозяйственной округи, хранитель этой продукции (хранилища культового комплекса и складской площади на раскопе 9) и скорее всего организатор производства в масштабах округи, взятой в целом.

В значительной мере сказанное относится и к скотоводству, продукция которого также распределялась по всем хозяйственно-жилым комплексам. Интересно, что при рассечении туш, как установила Н. М. Ермолова, разрушались крупные кости, а это нехарактерно для деятельности людей, хорошо знакомых с особенностями строения тела животного. Видимо, стада выпасали пастухи-профессионалы, знания которых были давно забыты многими потребителями. Почти повсеместно в раскопах, заложенных на Алтын-Депе, резко преобладают кости мелкого рогатого скота, почти исключительно овец; среди них много больших особей. Наоборот, костей крупного рогатого скота крайне мало, широко представлены кости старых животных, преобладают особи среднего размера. Ермолова, регулярно изучавшая в поле остеологические коллекции последних сезонов раскопок на Алтын-Депе, полагает, что крупный рогатый скот в основном содержался как молочный и для транспортных целей. Это стимулировалось и отсутствием в пустынно-тугайном ландшафте сколько-нибудь богатых выпасов, пригодных для коров. Скотоводство, ориентированное на разведение овец, начало складываться в Южном Туркменистане еще в эпоху неолита [Массон, 1976а, с. 40]. Отгонное скотоводство в сочетании с поливным, мелкооазисным земледелием было наиболее эффективной формой ведения хозяйства в эпоху бронзы в данной природной среде при тогдашнем уровне развития производительных сил и производственных возможностей самого общества. В распоряжении пастухов находилась собака, бывшая, судя по костным остаткам, достаточно крупной, с укороченной мордой и мощными челюстями. Терракотовые фигурки также воспроизводят собак плотного телосложения, с квадратным туловищем, укороченной мордой, плохо обрисованными ушами и коротким обрубком хвоста, поднятого вверх. Ермолова с полным основанием заключает, что это была овчарка с купированными ушами и хвостом, близкая таковым современного Туркменистана [1977, с. 32]. Вместе с тем на поселениях неолитических земледельцев в районе Чаачи известна лишь небольшая домашняя собака, мало отличавшаяся

своими размерами от шакала. Это свидетельствует о том, что за 3000 лет, прошедших с указанного времени, селекционеры Алтын-Депе вывели уже специализированную породу, могущую противостоять волкам и ставшую надежным помощником пастухов в выпасе стад. Вероятно, селекция коснулась и основных пород домашнего скота.

На Алтын-Депе изредка попадаются кости верблюда, видимо почти не употреблявшегося в пищу. Впервые кости верблюда были встречены еще в энеолитических слоях (Геоксюр, Анау, Елен-Депе). Ко времени Намазга IV относятся модели четырехколесных повозок с воспроизведением на их передке верблюжьих голов с характерной длинной шерстью на передней стороне шеи. Преимущественно транспортное использование верблюда подтверждает и относительная редкость находок его костей в культурном слое. Очень интересна фигура двугорбого верблюда, полученная в процессе раскопок Алтын-Депе. Н. М. Ермолова полагает, что именно области Южного Туркменистана и Северного Ирана были зоной доместикации этого животного [1976].

Судя по всему, в пределах полосы подгорных оазисов Южного Туркменистана практиковались разные варианты состава стада. Так, в энеолитических слоях северного холма Анау резко преобладают крупный рогатый скот и домашняя свинья. Возможно, значительная обводненность этого района позволяла обитателям маленького поселка с успехом разводить именно данных животных. На Алтын-Депе в слоях времени Намазга IV, вскрывавшихся на раскопе 5, отмечается несколько большее количество костей крупного рогатого скота, чем в слоях поры Намазга V. Не исключено, что указанная динамика отражает постепенное усыхание района, ведшее к сокращению травостоя. Подобная тенденция тысячелетием раньше сопровождала постепенное запустение Геоксюрского оазиса [Массон, 1976а, с. 41]. Мясной рацион обитателей Алтын-Депе дополнялся охотой. Список диких животных, ставших их добычей, достаточно велик. Это кулан, кабан, джейран, сайга, муфлон, безоаровый козел и лисица. Но предпочтением пользовался кулан, как животное, дававшее наибольшее количество мяса. Зачастую куланов добывали неподалеку от поселения и их туши доставляли туда целиком. Об этом свидетельствуют нередкие находки костей нижних частей ног, которые не шли в пищу, а при дальней транспортировке обычно отрубались и выбрасывались. В целом надо сказать, что кости животных, встреченные при раскопках Алтын-Депе, довольно многочисленны и говорят о регулярном употреблении мясной пищи.

Земледелие, скотоводство и охота были в Южном Туркменистане традиционными видами хозяйственной деятельности уже с эпохи неолита. Помимо земледелия, где начал, видимо, употребляться плуг, нет оснований говорить о сколько-нибудь существенных изменениях по сравнению с энеолитической эпохой. Другое дело — концентрация населения на Алтын-Депе требовала снабжения его жителей пищей в значительных масштабах, что, возможно, и стимулировало развитие колесного транспорта. Но главный прогресс наблюдается совсем в иных видах производственной деятельности.

Особенно значительными были достижения в металлургии, металлообработке и гончарном производстве. Можно сказать, что именно в них произошел качественный технологический перелом, во многом определивший и новое положение этих производств в системе общества в целом. Металлообработка была детально изучена Н. Н. Тереховой [1976]. Металлические изделия делались из меди, серебра, золота и различных сплавов. Отмечены три способа их изготовления. Во-первых, путем свободной ковки, которой обрабатывалась литая заготовка. Подобным образом производили шилья, иглы, проколки, булавки, браслеты. Второй способ — отливка в форме с последующей обработкой. Его применяли при выделке плоских орудий: ножей, кинжалов и тесел. Третий способ — отливка без последующей доработки (печати, булавки со скульптурным навершием, трубочки). Разнообразными были и приемы литья: в открытых формах, в закрытых формах по выплавляемым моделям и в формах со вставным стерженьком для получения пустотелых предметов. В распоряжении мастеров находились сплавы самых разнообразных видов. Так, зафиксированы медь с серебром (билон), серебро с медью, медь со свинцом при колебании свинца от 7 до 12.64%, медь со свинцом и мышьяком. В последнем случае количество свинца доходит до 7%, мышьяка — до 8%. Встречается также сплав меди с оловом и мышьяком типа оловянистых бронз, но он не получил большого распространения, возможно, из-за трудностей с получением сырья. Преобладали сплавы, часто именуемые в литературе свинцовыми и мышьяковистыми бронзами. Наиболее распространенной лигатурой был свинец.

Во всех операциях, прослеживаемых методами технологического анализа, ощущается высокий профессионализм древних мастеров, хорошо знавших свойства металлов и различных сплавов. Например, для предметов, изготовляемых с помощью ковки, они избегали брать высокосвинцовую медь, в то время как в литейных сплавах примесь свинца значительна. В результате были получены сплавы, имеющие высокие литейные свойства, используемые при производстве изделий, не рассчитанных на дополнительную кузнечную обработку, какими, кстати, были печати, создавав-

шиеся по утраченной модели с применением художественно выполненных формочек. Так выполнена превосходная печать, изображающая трехглавое фантастическое существо. Вероятно, мастера-художники, делавшие подобные предметы, объединялись в особую группу специалистов. Бурное развитие литейного производства, отделение литейного дела от кузнечного, возрастающая специализация мастеров явились технологическими предпосылками выделения металлургии и металлообработки в особое ремесло. Высказывавшиеся ранее предположения о выделении подобного ремесла в пору Намазга V [Массон, 1956а, с. 249; Кузьмина, 1966, с. 89] полностью подтвердились в результате детальных технологических исследований [Терехова, 1976, с. 19].

Аналогичную картину технологического совершенствования и возрастания специализации мы наблюдаем и в гончарном деле, детально изученном Э. В. Сайко [1972, 1977, 1978]. Прежде всего именно в пору Намазга V лепные сосуды почти полностью были заменены изделиями, сделанными с помощью гончарного круга. Способом ручной лепки изготовлялась лишь кухонная посуда с примесью в тесте дресвы, главным образом котлы и жаровни. Все же остальные сосуды (от небольших горшочков до крупных хумов) делались с помощью гончарного круга быстрого вращения. Это сразу же сказалось на их формах: сосуды приобрели более изящные очертания, тонкие стенки, порой остроребериые. В результате обновился весь состав форм глиняной посуды: стал весьма разнообразным и изысканным. Как показали наблюдения Сайко, сосуды формовали из одного куска глины при вращении глиняной массы. В ряде случаев видно, что вращение круга было прерывистым, сопровождалось толчками. В Южном Туркменистане известны два случая находки плоских керамических дисков, которые можно рассматривать как поворотную доску гончарного круга [Масимов, 1976б, с. 87]. Однако такие находки, хотя керамические изделия обычно хорошо сохраняются, крайне редки. В Алтын-Депе, несмотря на широкие раскопки на «холме ремесленников», не найдено ни одного обломка подобных дисков. Вероятно, они были в основном деревянными, что, кстати, делало весь инструмент в целом не столь тяжеловесным. Окончательный контур сосудов потом дорабатывался, излишки глины удалялись ножом. Сформованное изделие обтирали мокрой тряпкой, что после обжига давало эффект так называемого псевдоангоба. За время, шедшее на изготовление одного лепного сосуда, на гончарном круге мастер производил 10—20 сосудов высокого качества. Употребление гончарного круга резко повысило производительность труда, позволило стандартизировать ведущие формы изделий и вместе с тем требовало большего профессионализма. Гончарное дело с использованием этого инструмента окончательно превращалось в высокоспециализированную форму деятельности.

Решающие изменения происходят и в сфере теплотехники: в гончарное производство широко внедряются обжигательные печи новой конструкции, с двухъярусным расположением топки и обжигательной камеры. Как показали работы при углублении раскопа 5, где одноярусные обжигательные печи были найдены в слое 5, внедрение горнов нового типа в основном приходится на время Намазга V. Известные в значительном количестве (только на Алтын-Депе их вскрыто 25) гончарные печи Южного Туркменистана были детально проанализированы И. С. Масимовым [1973в; 1976б, с. 37 — 58]. Печи разнятся главным образом за счет устройства топочной камеры, обычно заглубленной в грунт. Ведущие варианты — печи с опорным столбом в центре топки, поддерживающим под обжигательной камеры, связанной с загрузочным устьем. Жар в обжигательную камеру поступал через отверстие в поде. Овальные в плане горны скорее всего имели перекрытие в виде ложного свода, который был известен в Южном Туркменистане по крайней мере начиная с позднего энеолита, как свидетельствуют отдельные геоксюрские гробницы, сохранившие такой свод почти полностью.

Глины, используемые гончарами Алтын-Депе, были легкоплавкими, и для их обжига совсем необязательны высокие температуры. В печах Алтын-Депе, судя по результатам анализов, обжиг происходил при температурах от 700—800 до 1000°. Главное внимание мастера-керамисты направляли на получение ровного пламени и на стабильность условий обжига, когда необходимая температура была бы выдержана по всему объему камеры. Двухъярусные горны как раз отвечали этим требованиям. Более длинное пламя способствовало догоранию топочных газов на значительном протяжении. Необычайно заглубленная топка, на которую падала основная нагрузка по переработке топлива, позволяла более равномерно распределять концентрированное тепло. Увеличивался в печах новой конструкции и объем обжигательной камеры, что соответственно увеличивало емкость печей. Горны, используемые мастерами Алтын-Депе, позволяли осуществлять более продолжительный обжиг, получать высокие и, главное, стабильные температуры. Все это значительно повышало механические качества изделий. Сами печи были однотипными по конструктивным особенностям. Их введение значительно повышало мощность керамического производства, создавало условия для массового выпуска высококачественной стандартной продукции. Вместе с тем горны со сложным теплотехническим режимом предъявляли повышенные требования

к уровню специализации гончаров. Загрузка крупной печи, обычной для Алтын-Депе, позволяла одновременно обжигать от 150 до 200 сосудов средней величины. Учитывая необходимое время на подготовку печи и изготовление потребного количества сосудов, эта процедура могла осуществляться раз в месяц. При таком положении печь в течение года обеспечивала обжиг 1600—2000 сосудов [Сайко, 1973, с. 106]. Разумеется, эти возможности полностью использовались далеко не всегда, но подобные расчеты лишний раз показывают резко возросший потенциал гончарного производства. В результате в целом происходит дальнейшая специализация мастеров-керамистов, пользующихся такими сложными и совершенными для своего времени инструментами, как гончарный круг и двухъярусные обжигательные печи. Это создавало технологические предпосылки для выделения гончарства в особое, специализированное ремесло; гончарство и металлообработка окончательно отделяются от земледелия.

Трудно судить, в какой мере сказанное происходило в других производствах, продукция которых представлена великолепными образцами, обнаруженными в ходе раскопок. В частности, такими, как сосуды, выточенные из мраморовидного известняка разных оттенков. Наблюдения Г. Ф. Коробковой еще над энеолитическими материалами показали, что в качестве сверл для работы по камню использовались кремневые орудия, типологически идентичные наконечникам стрел [1964]. Исследования, проведенные Н. Н. Скакун, подтвердили, что и на Алтын-Депе значительная часть наконечников стрел служила для аналогичной цели [1972]. Судя по характеру изделий, это было станковое сверление. С исключительным мастерством изготовлялись бусы из различных пород камня, в том числе из лазурита, сердолика, бирюзы и агата. Не исключено, что выделкой подобных украшений занимались специалисты-ювелиры, которые вытачивали также и каменные печати. О развитии ткацкого производства свидетельствуют пряслица, достаточно широко представленные во всех хозяйственно-жилых комплексах, и отпечатки тонкой шерстяной ткани, отмеченные при раскопках коллективных гробниц. Каменные и керамические [Скакун, 1977а] скребла для первичной обработки шкур указывают на наличие кожевенного дела. Дальнейшая обработка шкур, вероятно, производилась уже более тонкими, металлическими орудиями. В данной связи надо сказать, что в силу отсутствия в близлежащих горах рудных залежей металлические изделия на Алтын-Депе, хотя и составляли основу производства, крайне редко попадаются в процессе раскопок. Редки они и в погребениях. Видимо, как характерно для безрудных районов, сломанные или сработанные изделия тут же шли в переплавку. Каменные орудия применяли на грубых работах, при первичной обработке материала. Для их изготовления использовали точечно-ударную и абразивную технику [Скакун, 1977б]. Массовые определения каменных орудий, производившиеся Коробковой и Скакун, показывают, что они связаны главным образом с земледелием (зернотерки, куранты, песты), кожевенным ремеслом (скребла), изготовлением металлических изделий (точила, плитки-наковаленки, округлые гальки-молоточки). Эти орудия были ведущими в специализированных операциях, но основная тяжесть производства лежала полностью на металлических орудиях. Взятые сами по себе, каменные орудия уже не обеспечивали, в отличие от каменного века, ни одного ремесла. Но включенные в производственный цикл, в который были вовлечены и другие орудия, они играли свою, и порой немаловажную, роль. Таким образом, рассмотрение древних производств свидетельствует о развитии на Алтын-Депе разнообразных ремесел, из которых наибольший прогресс обнаруживается в металлообработке и гончарном деле. Само поселение стало местом концентрации специализированных ремесел, выполняло функцию их центра.

Различные функции поселения Алтын-Депе наложили своеобразный отпечаток и на его структуру. Оно было не просто наиболее значительным скоплением разного рода строений, их механической суммой, а обладало специфическим внутренним строением, составлявшим его качественное отличие от мелких поселков того же времени. Эта новая структура естественным образом нашла частичное отражение и в топографии Алтын-Депе как археологического памятника.

Выше уже были кратко охарактеризованы два таких элемента планировочной структуры Алтын-Депе, как фортификационные сооружения и центральная площадь. Третий важный элемент — «холм ремесленников», где, как показали раскопки, сосредоточивалась деятельность мастеров-керамистов, а также, видимо, и некоторых других специалистов. Указанное структурное подразделение явилось планировочным воплощением функции Алтын-Депе как центра ремесленного производства. Другая важная функция — религиозного центра и идеологического лидера — нашла воплощение в культовом комплексе с его монументальной архитектурой и гробницей жрецов, содержащей богатые заупокойные дары. Как показывает анализ, данный комплекс посвящен астральному божеству, лунному богу, выступающему в образе могучего быка. Следует полагать, что это было верховное божество всего поселения, в отличие от женских божеств, чьи терракотовые фигурки найдены в разных местах Алтын-Депе.

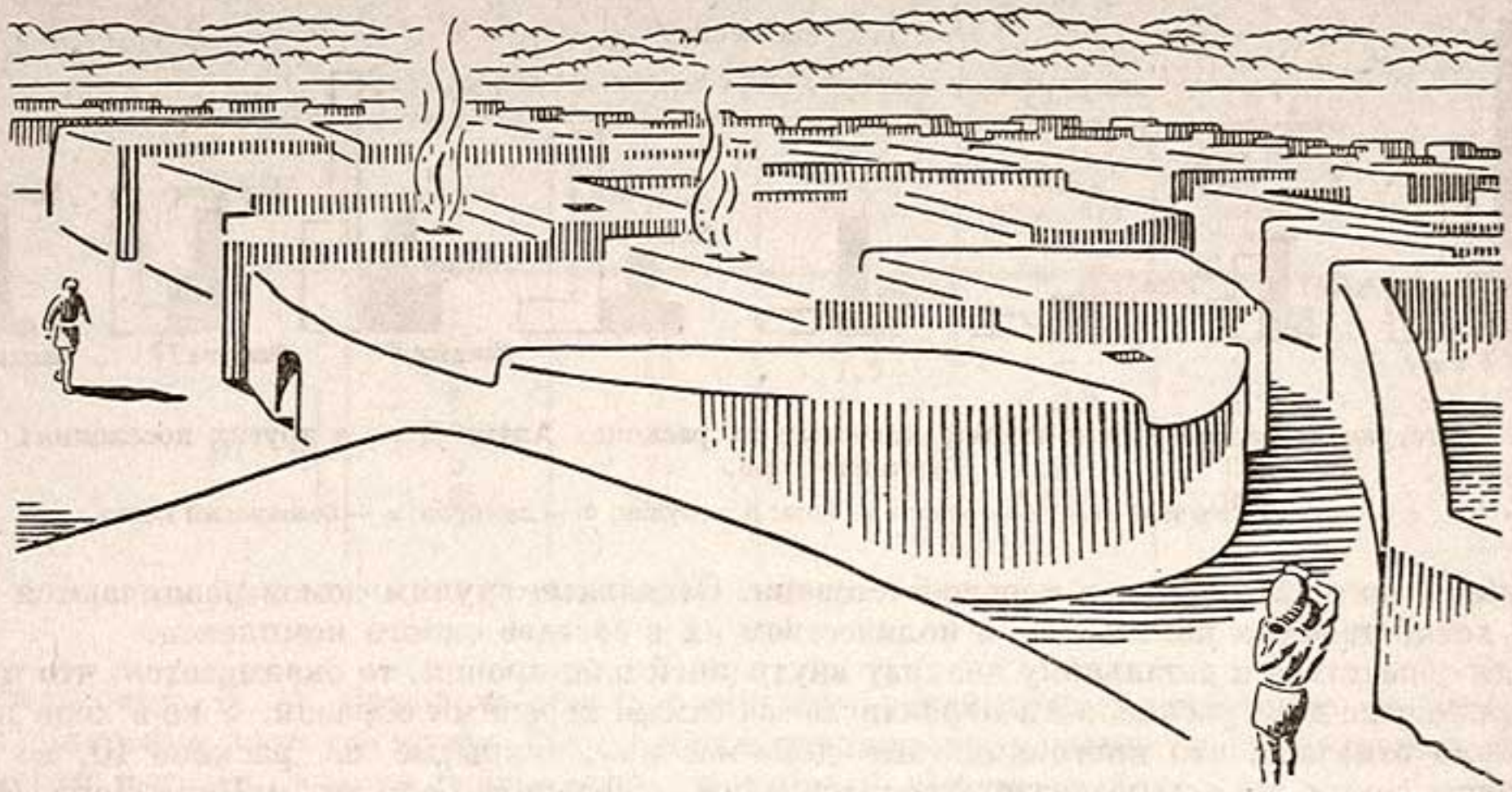

Рис. 28. Общий вид участка, вскрывавшегося на раскопе 9 со стороны улицы Имдугуд. Реконструкция В. Б. Зернова.

Вместе с тем основную часть поселения занимают хозяйственно-жилые комплексы. Наблюдаемые в них различия очень важны для характеристики общества того времени. Здесь мы явно имеем дело с сословно-престижным членением территории поселения. Выше, при описании результатов раскопок жилых кварталов, была намечена группировка вскрытых строений. К первой группе относятся постройки раскопов 8 и 10, ко второй — раскопов 5 и 13, к третьей — дома раскопа 9, в первую очередь постройки мегакомплекса Имдугуд, образующего замкнутую планировочную единицу (рис. 28). Основным компонентом во всех трех группах являются домовладения замкнутой планировки, состоящие из целого ряда помещений, объединенных системой проходов в единый комплекс, обычно с одним общим выходом на уличную артерию. Каждый из таких комплексов включает в свой состав жилые и хозяйственные комнаты; последние, судя по всему, в основном играли роль хранилищ. Кроме того, к каждому комплексу, как правило, примыкал хозяйственный участок-двор, где располагались кухонные очаги, а нередко и овальные печи-тандыры для выпечки хлеба. Находки разных инструментов показывают, что в каждом комплексе растирали зерно на муку, пряли, подправляли металлические орудия на каменных наковаленках или с помощью каменных оселков. Это дает возможность заключить, что перед нами дома коллективов, совместно проживавших под общей крышей и ведших единое хозяйство (наличие общей кухни и общего хозяйственного двора). Однако помимо общих черт есть и значительные различия, позволившие выделить группы домостроений. Прежде всего они разнятся по занимаемой площади, причем более крупные дома имеют и жилые комнаты большей площади.

В общую площадь домов, рассматриваемых в табл. 2, включены размеры хозяйственного участка-двора. Основные колебания площади наблюдаются у жилых помещений, тогда как площадь

Таблица 2

Соотношение трех групп домов по занимаемой площади (в м²)

Группа домов	Раскоп	Дом в целом	Жилые комнаты		Хозяйственные помещения	
			колебания	средняя	колебания	средняя
I	10	90	6—13	8.5	3—9	5
	8	—	5—8	6.5	2—5	3.5
II	5	40—50	9—12	10.5	—	—
	13	—	7—10	8.6	—	—
III	9	80—100	10—25	15	5—13	6.7

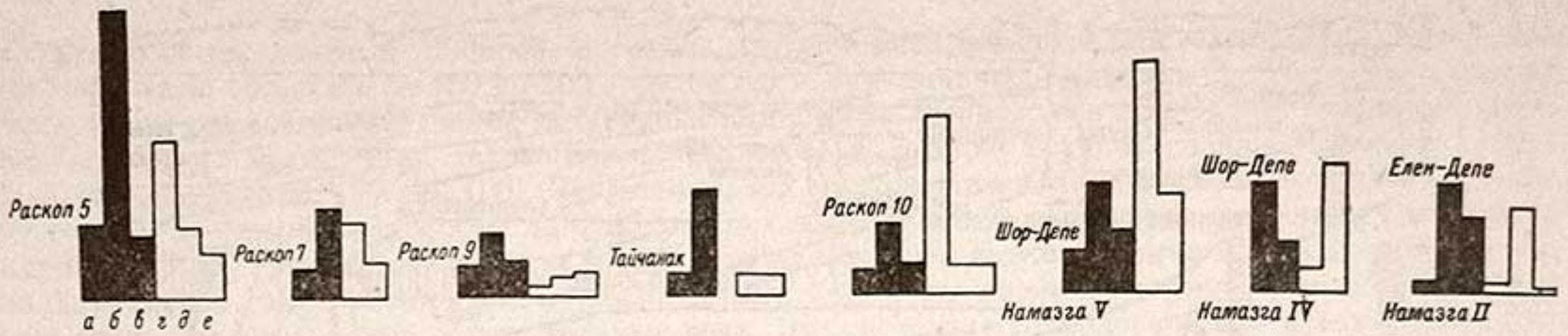

Рис. 29. Гистограммы распределения костей животных на раскопах Алтын-Депе и других поселениях Южного Туркменистана.

а — крупный рогатый скот; *б* — овца; *в* — коза; *г* — кулан; *д* — джейран; *е* — безоаровый козел.

подсобных комнат варьирует в меньшей степени. Отдельные группы домов различаются не размерами хозяйственных помещений, а количеством их в составе одного комплекса.

Если обратиться к детальному анализу внутренней планировки, то оказывается, что при одинаковой площади дома раскопов 9 и 10 различаются самым коренным образом. Уже в ходе полевых работ было отмечено, что многокомнатные дома-массивы, вскрытые на раскопе 10, во многом аналогичны таким же домам позднеэнеолитических поселений Геоксюр и Кара-Депе [Массон, 1972г, с. 527]. Более детальный анализ строений «холма ремесленников» полностью подтвердил это заключение [Масимов, 1976б, с. 91—96]. Характерной особенностью домов-массивов является наличие в них в качестве исходного планировочного элемента жилой комнаты с отопительным очагом и расположенного за ней хозяйственного помещения. Исходный блок в домах раскопа 10 занимает площадь от 10 до 18 м², в среднем — 15 м². Вместе с тем несколько таких блоков объединены в единый дом с общими кухней и хозяйственным двором. Это позволяет рассматривать дома-массивы как жилища большесемейных общин, ведущих общее хозяйство и состоящих из малых семей, каждая из которых занимала одну жилую комнату и использовала примыкающий к ней отсек для хранения личного имущества. Аналогичная картина наблюдалась и на Кара-Депе, и на Геоксюре [Массон, 1964б, с. 322—325]. Разница заключается в том, что на Кара-Депе и Геоксюре отопительные очаги в жилых комнатах имели вид овальных углублений в полу, а на Алтын-Депе они приподняты на квадратных платформах из сырцового кирпича. Судя по числу исходных планировочных блоков, в домах-массивах «холма ремесленников» могло проживать от трех до четырех малых семей.

На раскопе 5 картина уже иная. Здесь многокомнатный массив, ограниченный улочками и незастроенными участками, разделен на несколько сравнительно небольших по площади квартир, каждая из которых имеет самостоятельный выход на улицу и включает в свой состав не более двух жилых комнат. Небольшие размеры таких домов-квартир позволили прийти к заключению, что перед нами жилища малых семей, индивидуально ведущих свое хозяйство [Массон, 1968в; Кнышев, 1971]. На раскопе 9 налицо та же картина, но площадь как жилых комнат, так и самих домов здесь существенно возрастает, иным становится и качество построек. Они отличаются четкой прямоугольной планировкой, указывающей на целенаправленное, организованное строительство. Вместе с тем планировочное обособление группы больших домов раскопа 9 в мегакомплекс Имдугуд и наличие в составе последнего такого общеквартального элемента, как обширные хозяйственные участки в восточной части раскопа, позволяют заключить, что семьи, обитавшие в этих благоустроенных просторных домах, объединялись в коллектив более высокого порядка, чьи хозяйственные интересы в какой-то мере носили общий характер и чье социальное положение позволяло или предполагало вычленение их местообитания в замкнутую планировочную единицу.

Намечаются некоторые различия между обитателями домов трех групп и по питанию мясом (рис. 29). Так, на «холме ремесленников» дикие животные явно преобладают над домашними; возможно, обитатели этого участка Алтын-Депе не имели в своем распоряжении обширных стад. О существовании собственности на скот может свидетельствовать тавро, нацарапанное на бедре крупной глиняной фигурки быка. Малочисленность скота у ремесленников косвенно подтверждается и отсутствием во вскрытых здесь дворовых участках характерных слоев коричневатой рыхлой земли, связанной с содержанием скота. На раскопе 9, наоборот, такие слои отмечены, но лишь в двух пунктах: во дворе *Б* и в дворовых участках «хозяйственных тылов» на востоке квартала, что, кстати, лишний раз подчеркивает определенную хозяйственную общность обитателей мегакомплекса Имдугуд. На раскопе 9 помимо явного преобладания костей домашних животных, и в пер-

Таблица 3

Насыщенность инвентарем гробниц Алтын-Депе

Группа домов	Раскоп	Гробница	Число сосудов	Общее число бус	Число бус из полудрагоценных камней
I	10	17	0.5	—	—
II	5	13	1.5	6	0.5
III	9	9	1	5.5	0.75
	9	11	2	32	1
	9	24	1	24	0.7
	9	125	0.3	12	0.5

Примечание. В трех последних графах расчет сделан на одного погребенного.

вую очередь овцы, Н. М. Ермолова отмечает меньшую утилизацию костей, почти не раздробленных для получения костного мозга. Так же как и крупные жилые комнаты, это свидетельствует об относительно высоком уровне благосостояния жителей данного района.

Дополнительные данные для характеристики уровня благосостояния обитателей Алтын-Депе в домах трех названных групп могут дать материалы погребений, особенно коллективных усыпальниц, входивших действующей органической частью в состав хозяйственно-жилых комплексов.

Рассмотрим состав погребального инвентаря. Это в основном объекты двух функциональных групп: личные украшения и престижные символы (главным образом печати); поминальные приношения (твердая пища, сохранившаяся в виде костей животных, и жидкая — какие-либо напитки для возлияний, помещавшиеся в сосуды). Количество сосудов также могло косвенным образом указывать на состоятельность усопшего или коллектива, к которому он принадлежал. Поскольку в гробницах уже по самому характеру погребального обряда материал перемешан так, что далеко не всегда удается с достоверностью установить принадлежность отдельных объектов тому или иному усопшему, возьмем показатель среднего количества вещей на одно лицо, помещенное в такую усыпальницу (табл. 3).

К данным табл. 3 можно добавить, что в гробницах, связанных с домами второй и третьей групп, встречены также бронзовые и серебряные кольца, печати и женские терракотовые статуэтки.

Разумеется, уровень благосостояния относителен в рамках различных обществ. Например, погребения с разнообразным инвентарем, найденные на таких раннеземледельческих памятниках, как Эс-Савван, Чатал-Гуюк, на поселениях раннеземледельческой джейтунской культуры Южного Туркменистана, можно было бы трактовать как княжеские. Показательны в этом отношении изделия из золота с лазуритом. Наличие вещей, изготовленных из данных материалов, было на Древнем Востоке своего рода эталоном состоятельности. В знаменитых царских гробницах Ура из них изготовлены скульптурные композиции. В северомесопотамской Гавре предмет из золота с лазуритом более скромен — фигурка небольшого насекомого [Perkins, 1949, p. 187]. На Алтын-Депе в «погребении жрицы» (см. с. 42) мы видим лишь продолговатую бусину, снабженную золотой оковкой. Принципиальный подход и материалы те же, но масштабы богатства каждый раз различны. Для южнотуркменистанского общества бронзового века, не отличавшегося наличием особенных богатств, которые и трудно ожидать в этом безрудном и менее плодородном, чем Шумер и Египет, районе, количественные критерии богатства были иными, чем в соседних областях.

Сопоставляя табл. 2 и 3, можно сделать вывод о существовании на Алтын-Депе трех групп населения, различающихся степенью благосостояния. Это прежде всего ремесленники, жившие большесемейными общинами в домах-массивах, получавшие половину мясной пищи за счет продуктов охоты и либо вообще не имевшие личных украшений, либо не помещавшие их в могилу, что было бы для данного коллектива невозможным расточительством. Вторая группа — лица, занимавшие индивидуальные дома-квартиры, обладавшие разнообразными личными украшениями, в том числе из полудрагоценных камней: лазурита, бирюзы, сердолика и агата. Такие украшения иногда клали и в захоронения младенцев. Данную группу населения можно назвать зажиточными горожанами. Наконец, третья группа — жители обширных (по масштабам Алтын-Депе и южно-

Таблица 4

Половозрастной состав погребенных в усыпальницах

Раскоп	Гробница	Общее число погребенных	Дети	Женщины	Мужчины
10	17	7	—	4	3
9	11	11	2	5	1
9	124	11	4	5	2
9	125	6	1	4	1
7	Жреческая усыпальница	40	3	16	12

туркменистанским нормативам эпохи бронзы) и благоустроенных домов, не имевшие ограничений в мясных продуктах. Украшения женщин, принадлежавших к этой группе, весьма разнообразны: бронзовые и серебряные кольца, ожерелья, браслеты и даже наборные пояса, сделанные из бус. Это бесспорно аристократия, знатные, богатые горожане. Гробницы третьей группы населения отличаются от усыпальниц зажиточных горожан разнообразием и характером таких престижных объектов, как печати, что очень хорошо видно по материалам гробниц 124 и 125.

Определенные выводы о характере коллективов, обитавших в алтыновских домах, можно сделать и на основании половозрастного состава лиц, погребенных в коллективных усыпальницах (табл. 4). Прежде всего обращает на себя внимание отражение в погребальном обряде возрастных классов, видимо реально существовавших в обществе Алтын-Депе. Так, младенцы до 1—2 лет, как правило, хоронились в пределах хозяйственно-жилого комплекса, а не в одной гробнице со взрослыми. В ряде случаев в этих гробницах погребены дети 4—9 лет, но их число в целом незначительно. Они, вероятно, составляли особую возрастную группу, поскольку находящийся при них инвентарь отличается от инвентаря взрослых. Так, в их погребениях порой находятся сосуды с носиком, которые можно трактовать как поильники. При взрослых особях подобные сосуды не встречаются.

К сожалению, до сих пор не произведено половозрастное определение по антропологическим материалам из гробниц 13 раскопа 5 и 9 раскопа 9. Если исходить из предпосылки, что лица, помещаемые в одну гробницу, и при жизни были объединены какими-то узами, то усыпальницы раскопов 7 и 10 можно рассматривать как принадлежавшие большесемейным общинам, хотя первая функционировала явно более длительное время. Несколько необычен состав лиц в гробницах раскопа 9, где преобладают женщины и дети. Это может служить указанием на полигамию обитателей «квартала знати».

Большесемейная община могла быть основной ячейкой общества Алтын-Депе, хотя характер семей, объединявшихся разными общинами, как и степень благосостояния последних, были различными. Показательно, что в ряде гробниц (13 на раскопе 5, 9 и 11 на раскопе 9, жреческая гробница на раскопе 7, коллективная усыпальница в пом. 32 на раскопе 7) находятся единичные наконечники стрел (в основном по одному на гробницу). Не исключено, что стрела в данном случае была одним из символов того коллектива, к которому при жизни принадлежали усопшие. Лишь у некоторых из погребенных в гробницах встречены печати, носившиеся у пояса. В гробнице 13 таких печатей две, а в гробнице 9 — всего одна на 38 человек. Возможно, имели печати только лица, занимавшие в большесемейных общинах особое положение.

Нельзя абсолютизировать выводы о социальной структуре древнего общества, получаемые путем анализа археологических материалов. Это в основном общие оценки. Следует ожидать, что дальнейшие раскопки Алтын-Депе, так же как и изучение уже полученного материала, приведут к ряду уточнений и коррективов. Однако в целом выделение в составе населения трех различных групп, независимо от того, в какой мере бесспорны названия, предложенные для них, отражает реальное членение, наблюдаемое в археологических материалах. Если находки, связанные с занятиями жителей Алтын-Депе, указывают на концентрацию на поселении значительного технического и культурного потенциала, то результаты анализа хозяйственно-жилых комплексов свидетельствуют и о концентрации здесь значительного числа людей.

Раскопки, произведенные на участках, различных по функциональной значимости, позволяют предложить дифференцированную оценку числа жителей, населявших этот центр бронзового века. В настоящее время площадь оплывших руин Алтын-Депе, по данным без шлейфа, достигает 25 га. Не исключено, что поселение имело и своего рода пригороды, которые должны были бы сохраниться в виде небольших всхолмлений в окрестностях нуклеарной части памятника. Исследо-

Таблица 5

Заселенность отдельных участков Алтын-Депе

Тип участка	Площадь участков (в га)	Число жителей на 1 га	Общее число жителей
Утилитарные постройки	2		
Квартал знати (раскоп 9)	6	150—180	900—1080
Квартал зажиточных горожан (раскопы 5, 13)	10	200—240	1000—1200
Квартал ремесленников (раскопы 1, 8 и 10)	7	600—750	4200—5250
Алтын-Депе в целом	25	240—300	6100—7530

вания, проведенные в 70-х годах А. Я. Щетенко в районе Намазга-Депе, показали, что здесь находился целый ряд комплексов, располагавшихся за пределами основного всхолмления [1977]. Не исключено, что так было и на Алтын-Депе, но его окрестности эпохи бронзы ныне полностью перекрыты аллювиально-делювиальными отложениями толщиной почти 2 м.

В пределах известной нам нуклеарной части утилитарные строения — «центральная площадь», монументальная часть храмового комплекса, улочки, впрочем весьма тесные и узкие, — занимали приблизительно около 2 га. Три типа хозяйственно-жилой застройки, если принимать предложенную выше их социологическую интерпретацию, дают разную плотность заселения территории Алтын-Депе. Так, на раскопе 9 на площади около 5000 м² вскрыто семь больших домов, два малых, несколько комнаток, в которых, видимо, жили слуги, и еще части по крайней мере четырех-пяти домовладений. Это позволяет говорить об обитании в пределах мегакомплекса Имдугуд 10 семей, т. е. ориентировочно 50—60 человек, а в других домах — пяти-шести семей, т. е. 25—30 человек. При таких оценках общее число жителей вскрытого участка 75—90 человек, а плотность населения 150—180 чел./га.

На раскопе 10 на площади 1000 м² вскрыты части двух многокомнатных домов, рассматриваемых как места обитания большесемейных общин, состоящих каждая из трех-четырех семей, т. е. имевших 15—20 человек. Это свидетельствует о исключительно высокой плотности населения — 600—750 чел./га. Работы на раскопе 8 показали наличие застройки исключительно тесными клетушками. Предположительно так же была застроена и по крайней мере часть обширных домов жилых кварталов. На раскопе 5 на площади 1000 м² устанавливается наличие «квартирной» застройки, причем вычленяются четыре комплекса, принадлежавших малым семьям. Значит, число жителей данного участка составляло 20—24 человека, или 200—240 чел./га (табл. 5).

Таким образом, сосредоточение на Алтын-Депе нескольких тысяч человек не вызывает сомнений. В равной мере анализ планировки не оставляет сомнений в исключительной плотности застройки и небольшой величине строений, теснящихся на вершине холма. И наличие специализированных функций, и специфическая внутренняя структура, и реконструируемое число жителей позволяют определить Алтын-Депе как поселение городского типа, качественно отличавшееся от одновременных небольших поселков типа Тайчанак-Депе и Шор-Депе.

Проблеме определения понятия «город» в системе древнего общества посвящена большая литература. Автору этих строк уже приходилось высказывать некоторые суждения на данный счет [Массон, 1975б, 1977в, 1978а], и сейчас мы кратко резюмируем соответствующие материалы. Следует отметить большое значение исследований И. М. Дьяконова и ученых его школы, изучающих на основании письменных источников структуру древневосточного города [Дьяконов, 1973; Козырева, 1974]. Группа Р. Адамса проделала интересную работу по типологии ранних городских поселений Месопотамии и динамике их развития на основе археологических карт и учета площади, занимаемой тем или иным памятником [Adams, Nissen, 1972]. Ряд общих вопросов, касающихся древних городов, ставился на лондонской конференции, посвященной поселениям человека и урбанизации [MSU]. В последнем случае заметна тенденция рассматривать город как некий абстрактный феномен, находящийся вне конкретно-исторической среды, в своеобразном внеформационном и надформационном вакууме. В 1976 г. в Ленинграде была проведена конференция, посвященная древним городам и вопросам их типологии [Виноградов, 1978]. Тезисы докладов, представленных на конференцию, опубликованы [Древние города, 1977].

Древние города могут быть определены как крупные пункты, места концентрации населения, орудий производства, культурного потенциала, выполняющие особые регулятивные, ремесленные

и торговые функции. Роль города как пункта концентрации, имеющего специфические функции, находит прямое отражение в морфологических особенностях, характеризуемых прежде всего компактной застройкой и развитием высотной архитектуры.

Характер фортификации, одной из морфологических черт древнего города, находится в тесной связи с ролью и местом в общественном процессе военной функции, значение которой для разных обществ и разных ступеней развития было различным. Это находило прямое отражение в наличии и характере оборонительных сооружений. Что касается высотной архитектуры, то хорошо известно, что по мере сложения раннеклассового общества вырабатывались особые каноны престижных построек: дворцов и храмовых комплексов, которые, как правило, располагались именно в городских центрах. Количественное определение концентрации населения, видимо, должно вестись с учетом конкретной плотности населения для различных хозяйственных, и в первую очередь земледельческих, систем. Г. Чайлд предлагал такой значимой гранью между городом и деревней считать число жителей, равное 5000 [Childe,1950], что при обычно принимаемой плотности застройки древневосточных городов в 400—500 чел./га должно соответствовать минимум 10—12 га площади. Однако уже площадь знаменитого Кносса, явно выполнявшего целый ряд городских функций, не более 3.5 га. Невелики и поселения городского типа в ранней Малой Азии. Важным морфологическим признаком древних городов является централизованная забота о благоустройстве поселения в целом, об уличных магистралях и системе канализации, что наиболее ярко представлено в Хараппе и Мохенджо-Даро.

Но наряду с внешними, количественными показателями для определения городов весьма существенными являются внутренние, качественные, структурные изменения. Нельзя не учитывать и типологическое разнообразие, проявляющееся уже на первых этапах развития поселений городского типа и находящее отражение как в выполняемых ими функциях, так и в морфологических признаках. Представляется, что функциональная типология древних городских центров явится одним из путей, позволяющих выявить их конкретно-историческое разнообразие. Для многофункциональных центров за основу нужно взять одну или две ведущие функции. Так, могут быть выделены города — центры сельскохозяйственной округи, что характеризует их генетически наиболее раннюю функцию; существовали торгово-ремесленные города, военно-административные и культурно-идеологические центры. Вместе с тем функциональная типология городов не должна осуществляться как некая абстрактная вневременная и внеисторическая операция. Древние города — это не просто выполнители определенных функций, а сложные социальные организмы, представляющие собой составную часть всей социально-экономической системы, конкретное воплощение ее характерных особенностей, причем, как правило, в наиболее ярких и репрезентативных формах. Типология древних городов может проводиться лишь как внутриформационный анализ и исследование типологически близких обществ с учетом социальной стратификации городского населения, через посредство которого идет осуществление соответствующих функций.

Конкретно-исторический анализ показывает, что для различных социально-экономических условий характерно наличие или преобладание разных типов городских поселений и соответственно выполняемых ими функций. Положение города в системе общества находит выражение как в разном наборе функций, так и в самом их содержании. Например, организационные и социальные формы древних ремесел принципиально отличны от форм крупной машинной индустрии, воплощающей в капиталистических городах их промышленную функцию.

Имеющиеся материалы позволяют определенным образом охарактеризовать функции Алтын-Депе, свойственные раннегородским центрам. Частично эти функции были намечены при общей характеристике структуры памятника. Алтын-Депе в целом выступает как раннегородской организм с сословно-престижным членением территории, как поселение, выполняющее функции центра сельскохозяйственной округи и ремесла, а также идеологического лидера (рис. 30, см. вкл., с. 46). В меньшей мере можно говорить о развитии торговли, хотя на Алтын-Депе и доставлялись предметы из слоновой кости из области древнеиндийской цивилизации Хараппы, украшавшие быт привилегированных слоев общества. В результате межрегионального обмена регулярно поступали медная руда и лазурит. Не вполне ясен характер распределения разнообразных продуктов среди многочисленного населения Алтын-Депе. Возможно, здесь уже начинают играть известную роль и торговые отношения, основанные на использовании определенных эквивалентов. Обращает на себя внимание относительно широкое распространение на Алтын-Депе разного рода изделий из серебра, в том числе и предметов чисто утилитарного характера, как например массивное тесло. Показательно, что именно серебро играло роль денег в древней Месопотамии, где его часто хранили и даже в виде лома [Дьяконов, 1973, с. 47]. В Ларсе XX—XIX вв. до н. э. серебряные женские украшения входили в состав приданого невесты. Они имели стандартный вес и, видимо, могли играть роль денег [Козырева, 1974]. При этом самого серебра в Ларсе было мало, и нередко сумму, оцененную

в серебре, выплачивали зерном. Серебро, как отмечает Н. В. Козырева, входило в состав имущества лишь торговцев. Большинство хозяйств было натуральным; они ограничивались самообеспечением продуктами, необходимыми для проживания: мукой, маслом и шерстью. Тесные культурные и, вероятно, торговые связи общества Южного Туркменистана эпохи бронзы с Месопотамией могли способствовать установлению здесь роли серебра как формы накопления сокровищ, что объяснило бы и относительно широкое распространение серебряных изделий.

В незначительной мере проявляется на Алтын-Депе и функция укрепленного убежища. Мы уже отмечали относительно слабое развитие фортификации. Оно соответствует вообще ограниченному развитию военного дела в обществе Алтын-Депе, мирно развивавшемся на окраине тогдашнего цивилизованного мира, в стороне от политических противоречий и военного соперничества, потрясавшего Переднюю Азию. В самом деле, оружие на Алтын-Депе встречается весьма редко, а на сотнях скелетов, изученных Т. П. Кияткиной, совершенно отсутствуют следы военного травматизма.

Естественно возникает вопрос о том, каков же был характер общества, в котором существовал центр, подобный Алтын-Депе с его признаками раннегородского организма. Три охарактеризованные выше группы домов и связанных с ними гробниц отражают, как нам кажется, важные элементы социальной стратификации рассматриваемого общества. Вместе с тем встречено несколько погребений, явно выходящих за рамки той насыщенности инвентарем, которую дают эти усыпальницы. Таково «погребение жрицы» (погр. 60), где кольца были золотыми, а печать серебряной, т. е. имелись качественные отличия в характере традиционного инвентаря. Около одной персоны из погр. 60 найдено 96 бусин, среди которых 35 сделаны из золота и полудрагоценных камней, в то время как в гробницах максимальное количество таких бусин — одна на одного захороненного. Сюда же примыкают могилы пастыря (погр. 362) с престижными предметами (каменными посохом-жезлом и колонкой) и «знатной горожанки» (погр. 252) с богатым туалетным набором, состоящим из предметов, сделанных из серебра и слоновой кости. Выше уже отмечалось, что в таких могилах, видимо, хоронили лиц наиболее высоких социальных рангов, атрибуты и личные предметы которых могли затеряться в коллективных усыпальницах (см. с. 55). Возможно, местом их жительства служил мегакомплекс Имдугуд или иная подобная резиденция, а в гробницах, находящихся в пределах подобных комплексов, погребены члены семей этой городской элиты.

В пределах мегакомплекса Имдугуд имелся также ряд захоронений взрослых, лишенных погребального инвентаря и помещенных за пределами общеквартальной усыпальницы. Такое их расположение, в то время когда гробница отнюдь не была полностью заполнена, скорее всего указывает на особый социальный статус этих лиц, которых можно рассматривать как домашних рабов или слуг, находившихся практически на положении рабов. Им и их семьям могли принадлежать небольшие жилые комнатки, встречающиеся среди хозяйственных участков квартала Имдугуд.

Намечающаяся сложная социальная стратификация общества Алтын-Депе может рассматриваться как предтеча классовой структуры. Несомненно, бедность обитателей «холма ремесленников» это не бедность сама по себе, а результат определенных общественных и экономических отношений, результат способа распределения продуктов. Возможно, не случайно то обстоятельство, что обширный двор-хранилище располагался не в ремесленных пригородах, а в комплексе «квартала знати».

Организация хозяйственного и общественного функционирования такого крупного организма, как Алтын-Депе, требовала целенаправленной деятельности людей, специально занимающихся этими вопросами и опирающихся на помощь определенного персонала. Общие дела городской общины, которую образовывало население Алтын-Депе, взятое в целом, могли обсуждаться на совете старейшин, включавшем патриархов. Захоронения таких лиц преклонного возраста представлены единицами и в жреческой гробнице, и в «квартале знати». Результатом их деятельности было возведение укреплений с монументальным парадным въездом и строительство, а также заполнение общественных хранилищ, и создание монументального культового комплекса, престижного символа единства всех мелких общественных подразделений, проживавших в домах-массивах и помещавших своих усопших в коллективные усыпальницы. Храм бога луны, выступавшего в образе могучего небесного быка, был как бы визитной карточкой раннегородского организма, в рамках которого происходило становление раннеклассового общества. И кто знает, не была ли теократической форма его политического устройства.

Как и всякое явление, древний город прошел несколько стадий развития. Материалы Алтын-Депе характеризуют эволюцию городского организма, формирующегося естественным путем из общинных структур на базе оседлых земледельческо-скотоводческих обществ.

Ч. Редман в своей книге о зарождении цивилизации предлагает выделить следующие этапы общественной эволюции в среде подобных обществ: развитое земледельческое поселение, храм-

городок (temple-town) и город-государство [Redman, 1978, p. 202]. Правда, он не дает развернутой характеристики этим стадиям. Алтын-Депе явно перешагнуло рамки просто крупного земледельческого центра и, учитывая наличие культового комплекса, могло бы характеризоваться как храмовый городок, как протогородской или раннегородской организм. Следующей стадией развития можно считать город с ярко выраженными функциями политико-административного центра, город — царскую резиденцию с разнообразными атрибутами царской власти (от дворцов до гробниц с пышным погребальным ритуалом). Как правило, такими городскими центрами становятся места традиционного развития оседлоземледельческих общин, где прослеживается эволюция от первых примитивных поселков до крупных поселений с монументальной архитектурой. В Шумере это хорошо видно на примере Урука и Эреду, где первые поселки земледельцев появляются в V тыс. до н. э. Шумерская эпическая традиция даже считает, что именно в Эреду царская власть впервые спустилась на землю. В данном направлении развивалось и общество Алтын-Депе, где сложный организм тоже постепенно эволюционировал на базе раннеземледельческого поселка. Но пока неясно, как далеко зашел этот процесс. Не исключено, что низкий уровень милитаризации общества замедлял ход классовой дифференциации и формирования государства. Хорошо известно, сколь велика в становлении государства роль вождя-военачальника, его дружины, из которой вырастает подчиняющаяся царю регулярная армия. Раб-военнопленный, по свидетельству этимологии шумерских, да и ряда других древневосточных терминов, был едва ли не древнейшей и во всяком случае наиболее распространенной формой рабского состояния на ранних этапах классового общества. Пока в Намазга-Депе и Алтын-Депе можно видеть центры двух оазисов, предвестники двух городов-государств.

Материалы для аналогий раннегородскому центру, исследуемому в Южном Туркменистане, не столь уж велики. В Месопотамии стадиально близкие поселения изучены лишь в рамках монументальных храмовых комплексов, об их структуре в целом, даже о типах домов, мы практически ничего не знаем. Положение мало меняется и для периода существования первых городов-государств. Так, площадь раннединастического Ура составляет 20 га, а его население в рамках нуклеарной части, определяемой этой площадью, — 4000 человек [Wright, 1969]. Интересную параллель планировочной схеме одного из участков Алтын-Депе дает тот же Ур XX—XVIII вв. до н. э. Здесь значительная территория, на которой располагались дома состоятельных горожан, была раскопана Л. Вулли [Woolley, 1931]. И. М. Дьяконов подверг детальному анализу раскопки и сопоставил наблюдения за планировкой домов с данными клинописных документов, зачастую обнаруженных в тех же домах. Планировочная близость этого квартала Ура мегакомплексу Имдугуд несомненна. Улицы Ура имеют ширину от 2 до 3 м, а часто и 1.5 м. Некоторые отрезки, отходящие от основной магистрали, заканчиваются тупиками, главное назначение которых обеспечить подход к нескольким домам, выходящим на них (ср. улицу Зеркальную на рис. 15). Площадь домов колеблется от 60 до 100 м^2; правда, некоторые из домов, как свидетельствуют сохранившиеся лестницы, имели и вторые этажи. В состав дома входили парадная комната, внутренний дворик, небольшое святилище и подсобные хозяйственные помещения. Во дворе располагалась семейная гробница.

Юридические документы Ура и Ларсы демонстрируют выразительную картину перехода подобных строений из рук в руки, продажи домов и отдельных комнат, а также, видимо, их частей, перехода строений другим владельцам по наследству [Дьяконов, 1968, 1973; Козырева, 1974]. По данным Н. В. Козыревой, площадь дома одной семьи в Ларсе начала II тыс. до н. э. составляла от 46 до 93 м^2, а продаваемых и наследуемых комнат — 11—30 м^2. В Уре отмечен случай, когда шла продажа 2 м^2 площади. В урских документах упоминается небольшой внутренний дворик размером 9 м^2. Документы определяют и материалы, необходимые для постройки одного дома, — 4320 сырцовых кирпичей и 10 балок для крыши. Известна также стоимость строений. Так, по законам Хаммурапи за постройку дома площадью 35 м^2 следовало заплатить строителю два сикля серебра (около 16 г). Однако продажная стоимость дома или застроенного участка такой площади, например, в Ларсе сильно колебалась и иногда достигала 1 мины 56 сиклей серебра (977 г). Козырева полагает, что столь большие колебания обусловлены, в частности, и сложными кредитно-долговыми отношениями, связывавшими покупателей и продавцов.

Разумеется, нет оснований прямолинейно переносить сказанное на наш памятник, хотя он и датируется тем же временем. Показательно другое — общность архитектурно-планировочной традиции. Она, надо полагать, отражает общность потребностей (их должно было удовлетворить строительное дело), функций (их выполняли участки внутригородской застройки) и, самое главное, общность путей развития (последние в условиях культур древневосточного типа вели к сложению соответствующих канонов и трафаретов).

Глава седьмая

АЛТЫН-ДЕПЕ В КУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Археологическая культура Алтын-Депе социологически может быть охарактеризована как отражение процесса формирования раннегородских организмов в среде оседлых земледельческо-скотоводческих обществ. Однако это формирование происходило отнюдь не на пустом месте. На самом памятнике удается проследить все этапы культурной эволюции: от примитивного поселка ранних земледельцев до поселения раннегородского типа со сложной внутренней структурой. Отчетливо прослеживается и местный генезис цивилизации Алтын-Депе. Начиная по крайней мере с позднего энеолита, представленного геоксюрским вариантом анауской культуры, устанавливается четкая преемственность целого ряда культурных феноменов. Так, например, овальный очаг позднеэнеолитического святилища аналогичен такому же очагу в одном из домов «квартала знати». Весьма показательна и связь в погребальных обрядах. В эпоху бронзы на Алтын-Депе тоже распространены одиночные могилы и коллективные гробницы, хотя и не круглые в плане, а квадратные. Среди захоронений всех видов доминирует старая, позднеэнеолитическая ориентация — преимущественно на север. В пору развитой бронзы, как и в позднем энеолите, изготовлялись терракотовые коробочки со стенками, покрытыми резным геометрическим орнаментом, развивающим мотивы креста и полукреста. Таким образом, есть основания говорить о сохранении в культуре Алтын-Депе некоторых традиций энеолитической эпохи. Переработка их как за счет естественной культурной эволюции, так и за счет технологических инноваций происходит в пору ранней бронзы, характеризуемую комплексом типа Намазга IV. Л. Б. Кирчо на материалах Алтын-Депе убедительно показала, что расписная керамика ранней бронзы представляет собой прямое развитие геоксюрских традиций [1972, 1976]. Еще более наглядно такие связи прослеживаются в терракотовой скульптуре; это отмечалось и ранее на ограниченных материалах [Массон, Сариниди, 1973, с. 20—21]. Данный вывод нашел полное подтверждение после обнаружения в комплексе времени Намазга IV на Алтын-Депе терракотовых фигурок энеолитического облика. Переход от культуры ранней бронзы к комплексу типа Намазга V, как показывают материалы стратиграфических раскопов 1 и особенно 5, также произошел без особых катаклизмов. Керамика типа Намазга V хотя и лишена росписи, но на раннем этапе тесно связана по формам сосудов с керамическим комплексом ранней бронзы. Наконец, очень важно наличие прямой преемственности и в составе самого населения, создавшего материальную культуру, ныне нами изучаемую методами археологии. Антропологические находки из верхних слоев Алтын-Депе свидетельствуют о том, что здесь полностью сохраняется древний местный пласт населения восточносредиземноморского типа, хотя в отдельных случаях и может быть отмечена бóльшая грацилизация [Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 68—69; Массон, Кияткина, 1976].

Вместе с тем формирование культуры Алтын-Депе — не только локальный южнотуркменистанский феномен, характеризующий единичный случай развития раннеземледельческого общества по пути к городской цивилизации. Алтын-Депе входит в число других, стадиально близких памятников, расположенных в обширной зоне между Месопотамией и древним Индостаном. Если раньше эта зона рассматривалась как часть пояса оседлоземледельческих общин, примыкающая к древневосточным цивилизациям, то теперь новые открытия позволяют уловить внутреннее развитие обитавших в этой зоне племен. Причем оказалось, что решающие изменения происходят здесь

в III тыс. до н. э. Они позволили поставить вопрос о том, что между Месопотамией и Индией в указанное время существовали не просто первобытные племена, а формирующиеся цивилизации раннегородского типа [Массон, 1970е]. Так археологические раскопки привели к открытию новой страницы в истории Древнего Востока.

Алтын-Депе и однотипные памятники Южного Туркменистана занимали совершенно определенное место в системе культур древневосточного облика. Хронологические и типологические сопоставления, приводившиеся выше (с. 94), отнюдь не случайны: общество Алтын-Депе находилось в тесных связях и взаимодействиях с населением, оставившим рассмотренные памятники Ирана, Афганистана и Индостана. Правда, сами связи были различны и по содержанию, и по значению, и по механизму их осуществления. Например, можно с уверенностью говорить, что культуру Алтын-Депе и цивилизацию Хараппы объединяла торговля. Южнотуркменистанско-харапский культурный параллелизм четко выявился уже в ходе первых раскопок на Алтын-Депе, и тогда же был поставлен вопрос о том, что наряду с южным торговым путем морского каботажа, связывавшим Хараппу и Шумер, существовал и сухопутный торговый путь, уходивший из долины Инда на северо-восток и достигавший оседлых оазисов у южной окраины Каракумов [Массон, 1966б, с. 70; 1967г, с. 188—189; Щетенко, 1970в]. Новые исследования не только расширили набор конкретных артефактов, отражающих этот, международный для того времени продуктообмен. Было открыто и харапское поселение далеко за пределами собственно-харапской ойкумены: на среднем течении Амударьи. Мы имеем в виду поселение Шортугай, где в нижних слоях обнаружена чисто харапская керамика, не оставляющая сомнений в культурной принадлежности памятника [Frankfort, Pottier, 1978]. Вероятно, это остатки одной из факторий, расположенных на торговых путях, объединявших древние культуры и цивилизации.

Связи Алтын-Депе с месопотамским центром древних цивилизаций могут быть изучены путем анализа произведений искусства. Здесь четко прослеживаются две линии. Одна из них восходит к местным традициям энеолитической эпохи, причем особую роль играет орнаментика, восходящая к расписной посуде геоксюрского стиля. Вместе с тем общество, переживающее очевидный процесс урбанизации, происходящий в местной среде и на местной основе, использует достижения и культурные эталоны высокоразвитых центров Месопотамии. В области архитектуры это и сама идея многоступенчатой башни — зиккурата, нашедшая местное воплощение в оформлении культового центра Алтын-Депе, и оформление ворот города двумя массивными пилонами, и такой прием, как членение вертикальной глади стен монументальных строений раскрепованными пилястрами. Отдельные детали терракот нового стиля, получившего распространение на Алтын-Депе в пору развитой бронзы, имеют достаточно твердые месопотамские параллели, например крупные налепные глаза, многоярусные ожерелья на шее и пояса на бедрах, треугольник в нижней части живота, заполненный косыми насечками. Но сам новый скульптурный стиль, как и общий облик терракот, сугубо местный, отличный от образцов месопотамской пластики и перекликающийся с ними лишь отдельными деталями, органически включенными в образ местных божеств. То же самое характеризует и такое произведение торевтики Алтын-Депе, как золотая голова быка. Манера прочерчивания надбровных дуг, растопыренные уши из вставленных в основной массив головы золотых пластинок, инкрустация полудрагоценными камнями — все это уводит нас в мир шумерской теревтики начиная со знаменитых голов быков на резонаторах лир в царских гробницах Ура. Но при инкрустации использован не лазурит, как в Шумере, а бирюза. Более того, само скульптурное решение головы с массивным свинообразным пятачком продолжает местные традиции, ярко представленные мраморной фигуркой быка из слоев Кара-Депе времени Намазга III [Массон, 1960б, с. 372, рис. 24]. По сочетанию черт месопотамской традиции и местной переработки голова алтыновского быка ближе всего к таковой из одного бахрейнского храма, также лежащего за пределами шумерской метрополии [During-Caspers, 1971].

Иной характер носят взаимодействия культуры Алтын-Депе с другими центрами зоны раннегородских культур III тыс. до н. э., расположенной между Месопотамией и Индостаном. Здесь речь идет уже о взаимовлиянии и об общих закономерностях. В историческом развитии этой зоны и процессе культурогенеза, связанном с урбанизационными явлениями, сейчас намечаются два больших периода. Первый из них приходится на конец IV—первую половину III тыс. до н. э. Для него характерны расселение племен с культурой геоксюрского типа, сопровождающееся усиленным воздействием южнотуркменистанских эталонов и образцов, и мощное влияние протоэламской культуры, механизм которого служит предметом разнообразных дискуссий.

Юго-восточные связи южнотуркменистанских племен ранее рассматривались на материалах северобелуджистанского комплекса Кветта [Массон, 1960а; 1964б, с. 437], а затем Мундигака [Сарианиди, 1965, с. 49, 50]. Сейчас круг соответствующих памятников существенно расширился. Исключительный интерес представляет в этом отношении Шахри-Сохте, где наиболее ранние

материалы, лежащие непосредственно на материке, объединены в комплекс Шахри-Сохте I, подразделяемый на три горизонта [Tosi, 1969, p. 287, 288; Lamberg-Karlovsky, Tosi, 1973, p. 25, 26]. С самого начала работ итальянские исследователи обратили внимание на значительное сходство найденной в них расписной керамики с южнотуркменистанскими образцами, причем в ряде случаев это даже не сходство, а полная идентичность [Biscione, 1973]. Правда, в одних случаях говорится о сходстве с керамикой Кара-Депе, в других — с посудой геоксюрского типа. По уточненным данным М. Тоси, расписная керамика комплекса Шахри-Сохте I распределяется следующим образом: посуда местного типа — 48.1%; геоксюрского — 27; кечи-бегского типа (один из видов керамики Северного Белуджистана) — 24.7%. Распространение керамики, определяемой как геоксюрская, по слоям происходит следующим образом: горизонт 8 — 24.3%; горизонт 9 — 31.9; горизонт 10 (самый древний) — 21%. Среди опубликованных образцов этой керамики имеется один фрагмент с росписью, продолжающей традиции позднего Намазга II, представленного слоем Кара 2; часть материала обнаруживает прямые аналогии в посуде типа Кара 1А времени раннего Намазга III [Массон, 1962в, табл. XII, *12*; рис. 8, *7*, *8*; Tosi, 1969, fig. 37, *d*, *n*]. Определенную группу расписной керамики из Шахри-Сохте I, в том числе с орнаментом в виде фигур, расположенных по способу аппликации, возможно сравнить с керамикой горизонтов Алтын 9 и 10, представляющей собой поздние фазы развития посуды геоксюрского типа, отсутствующие на самом Геоксюре [Tosi, 1969,

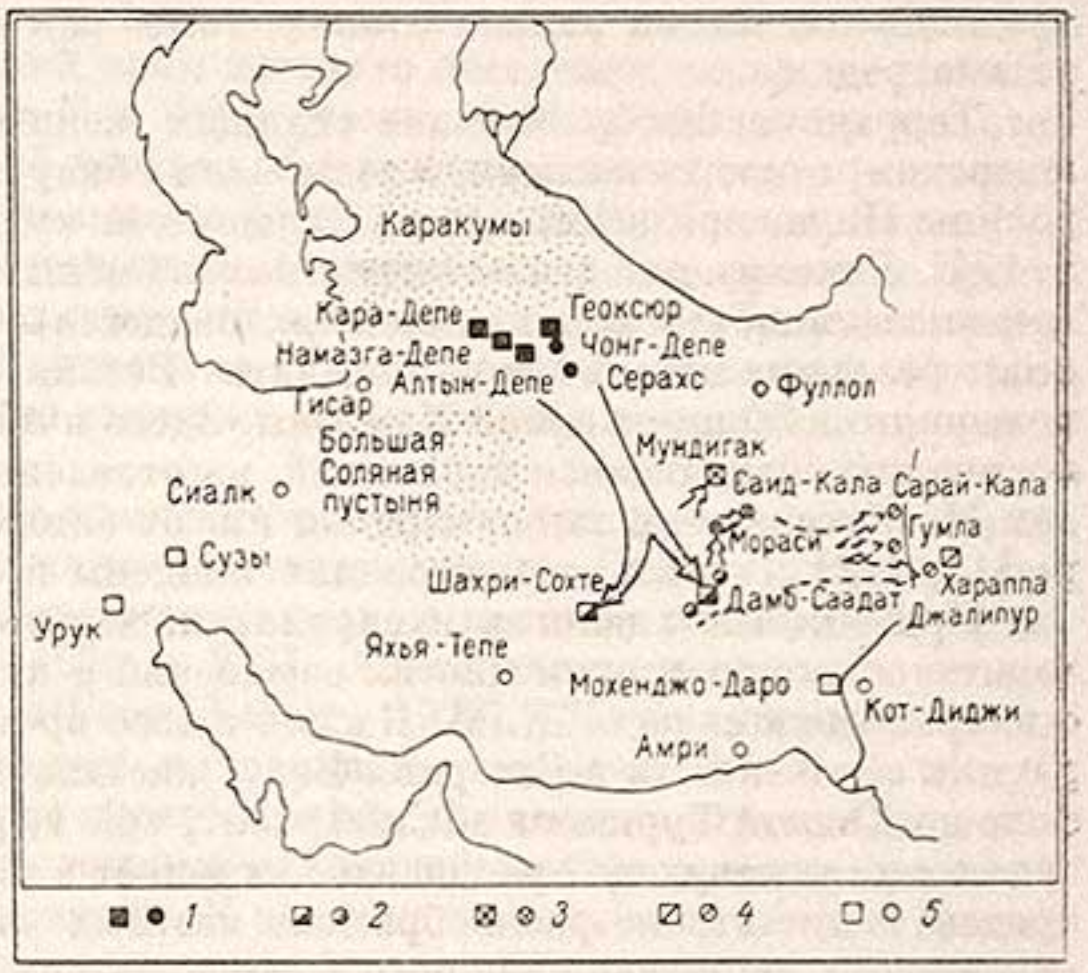

Рис. 31. Культурные влияния на Среднем Востоке в эпоху энеолита.

1 — крупные и мелкие поселения анауской культуры; *2* — поселения со значительными анаускими культурными элементами; *3* — поселения с редкими анаускими культурными элементами; *4* — поселения с единичными анаускими культурными элементами; *5* — прочие археологические памятники.

fig. 37, *k*]. Не исключено, что более детальное и послойное рассмотрение керамики Шахри-Сохте I позволит установить и происхождение из разных стратиграфических горизонтов. Таким образом, керамика южнотуркменистанского круга в нижних слоях Шахри-Сохте может быть сопоставлена в основном с комплексами времени Намазга III, причем как западной, так и восточной культурных провинций. Находки в более верхних слоях Шахри-Сохте женских глиняных фигурок, явно следующих традициям геоксюрско-кара-депинской пластики [ibid., p. 360, fig. 37] и в этом отношении близких терракотам Намазга IV, позволяют заключить, что соответствующий культурный параллелизм не ограничивался одной лишь расписной посудой.

Керамический комплекс Кветты в своей геометрической орнаментации несет следы отчетливых воздействий со стороны южнотуркменистанской керамики времени Намазга III и IV, что уже отмечалось в литературе, а сейчас нашло широкое признание среди специалистов. По ориентировочным подсчетам, такие аналогии могут быть прослежены почти в 25% типов орнаментации, а параллели женским терракотам и печатям подчеркивают сильный и неслучайный характер южнотуркменистанских связей. Таким образом, Шахри-Сохте и группа памятников в районе Кветты обнаруживают наиболее значительные связи с культурой южнотуркменистанских племен (рис. 31).

Менее разнообразные, но также довольно отчетливые параллели прослеживаются по материалам южноафганистанских памятников: Мундигак, Дех-Мораси-Гхундай и Саид-Кала. В комплексе Мундигак III в расписной керамике имеются орнаменты, явно связанные с керамикой типа Кара 1А [Массон, 1960а, табл. XXII, XXX, *1*; Casal, 1961, vol. 2, fig. 54, 65, 69], а также с традициями Алтына 8 и 9, что соответствует времени комплекса Намазга III, а частично Намазга IV. В слое Мундигак IV, 1 есть фрагмент с изображением пятнистого барса (типичный мотив керамики позднего Намазга III в кара-депинском варианте). Вместе с тем здесь представлена и посуда кветтского стиля, находящая явные аналогии в южнотуркменистанской керамике раннего Намазга IV [Casal, 1961, vol. 2, fig. 77, 269]. Рельефные каменные сосуды слоя Мундигак IV развивают в целом ту же орнаментальную традицию. Примечательно наличие в слое Мундигак III и коллективных захоро-

ений. Но гробницы Мундигака в отличие от позднеэнеолитических усыпальниц Геоксюра и Алтын-Депе не овальные в плане, а прямоугольные и сближаются в этом отношении с гробницами Кара-Депе.

Судя даже по предварительной информации о раскопках Саид-Калы, здесь представлена орнаментированная керамика, имеющая прямые аналогии в комплексах Алтына 8 и 9, причем эти параллели приходятся на два керамических типа: тип мораси, рассматриваемый как местный, и тип кветта, трактуемый как импортный. Судя по тексту отчета, керамика типа кветта представлена на протяжении всей культурной толщи Саид-Калы, имеющей мощность 7.5 м. Показательно большое число женских статуэток, найденных в нижнем слое и имеющих, по словам Дж. Шефера, прямые среднеазиатские параллели [Shaffer, 1971, p. 93, 102]. Обилие женских терракот как раз отличает южнотуркменистанские поселения от синхронных памятников Ирана, и большое количество названных фигурок в нижних слоях свидетельствует о значительном проявлении среднеазиатской традиции именно на ранних этапах, тогда как позднее женские терракоты в Саид-Кале относительно редки.

Терракоты, изображающие сидящих женщин и явно выполненные в среднеазиатском (геоксюрском) стиле, в последние годы были обнаружены на ряде раннеземледельческих памятников долины Инда, предшествующих харапской культуре [Dani, 1970—1971; Dales, 1972b, Abb. 83, S. 174]. Локализация данных памятников именно в северной зоне, т. е. в территориальной близости к южноафганистанским комплексам, свидетельствует в пользу того, что за такими аналогиями стоят реальные исторические контакты. Весьма примечательна стратиграфия Джалипура, расположенного в 50 км от самой Харапы. Здесь в нижних слоях представлена грубая лепная посуда, постепенно сменяющаяся керамикой, изготовленной с помощью гончарного круга, причем, по словам М. Мугала, отдельные черепки имеют ближайшие аналогии в Мундигаке III [Mughal, 1974, p. 111, 112]. В этих же наслоениях найдены и терракоты геоксюрского типа.

Приведенные аналогии и параллели, детальный разбор которых несколько затруднен предварительным характером многих сообщений и публикаций, прежде всего могут свидетельствовать о направлении связей. Ж.-М. Касаль в свое время активно выступил с гипотезой о сложении керамики стиля кветта в Северном Белуджистане на основе традиций Суз и распространении ее отсюда до Южной Туркмении [Casal, 1961, vol. 1, p. 100, 115]. Однако легко можно видеть, что посуда с соответствующей росписью составляет в памятниках Среднего Востока лишь определенный процент в достаточно разнообразных местных комплексах, причем процент, убывающий по мере удаления от территории Южного Туркменистана. То же следует сказать и о терракотах. В районе Кветты и Саид-Калы наряду со статуэтками геоксюрского и кара-депинского типов имеется и резко отличная от них терракота, в частности статуэтки так называемого зхобского типа, иконографическое решение которых принципиально отлично. В южнотуркменистанских памятниках именно керамика с геометрической росписью, получившей в Северном Белуджистане наименование «стиль кветта», и местная терракота составляют основной комплекс. При наличии культурных связей Южного Туркменистана с Месопотамией и Ираном [Массон, 1964б, с. 423, 433; Сариниди, 1965, с. 48—50] местное население Кара-Депе, Геоксюра и Алтын-Депе по целому ряду показателей продолжает предшествующие традиции. Керамика и геоксюрского типа, и кара-депинского как керамический комплекс представляет собой единое, законченное явление, в котором лишь отдельные элементы или мотивы (а отнюдь не стиль в целом) могут быть связаны с внетуркменистанской традицией.

Все сказанное позволяет считать Южный Туркменистан одним из центров активных культурных влияний (рис. 31), скорее всего связанных с прямым расселением племен на Среднем Востоке в конце IV—первой половине III тыс. до н. э., — точка зрения, к которой сейчас склоняется значительное число исследователей [Biscione, 1973; Dales, 1973; Lamberg-Karlovsky, Tosi, 1973]. Поскольку эти воздействия достигают особой силы в Шахри-Сохте и кветтской группе, следует полагать, что именно таково было основное направление движения. Мощная его струя в несколько ослабленной степени достигает Мундигака III, где соответствующие традиции продолжают бытовать и в пору Мундигака IV, частично стимулированные контактами с кветтской группой раннеземледельческих племен. И лишь отдельные импульсы заметны в северной части долины Инда, сказываясь на типах терракот. Таким образом, культура позднеэнеолитического Туркменистана сыграла важную роль в формировании того субстрата, на котором складываются раннегородские культуры Средней Азии и Среднего Востока. Даже в долине Инда (в северной ее части), где в первой половине III тыс. до н. э. интенсивно развивается культура ранних земледельцев, составившая исходный пласт харапской цивилизации, мы находим явственные следы южнотуркменистанских воздействий. Геоксюрский пласт был одним из важнейших компонентов в культурогенезе, протекавшем в этой части древневосточной ойкумены.

Другой важный фактор указанного процесса связан с кругом культурных явлений, определяемых как комплекс протоэламского типа. Его характерный признак — наличие глиняных табличек с протоэламскими текстами, цилиндрических печатей и керамики, явно развивающих традиции, наиболее ярко представленные в месопотамском комплексе Джемдет-Наср. Впервые за пределами Элама этот комплекс был открыт в Сиалке, где получил наименование Сиалк IV и перекрывал поселение местной культуры Сиалк III, подчеркивая явный перерыв в культурной традиции [Ghirshman, 1939]. Теперь число таких комплексов значительно возросло, что хорошо видно по сводке, составленной К. Ламберг-Карловским [Lamberg-Karlovsky, 1978]. В Северо-Западном Иране он был открыт на поселении Годин V. Не менее интересны раскопки поселения Тали-Малиан около Шираза, которое исследователи склонны отождествлять с древним Аншаном эламских текстов. Одна табличка протоэламского типа была найдена в нижних слоях Шахри-Сохте. Наибольшую известность получили результаты раскопок Ламберг-Карловского на поселении Яхья-Тепе в Юго-Восточном Иране. Оно расположено на юге остана Керман в долине одной из небольших речек к северо-востоку от г. Доулетабад. Оплывший холм древнего поселения высок, но невелик по площади: около 1.5 га. Его нижние слои (Яхья V и VI) содержат остатки типичного для этой зоны раннеземледельческого поселения с расписной керамикой и рано начинающимся производством мышьяковистой бронзы, стимулированным наличием рудных залежей. В слое Яхья IVC наряду с сохранением некоторых местных видов керамики появляются отчетливые признаки протоэламского комплекса. Здесь на полу раскапываемых строений найдены глиняные таблички с протоэламскими текстами, цилиндрические печати и их оттиски, а также керамика, явно развивающая джемдет-насрские традиции. Яркость материалов не вызывает ни малейших сомнений в их археологической достоверности.

Столь широкое распространение протоэламских комплексов, естественно, не могло не вызвать стремление как-то объяснить это явление. Г. Чайлд на основании материалов Сиалка высказал мнение, ставшее традиционным, о том, что эламитяне «заняли ключевую позицию на торговом пути, с тем чтобы контролировать торговлю лазуритом» [1956, с. 295]. Аналогичную гипотезу «торговой фактории» используют и открыватели Година V [Weiss, Young, 1975]. Иную позицию занял К. Ламберг-Карловский, выступивший с развернутой концепцией, намечающей новый подхо к проблеме в целом. Он считает, что распространение протоэламских комплексов отражает процесс интеграции, связанный с экономическими и политическими взаимодействиями между общинами, находящимися друг от друга на значительном расстоянии. К тому же он полагает, что интеграция этих взаимодействий координировалась эламским государством, сложившимся на юго-западе Ирана, в Хузестане [Lamberg-Karlovsky, 1978, p. 118]. Ламберг-Карловского помимо стремления к широким историческим обобщениям привлекает тенденция к рассмотрению именно процессов культурогенеза, которые в отличие от многих других исторических явлений находят прямое отражение в археологических материалах. В равной мере понятие культурной интеграции для обществ, находящихся на высокой ступени развития, служит по крайней мере столь же перспективным истолкованием, как и традиционные — диффузия или миграция. Однако социологическая прямолинейность, конечно, излишне увлекает автора. Использование культурных эталонов, выработанных в метрополии, обществами, достигшими соответствующего уровня социально-экономического развития, — достаточно хорошо известный факт. Однако механизм распространения этих эталонов может быть самым различным, включая в том числе странствующих торговцев, обычно объединявшихся на Древнем Востоке в полуторговые, полувоенные караваны. Кроме того, между появлением протоэламских комплексов, скажем, в Сиалке и Яхья-Тепе имеется принципиальная разница. В первом случае налицо перерыв культурных традиций, прилив инокультурного населения. Во втором — получают распространение культурные эталоны, выработанные в той же культурной, а возможно, и этнической среде, поскольку тяготение южноиранских комплексов расписной керамики к сузианским традициям общеизвестно. Разумеется, нельзя серьезно говорить о какой-то особой роли в данном процессе эламского государства. Это безусловная модернизация, так как Элам долгое время состоял из мелких враждующих городов-государств, которые, несмотря на значительное культурное единство, не образовывали вплоть до XXII в. до н. э. сколько-нибудь прочного политического целого. Модернизировать деятельность первых островков классового общества, вырастающих из недр первобытной эпохи, нет никаких оснований.

Вместе с тем факт широкого воздействия протоэламской культуры на общины Иранского нагорья налицо, и это воздействие безусловно создавало определенные предпосылки культурной интеграции. По масштабам и значению оно напоминает влияние убейдской культуры, охватившее в IV тыс. до н. э. Северную Месопотамию и распространившееся далее на северо-запад и в какой-то мере на северо-восток [Массон, 1964б, с. 410—415]. Сущность этих явлений была, видимо, близка в первичных очагах цивилизации: Шумере и Эламе, причем частично в процессе шумерско-элам-

ского взаимодействия были выработаны культурные эталоны, ставшие моделями и образцами для общин, проходящих, хотя и, быть может, более замедленными темпами, сходный путь социально-экономического развития. Механизм же распространения эталонов мог быть и, очевидно, был в действительности весьма различен: от прямого расселения самих эламитян, в число которых могли входить и торговцы-тамкары, до подражания и следования господствующим модам эпохи. Показательно, что протоэламская табличка в нижних горизонтах Шахри-Сохте находится совершенно в ином культурном контексте, чем подобные таблички в слое Яхья IVC. Основная масса глиняной посуды Шахри-Сохте принадлежит к продукции, традиционной для белуджистанских общин, и к ней добавляется керамическая традиция, принесенная южнотуркменистанскими иммигрантами.

В условиях воздействия двух мощных культурных импульсов — протоэламского и геоксюрского — и происходило развитие урбанистических тенденций на Среднем Востоке в первой половине III тыс. до н. э. В значительной мере это были предпосылки к урбанизации; среди них следует назвать концентрацию населения, нашедшую отражение в появлении крупных населенных пунктов — центров оазисов и отдельных областей, и специализацию деятельности, получившую яркое отражение в специализации производств. В Южном Туркменистане именно в пору позднего энеолита происходит завершение формирования Намазга-Депе и Алтын-Депе как крупных населенных центров. Как мы видели, в южной части Алтын-Депе слои с геоксюрской керамикой расположены прямо на материке, отражая значительный рост поселения. На его северной окраине открыта керамическая печь этого же времени, но трудно сказать, в какой мере здесь сформировался особый центр мастеров-керамистов. На Шахри-Сохте, в Систане, также происходит неуклонное увеличение обжитой территории. Исследователи определяют его площадь в период I — 15.5 га, период II (2800—2500) — 45 га, период III (2400—2100) — 80 га. На поселении Руди-Биябан 2, расположенном в 29 км от Шахри-Сохте, отмечена концентрация керамических горнов: их там обнаружено около 50. Вместе с тем гончарный круг быстрого вращения широко внедряется на Шахри-Сохте лишь во второй половине III тыс. до н. э., приблизительно в то же время, что и в Южном Туркменистане. Важным видом специализированной деятельности становится обработка лазурита и бирюзы [Tosi, Piperno, 1973]. Сложнее обстоит дело с социологической интерпретацией небольшого Яхья-Тепе, хотя на нем встречены следы таких видов специализированной деятельности, как массовое производство художественных резных сосудов из мыльного камня [Lamberg-Karlovsky C. C. and M., 1971, p. 106—111; Kohl, 1975]. Однако по своим размерам Яхья-Тепе едва ли может быть названо пунктом концентрации населения в отличие от расположенного севернее Тали-Иблиса, который, очевидно, тогда и был центром всего Кермана. Интересно, что в ближайшей округе Яхья-Тепе именно в период IVC, в пору появления протоэламского комплекса, забрасываются все ранее существовавшие здесь оседлоземледельческие поселения [Vidali M. L. and E., Lamberg-Karlovsky, 1976, p. 250].

Остается кратко остановиться на вопросе о движущих силах намечающихся урбанистических процессов. Американские исследователи склонны приписывать особое значение древней торговле. Например, К. Ламберг-Карловский прямо пишет сначала в общей форме, что торговля — один из главных стимулов развития городской цивилизации, а затем уже конкретно, что именно торговля между бедной ресурсами Месопотамией и населением отдаленных частей Ирана явилась экономической основой урбанистического развития Яхья-Тепе [Lamberg-Karlovsky C. C. and M., 1971, p. 111]. С нашей точки зрения, подобная «торговая модель», кстати весьма популярная в среде западных исследователей, в применении к столь ранним обществам является модернизацией и преувеличением. Так называемая торговля велась без всеобщего эквивалента и затрагивала лишь ограниченную сферу тогдашних производств, направленных на удовлетворение потребностей зажиточной верхушки общества, а иногда вообще ограничивалась транспортировкой сырья. Для стран Среднего Востока главной предпосылкой развития урбанизированных культур в III тыс. до н. э. было наличие сбалансированной экономики получения продуктов питания, как правило дававшей значительный и устойчивый прибавочный продукт в условиях различных форм поливного земледелия. Именно эта экономика создавала базу, а при усложнении регулируемых циклов производства в масштабах одной оросительной системы — и предпосылки для концентрации населения, формирования крупных центров, своеобразных раннеземледельческих столиц. В свою очередь концентрация населения вела к возникновению дополнительных потребностей в продуктах специализированных производств, условия для технологического прогресса которых, являющегося результатом специализированной деятельности, создавало то же самое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Безусловно, развитие систематического обмена, перерастающего в регулярную торговлю, играло свою роль, особенно в распространении культурных эталонов, но ее чисто экономическое значение было для раннеземледельческих общин Иранского плато в отличие от ситуации, сложившейся в Передней Азии во II тыс. до н. э., еще невелико.

Во второй период развития урбанизированных культур на Среднем Востоке (вторая половина III тыс. до н. э.) ситуация существенным образом меняется. Постепенное угасание в это время Яхья-Тепе отражает падение роли эламского импульса в процессах культурогенеза. Возможно, этому в немалой степени способствовало ослабление самой эламской метрополии, попадающей в прямую политическую и культурную зависимость от Аккада. Большинство происходящих из Элама надписей XXIV—XXIII вв. до н. э. выполнено на аккадском языке. Некоторое развитие наблюдается в Систане, но к концу периода Шахри-Сохте как крупный населенный центр приходит в запустение. Наоборот, интенсивное развитие наблюдается на северо-востоке Ирана и в Южном Туркменистане, о чем свидетельствуют результаты исследований Тюренг-Тепе, Гисара и в первую очередь — Алтын-Депе. Здесь повсюду происходит интенсивное развитие ремесел, особенно металлургии и гончарства, идет процесс социальной дифференциации, усложняется структура крупных населенных центров, на которых появляются памятники монументальной архитектуры. С точки зрения культурогенеза, урбанизированная культура Алтын-Депе представляет собой естественное развитие позднеэнеолитических геоксюрских традиций с изменениями, отражающими технологический прогресс. Традиционным для Южного Туркменистана было сохранение иранских связей, так же как и использование отдельных культурных стандартов месопотамско-эламского мира. Новую черту составляют связи с харапской цивилизацией, но они в целом не сыграли большой роли. Самобытный облик культуры Алтын-Депе является археологическим отражением полицентрического процесса формирования раннегородских обществ в среде оседлоземледельческих племен Среднего Востока.

Материалы, полученные в ходе раскопок Алтын-Депе, позволяют также поставить вопрос об этнической принадлежности создателей этой высокоразвитой культуры. В данном отношении особую роль играет находка на нашем памятнике двух печатей протоиндийского типа: одной — с изображением свастики, другой — с двумя знаками. Изображения не оставляют сомнений в принадлежности печатей к кругу аналогичных предметов протоиндийского типа. Так, печати со свастикой, заполняющей все поле, имеются среди находок на Мохенджо-Даро. Что же касается второй печати, то вырезанные на ней знаки типичны для протоиндийской письменности и зафиксированы в каталоге знаков, составленном еще по материалам Мохенджо-Даро, под № 15 и 96 [Marshall, 1931, vol. 3, p. 374, 434—439, pl. CXIV, *500—515*]. Правда, надпись, состоящая именно из двух этих знаков, в материалах Индостана не отмечена, но в целом двузначные легенды там довольно часты. Если следовать варианту дешифровки, предлагаемому Н. В. Гуровым [1971], то в знаках на алтыновской печати можно видеть класс жертвенных надписей, где ⋎ — «рука», «пригоршня», «жертвенная дань», а ⋔ — имя божества. По устному сообщению Гурова, надпись Алтын-Депе можно читать как «великий бог». Разумеется, поскольку пока нет общепринятой дешифровки протоиндийских текстов, это лишь один из возможных вариантов истолкования нашей надписи [Krishnarao, 1973; Rao, 1973a]. Форма алтыновских печатей с ушком на тыльной стороне и их размеры характерны для харапской глиптики, где их величина варьирует в пределах 15—25 мм. Несколько необычно для харапской глиптики отсутствие на печати со знаками сопровождающего изображения, но печати, в том числе и квадратной формы с одними только легендами, также известны в материалах Индии, хотя и сравнительно редки [Marshall, 1931, vol. 3, pl. CXIV, *471—477, 479—482*].

В одной из последних сводок учтено 2469 объектов с протоиндийскими надписями, в большинстве своем печатей [Mahadevan, Visvanathan, 1973, p. 292]. Их распределение весьма показательно. Наиболее многочисленны они в двух древних столицах: 1390 — в Мохенджо-Даро и 891 — в Харапе. Далее следуют города второго порядка, центры древних провинций: Чанху-Даро (67), Лотхал (54) и Калибанган (37). Наконец, от одной до трех находок сделано на шести мелких памятниках Индии и Пакистана и 12 — в разных месопотамских центрах (Ур, Киш, Телль-Асмар). В этом отношении Алтын-Депе как новый пункт находок надписей протоиндийского типа представляет особый интерес.

Открытие на Алтын-Депе печатей протоиндийского типа не только подтверждает тезис об устойчивых связях Индостана и Южного Туркменистана в эпоху бронзы. Благодаря находке печати именно с пиктографическим текстом привлекает внимание еще один аспект этой проблемы.

Печать протоиндийского типа, имеющая эффектное изображение животного, сопровождаемое пиктографическим текстом, могла играть культовую роль в странах, соседних с Индостаном, уже в силу наличия данного изображения. В случае же находки печати с одной лишь надписью встает вопрос о возможном использовании заключенной в ней информации, т. е. умении эту надпись читать. Сами по себе печати с выступами на оборотной стороне и различными изображениями на лицевой довольно обычны для культуры Южной Туркмении времени Намазга V. Среди них есть и печати квадратной формы, но ни на одной не было надписей. Нам представляется, что находка на

Алтын-Депе печатей протоиндийского типа, в том числе с протоиндийским текстом, заставляет обратиться к проблеме этнической принадлежности местного населения эпох энеолита и бронзы.

Хотя в настоящее время еще нет общепризнанной системы дешифровки протоиндийских текстов, наиболее вероятна точка зрения о принадлежности языка к протодравидскому типу. Высказанная весьма давно, эта концепция находит подтверждение в ходе изучения текстов с помощью различных методов, включая позиционно-статистический анализ [Предварительное сообщение, 1965; Сообщение, 1972, 1973; Parpalo, Koshnniemi e. a., 1969]. В пользу такого заключения говорят и историко-лингвистические материалы. К их числу принадлежит точно установленный факт роли дравидского субстрата в индоарийских языках, где соответствующее воздействие прослеживается и в словарном запасе, и в фонетике, и в морфологии, и в синтаксисе [Воробьев-Десятовский, 1956а]. Целый ряд данных позволяет заключить, что в древности дравидские языки были распространены на сравнительно широкой территории. Свидетельством этого, в частности, является наличие в Северном Белуджистане племен брагуи (или брауи), говорящих на языке дравидской группы. Бóльшая часть брагуи живет на территории Пакистана, но они встречаются также в Афганистане, Иране и даже среди белуджей в Туркмении [Андронов, 1971, с. 9—11]. Брагуи наиболее древнего происхождения обитают в районе Келата Северного Белуджистана, а само их название семантически хорошо раскрывается как «северные горцы», «люди северных гор». В настоящее время брагуи живут вперемежку с белуджами. Культура и быт обеих групп весьма близки, и в целом брагуи представляют своего рода этнолингвистический реликт, исчезающий в ходе ассимилирующих воздействий ирано- и индоязычного населения. Имеются сведения о том, что часть населения Систана еще несколько столетий назад говорила на дравидском языке, родственном языку брагуи, но затем этот язык был утрачен [Воробьев-Десятовский, 1956а, с. 101].

Важное значение для определения древней территории распространения дравидских языков имеет давно установленный факт их связи с языками угро-финской группы. Предполагалось даже, что в основе ее лежало генетическое родство, но большинство исследователей склоняются к заключению, что это — свидетельство более отдаленных связей [Андронов, 1969, с. 312—320]. Во всяком случае С. П. Толстов на данном основании вполне обоснованно ставил вопрос о наличии в доиндоиранскую эпоху, по крайней мере в IV—III тыс. до н. э., дравидских или родственных дравидским племен «в непосредственном соседстве со Средней Азией, в условиях широких возможностей культурного контакта с народами Аральского бассейна» [1948, с. 350]. Для распространенной в это время в Хорезме неолитической кельтеминарской культуры характерны как раз сильные взаимосвязи с культурами Урала и Западной Сибири. В литературе даже ставится вопрос о существовании в IV—III тыс. до н. э. огромной культурной общности, охватывавшей Приаралье, Урал и юг Западной Сибири и оставленной группами родственных племен, бывших скорее всего предками угорского населения.

Исключительный интерес представляют разработки по глоттохронологии дравидских языков, осуществленные М. С. Андроновым [1964, 1965]. Лексико-статистический анализ привел его к заключению, что распад протодравидского языка имел место в начале IV тыс. до н. э., когда на северо-западе Индостана обособился язык брагуи, а при дальнейшем продвижении в глубь субконтинента происходило отделение других языковых групп. Угро-финские связи дравидских языков позволяют говорить о распространении последних в Индостане именно с севера на юг, что и принято за основу в карте, составленной Андроновым.

Обращает на себя внимание определенное совпадение этой схемы с этапами распространения в Индостане культур раннеземледельческого облика, широко использующих расписную керамику [Массон, 1964б, с. 246 сл.; Fairservis, 1971, p. 111 sq.]. В горных областях Северного Белуджистана поселения оседлых земледельцев широко представлены в IV тыс. до н. э. (не к ним ли выходит этноним *брагуи* — «люди северных гор»?). В первой половине III тыс. до н. э. раннеземледельческие племена уже сравнительно широко осваивают долину Инда, где во второй половине этого тысячелетия складывается харапская цивилизация. Наряду с местными элементами и формированием яркого самобытного облика индостанских культур (В. Фэйрсервис называет данный процесс «индианизацией») иранско-среднеазиатские связи в соответствующих комплексах бесспорны. Их появление скорее всего связано с передвижением племенных групп из областей Сиалка—Гисара (Центральный и Северный Иран), Кара-Депе и Геоксюра (Южная Туркмения), особенно заметным в конце IV—начале III тыс. до н. э. В середине II тыс. до н. э. в Центральной Индии формируется несколько комплексов оседлых земледельцев с расписной керамикой, в культуре которых сочетаются традиции местного пласта неолитических охотников и собирателей и такие инновации, как земледелие, металлургия, расписная посуда на гончарном круге, явно связанные с воздействиями харапской цивилизации [Щетенко, 1968в]. Механизм этих воздействий изучен слабо, но они вполне могли быть обусловлены и перемещениями этнических групп. В свою очередь централь-

ноиндийские комплексы оседлых земледельцев оказали влияние на формирование в I тыс. до н. э. на юге Индии так называемой культуры мегалитов. При некоторых хронологических несоответствиях совпадение общей тенденции распространения с севера на юг оседлоземледельческих комплексов, устанавливаемой по данным археологии, и расселения дравидоязычных племен, определяемого лексико-статистическим анализом, не может не обратить на себя внимания.

Известен ряд попыток сопоставления тех или иных археологических комплексов и культур с дравидоязычным населением древней эпохи. Но преобладает точка зрения о принадлежности к протодравидам жителей Хараппы [Ганковский, 1964, с. 28—32; Бонгард-Левин, Ильин, 1969, с. 297] и предположительно — некоторых энеолитических племен более южных областей. Иногда делаются попытки и уточненного определения положения протодравидов в обширном массиве населения Северо-Западного Индостана бронзового века [Zvelchil, 1965].

Сложная проблема изучения древних этнических процессов требует особой тщательности в использовании методических приемов и четкой исходной методологической концепции. Советскими этнографами в этой области проделана большая и плодотворная работа, хорошо подытоженная в книге Ю. В. Бромлея, где сказано, что главными носителями этнических свойств являются обыденное сознание, обиходный язык и традиционно-бытовая культура [1973, с. 175]. На археологических материалах, как правило, могут быть установлены именно традиционно-бытовая культура с характерным для нее устойчивым набором типов вещей и определенные элементы обыденного сознания на основе видов артефактов, так или иначе связанных со сферой идеологии. Антропологические же параметры населения, оставившего те или иные археологические комплексы, как не несущие собственно-этнической информации, должны привлекаться лишь в качестве косвенных свидетельств, могущих частично определить этническую ситуацию. Например, в интересующем нас случае такие понятия, как дравидские языки и дравидский антропологический тип, служат понятиями-омонимами разных наук и по крайней мере для древних периодов не имеют между собой жесткой связи, которая зачастую им приписывается.

Кроме того, следует иметь в виду, что на настоящем уровне наших знаний вопросы реконструкции этнической истории Среднего Востока эпохи палеометалла могут решаться лишь в плане самых общих сопоставлений. Так, видимо, существовал целый ряд племенных групп и, возможно, даже народностей протодравидской или древнедравидской языковой семьи, ныне полностью исчезнувших в процессе ассимиляции, подобно тому как уже в средние века утратила дравидский язык одна из этнических групп Систана. В плане же общих сопоставлений особенно важны значительная близость и связь дравидских языков с эламским, отмечавшиеся еще В. С. Воробьевым-Десятовским [1956а, с. 100—101; 1956б, с. 76] и позволяющая, по заключению И. М. Дьяконова, предполагать, «что племена, по языку родственные эламитам и дравидам, в IV—III тыс. до н. э., а может быть и позже, были распространены по всему Ирану, по крайней мере в его южной части» [1967, с. 87]. Свидетельства финно-угорских контактов дравидских языков позволяют скорее всего предпочесть расширенный вариант формулировки Дьяконова.

В таком случае обширную зону раннеземледельческих племен, изготовлявших расписную керамику и группировавшихся в IV—III тыс. до н. э. от Загроса до Инда, можно рассматривать как территорию обитания племен, близких по языку эламитам и дравидам. По массовым археологическим материалам, характеризующим устойчивую бытовую культуру, еще в 1942 г. Д. Мак-Каун выделял на территории Иранского плато комплексы двух типов: северные, распространявшиеся в Сиалке, Гисаре и Анау, условно названных им областью красной керамики, и южные, представленные наиболее ярко в Сузах и Тали-Бакуне, где преобладает желтая или кремовая керамика [McCown, 1942, p. 48—50]. В настоящее время в связи с открытием на указанной территории огромного числа новых памятников это деление сохраняет свое значение лишь в самом общем плане и характеризует не археологические культуры или культурные общности, а скорее всего еще более крупную единицу, близкую понятию территориальной или культурной зоны.

Показательно, что именно в пределах памятников южной зоны распространяется эламский язык в той мере, в какой мы его знаем по древнейшим памятникам письменности (рис. 32). Существенные различия северной и южной культурных зон достаточно ярко выступают на материалах Шахри-Сохте в Систане, находящегося в области контакта этих двух зон. Здесь в нижних напластованиях налицо соединение двух традиций: южной, восходящей в конечном итоге к стилю керамики Тали-Бакуна, и северной, связанной с керамикой геоксюрского типа, т. е. со Средней Азией. Когда в Сиалке IV, в глубине северной культурной зоны, появляются таблички с протоэламской пиктографией, то там и весь комплекс массовой традиционной культуры резко отличен от местного, представленного наслоениями Сиалка I—III, и по существу может быть рассмотрен как чужеродный, эламско-месопотамский, если даже не чисто эламский. Поэтому представляется вполне закономерным сопоставление южной культурной зоны, специфические особенности которой именно как еди-

ной зоны формируются по крайней мере в IV тыс. до н. э., с областью распространения эламского языка или, иначе, с эламской этнической общностью.

В данном случае, естественно, может возникнуть вопрос, а не связаны ли северная культурная зона земледельцев с расписной керамикой и племена протодравидской языковой общности, постепенное расселение которых северным путем через Афганистан в Белуджистан нашло отражение в картине распространения дравидских языков, устанавливаемой лексико-статистическим анализом. Отметим, что подобная локализация хорошо объясняет и угро-дравидские лингвистические сопоставления, находящие свою археологическую параллель в культурных связях кельтеминарского неолита Приаралья с культурами расписной керамики Южного Туркменистана [Виноградов, 1957; 1968, с. 82—83; Массон, 1964б, с. 177—178]. При такой постановке вопроса находку на Алтын-Депе печати с надписью протоиндийского типа можно было бы рассматривать как свидетельство использования местным обществом, достигающим уровня цивилизации, уже сложившейся системы письма, приспособленной к языку, родственному тому, на котором говорило это местное население. Иными словами, можно было бы видеть в создателях цивилизации Алтын-Депе, как и в их харапских современниках, племена протодравидской этнической группы.

Разумеется, подобная гипотеза может быть высказана лишь в общем плане, но в пользу ее,

Рис. 32. Культурные зоны и распространение памятников древней письменности на Среднем Востоке.

1 — памятники протоэламской письменности; *2* — памятники протоиндийской письменности; *3* — прочие археологические памятники; *4* — южная культурная зона ранних земледельцев; *5* — северная культурная зона ранних земледельцев; *6* — кельтеминарская культурная общность; *7* — расселение дравидоязычных племен, по М. С. Андронову.

с нашей точки зрения, свидетельствует обнаружение на Алтын-Депе именно эпиграфической печати, лишенной какого-либо изображения, культовая магия которого могла бы быть оценена неграмотными варварами из харапского окружения. Представляется, что дальнейшее изучение вопросов палеоэтнической ситуации на Среднем Востоке в эпоху распространения здесь раннеземледельческих культур расписной керамики во многом будет связано с выделением на материалах археологии путем обоснованного анализа устойчивых культурных группировок (культурных вариантов и культур), отражающих традиционную бытовую культуру некогда обитавших в этом районе племен. В своем превосходном анализе дравидо-эламских соответствий И. М. Дьяконов отмечал, что «можно признать допустимой гипотезу, согласно которой эламский, быть может, — очень раннее и довольно дальнее ответвление от общедравидского языка-основы, или же что общедравидский язык-основа и эламский восходят к одному общему прототипу» [1967, с. 112]. С точки зрения культурогенеза, большое значение для древнейших оседлоземледельческих племен как северной, так и в известной мере южной зоны сыграла загросская культурная общность VII—VI тыс. до н. э. (памятники типа Джармо и Гурана). О расселении загросских земледельцев двумя потоками: северным и южным, идущими в обход огромных пустынь Деште-Лут и Деште-Кевир, уже писалось в литературе [Массон, 1964б, с. 202]. Лингвистическая близость облегчала ассимиляцию при переселениях племенных групп, неоднократно отмечавшихся в V—III тыс. до н. э. в пределах огромного массива раннеземледельческих племен к востоку от Месопотамии.

Независимо от дальнейшего решения этих вопросов совершенно ясно, что археологическая культура Алтын-Депе имеет немаловажное значение для изучения проблем палеоэтногенеза на Ближнем и Среднем Востоке.

Глава восьмая

РАННЕГОРОДСКИЕ ЦЕНТРЫ И ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Раскопки Алтын-Депе и социологическая интерпретация полученных материалов заставляют обратиться к общим вопросам истории древнейших городских центров. Безусловно, в их исследовании, особенно в изучении генезиса, Алтын-Депе будет играть значительную роль, поскольку в данном случае мы имеем дело с центром, имманентно складывавшимся на основе раннеземледельческих структур. Конкретный анализ первых городских или протогородских поселений, изучаемых археологией, имеет в этом отношении первостепенное значение. Показательно, что старовавилонский город, относительно хорошо изученный советскими востоковедами, представляет собой отнюдь не городской организм, формировавшийся естественным путем, а «становление особого типа города, образовавшегося в результате крушения почти полной деспотической монополии царского хозяйства, которая была характерной здесь в предшествующий период вообще, а в городе в особенности» [Дьяконов, 1973, с. 36]. Раннешумерские поселения городского типа, относящиеся к концу IV—началу III тыс. до н. э., письменными источниками почти не затрагиваются, а археологические материалы в основном освещают их общие размеры и культовые центры, за пределами которых в собственно-городских кварталах раскопки, как правило, производились лишь в ограниченных масштабах. Вместе с тем значение древних городов для истории общества было исключительно велико и в последнее десятилетие все больше привлекает внимание исследователей [Adams, Nissen, 1972; MSU]. По справедливому определению И. М. Дьяконова, город занимал ведущее положение как центр экономической, социальной и политической жизни [1973, с. 30]. Социальные противоречия и культурные достижения эпохи выступали в нем в наиболее яркой и репрезентативной форме.

Истоки формирования поселений городского типа ведут нас в недра первобытнообщинного строя, в систему расселения, складывавшуюся в древнейших оседлоземледельческих обществах. Эту особенность города как института, зарождающегося в рамках первобытной формации, удачно подчеркнул Ф. Энгельс: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации».[1] Данное обстоятельство отмечал и К. Маркс: «Наибольшее разделение материального и духовного труда, это — отделение города от деревни. Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству».[2]

В этой связи большое значение имеет изучение предпосылок, которые вели к формированию поселений городского типа. Первая из них — безусловно способ получения продуктов питания, обеспечивающий высокую плотность населения, что создавало возможность его концентрации. Резкое увеличение плотности населения в оседлоземледельческих обществах хорошо известно: по сравнению с эпохой охотников-собирателей она возрастает почти в 100 раз [Braidwood, Reed, 1957, p. 24—25; Массон, 1976а, с. 102—104]. Неудивительно, что уже на ранних этапах развития этих обществ появляются и сравнительно крупные населенные центры. Таково, например, поселение

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 164.
[2] Там же, т. 3, с. 49.

Чатал-Гуюк в Малой Азии, датирующееся второй половиной VII—первой половиной VI тыс. до н. э. и занимающее площадь около 12 га, что при разной методике оценок соответствует древнему населению от 2000 до 5000 человек [Массон, 1971б, с. 147—148]. Чатал-Гуюк был центром Конийской равнины, где располагались еще 22 мелких поселка указанного времени, и, вероятно, он уже осуществлял в какой-то мере функцию центра сельскохозяйственной округи и политического центра группы племен. В Южном Туркменистане оседлоземледельческие поселения с 1000—2000 жителей, так же как и их иерархическая структура, складываются в IV—начале III тыс. до н. э. [Массон, 1976а, с. 142—143]. По этнографическим материалам, хорошо известны крупные населенные пункты у оседлых земледельцев племен пуэбло, папуасов Новой Гвинеи и у ряда других народов. Следовательно, именно в земледельческих обществах формировалась важнейшая предпосылка, которая в определенных условиях вела к сложению городов, и это во многом определяло роль таких обществ в мировой истории.

Следующей важнейшей предпосылкой формирования древнейших городских центров явилось отделение ремесла от земледелия — второе крупное общественное разделение труда, обеспечившее городу положение пункта концентрации специализированных производственных функций. Этот процесс технологической специализации и обособления ремесла в системе общественного производства шел во многом одновременно с формированием городов. Нередко ставится вопрос о том, что в древнейших городских центрах ремесленная деятельность по объему отнюдь не образовывала разительной доминанты над земледелием. Однако здесь важен не столько сам объем, сколько факт наличия такой специализированной деятельности, тем более что по мере развития городов у их жителей возникают новые потребности, стимулирующие как развитие традиционных производств, так и возникновение новых. Город и ремесло выступают в сложном взаимодействии прямых и обратных связей. В оседлоземледельческих обществах Старого Света, в том числе и в Южном Туркменистане, носителями технического прогресса, определявшего развитие ремесленных производств в период сложения городских организмов, были металлургия и гончарное дело с их значительными достижениями в сфере теплотехники.

Третья группа предпосылок объединяет явления общественного развития: социальную дифференциацию общества, в том числе все большее усложнение и обособление органов управления, особенно в связи с необходимостью организации цикличной сельскохозяйственной работы в широких масштабах. Крупные населенные пункты становятся естественными центрами концентрации деятельности такого рода, осуществляемой на первых порах в рамках органов первобытнообщинного строя.

Важной предпосылкой формирования городских поселений было развитие коммуникабельности в разных ее проявлениях, в том числе и в технологической форме прогресса транспортных средств. Изучение топографии древних поселений Месопотамии показало существование определенных пространственных рубежей, разделяющих город и сельскую округу [Adams, Nissen, 1972, p. 31—32], что в числе прочих причин связано с возможностями перевозки в определенный срок разного рода грузов. В Южном Туркменистане еще в конце IV—начале III тыс. до н. э. появляются первые глиняные модели колес, хотя модели кузовов, возможно, изготовлявшихся из органических материалов, пока не обнаружены. В середине III тыс. до н. э., в период Намазга IV, уже имеются бесспорные модели четырехколесных повозок с впряженными в них верблюдами, а в одном случае, кажется, и быком [Лисицина, 1972, с. 14—15, рис. 1 на с. 68; 1978, с. 56, рис. 6, *5*]. Ко времени формирования городских поселений относится развитие колесного транспорта и в Месопотамии [Piggott, 1969], хотя там сухопутные коммуникации успешно дополнялись водными артериями. Развитие транспорта способствовало осуществлению городскими поселениями региональных функций, и прежде всего функции центра сельскохозяйственной округи, места концентрации и перераспределения как необходимого, так и прибавочного продукта. В этом отношении роль колесного транспорта была особенно велика. Тяжелые и громоздкие четырехколесные телеги при отсутствии хороших дорог служили главным образом для перевозки грузов на близкие расстояния, в то время как для внешней торговли использовались носильщики или вьючные животные.

К числу факторов, способствовавших формированию городских поселений, можно отнести и сложение иерархической структуры религиозных представлений с выделением главного божества или главной пары божеств, которым соответственно посвящались наиболее значительные и эффектные культовые храмовые постройки. В этих условиях выкристаллизовывалось и само явление идеологического лидерства, носителями которого, как правило, и становились первые городские центры. Наконец, следует учитывать и военно-политическую ситуацию как фактор, непосредственно воздействующий на концентрацию населения в определенных пунктах, играющих роль убежищ. В регионах с высокой плотностью разноэтничного населения по мере накопления развивающимися раннеземледельческими общинами разного рода богатств и запасов учащаются военные конфликты,

направленные на их насильственное перераспределение. Это особенно заметно по совершенствованию оружейного дела и фортификационных сооружений. Так, в эгейском мире в эпоху бронзы характерным атрибутом взрослого мужчины становится кинжал [Renfrew, 1972, p. 393], который помещают вместе с владельцем и в могилу [Блаватская, 1973, с. 16]. Столь же напряженной была военно-политическая ситуация в Малой Азии III тыс. до н. э., додинастическом Египте и древнейшей Месопотамии. Вместе с тем следует иметь в виду, что все эти факторы и предпосылки действовали не изолированно, а в тесной взаимосвязи и взаимозависимости, варьируя в различной конкретно-исторической обстановке.

Складывающиеся поселения городского типа стали центрами древнейших государственных образований, которые соответственно так и именуются городами-государствами. Как правило, это были сравнительно небольшие области, соответствующие древним сельскохозяйственным оазисам, с одним или, реже, несколькими поселениями городского типа. Данный социально-политический организм в Древнем Египте именовался номом, и по справедливому заключению И. М. Дьяконова, представлял собой своего рода предел общинно-государственной интеграции [1973, с. 31]. Структурами Южного Туркменистана, в рамках которых происходит соответствующая общественно-политическая трансформация, можно считать группу памятников подгорной полосы, тяготеющих к Намазга-Депе, в состав которых входили Тайчанак-Депе, Шор-Депе и Коша-Депе, а также район Алтын-Депе. Правда, в последнем мелкие центры до сих пор не обнаружены, что, может быть, обусловлено интенсивностью культурно-ирригационных наносов, мощность которых, например, у подошвы культового центра достигла со времени Намазга V почти 2 м. Оазисную структуру с четко выраженным центральным поселением дают и памятники бронзового века в дельте Мургаба, где природные условия способствовали сохранению небольших холмов [Масимов, 1979].

Вместе с тем столицы первичных ячеек раннеклассовых обществ, так называемых городов-государств, имели принципиально иной характер по сравнению с крупными поселками первобытной эпохи, и стадию этой трансформации мы попытались выше охарактеризовать на конкретных материалах Алтын-Депе.

Прежде всего качественно изменилась концентрация в данных центрах разного рода явлений, обусловливавших специфику этого вида поселений. Так, все большее значение приобретает концентрация ремесел как специализированных видов деятельности, выделение которых, названное Ф. Энгельсом вторым крупным общественным разделением труда, изменило сам характер производства. Поселения городского типа, концентрируя ремесленную, а в ряде случаев и торговую деятельность, являлись в то же время местом сосредоточения культовых и светских монументальных строений, а также органов власти. Наряду с этим (данный аспект часто упускают из вида многие исследователи) в городах наиболее отчетливо проявляются качественные изменения в социально-экономической структуре общества. Исследование древних городов позволяет наметить типологию различного образа жизни, отражающую усиливающуюся дифференциацию общества. Начальные этапы последней ярко выступают и на материалах Алтын-Депе. Именно в городской среде выкристаллизовываются классы как исторические общности людей, обладающие помимо прочих особенностей и количественными, демографическими параметрами. Массовость городского населения превращала отдельных индивидов и их семьи, занимающие особое положение в обществе, в сплоченную группу, противостоящую группам иного общественного положения. Без учета этого обстоятельства не могут быть правильно поняты ни природа древнейших городских центров, ни их роль в сложении классового общества.

Дешифровка памятников протошумерской письменности, освещающих древнейшие этапы развития раннеклассового общества Месопотамии, достаточно ярко характеризует имущественное и социальное неравенство по архивам таких центров городского типа, как Урук и Джемдет-Наср. В данном отношении достаточно показателен уже составленный в ту пору канонический список должностей и профессий, насчитывающий от 80 до 130 обозначений [Nissen, 1969; Вайман, 1976, с. 583]. В одном из документов приводятся сведения о разделе полей общей площадью 9000 га, причем две трети угодий получает «главный жрец» или «правитель», а остальные делятся между пятью другими должностными лицами, в числе которых названы «торговый агент», «жрец-прорицатель» и «главная жрица» [Вайман, 1966]. Не касаясь происхождения этого земельного фонда, возможно, являвшегося в исходном варианте храмовой землей как формой коллективной собственности общины, отметим, что размер его исключительно велик. Имеются в обществе и рабы, знаки для обозначения которых явственно указывают на основной источник их происхождения: «мужчина чужой страны» или «женщина чужой страны», т. е. иноплеменники, скорее всего военнопленные. В ранних документах учтено 30 рабов и 27 рабынь, в более поздних — 602 раба и 300 рабынь [Вайман, 1974]. Труд рабынь использовался, в частности, в кузницах, где они, видимо, раздували кузнечные меха. В документах говорится и о смерти рабов [Вайман, 1979].

Всеми исследователями придается большое значение процессам управления и обособления публичной власти в сложении раннеклассовых обществ. Чжан Гуанчжи даже склонен подчеркивать в первую очередь социально-политический аспект «городской революции» и процесса урбанизации [Chang, 1974], преуменьшая роль экономических предпосылок. Местом концентрации органов управления становились опять-таки поселения городского типа. В. И. Гуляев, разрабатывавший данный вопрос, пишет, что политико-административная функция древнейших городов нередко недооценивается. Одновременно он намечает в археологических материалах и морфологические признаки этой стороны функционирования древнейших городов: дворец — резиденция правителя; царские погребения; мотивы искусства, связанные с царем и его властью [Гуляев, 1979, с. 11]. Вместе с тем следует иметь в виду, что политическая власть в первичных раннеклассовых обществах, как правило, не обосновывалась на пустом месте — ее резиденциями становились естественные центры страны, бывшие обычно крупными населенными пунктами, социальная дифференциация в рамках которых в значительной мере и обусловливала обособление политической власти.

Как бы то ни было, данный вопрос требует специального рассмотрения. Важное методологическое значение имеет здесь предпринятый М. Н. Перфильевым опыт систематизации общественных отношений, среди которых он выделяет три основных вида: отношения экономические, социальные и политические. Среди политических Перфильев различает отношения по управлению производством и по управлению общением [1974, с. 135, 197—202]. Необходимость управления производством обусловлена самим трудовым процессом, важностью увязки индивидуальной деятельности в систему кооперированного труда. Эта традиционная функция любого человеческого общества приобрела в городских поселениях особенно значительные масштабы, поскольку первые города, как правило, были центрами сельскохозяйственной округи. Сложная система управления хозяйством, учета и распределения получаемых продуктов привела к возникновению качественно новой системы хранения и передачи информации — письменности. В свою очередь сложность ранних систем письма, требовавших значительного времени на овладение ими, стимулировала образование особой прослойки писцов-профессионалов, входящих в состав формирующейся администрации. Однако это являлось не просто количественным возрастанием отношений по управлению производством. Общество времени первых городов уже было расколото на классы, и экономически господствующий класс стремится устранить от управления обществом другие классы. Управленческий аппарат в таком антагонистическом обществе не просто разрастается, но и качественным образом меняет свои функции по сравнению с первобытной эпохой. Это особенно ярко проявляется в отношениях по управлению общением. В первобытных общинах данный вид деятельности сводился к поддержанию традиционных норм быта и морали, тогда как в раннеклассовых обществах органы управления нацеливаются на сохранение классовой структуры общества, на всемерную поддержку интересов правящего класса. Аппарат руководства первых городов становится той управленческой машиной, которую представляло собой государство. В настоящее время во многих регионах установлен характер органов управления городской общины, включавших (по крайней мере теоретически) народное собрание, совет старейшин и различного рода магистраты, причем последние охватывали почти все сферы деятельности. Подобные структуры обнаружены и в Восточном Средиземноморье [Шифман, 1977], и в Южной Аравии, где формирование раннеклассового общества происходит независимым путем [Лундин, 1977]. Постепенно царская власть во многих странах Древнего Востока прибирает к рукам эти органы, но уже и на ранних этапах они были нацелены на обслуживание интересов верхушки общества. На основе городских общин с их органами управления и складывается государственный аппарат раннеклассовых обществ.

Формирование и дальнейшее развитие первых городских центров неотделимо от формирования и развития первых цивилизаций. Если сам городской организм можно рассматривать как своего рода систему, то он в свою очередь входил составной частью в макросистему цивилизации. Древние цивилизации — это комплекс культурных явлений, достигнутых обществом, находящимся на определенном уровне развития, и данный уровень, как блестяще показал Ф. Энгельс, теснейшим образом связан с развитием классовых отношений и становлением государства.[3] Подобный подход к пониманию цивилизации получает в последнее время все большее признание и у западных исследователей, испытывающих прогрессивное воздействие марксистской исторической науки или подводимых к объективным выводам всей логикой научного исследования. Так, Р. Адамс в своих работах последовательно связывает цивилизацию с классовым обществом, с системой политической и социальной иерархии, дополняемой администрацией и территориальным разделением, с органи-

[3] Там же, т. 21, с. 165—169.

зацией государства, а также с разделением труда, ведущим к выделению ремесел [Adams, 1966]. В книге, посвященной эгейской цивилизации, К. Ренфрю при характеристике самого понятия «цивилизация» также придает особое значение социальной стратификации и разделению труда [Renfrew, 1972, p. 7]. Еще более определенно высказывается на этот счет К. Фланнери, по формулировке которого цивилизация — комплекс культурных феноменов, связанный с такой формой социально-политической организации, как государство [Flannery, 1972, p. 400].

Роль города в становлении и развитии цивилизации была ведущей. Известно, что вообще в древней истории город играл лидирующую роль в экономической, социальной и политической сферах [Дьяконов, 1970, с. 1]. Для эпохи формирования цивилизации город был как бы сосредоточением тех качественно новых элементов, которые определяли весь процесс развития в целом, носителем новых идей, эталонов и образцов. Именно в городе особенно выразительно происходит процесс накопления богатств и социальной дифференциации, город как особый хозяйственный организм осуществляет функцию хозяйственного регулирования в региональных масштабах, а его храмы и дворцы служат материальным воплощением функции идеологического лидерства. Поэтому можно сказать, что формирование экономических и культурных основ цивилизации и раннеклассового общества, как правило, сопровождается появлением и интенсивным развитием поселений городского типа, нередко определяемым понятием «городская революция» [Массон, 1968а].

Нельзя не отметить, что в литературе, особенно в работах археологов, термин «цивилизация» нередко употребляется в расширительном смысле, как своего рода синоним понятия «развитая культура». Так, порой говорится о «цивилизации пастухов» или о «неолитических цивилизациях». С позиций понятийной сетки исторической науки это едва ли справедливо. Другое дело, когда рассматриваются культуры и археологические памятники, отражающие интенсивный процесс сложения тех феноменов (от выделения ремесел до социальной дифференциации и государственной власти), с которыми древние цивилизации связаны теснейшим образом. В таком случае речь может идти о начальном (или формативном) периоде цивилизаций, когда отдельные их черты уже сформировались. Видимо, только в данном аспекте можно говорить для Южной Америки о цивилизации чавин [Березкин, 1977], стадиально, да и хронологически, близкой развитию в Месоамерике комплексов ольмекского типа, характеризующих, по В. И. Гуляеву, «переходный период от архаики к цивилизации» [1972, с. 105].

Древнейшие цивилизации связаны с тем уровнем общественного развития, которое в последние годы все чаще определяется как раннеклассовое общество. То была эпоха, когда в примитивных формах уже складывались социальное неравенство и государство и вместе с тем еще не завершилось четкое обособление классов, характеризующихся различным отношением к средствам производства [Данилова, 1968, с. 30]. Н. А. Бутинов характеризует это состояние как «период сочетания классовых и общинных тенденций» [1968, с. 148]. Действительно, в данном случае мы застаем непрерывно развивающееся общество на той стадии, когда трансформация первобытных структур, как социальных, так и политических, еще далеко не завершена. Но вместе с тем тенденция развития такова, что, как правило, ведет к сложению рабовладельческой формации, основанной на эксплуатации подневольных тружеников рабского типа [Массон, 1979б]. Для изучения общего и особенного в этом сложном процессе определенную роль может сыграть типология древних цивилизаций, рассматриваемая в первую очередь как внутриформационная типология раннеклассовых (или, по тенденции развития, раннерабовладельческих) обществ. Как отмечают философы, разрабатывающие проблемы исторического материализма, «в рамках общественно-экономической формации образуются разновидности, связанные с различными условиями и влияниями географической среды, особенностями культурного развития данной человеческой общности», что очень заметно проявляется в условиях слабого развития средств сообщения и связи [Бородай, Келле, Плимак, 1972, с. 71]. Е. М. Жуков специально подчеркивает большое значение для ранних формаций благоприятных условий природной среды, создающих преимущества для развития производительных сил [1973, с. 93]. В самом деле, в древних цивилизациях, рассматриваемых как конкретно-исторические явления, происходит, особенно на формативной стадии, процесс, который в системных исследованиях обычно именуется процессом оптимизации, т. е. такого приспособления системы к окружающей среде, в результате которого обеспечивается наилучшее функционирование системы в определенном направлении. Соответственно складываются различные хозяйственные субсистемы, позволяющие достигать в данной природной среде наибольшего эффекта. Вместе с тем следует учитывать, что это отнюдь не автоматический процесс, а многофакторное явление, в котором роль регулирующего блока играет социальная структура. При ее отсутствии или недостаточном уровне развития любая благоприятная природная среда никогда не воспроизведет сама из себя ни одной цивилизации.

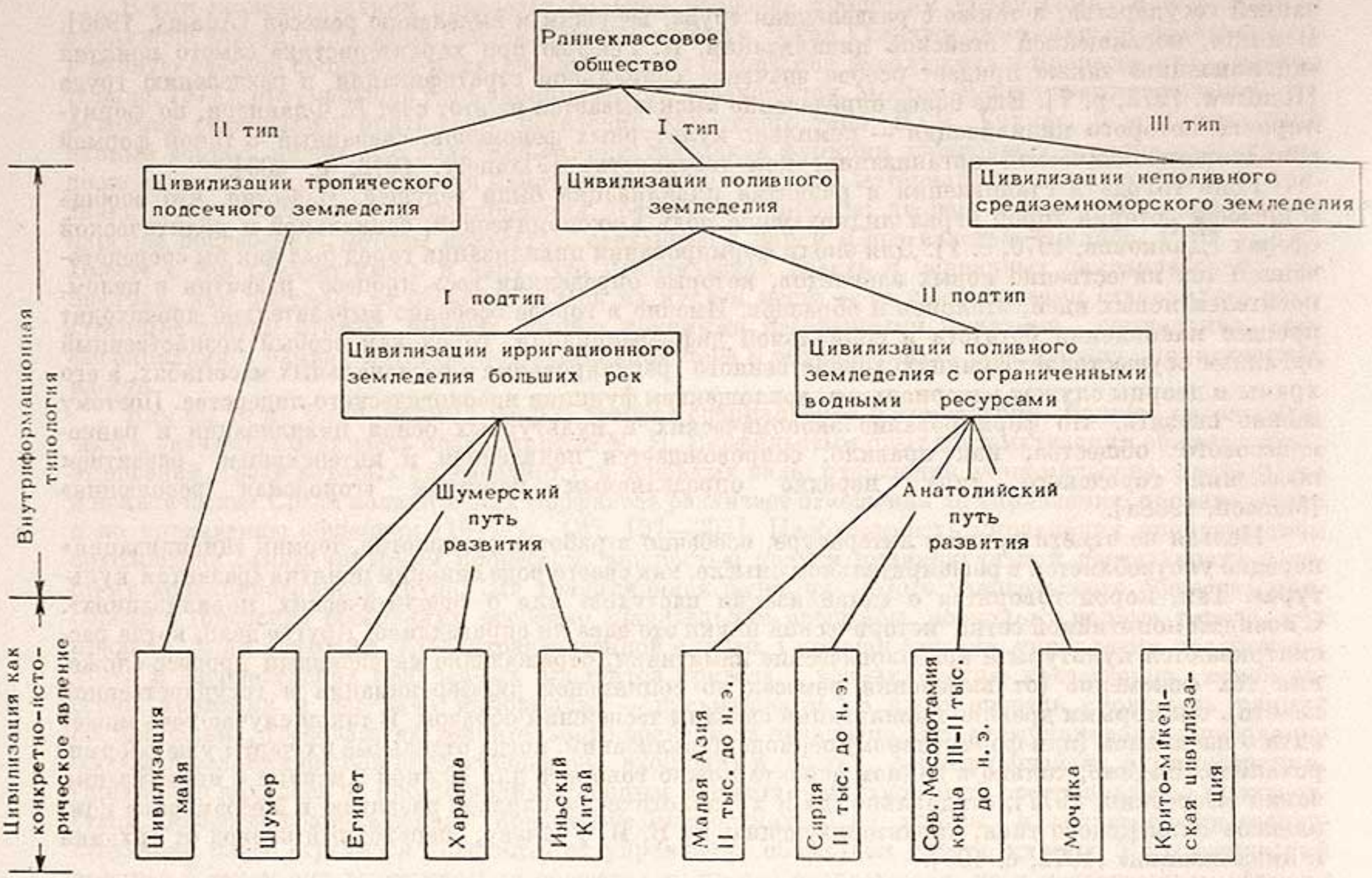

Рис. 33. Типология древних цивилизаций.

С нашей точки зрения, для древнейших цивилизаций системообразующие свойства, открывающие возможности внутриформационной типологии, лежат в сфере земледелия как субсистемы в рамках всей системы общества в целом. Древнее земледелие представляло тот вид материального производства, интенсификация которого в первую очередь приводила к появлению значительного объема прибавочного продукта. Земледелие как составной элемент входит в экономический базис общества, развитие которого определяло все последующие изменения. Разумеется, эту системообразующую роль земледелия отнюдь не следует представлять прямолинейно и механистически. Даже само по себе наличие прибавочного продукта не вело непосредственно к классообразованию: для реализации данного процесса была необходима и социальная дифференциация общества, реализующая отчуждение самого продукта. Большую роль в формировании облика древних цивилизаций играли факторы этнического и этнопсихологического порядка, нашедшие отражение в памятниках искусства, литературных произведениях, в своего рода стиле эпохи. Эти факторы во многом определяли тот реальный и неповторимый облик отдельных цивилизаций древности, который обусловливал специфику каждой цивилизации как конкретно-исторического явления. Однако именно группировка конкретных цивилизаций по отдельным типам позволяет лучше понять некоторые стороны закономерного характера исторического процесса (рис. 33).

Предложенный подход позволяет выделить три типа древних цивилизаций [Массон, 1971г]: цивилизации, основанные на ирригационном земледелии, дающем огромный прибавочный продукт (распространен наиболее широко и представлен в Шумере, Египте, Хараппе, иньском Китае, Перу периода мочика); цивилизации с экономикой, основанной на тропическом подсечно-огневом земледелии (культуры Месоамерики, и в первую очередь майя); цивилизации с земледелием средиземноморского типа, при котором основные усилия были направлены на сохранение в почве влаги осадков и в связи с этим на частую вспашку и рыхление (наиболее ранний образец — крито-микенское общество). Для анализа отдельных цивилизаций важным показателем, помимо реконструкции земледельческой подсистемы, служат демографические параметры древних обществ.

Цивилизации первого типа делятся на два подтипа [Дьяконов, 1963]: централизованного ирригационного земледелия в бассейнах великих рек (шумерский путь развития) и поливного земледелия в условиях ограниченных водных ресурсов, включая ручьевое орошение (анатолийский). Первый подтип связан с земледелием особо высокой продуктивности, хотя конкретные формы ирригационных сооружений могли быть различными в зависимости от местных условий (ср. Шумер и Китай, где особенно большую роль играла защита посевов от катастрофических разливов Хуанхэ). Но при всех вариантах именно поливное земледелие в условиях благоприятной природной среды, когда собирались два урожая в год, позволяло реализовать преимущества, открывающиеся для развития производительных сил. Соответственным образом здесь наблюдается быстрый рост производительности и накопления богатств, определивший в конечном итоге высокие темпы исторического развития. Например, в Южном Двуречье около 2500 лет отделяют первых земледельцев от первой цивилизации. Поэтому для первого подтипа характерно весьма раннее, спонтанное развитие великих цивилизаций древности. Характеризуется этот подтип и высокими демографическими данными: в Месопотамии плотность 68 чел./км^2 [Adams, 1966, p. 24]. Показательно независимое происхождение систем письменности, стимулированное потребностями учета в сложных хозяйственных организмах и календарными схемами, связанными с регламентацией аграрных циклов. Знаменитые храмовые комплексы Шумера — величественные архитектурные сооружения и структурно сложные организмы — являлись тем единством, в котором нашли объединенное воплощение функции и хозяйственного, и идеологического лидерства. Вместе с тем функция хозяйственного лидерства в условиях ирригационного земледелия вела к развитию сложного аппарата управления и процветанию многочисленной бюрократии. Высокие демографические параметры и интенсивный процесс урбанизации, связанной с ранним и бурным развитием ремесел и торговли, обусловливали появление крупных городских центров. Истоки их формирования восходят по крайней мере к началу IV тыс. до н. э., когда в пору позднего Убейда в Южном Двуречье выделяются населенные центры площадью около 10 га, с монументальными храмовыми комплексами. В конце IV—начале III тыс. до н. э., как показали исследования в районе Урука, складывается трехчленная иерархическая структура поселений, которую возглавляют крупные урбанистические центры, наподобие самого Урука, поглотившего к середине III тыс. до н. э. почти всю сельскую округу [Adams, Nissen, 1972, p. 18]. В этот период Урук становится своего рода суперцентром, напоминая месоамериканский Теотихуакан. В районе Ниппура подобная концентрация населения происходит несколькими столетиями раньше. Видимо, как раз на IV тыс. до н. э. приходится в Южном Двуречье период «городской революции», являвшийся одновременно и периодом формирования раннеклассового общества. Внутренняя структура городов древней Месопотамии, судя по начавшимся исследованиям [Грибов, 1973; Дьяконов, 1973; Козырева, 1974], была весьма сложной. Так, например, в Ларсе согласно документам о различного рода финансовых сделках, можно насчитать представителей почти 25 профессий, что явно свидетельствует о множестве функций, выполняемых данным городским организмом.

Цивилизации второго подтипа переживают более длительный формативный период (в Малой Азии более 5000 лет от первых земледельцев до первой цивилизации). На Ближнем Востоке они возникают в условиях влияния со стороны уже существующих великих цивилизаций и обычно заимствуют ряд сложившихся канонов в области искусства, архитектуры, письменности, иногда в области идеологии, административной и социальной сфер. Этот путь развития характерен для Сирии, Палестины, дохеттской Малой Азии, Северной Месопотамии.

В Малой Азии эпоха сложения цивилизации приходится на III тыс. до н. э. [Mellaart, 1964, 1965]. Нет оснований считать, что в это время в земледельческой субсистеме там произошли принципиальные изменения со времен первых аграриев неолита, исключая, быть может, применение металлических орудий. Подробных палеодемографических разработок здесь не производилось, но современные материалы дают для основных районов древних культур плотность населения в 11—16 чел./км^2 [Allan, 1972, p. 215]. Из ремесленных производств особенно заметен прогресс металлургии, основывавшейся на богатых рудных запасах Малой Азии. Рост числа кладов, в состав которых входят уже не медные топоры, как это было раньше, а золотые сосуды и украшения, так же как и развитие ювелирного ремесла, свидетельствуют об интенсивном процессе накопления богатств. Многочисленные данные указывают на интенсификацию военных отношений, и XXV—XXIII вв. до н. э. можно с полным правом характеризовать как время мечей и крепостей. Оружейное дело, выделившееся в самостоятельное ремесло, поставляет боевые топоры, кинжалы, мечи и шлемы. И даже небольшие центры стремятся отгородиться от внешнего мира крепостными стенами. Правда, их размеры невелики: в пределах 1—2 га, и лишь Бейчесултан, окруженный каменной стеной толщиной 5 м, занимает площадь 24 га. Невелики и культовые постройки: святилища Бейчесултана достигают в длину 15—17 м и не идут ни в какое сравнение с храмами Шумера IV тыс. до н. э.

Накопление богатств и функция военного лидерства способствуют выделению общинной знати, о которой мы можем судить по погребениям Аладжа-Гуюка и некоторым другим, нередко без особых оснований относимым к числу царских гробниц. В условиях племенной чересполосицы и розни, столь характерных для Малой Азии, функция военного лидерства приобрела особенно большое значение. Явственный процесс формирования раннеклассового общества и цивилизации в известной мере был задержан, но отнюдь не прерван какими-то событиями конца III тыс. до н. э. Бейчесултан в начале II тыс. до н. э. становится городом с обособившейся цитаделью, а найденная в нем печать с иероглифическими знаками указывает на развитие письменности. Цитадель с обводной стеной появляется и в Алишаре. Военная аристократия, оставившая некрополи Дорака и Аладжа-Гуюка, находит себе генетическое продолжение в князьках, стоящих во главе отдельных областей. Как свидетельствуют письменные источники, главой Каниша (Кюль-Тепе) был царек, а административный аппарат размещался в цитадели [Янковская, 1965, 1968]. Структурная и терминологическая зависимость этой местной цивилизации от ряда месопотамских канонов проявляется здесь достаточно рельефно и определенно.

В близкие хронологические промежутки соответствующие процессы развития ремесел и формирования городских центров как символов концентрации населения протекали в Палестине и Сирии. Причем если для Сирии, особенно Северной, характерно использование канонов и норм месопотамской цивилизации (клинописные печати и таблички Аллалаха конца III—начала II тыс. до н. э., а также недавнее открытие архива Эблы), то для прибрежной Сирии и особенно Палестины характерно проявление египетских связей и контактов.

Археологические материалы последних лет позволяют говорить о значительной зоне формирующихся цивилизаций, расположенных между Шумером и Индией и явно принадлежавших ко второму подтипу [Массон, 1970е]. Здесь выделяется целый ряд локальных центров (или локальных цивилизаций): Алтын-Депе в Южном Туркменистане, Мундигак на юге Афганистана, Шахри-Сохте в Систане. Поливное земледелие ограниченных водных ресурсов и ремесленное производство составляли основу роста прибавочного продукта цивилизации Алтын-Депе в период формирования, приходящийся на III тыс. до н. э. Слабое развитие фортификации, ограничивающейся небольшими стенами-оградами с контрфорсами, и немногочисленность оружия указывают на то, что функции хозяйственного и идеологического лидерства играли наряду с имущественной дифференциацией главную роль в сложении социально-полярных группировок. Расположенная на окраине тогдашнего культурного мира и отделенная от примитивных культур Севера мощным барьером Каракумов, эта цивилизация уделяла мало внимания развитию военного дела, что могло стать одной из причин ее падения. Вместе с тем достаточно отчетливо выступают здесь демографический сдвиг и сложение иерархической системы поселений, причем к началу II тыс. до н. э. два основных центра — Алтын-Депе и Намазга-Депе — в определенной мере поглощают сельскую округу. Своим характером, хотя отнюдь не масштабами, данный процесс напоминает гиперурбанизацию урукского региона в середине III тыс. до н. э. Как указывалось (с. 105), по размерам и функциям Алтын-Депе начала II тыс. до н. э. вполне можно считать ранним городом. Его монументальный культовый комплекс и вещи из жреческой усыпальницы имеют следы явного воздействия месопотамских эталонов. Отмечен здесь и процесс социальной дифференциации, закрепленной типами образа жизни. Правда, пока не обнаружены ни царские гробницы, ни строения дворцового характера. Скорее всего перед нами цивилизация, завершающая формативный период.

К подтипу цивилизаций, основанных на поливном земледелии ограниченных масштабов, можно отнести и древнейшую цивилизацию равнинного Перу, представленную культурой мочика [Башилов, 1972, с. 117—123; Березкин, 1975], малоизвестной в общеисторической литературе, но игравшей для цивилизаций Южной Америки, в том числе и для государства инков, ту роль основного культурного субстрата, которую для Ближнего Востока во многом сыграл Шумер. Материалы культуры чавин, и прежде всего монументальные культовые комплексы, позволяют предположить, что в горных районах Северного Перу формирование цивилизации и раннеклассового общества началось во II тыс. до н. э. [Башилов, 1972, с. 22; Березкин, 1977, с. 103]. Экономической базой чавин было земледелие с разведением такой высокопродуктивной культуры, как кукуруза. В зону распространения и воздействия чавин входят горные районы с субтропическими долинами и оазисы побережья, но данных о характере самого земледелия нет. Возможно, неустойчивость экономической базы являлась одной из причин упадка чавин, хотя именно тогда был создан ряд культурных эталонов, оказавших заметное воздействие на последующие перуанские цивилизации.

Из их числа наиболее ранней является цивилизация мочика, относящаяся к I—VI вв. н. э. Она представляет собой довольно яркий пример в основном независимого развития (начиная со стадии примитивных земледельцев-рыболовов). В долинах, освоенных племенами мочика, были созданы значительные оросительные системы и прогресс земледелия обусловил в первую очередь

рост производства. Высокоразвитые ремесла представлены металлургией, широко использовавшей литье, и керамическим производством; последнее благодаря изготовлению сосудов в формах обеспечивало массовость продукции, хотя, может быть, и не в такой степени, как гончарный круг, характерный для стран Старого Света. Разнообразное оружие и батальные сцены в росписи на сосудах свидетельствуют о развитии военного дела, а иконографический анализ позволяет выделить особую касту воинов и военных вождей, сочетавших, правда, эту свою функцию с деятельностью иного рода [Березкин, 1975]. К сожалению, весьма ограничены наши сведения о типах поселений мочика, хотя, например, Е. Ланинг в довольно энергичных выражениях пишет об урбанизации в древнем Перу и о появлении там поселений с нуклеарным центром в виде монументального архитектурного комплекса и числом жителей до 10 000 человек [Lanning, 1967].

Судя по всему, крупнейший центр племен мочика, скорее всего их столица, находился в долине р. Моче, где расположены огромные архитектурные комплексы: «пирамида солнца» (площадь развалин 228×136 м при высоте 18 м) и «пирамида луны» (немного меньше). Следует полагать, что подобные величественные постройки — символ по крайней мере функции идеологического лидерства, осуществлявшейся этим центром мочикских племен. Примечательно, что в долине р. Виру также встречаются пирамиды из камня или сырца, но значительно меньших размеров (высота от 2 до 6.5 м), видимо представлявшие собой нуклеарные части более мелких поселений. Детализированная регламентация и своего рода педантичность культуры мочика хорошо ощущаются в сюжетах росписи керамических сосудов: налицо четкая связь между изображаемыми персонажами, их атрибутами и действиями, что в какой-то мере позволило исследователям подойти к решению вопросов социальной стратификации. В конкретных условиях Южной Америки, где в эту эпоху отсутствовали иные цивилизации, большинство культурных достижений мочика имеет самостоятельный характер, но ограниченный производственный потенциал обусловил, как и для цивилизаций второго подтипа на Ближнем Востоке, сравнительно медленные темпы развития: почти 4000 лет от первых земледельцев до первой цивилизации.

Бесспорный интерес представляют цивилизации второго типа, причем их экономический базис достаточно подробно исследован за последнее десятилетие [Drucker, Heizer, 1960; Cowgill, 1962]. Эта доведенная до совершенства система подсечно-огневого земледелия, видимо, сложилась уже в ольмекский период, когда в главных чертах определились культурные особенности формирующейся цивилизации, ставшей основой знаменитой цивилизации майя. Огромные успехи селекции и тщательно отработанная, календарно регламентированная система землепользования позволяли получать значительный устойчивый прибавочный продукт, обусловивший и высокие демографические показатели (от 20 чел./ км² на Юкатане до 60 — для низинных майя). Были известны и другие системы земледелия. Высокого уровня достигли здесь ремесла, дававшие, пожалуй, наибольший эффект, возможный на дометаллургической стадии. Профессионализм и мастерство с большой затратой сил вкладывались в художественные ремесла. Распространение монументальной культовой архитектуры породило широко представленное мнение о теократическом характере общественной системы в древней Месоамерике. Однако В. И. Гуляев, исследовав образ царя-правителя в монументальном искусстве Месоамерики, справедливо подчеркнул наличие и сильной светской власти [1972, с. 206—214]. Памятники письменности и монументальная архитектура являются одним из выразительных признаков цивилизации майя. Значительно сложнее обстоит дело с вопросом о городах. Рассредоточенное расселение жителей, характерное для коренных областей майя, породило мнение об отсутствии здесь городов вообще. Однако в отношении выполняемых функций храмовые комплексы майя можно, как нам кажется, считать центрами идеологического и хозяйственного руководства. Палеодемографические оценки дают для Тикаля, чьи руины, правда, занимают площадь 6.6 км², число жителей примерно 10 000 человек, т. е. столько же, сколько было в Уре в первой половине III тыс. до н. э. Таким образом, для морфологии центров майя, рассматриваемых с функциональной позиции как города, были характерны вертикальная архитектура и рассредоточенная планировка, отражавшая, однако, так же как и скученная планировка Алтын-Депе, все черты социальной дифференциации общества, хорошо показанные Гуляевым [1972, с. 182; 1979]. Цивилизациям этого типа, представляющим собой интереснейший исторический феномен, свойственна автохтонность основных культурных достижений, включая письменность.

Цивилизация третьего типа хорошо представлена критской (минойской) и микенской культурами XX—XII вв. до н. э. Фундаментальная попытка исследования их генезиса с позиций «новой археологии» недавно была предпринята К. Ренфрю [Renfrew, 1972]. Правда, этот автор не вполне последовательно провел принцип иерархичности, характерный для системного подхода, и ограничился выделением пяти основных субсистем одного уровня в культуре (точнее, с нашей точки зрения, в обществе) того времени [Массон, 1974д]. Несколько раньше, хотя и в более традиционной

манере и терминологии, достаточно ярко формирование древнейшей цивилизации в материковой и островной Греции (исключая Крит) описала Т. В. Блаватская [1966]. На основе указанных изысканий намечается общая картина развития крито-микенского общества в III тыс. до н. э., или в формативный период цивилизации.

В развитии производства центральную роль здесь играли сложение «средиземноморской триады» [4] поликультурного земледелия и прогресс ремесел. Работа К. Ренфрю на обширном материале подтвердила специфическую важность для крито-микенского общества сложения системы земледелия, основанного на возделывании злаковых, оливы и винограда (два последних сельскохозяйственных продукта обладали высокой степенью товарного потенциала). Картографирование памятников III тыс. до н. э. ясно показало, что поселения формативного периода сосредоточены как раз в зоне, потенциально наиболее благоприятной для развития поликультур. Резкий демографический сдвиг именно в названных областях говорит об интенсивном развитии производства в III тыс. до н. э. Другим становым хребтом древнеэгейской экономики было ремесло, сделавшее в III тыс. до н. э. скачок в такой ведущей отрасли, как металлургия. Клады и формирование ювелирного дела ярко отражают процесс накопления богатств. Свидетельством тех же явлений можно считать импорт слоновой кости на Крит как в форме готовых изделий, так и сырья для местной бижутерии. Одной из специфических особенностей данного региона было широкое развитие вооруженных столкновений, имевших вид морских походов или разбоя. Отражением этой тенденции служат и эпические повествования о троянской войне, и знаменитая экспансия «народов моря», потрясшая Восточное Средиземноморье в конце II тыс. до н. э. По существу в эгейском мире воинственных скотоводов и кочевников, обычных соседей цивилизаций Ближнего Востока, заменяли вооруженные смельчаки на быстрых морских судах. Развитие фортификации и оружейного дела в III тыс. до н. э. выразительным образом отражает данный процесс. Причем, как отмечает К. Ренфрю, показательно расположение укрепленных пунктов именно на берегу моря или в непосредственной близости от этого постоянного источника опасности и беспокойства [Renfrew, 1972].

При интенсивном процессе развития земледелия и ремесла, при стимулирующем воздействии на концентрацию населения военной опасности показательны вместе с тем крайне небольшие размеры поселков эгейского мира: как правило, 1—1.5 га, и даже минойский Кносс едва ли был много больше 3—5 га. Смущаемые незначительной величиной пунктов исследователи называют их то протогородками [Блаватская, 1966, с. 116], то протогородскими поселками [Renfrew, 1972, p. 242]. Вероятно, это связано со специфическим характером земледельческой системы, рассредоточенной по горным долинам, хотя и дающей сравнительно высокие демографические параметры (Крит — 26.1 чел./км^2). Различия в погребальном инвентаре эгейских могильников свидетельствуют о параллельно идущем процессе социальной стратификации; в центре маленьких городков уже высятся крупные дома — резиденции знати, социологические предшественники дворцов позднейшего периода. Царские погребения Микен (к их числу мы, правда, не склонны относить погребения кольца *A*), письменность и дворцовые комплексы как центры хозяйственного и идеологического лидерства завершают процесс формирования цивилизации в начале II тыс. до н. э. на Крите, а в XVI в. до н. э. — и на материке.

Специфический характер эгейского земледелия и связь с ним многих явлений античного мира были хорошо раскрыты в одной из работ В. Д. Блаватского [1970]. В данном регионе сам характер земледельческого труда не требовал в качестве обязательного условия организации коллективных усилий всей общины в целом, а затем и союза общин. Роль личной инициативы в земледелии, децентрализованном по удобным для обработки участкам долин, была сравнительно велика. Соответственным образом роль жречества и культовой архитектуры в крито-микенской Греции оказалась куда менее значительной, чем в странах поливного земледелия. Яркими памятниками монументальной архитектуры здесь являются дворцы, а не храмы. Творческий поиск и инициативная индивидуальность хорошо прослеживаются по памятникам искусства, как прикладного, так и монументального. Вместе с тем и этот путь развития был сравнительно долог: свыше 5000 лет от первых земледельцев до первой цивилизации.

Итак, не следует придавать абсолютизирующее значение связи типов земледелия и всех достаточно сложных и многочисленных субсистем развитой цивилизации. Однако, как нам представляется, типологическая классификация цивилизаций, основанная на характере земледельческой экономики, достаточно перспективна и способствует объяснению и пониманию целого ряда явлений, в частности темпов исторического развития и производственного потенциала различных цивилизаций как конкретно-исторических обществ. В этой системе свое место занимает и общество, оставившее культуру Алтын-Депе, характеристике которой посвящена настоящая книга.

---

[4] Об этой «средиземноморской триаде» см.: [Myres, 1943].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ археологических материалов позволяет заключить, что Алтын-Депе в период средней бронзы (или времени Намазга V) представлял собой поселение городского типа со сложной внутренней структурой, в которой получили отражение и социальная дифференциация общества, и такие проявления, как функции ремесленная и идеологического лидерства. Процесс развития раннегородского организма зашел достаточно далеко, поэтому, учитывая связь первых городов и древних цивилизаций, можно ставить вопрос о том, что в Южном Туркменистане конца III—начала II тыс. до н. э. (по традиционной хронологии, которая, возможно, потребует удревнения) мы имеем дело с местной цивилизацией древневосточного типа, находящейся по меньшей мере на формативной стадии развития. Цивилизация Алтын-Депе была естественной составной частью всего древневосточного культурного ареала. Для нее показательны использование месопотамских культурных эталонов и тесные связи с древнеиндийской цивилизацией Хараппы. Находясь между этими двумя важнейшими культурными очагами, Алтын-Депе как бы сфокусировал сложные процессы взаимодействий и взаимовлияний, объединявшие страны и народы Древнего Востока в единую систему, образующую пояс цивилизаций Старого Света.

С точки зрения древней истории СССР, цивилизация Алтын-Депе знаменует в конце III—начале II тыс. до н. э. трансформацию в Среднеазиатском очаге земледельческо-скотоводческих культур первобытнообщинных отношений, создание общества сложной социальной стратификации, в рамках которого формируются классы и первая антагонистическая классовая формация. В Кавказском очаге земледельческо-скотоводческих культур аналогичный процесс охватывает конец II—начало I тыс. до н. э. и находит завершение в IX—VIII вв. до н. э. в цивилизации и государстве Урарту. В третьем земледельческо-скотоводческом очаге нашей страны — Северопричерноморском — с упадком и дезинтеграцией трипольской культурной общности в эпоху бронзы происходит преимущественное развитие скотоводческо-земледельческих культур, приводящее в конечном итоге к формированию скифского общества VI—IV вв. до н. э., имеющего отчетливые черты раннеклассового организма.

Гибель раннегородского центра бронзового века, чьи руины носят ныне название Алтын-Депе, в свете археологических работ выступает не как катастрофическое явление, а как постепенный упадок и запустение. К концу периода развитой бронзы вся восточная часть поселения, включая «квартал знати» и монументальный культовый центр, забрасывается, жизнь теснится лишь в его западной половине. Нет никаких следов разрушений и катаклизмов; судя по всему, жители просто покидали свои дома, унося с собой имущество и лишь изредка радуя археологов забытыми глиняными сосудами. Открытие И. С. Масимовым келлелинского комплекса времени Намазга V на Мургабе не оставляет сомнений в том, что именно туда, на восток, направилась по крайней мере часть обитателей подгорной полосы. Нами уже отмечалось, что передвижение оседлоземледельческих племен в период поздней бронзы из подгорной полосы в дельту Мургаба может объясняться ростом населения, приведшим к противоречиям с ограниченными возможностями ирригационного земледелия [Массон, 1959а, с. 110]. Новые материалы Алтын-Депе показывают, что в пору развитой бронзы по сравнению с периодом ранней бронзы (Намазга IV) происходят изме-

нения в составе стада , свидетельствующие о постепенно усиливающейся аридизации. Количество крупного рогатого скота неуклонно сокращается, решительно преобладают в составе стада овцы. А. В. Виноградов и Э. Д. Мамедов активно развивают тезис о том, что на рубеже III и II тыс. до н. э. в Средней Азии происходила аридизация климата и, возможно, даже смещение ландшафтных зон [1972, с. 95—97; 1975, с. 234—255]. В последнее время Г. Н. Лисицина, отстаивая прежнюю позицию относительной стабильности климата Средней Азии в голоцене в целом, не исключает отдельных цикличных или разовых колебаний в рамках общей аридности [1978, с. 191—193; 1979, с. 8]. Такое разовое колебание могло быть одним из толчков, покачнувших неустойчивую экономическую систему формирующейся цивилизации. Нельзя забывать и о возможности вторичного засоления возделываемых земель как побочного эффекта ирригационного земледелия, сыгравшего значительную роль, например, в перемещении культурных центров древней Месопотамии. В районе Меаны—Чаачи широкое возделывание значительных площадей началось по крайней мере со второй половины V тыс. до н. э., когда здесь складываются два крупных оседлоземледельческих центра: Алтын-Депе и Илгынлы-Депе. За 2500 лет усиленной эксплуатации почв древними ирригаторами в условиях тогдашней агротехники вполне могли наступить необратимые явления, что послужило дополнительным толчком к упадку и запустению процветающего раннегородского центра. Как бы то ни было, лишь в парфянскую эпоху в этом районе отмечаются сколько-нибудь

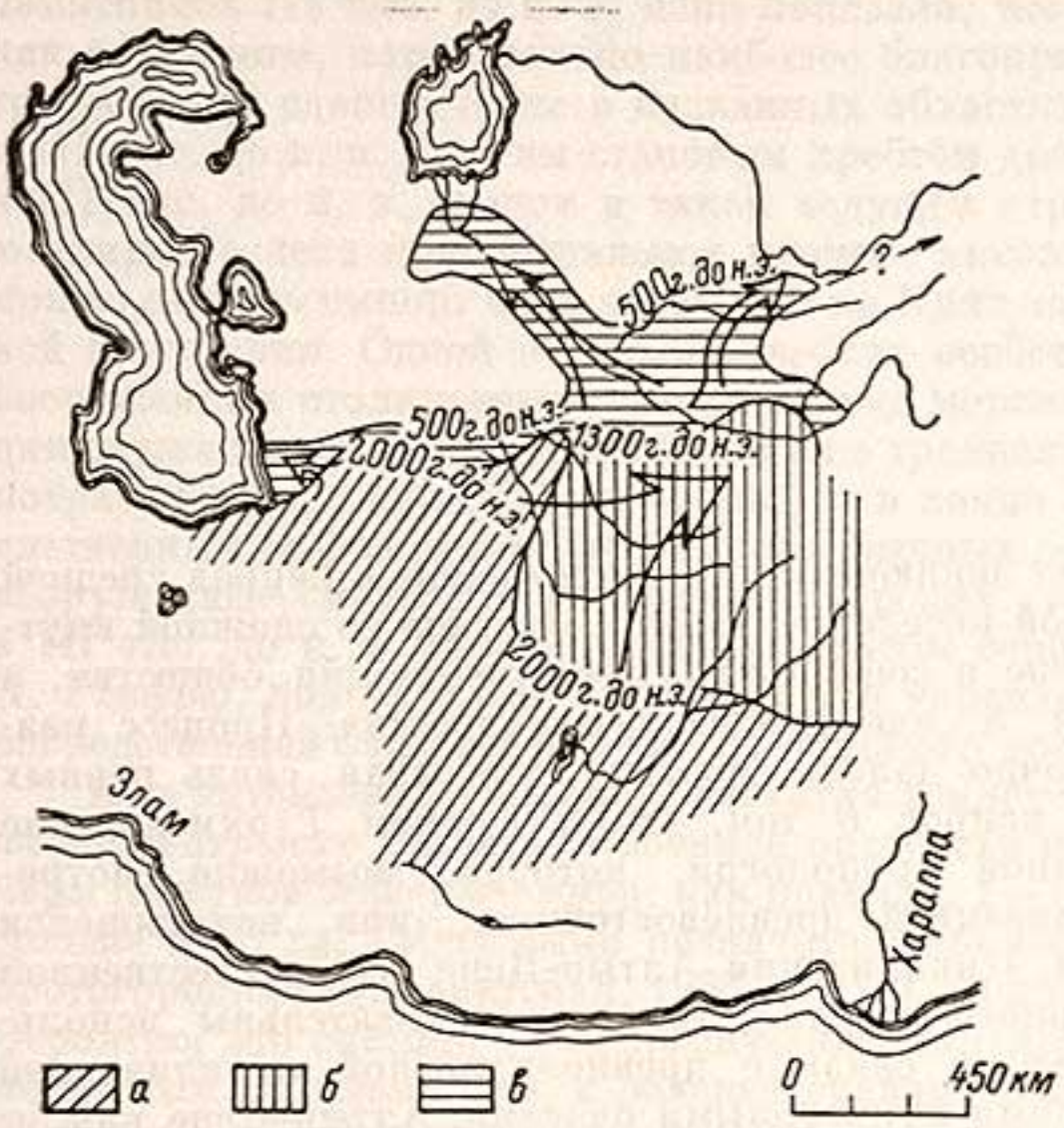

Рис. 34. Схема распространения в Средней Азии культуры городского типа.

а — 2300—1850 гг. до н. э.; *б* — 1850—650 гг. до н. э.; *в* — 650—350 гг. до н. э.

значительные населенные центры. Вместе с тем проблема полного упадка Алтын-Депе и одновременно частичного запустения другого аналогичного центра подгорной полосы — Намазга-Депе — может рассматриваться и в более широком плане, поскольку одновременно приходят в запустение некоторые центры в Иране и Индостане, в том числе Гисар, Тюренг-Тепе, Шахри-Сохте и обе столицы древнеиндийской цивилизации: Хараппа и Мохенджо-Даро.

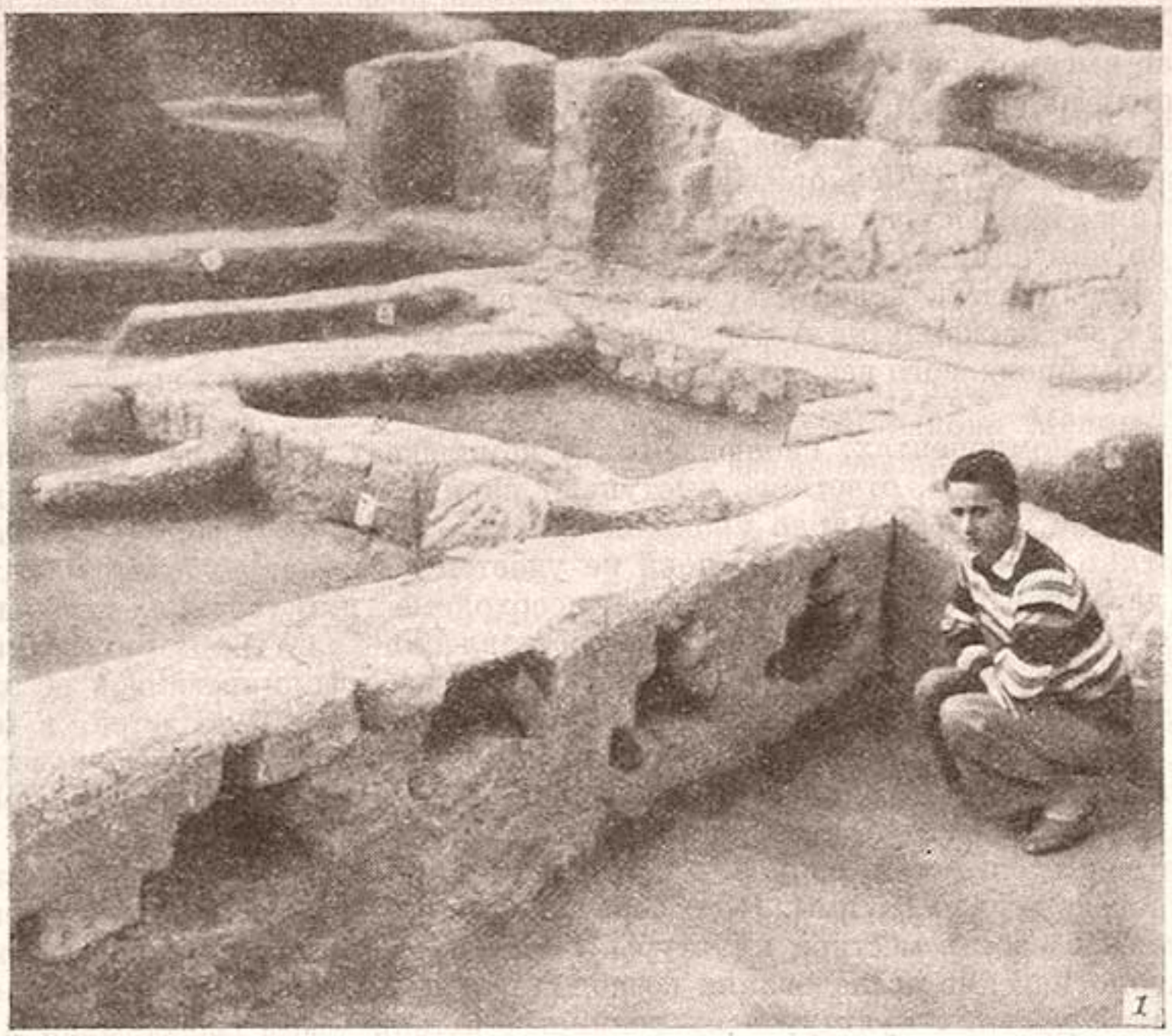
Цивилизация Алтын-Депе, являясь выдающимся достижением древних племен и народов Средней Азии, лежит в основе последующего развития оседлой культуры данного региона, достигшей особого взлета в античную эпоху в Парфии, Бактрии, Согде и Хорезме. Истоки многих частей древних урбанизированных культур — строительного дела, монументальной архитектуры, керамического производства, традиций мелкой глиптики — ведут нас в эпоху бронзы, к традициям алтын-депинской археологической культуры. Намечаются и конкретные пути процесса культурогенеза, по которым шли передача и трансформация этих традиций. Мы имеем в виду оседлоземледельческие комплексы типа Сапалли и Дашлы, открытые в последние годы на среднем течении Амударьи [Аскаров, 1973, 1977; Сарианиди, 1976в, 1977]. Общепризнанно, что эти высокоразвитые комплексы, видимо, представляющие собой варианты одной археологической культуры, которую А. А. Аскаров предлагает именовать сапаллинской, не имеют местных истоков ни на юге Узбекистана, ни в Северном Афганистане. Столь же бесспорны их поразительные аналогии с материалами Южного Туркменистана периода Намазга V, сейчас наиболее четко представленными на Алтын-Депе. Можно сделать вывод, что перед нами яркий пример экспансии урбанизированной культуры [Массон, 1973в, с. 4; 1974г, с. 7]. Однако исследователи по-разному оценивают исходный центр этого интереснейшего культурного явления. В последних работах Аскаров со всей определенностью считает таким центром древнеземледельческие общины среднеазиатского ареала [1976, с. 27; 1977, с. 110]. В. И. Сарианиди, признавая преобладающее значение для массовых материалов Северного Афганистана именно южнотуркменистанских аналогий, предпочитает говорить в общей форме о Южном Туркменистане и Северо-Восточном Иране, не оставляя мысли

о наличии одного общего источника расселения племен позднебронзового века, продвигавшихся отсюда как в Северный Афганистан, так и Южную Туркмению [1977, с. 70, 100, 105—106].

Новый очаг высокоразвитых культур древневосточного облика, открытый А. А. Аскаровым и В. И. Сарианиди на среднем течении Амударьи, генетически теснейшим образом связан с южнотуркменистанским комплексом Намазга V. Перед нами явный результат продвижения организованных масс населения с высокоразвитой культурой урбанизированного облика в новые районы обитания (рис. 34). Осуществлению такого продвижения безусловно способствовал уровень общественной организации с достаточно сложной системой органов управления, регулирующих хозяйственную и политическую деятельность союзов общин. Вместе с тем именно в Южном Туркменистане в результате раскопок на Алтын-Депе мы видим постепенное формирование этой высокоразвитой культуры бронзового века на местной основе, на базе местных комплексов позднего энеолита.

В культурных компонентах, наблюдаемых в комплексах Мургаба и среднего течения Амударьи поры поздней бронзы, отчетливо выступают наряду с доминирующими традициями и разного рода инновации, особенно ярко проявляющиеся в глиптике и формах металлических изделий. Для глиптики, как нам кажется, пока не удается достаточно убедительно найти какой-то единый центр, да, вероятно, в его поисках и нет необходимости. В условиях интенсивных культурных связей все более широкое развитие получают явления культурной интеграции. К их числу можно отнести новые виды печатей, которые скорее всего сформировались на местной основе, хотя и с использованием отдельных мотивов и образов западных областей, в первую очередь Месопотамии. Достаточно четкие западные аналогии видны и по металлическим изделиям. Все это позволяет заключить, что в середине и второй половине II тыс. до н. э. на Среднем Востоке и юге Средней Азии происходит интенсификация западных, месопотамско-луристанских, связей и влияний. Предстоит еще исследовать вопрос, в какой мере данное явление связано с расселением племен индоиранской языковой группы. Но совершенно ясно, что эти западные элементы были органически включены в состав местной культуры, генетически связанной с культурой Алтын-Депе. Так новые археологические исследования позволяют со все большей полнотой освещать сложные процессы развития древних культур в их конкретно-историческом своеобразии и многообразии. Синтез и взаимовлияния были характернейшей чертой культурогенеза древней Средней Азии и соседних областей.

1

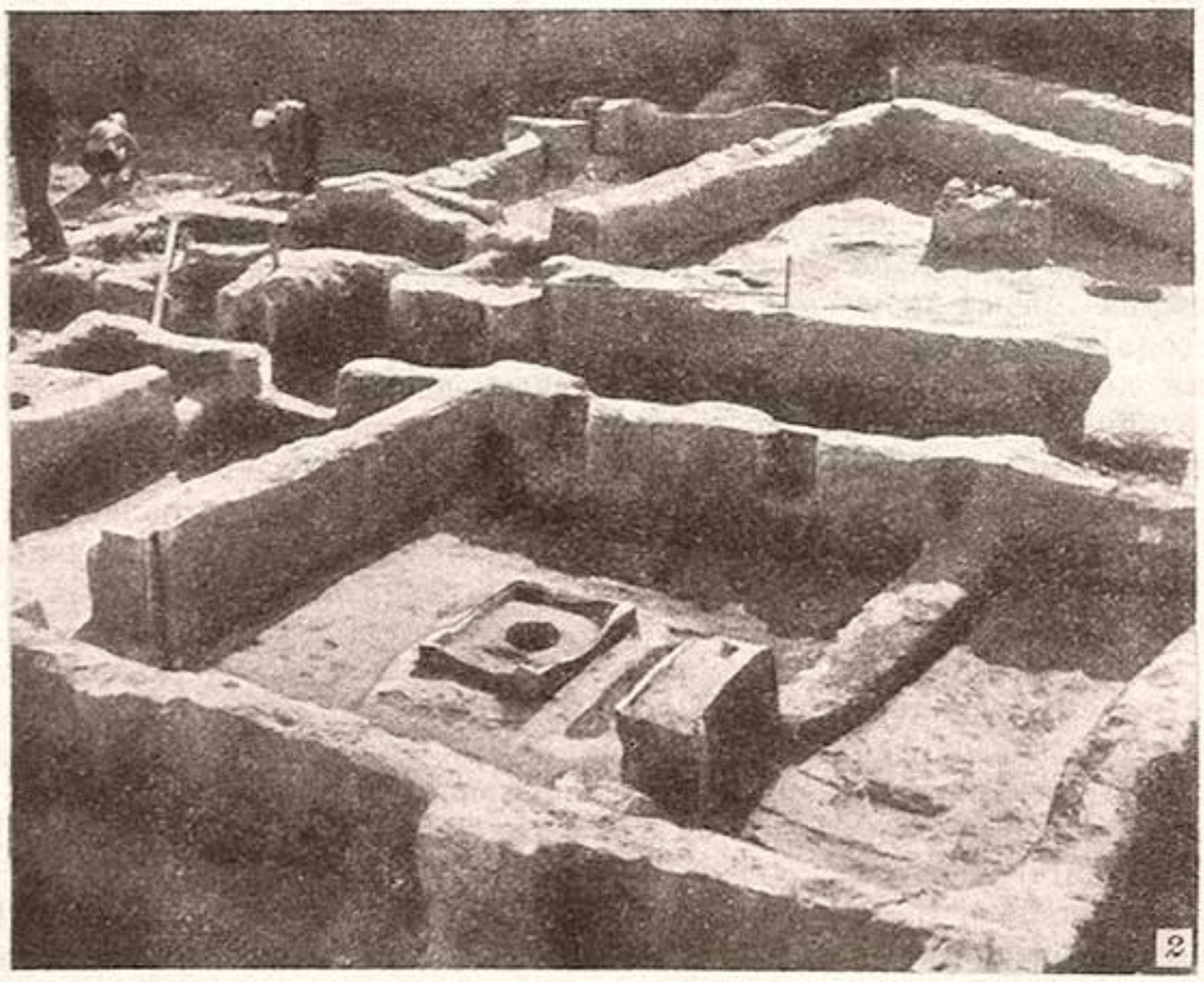
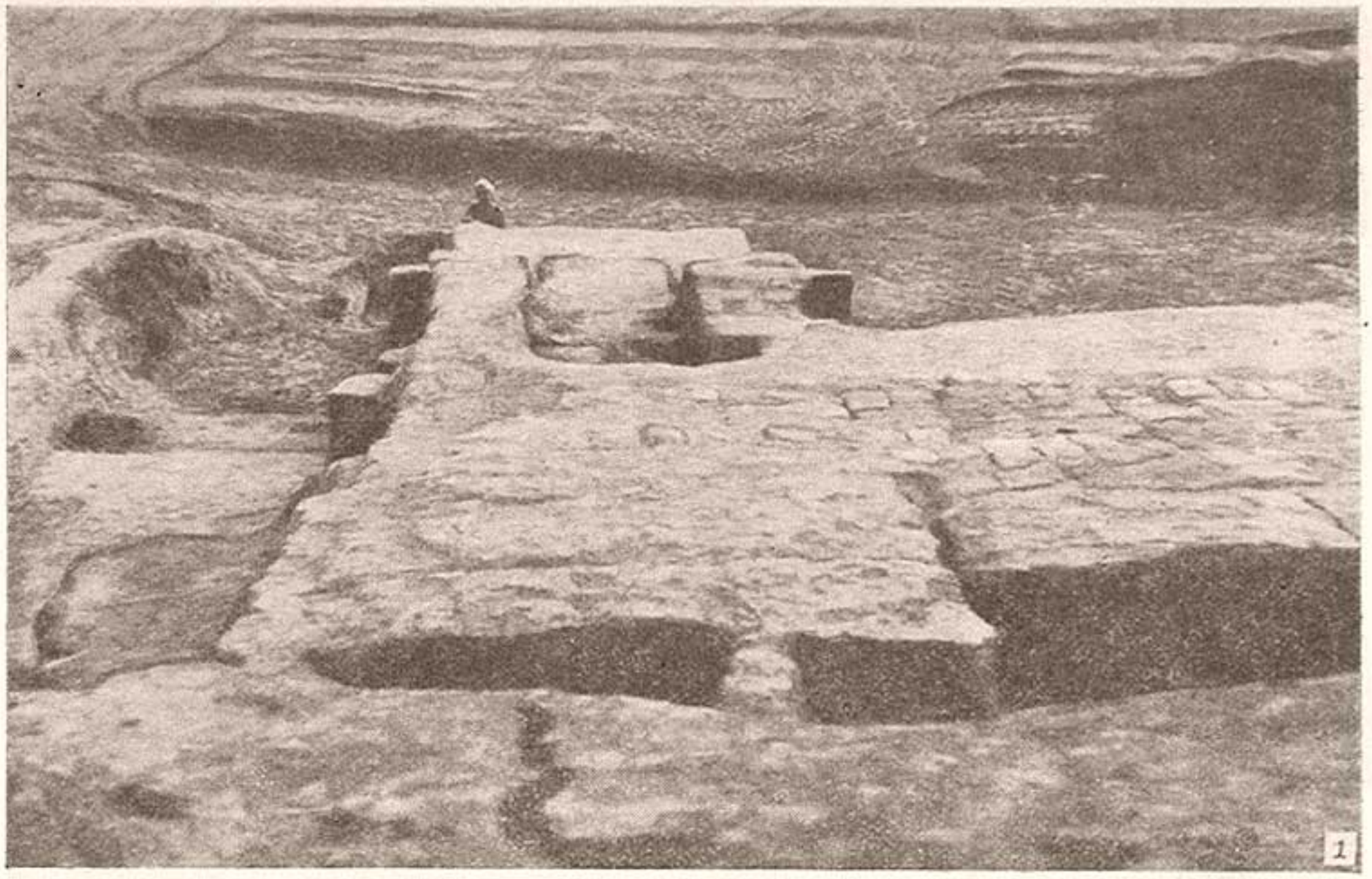

2

Табл. I. Помещение с фигурными нишами слоя 6 (*1*). Святилище слоя 5 (*2*). Раскоп 5.

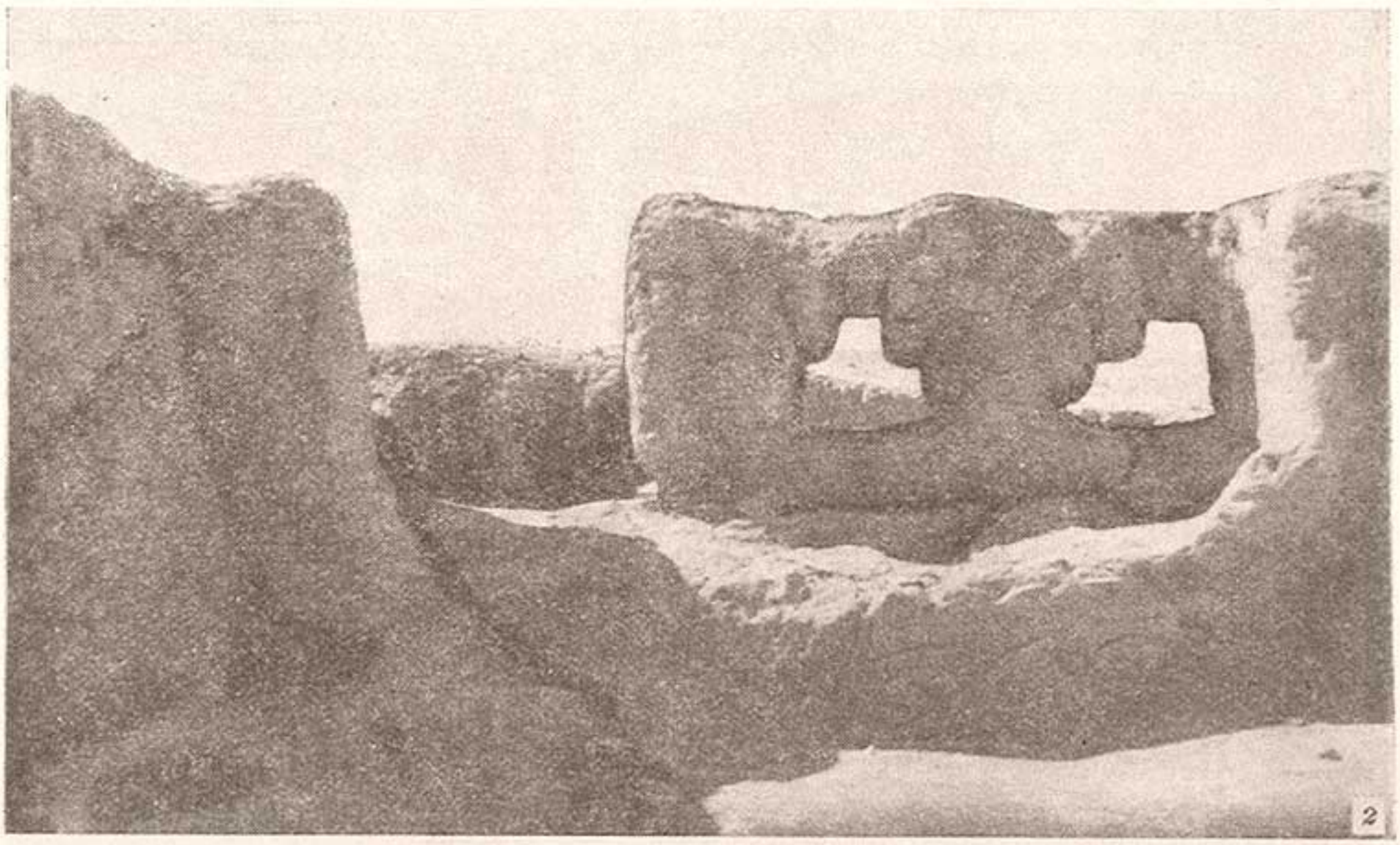

Табл. II. Вскрытие обводной стены и привратной башни-пилона на раскопе 8 (*1*). Стена с нишами в пом. 10 на раскопе 10 (*2*).

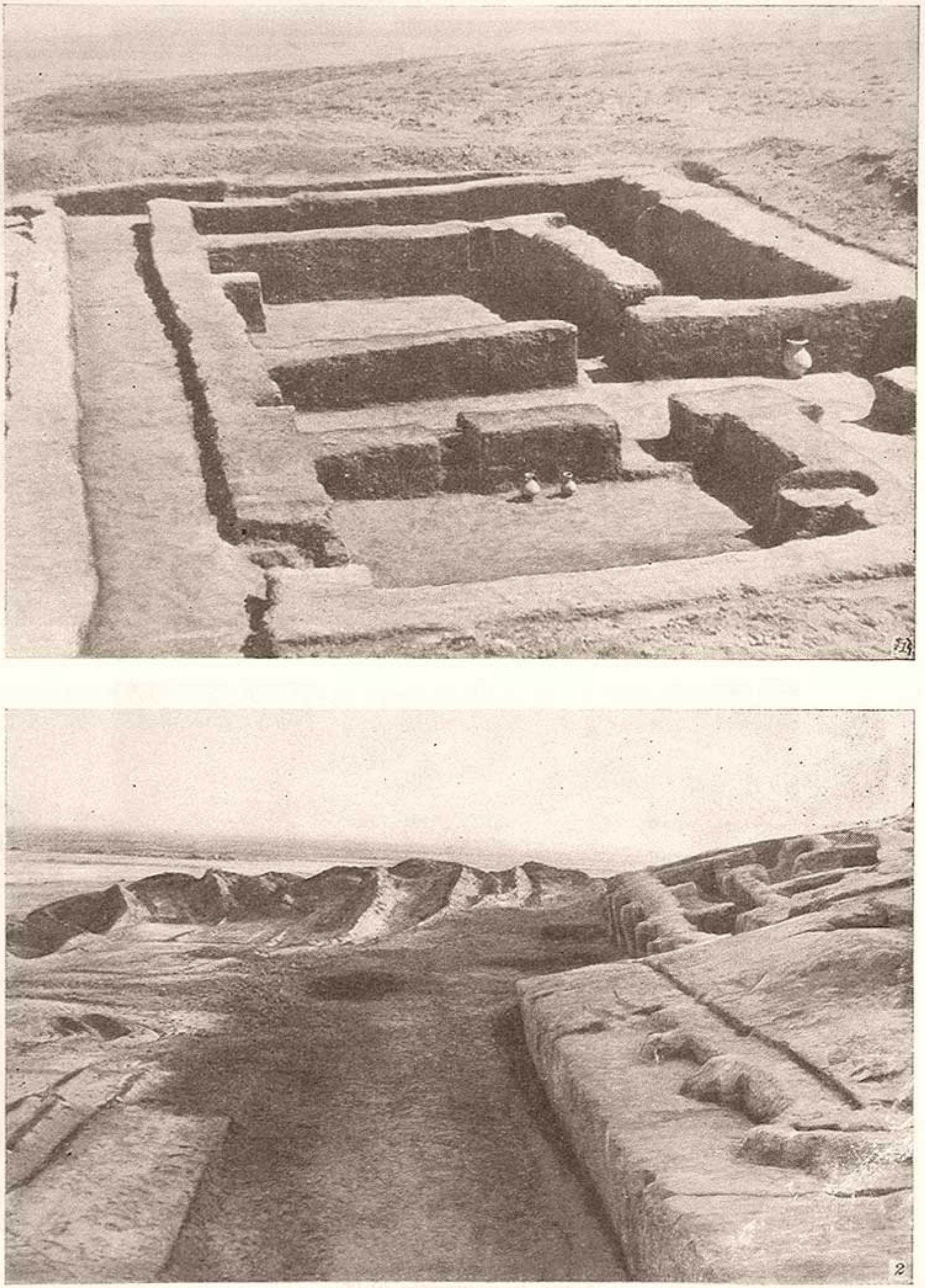

Табл. III. «Дом вождя» на раскопе 9 (*1*). Общий вид восточного фасада монументального комплекса на раскопе 7 (*2*).

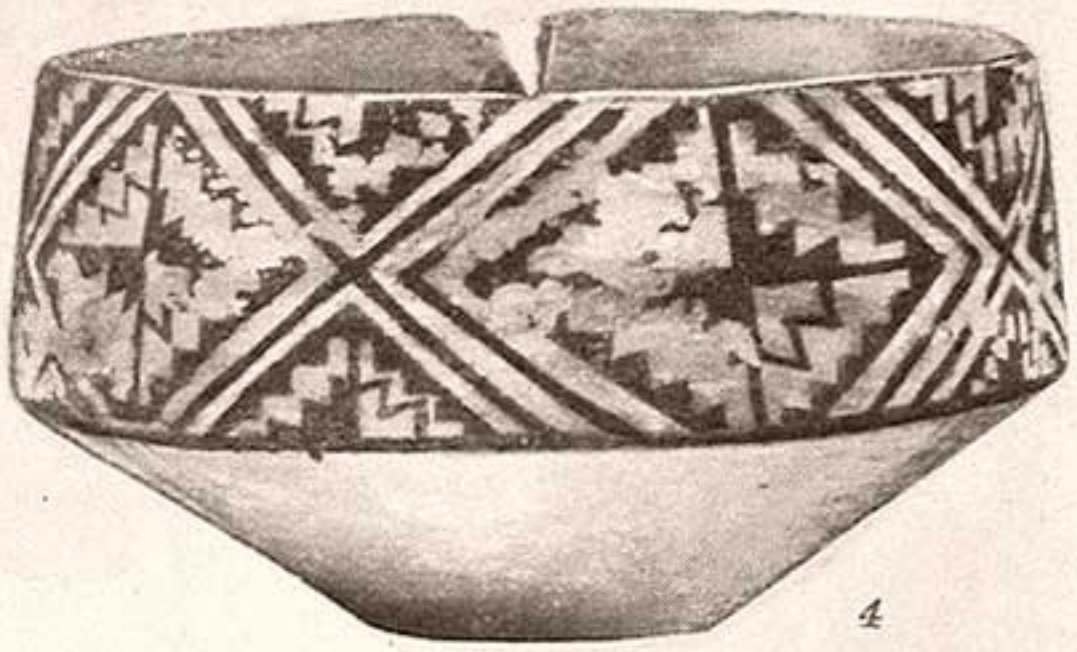
1

2

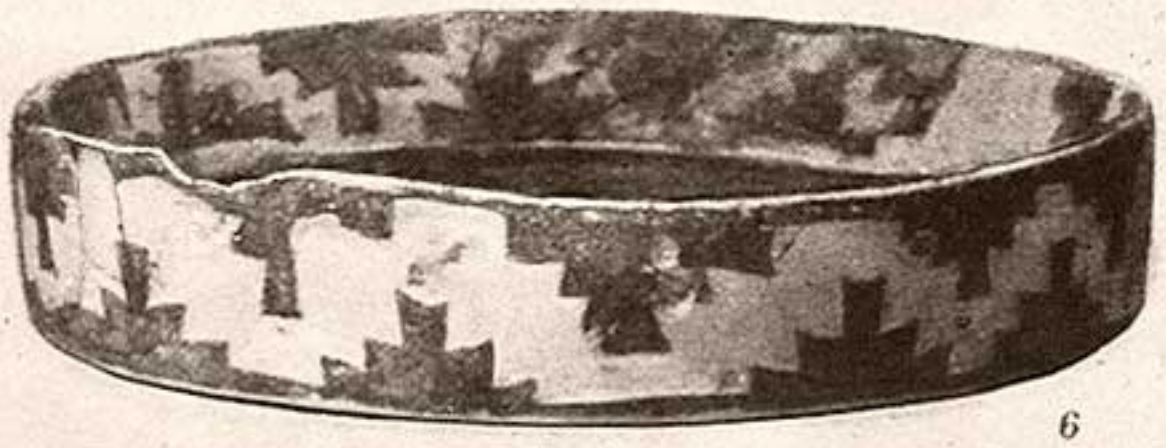
3

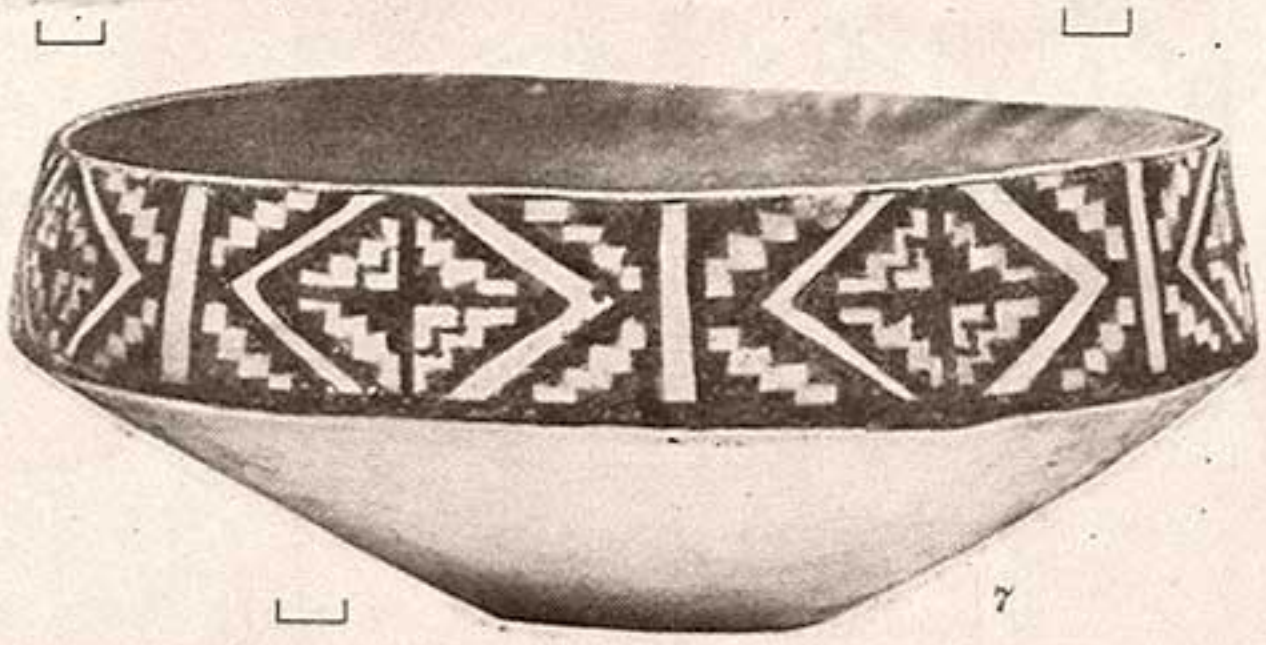
4

5

6

7

Табл. IV. Расписная керамика позднего энеолита и ранней бронзы.

1, *2* — раскоп 5, четвертый горизонт, погребальная камера 47; *3*, *4*, *7* — раскоп 1, горизонт Алтын 10, погр. 296; *5* — раскоп 5, пятый горизонт, пом. 15; *6* — раскоп 1, горизонт Алтын 9, погр. 282.

1

2

Табл. V. Расписная керамика времени Намазга IV.

1 — раскоп 5, пятый горизонт, пом. 1; *2* — раскоп 1, горизонт Алтын 4.

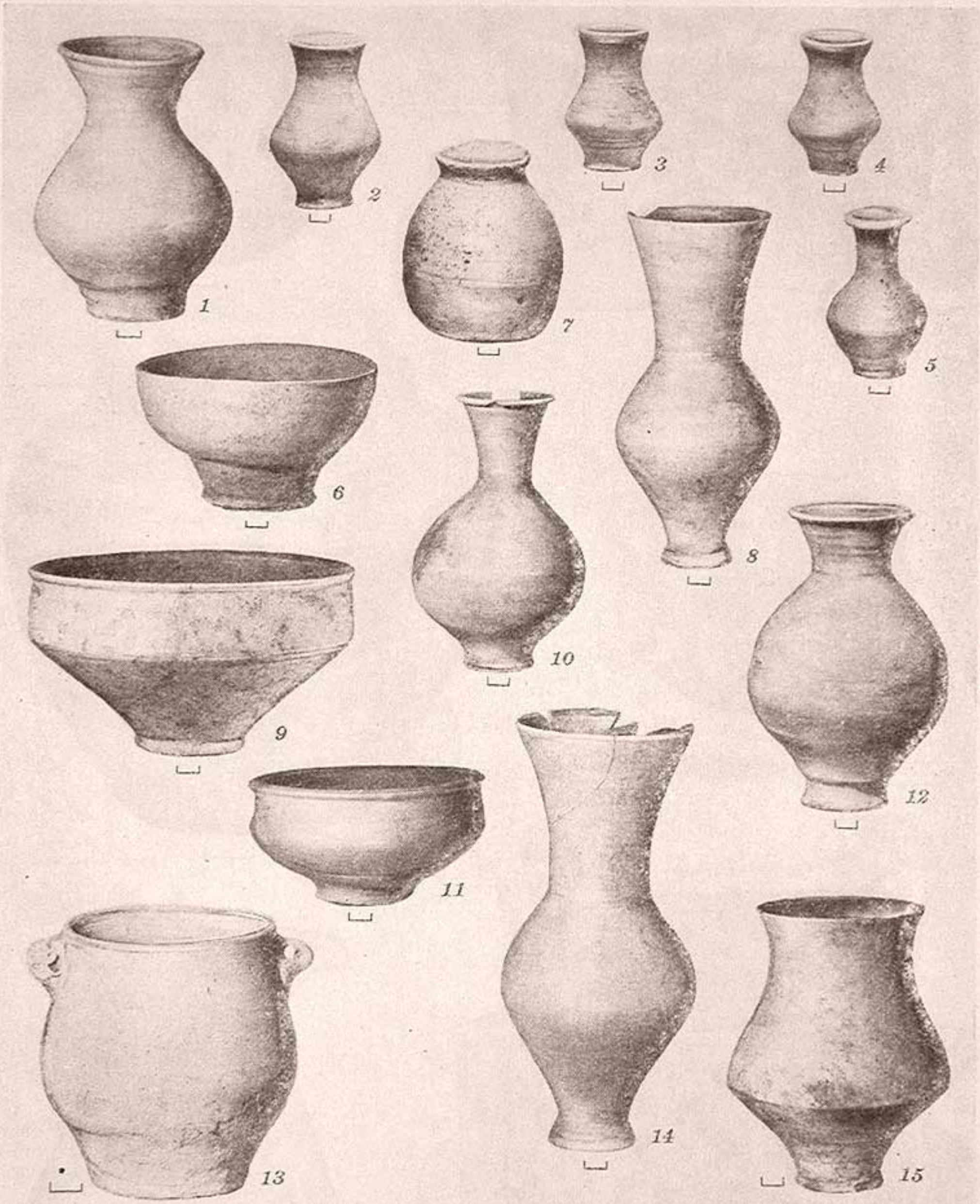

Табл. VI. Керамика времени Намазга V.

1 — раскоп 5 (сосуды раскопа 5 в табл. VI — из первого горизонта); *2* — раскоп 5, пом. 23; *3* — раскоп 5, пом. 24; *4, 6, 8, 10—12* — раскоп 5, погребальная камера 13; *5, 7* — погр. 252; *9, 15* — раскоп 5, погр. 39; *13, 14* — раскоп 1, верхний горизонт.

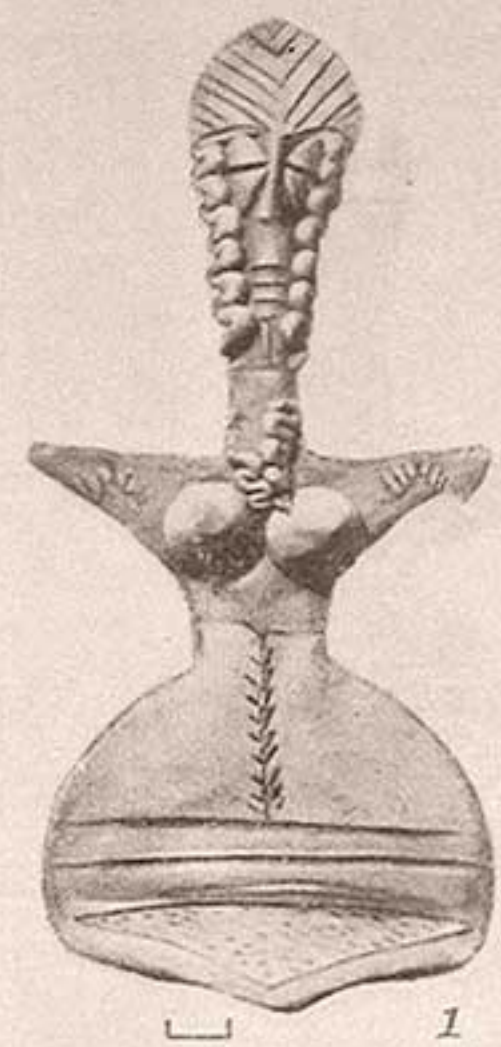

Табл. VII. Каменные сосуды.

1 — погр. 252; *2* — раскоп 5, первый горизонт, погребальная камера 13; *3* — раскоп 5, четвертый горизонт, пом. 47; *4* — раскоп 9, пом. 136; *5* — раскоп 1, горизонт Алтын 9, очаг; *6* — раскоп 1, горизонт Алтын 10 погр. 296.

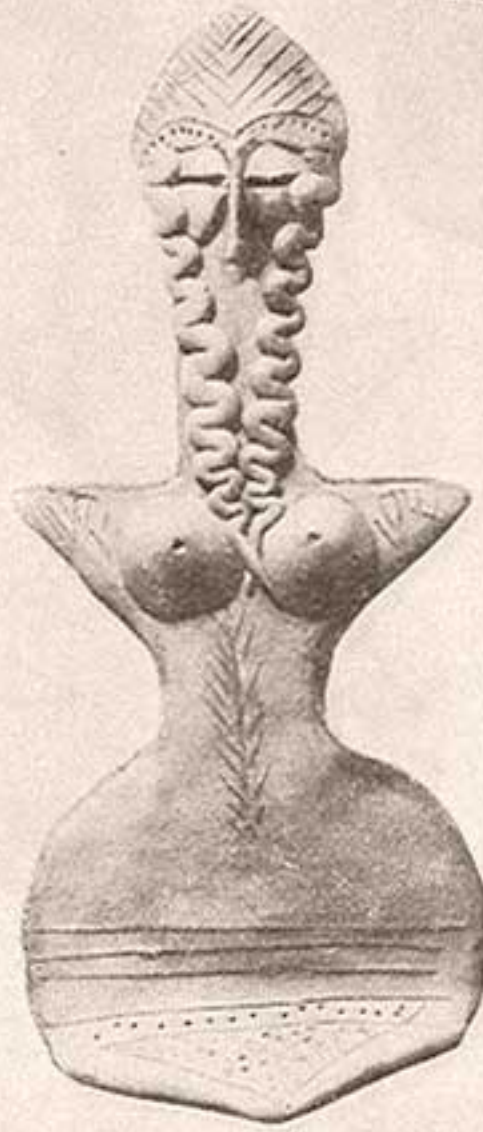

1

2

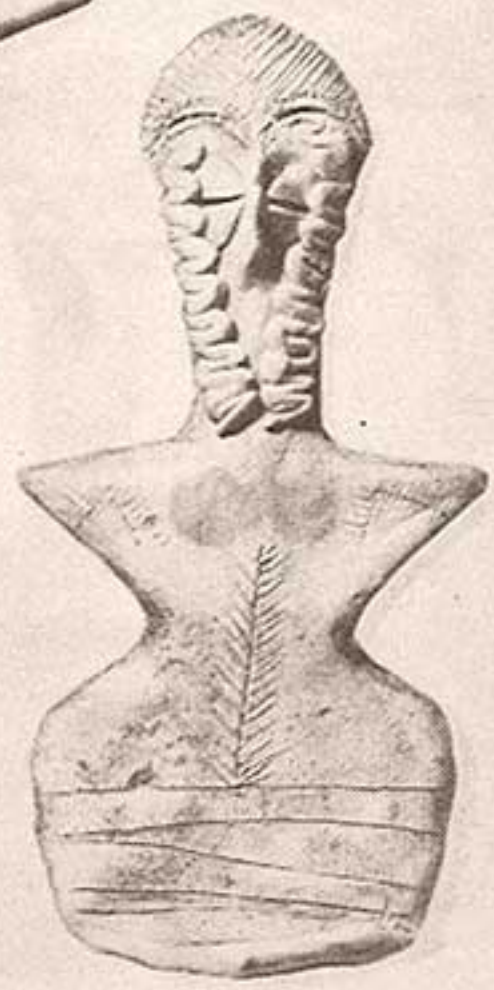

3

4

5

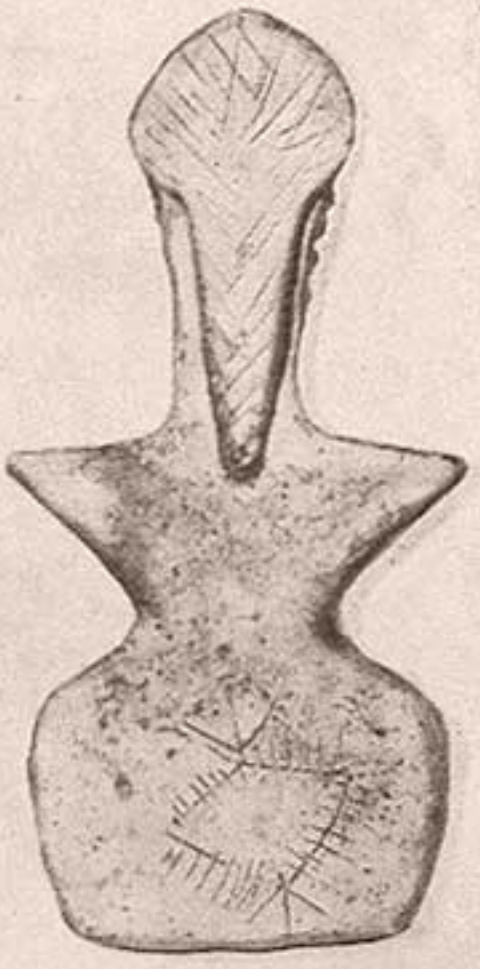

Табл. VIII. Женские терракотовые статуэтки.

1 — раскоп 9, пом. 10; *2* — раскоп 9, коридор погребальной камеры 9; *3* — раскоп 9, погребальная камера 11; *4* — раскоп пом. 44; *5* — раскоп 5, первый горизонт, погребальная камера 13.

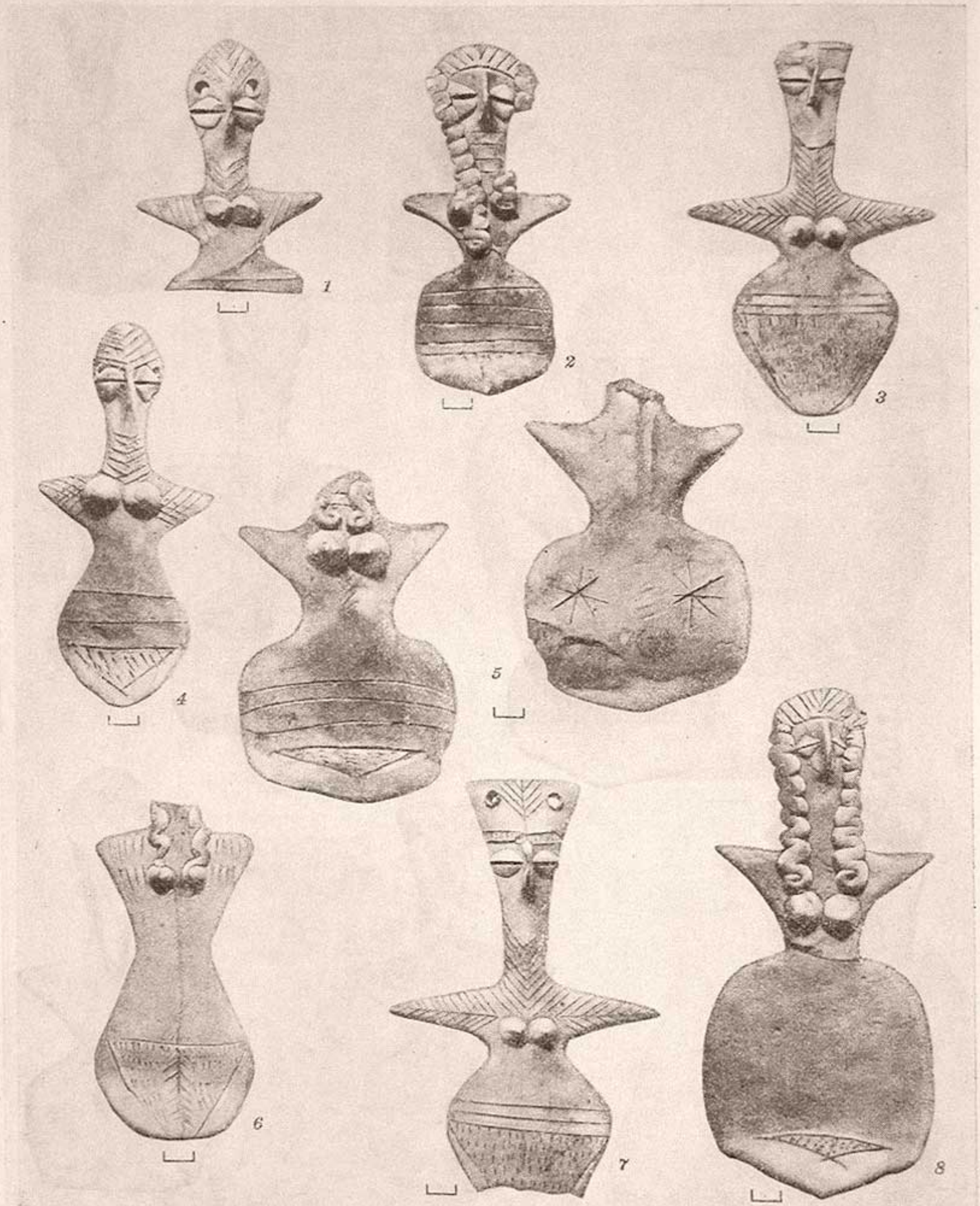

Табл. IX. Женские терракотовые статуэтки.

1 — раскоп 9; *2* — раскоп 9, пом. 124; *3*, *7* — раскоп 9, двор *Б*; *4* — раскоп 9, дерновый слой; *5* — раскоп 9, пом. 51; *6* — раскоп 9, пом. 210; *8* — раскоп 10.

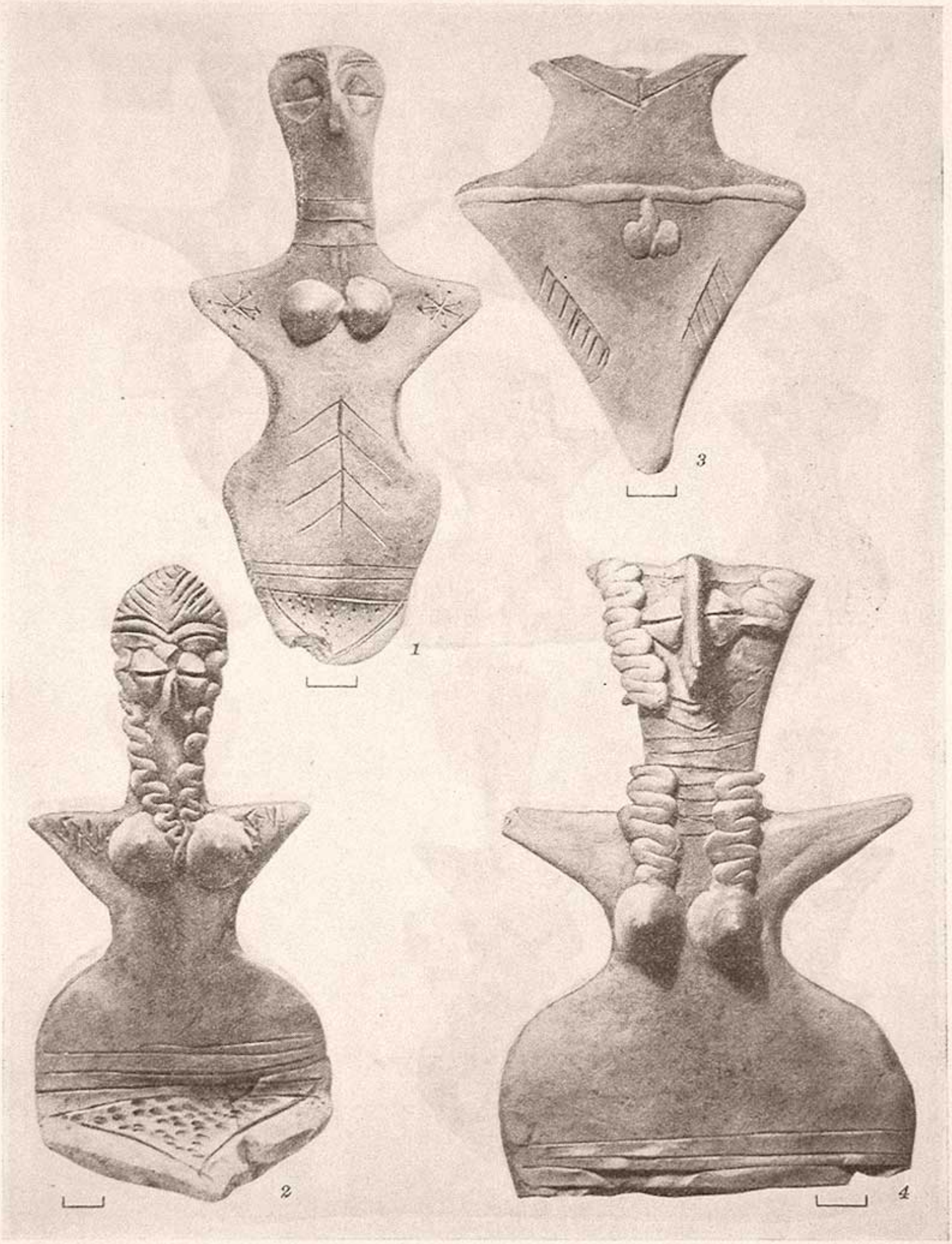

Табл. X. Женские и мужская терракотовые статуэтки.

1, *4* — раскоп 5, второй горизонт; *2* — раскоп 9, пом. 125; *3* — раскоп 9, дерновый слой.

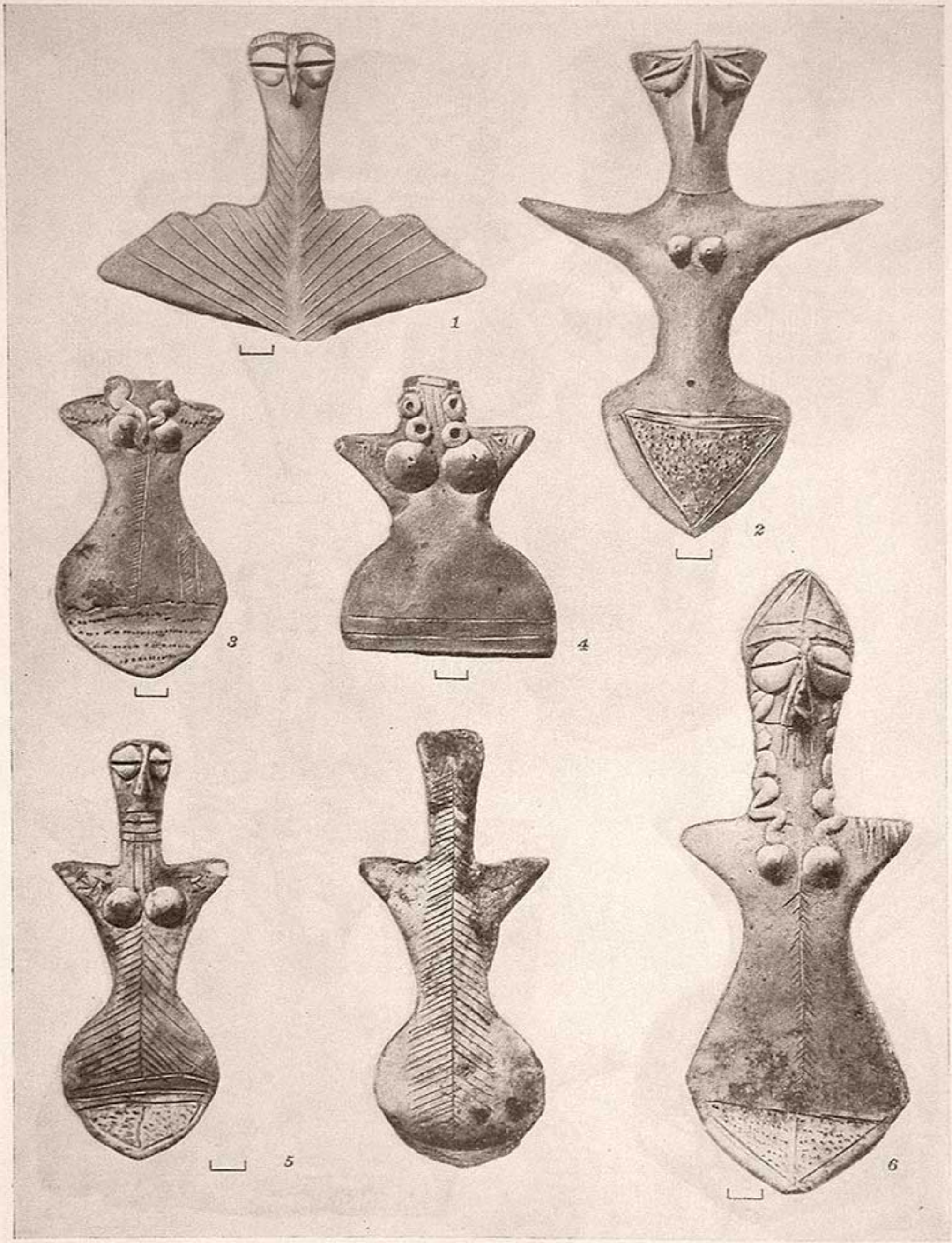

Табл. XI. Женские терракотовые статуэтки.

1 — раскоп 9, улица Имдугуд; *2* — раскоп 9, дерновый слой; *3* — раскоп 9, пом. 72; *4* — раскоп 9, пом. 62, *5*, *6* — раскоп 5, первый горизонт, погр. 60.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

Табл. XII. Женские и мужские статуэтки, антропоморфные фигурки.

1—6, 10—12 — раскоп 1, горизонт Алтын 3; *7* — раскоп 8, пом. 25; *8* — подъемный материал; *9* — раскоп 5, дерновый слой.

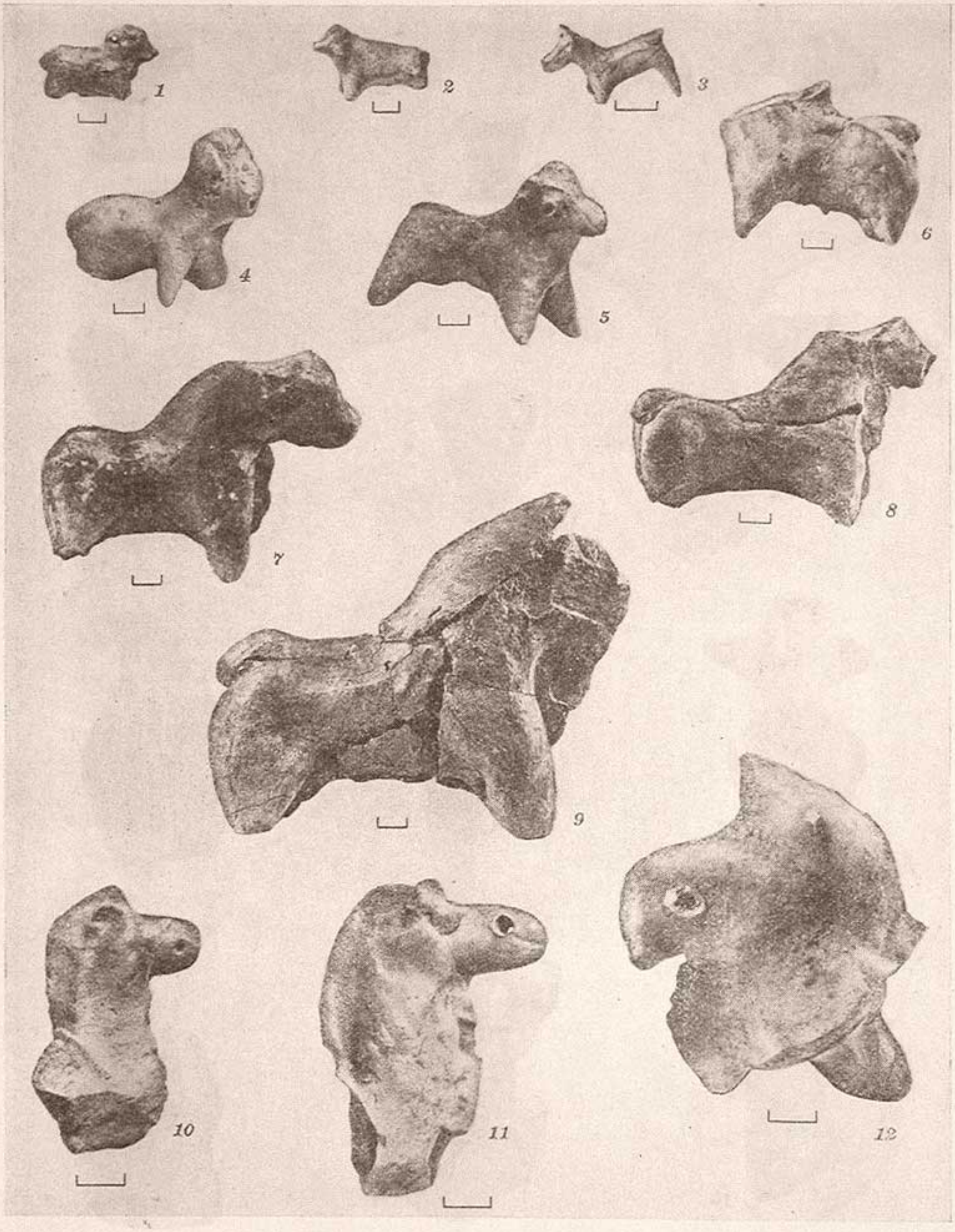
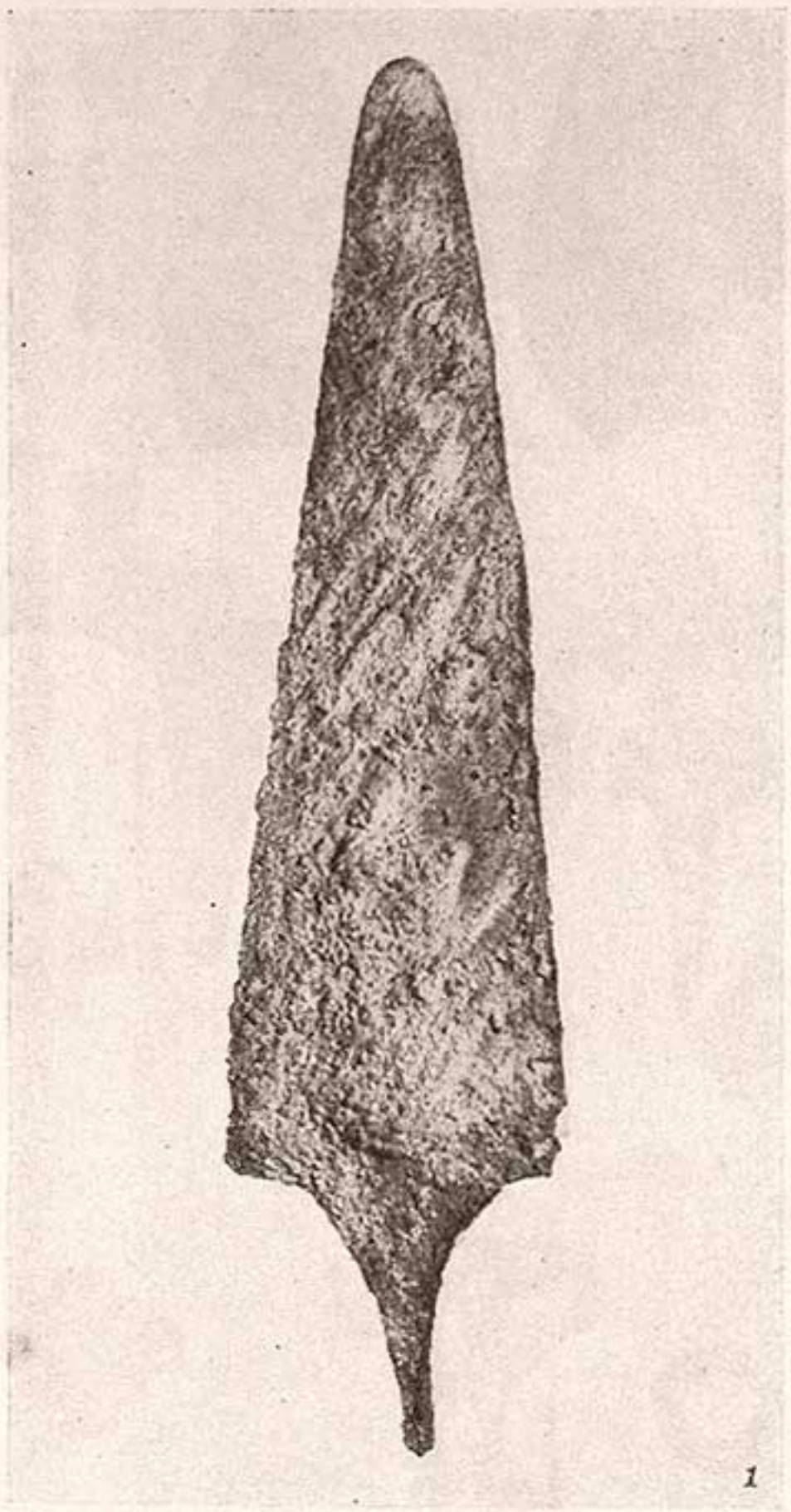
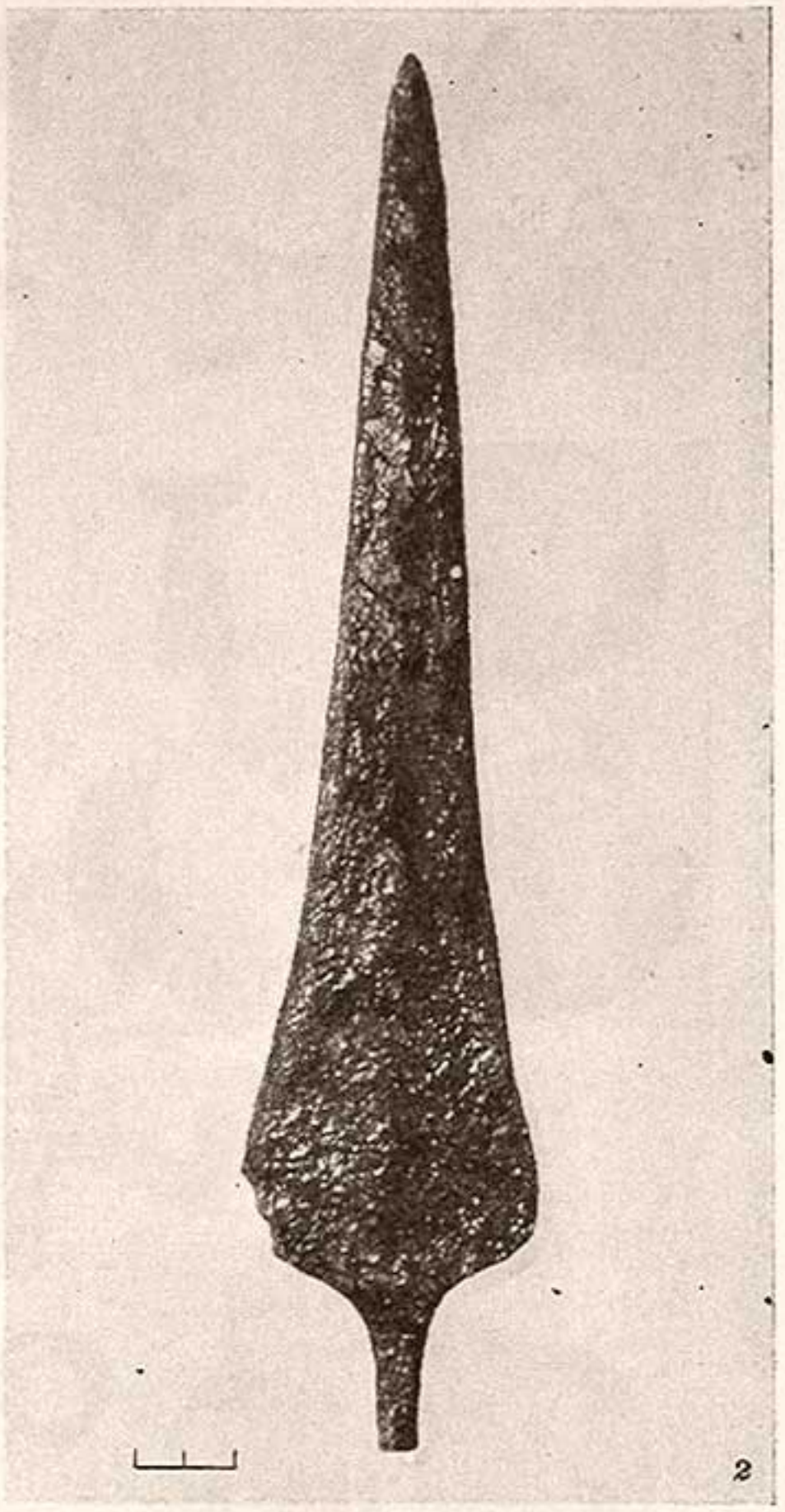

Табл. XIII. Фигурки животных.

1—3, 6—9 — раскоп 1, горизонт Алтын 3; *4* — раскоп 9, пом. 110/114; *5* — раскоп 9, пом. 115; *10* — раскоп 7, нижний горизонт; *11* — раскоп 8, пом. 32; *12* — раскоп 9, пом. 152.

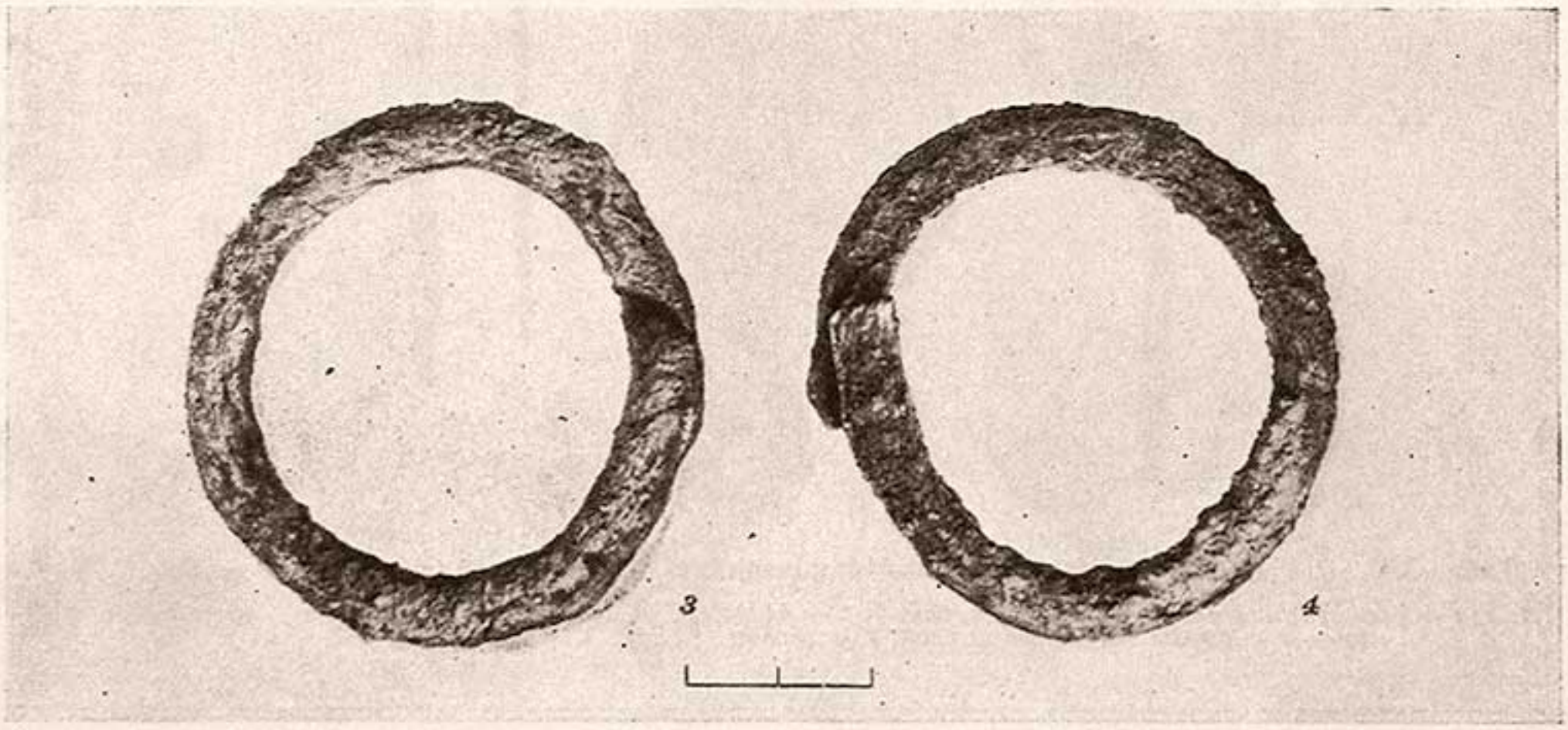

Табл. XIV. Металлические изделия.

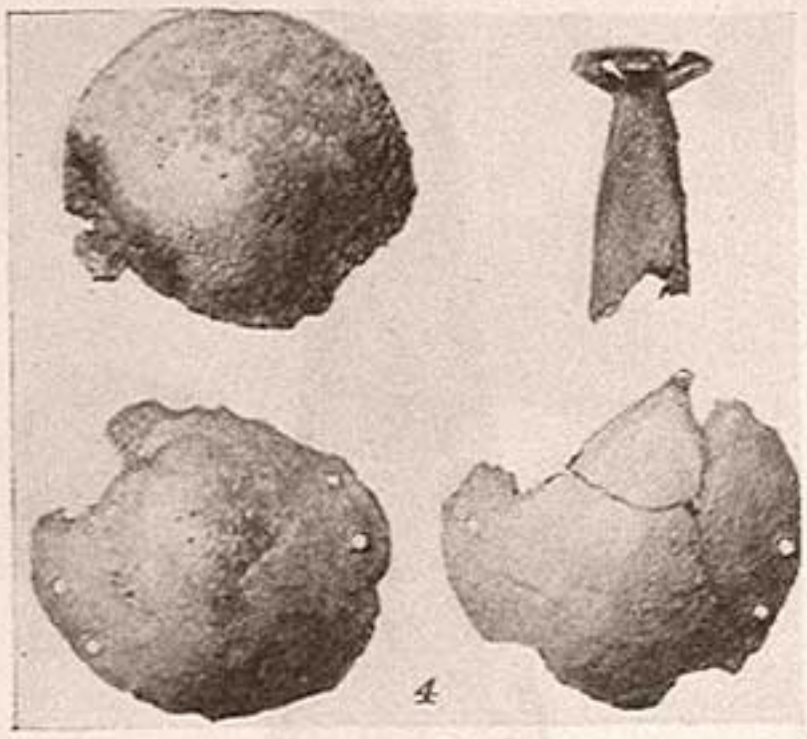
1 — раскоп 1, погр. 4; *2* — раскоп 8, пом. 25; *3*, *4* — подъемный материал.

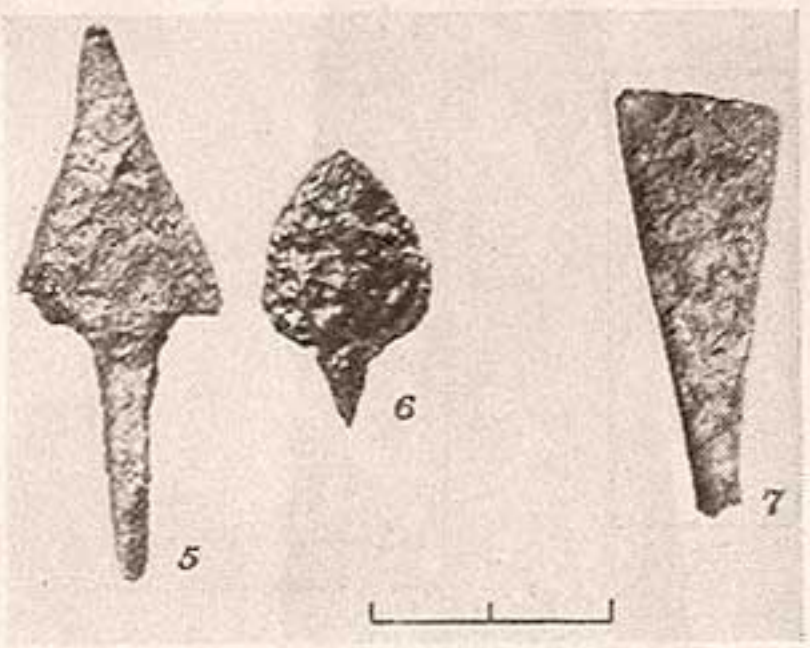

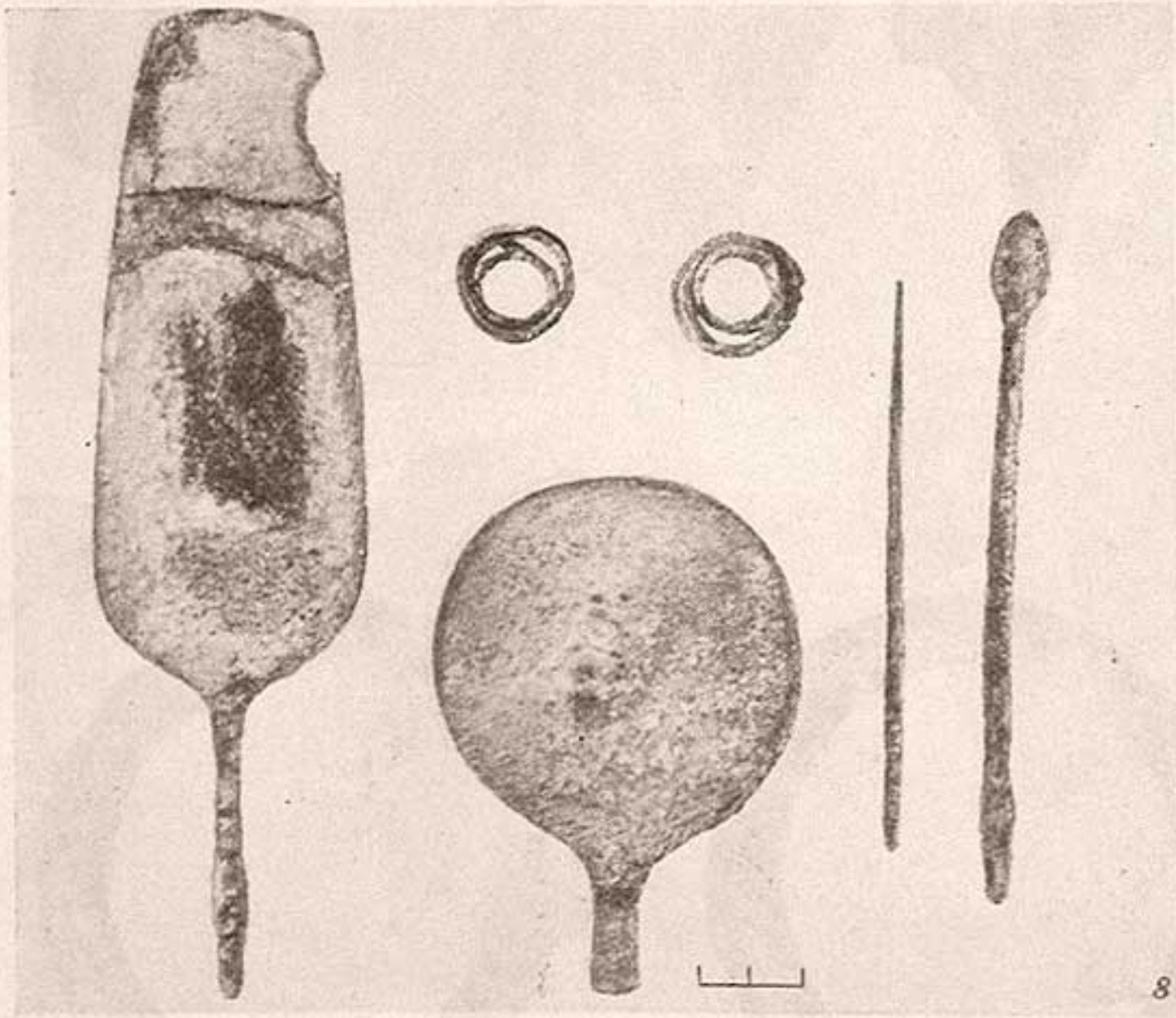

Табл. XV. Каменные вставки, кремневые наконечники стрел и металлические изделия.

1, *2*, *4* — раскоп 7, жреческая усыпальница, пом. 7; *3* — раскоп 9, дерновый слой; *5* — раскоп 5, третий горизонт; *6* — раскоп 10, дерновый слой; *7* — раскоп 11, ярус XIX; *8* — погр. 252.

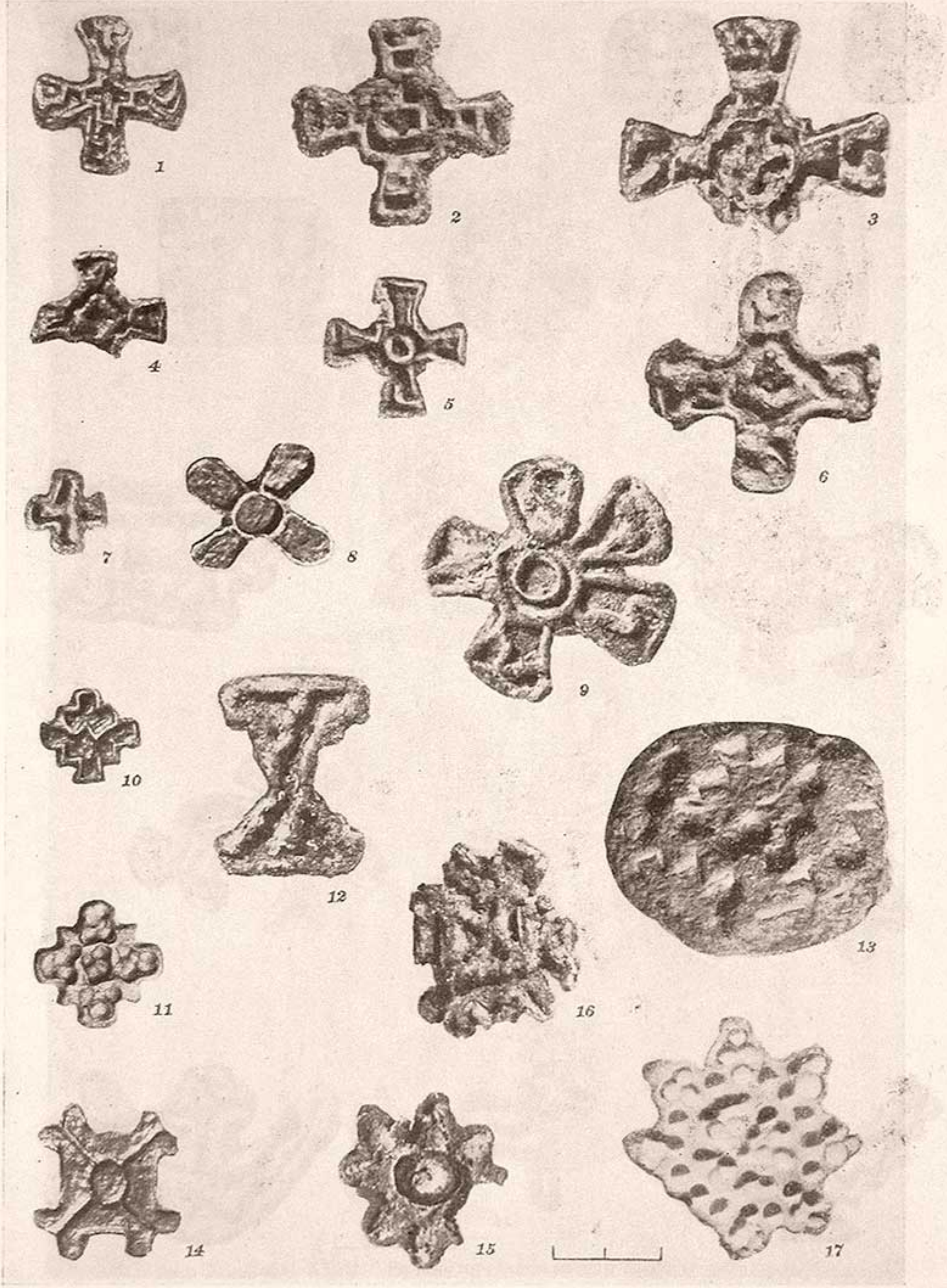

Табл. XVI. Печати крестообразной формы и их отпечатки.

1—10, *12*, *14—16* — металл; *11*, *17* — камень; *13* — терракота. *1* — раскоп 9, погребальная камера 9; *2—4*, 8, *13—17* — подъемный материал; *5* — раскоп 9, погребальная камера 125; *6* — раскоп 9, погребальная камера 124; *7* — подъемный материал, «центральная площадь»; *9* — раскоп 9, пом. 58; *10* — подъемный материал, «холм ремесленников»; *11* — раскоп 7, жреческая усыпальница, пом. 7; *12* — раскоп 5, второй горизонт, погр. 271.

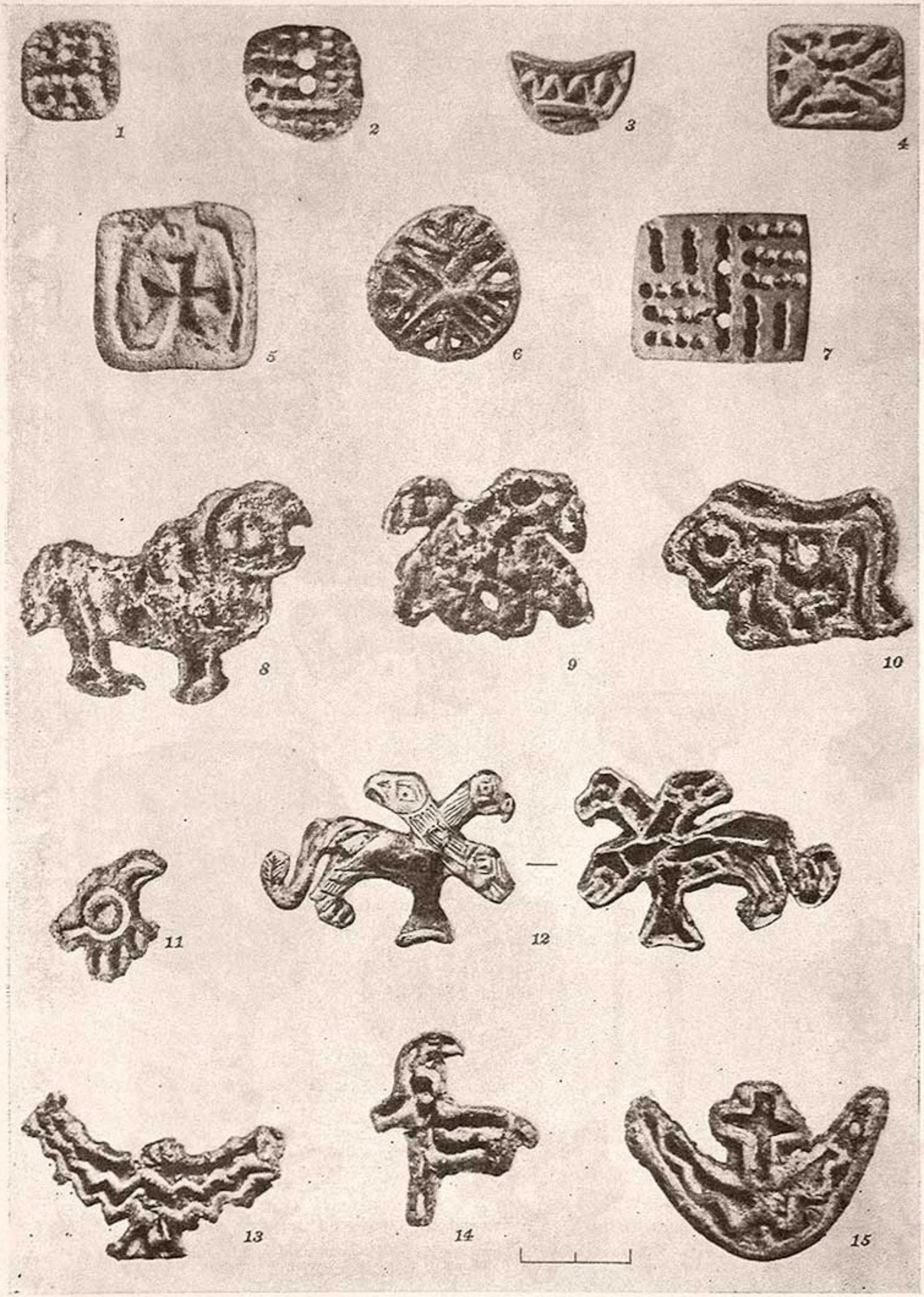

Табл. XVII. Печати геометрической и зооморфной формы.

1, *2*, *4*, *7* — камень; *3*, *5* — терракота; *остальное* — металл. *1*, *2*, *4*, *6* — подъемный материал; *3* — раскоп 9, восточная часть двора *A*; *5* — раскоп 11; *7* — раскоп 8; *8* — раскоп 9, пом. 60; *9* — раскоп 7, жреческая усыпальница, пом. 10, погр. 235; *10* *14* — раскоп 5, первый горизонт, погребальная камера 13; *11* — подъемный материал, «массив жилых кварталов»; *12* — раскоп 5, первый горизонт, погр. 60; *13* — раскоп 9, погребальная камера 125; *15* — раскоп 9, погребальная камера 124.

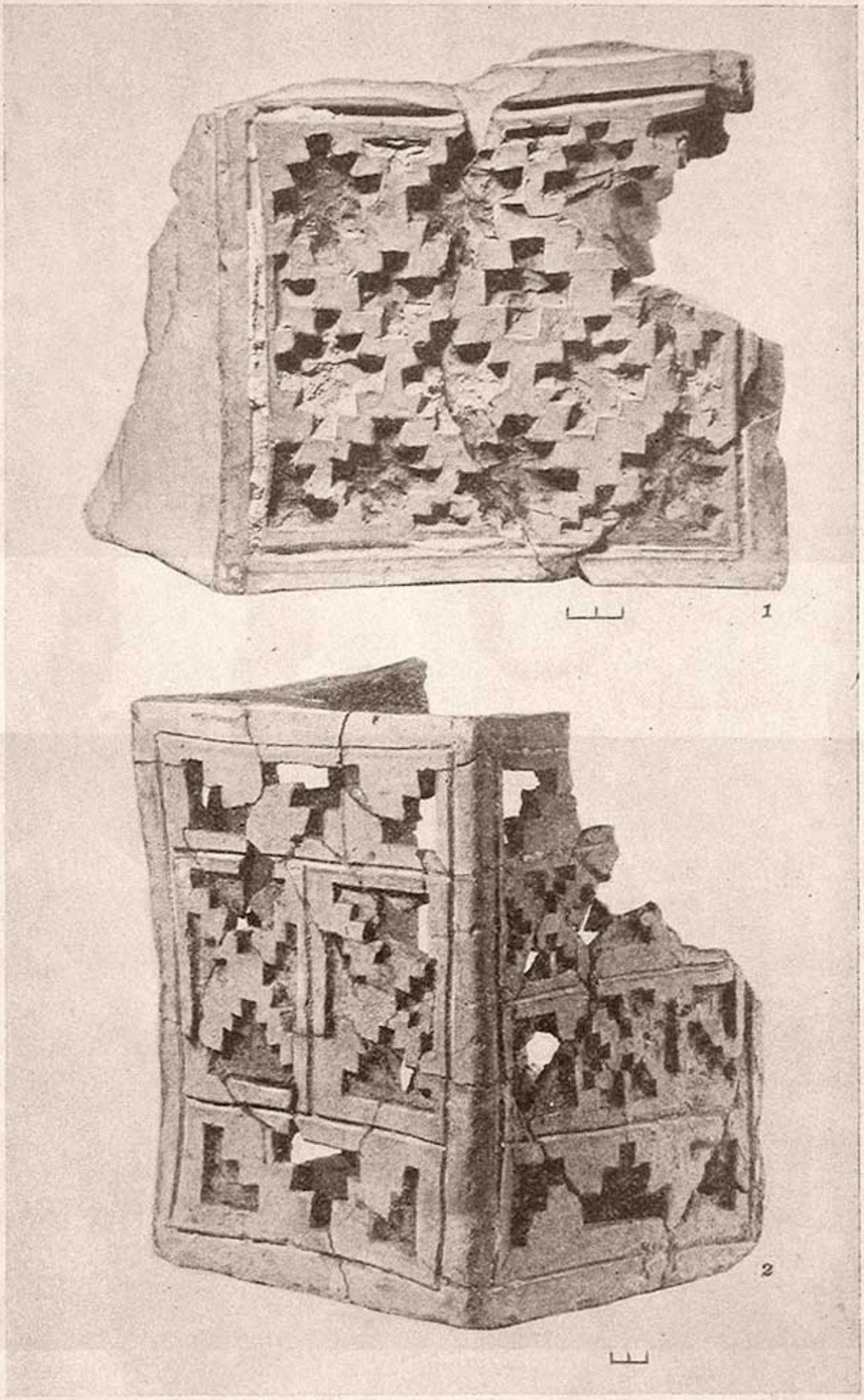
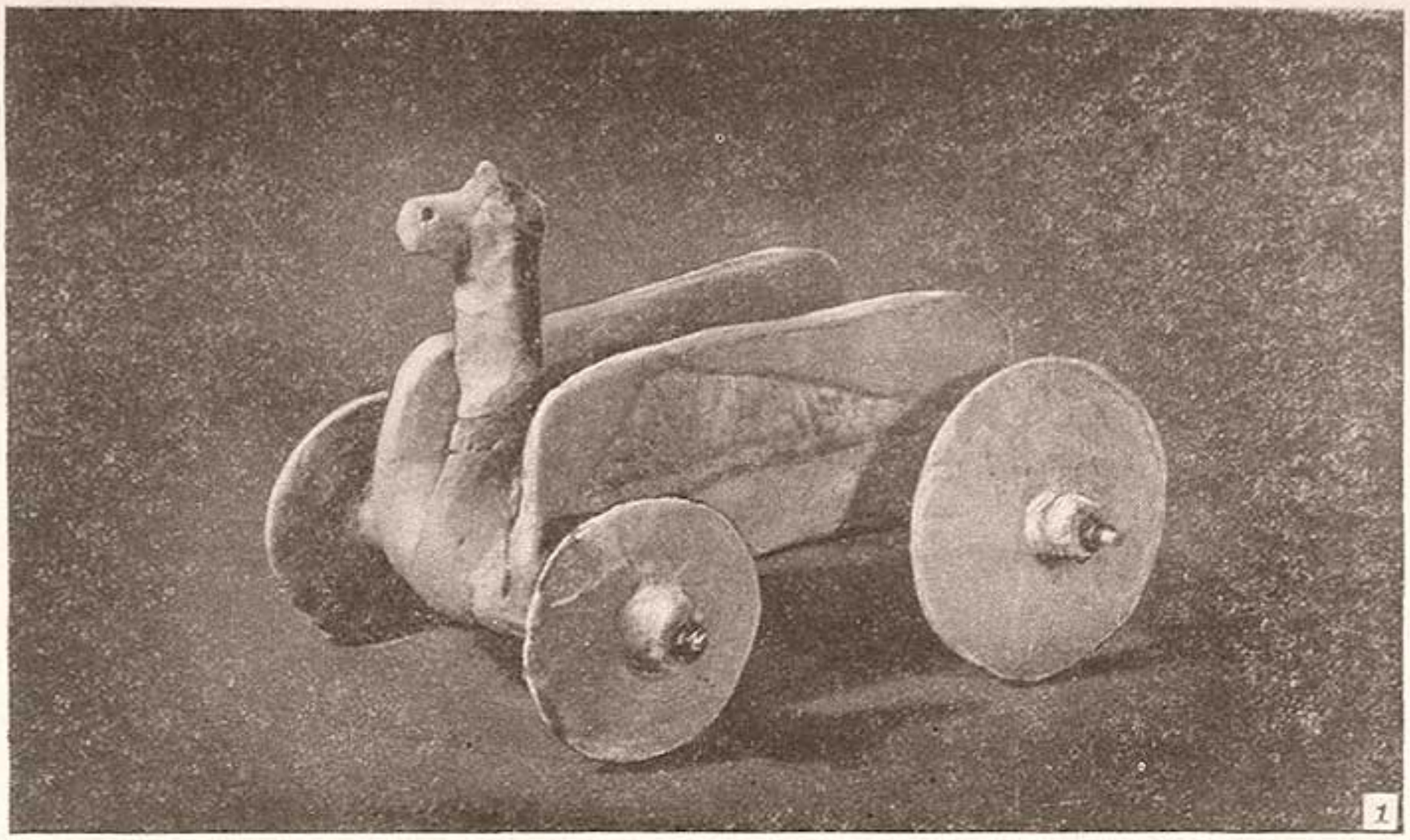

Табл. XVIII. Резные терракотовые коробочки (реликварии).

1 — раскоп 1, горизонт Алтын 6; *2* — раскоп 9, пом. 118.

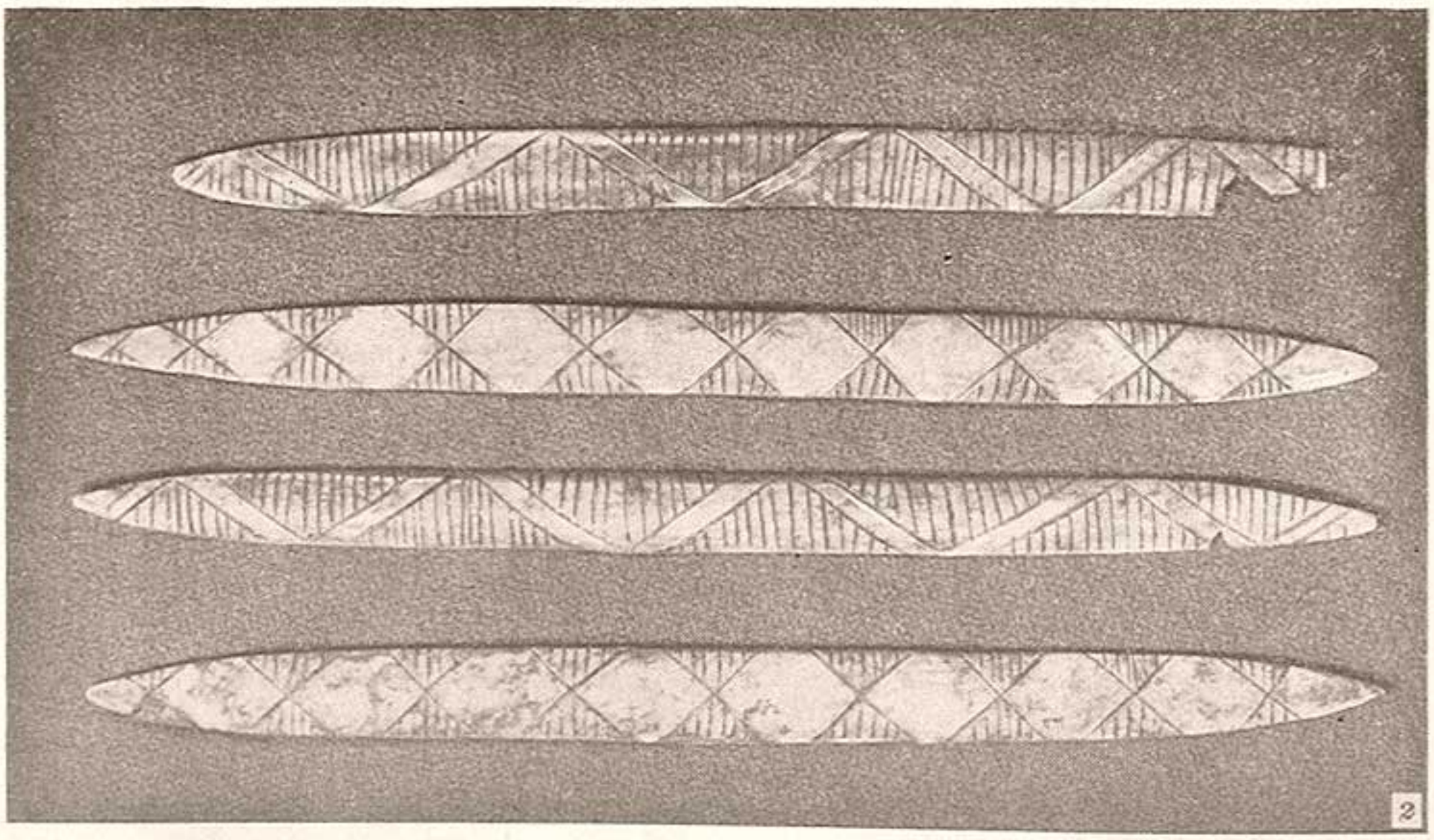
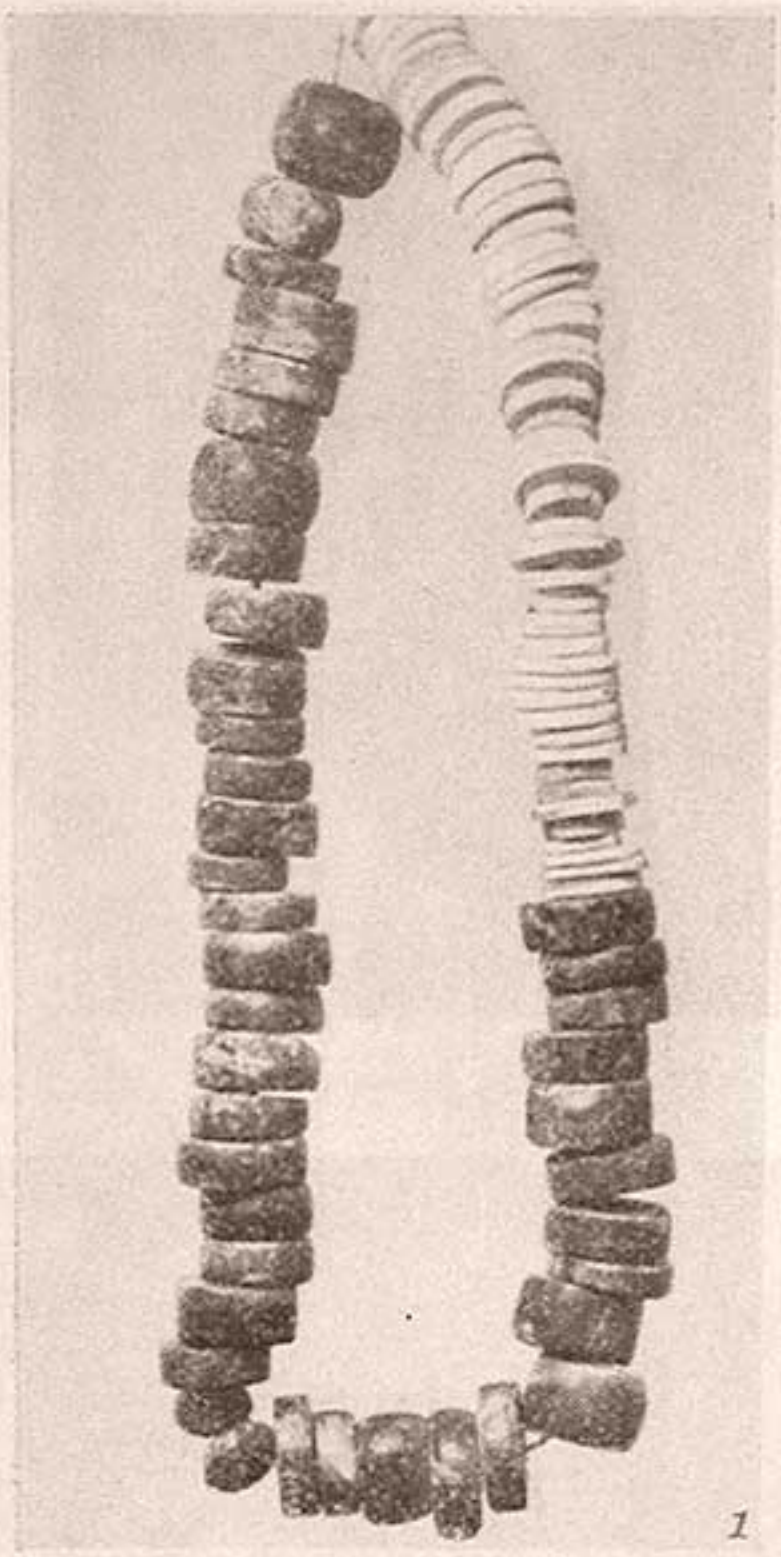
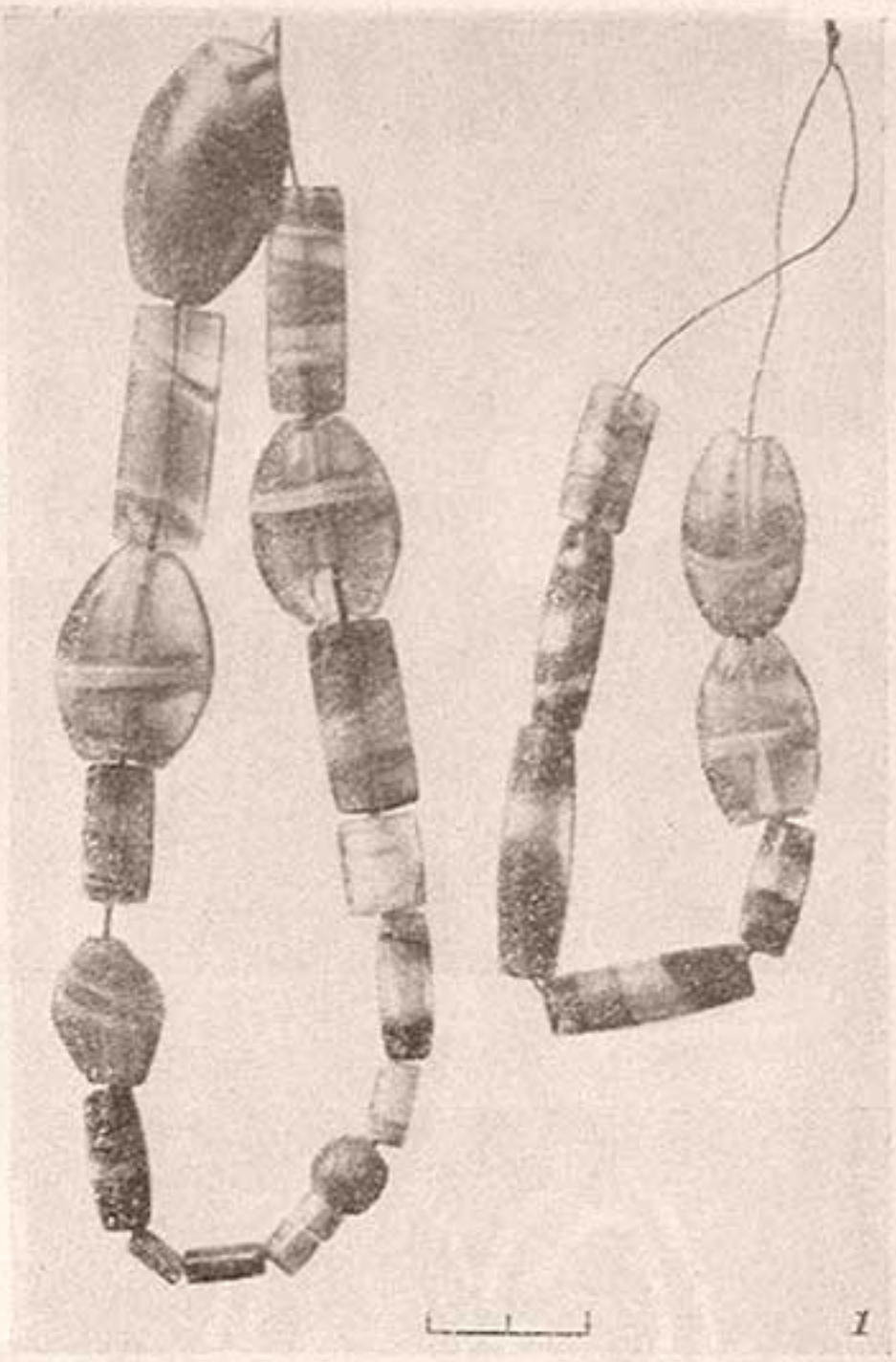

Табл. XIX. Терракотовая модель повозки (*1*). Костяные палочки (*2*).

1 — раскоп 5; *2* — раскоп 7, жреческая усыпальница, пом. 7

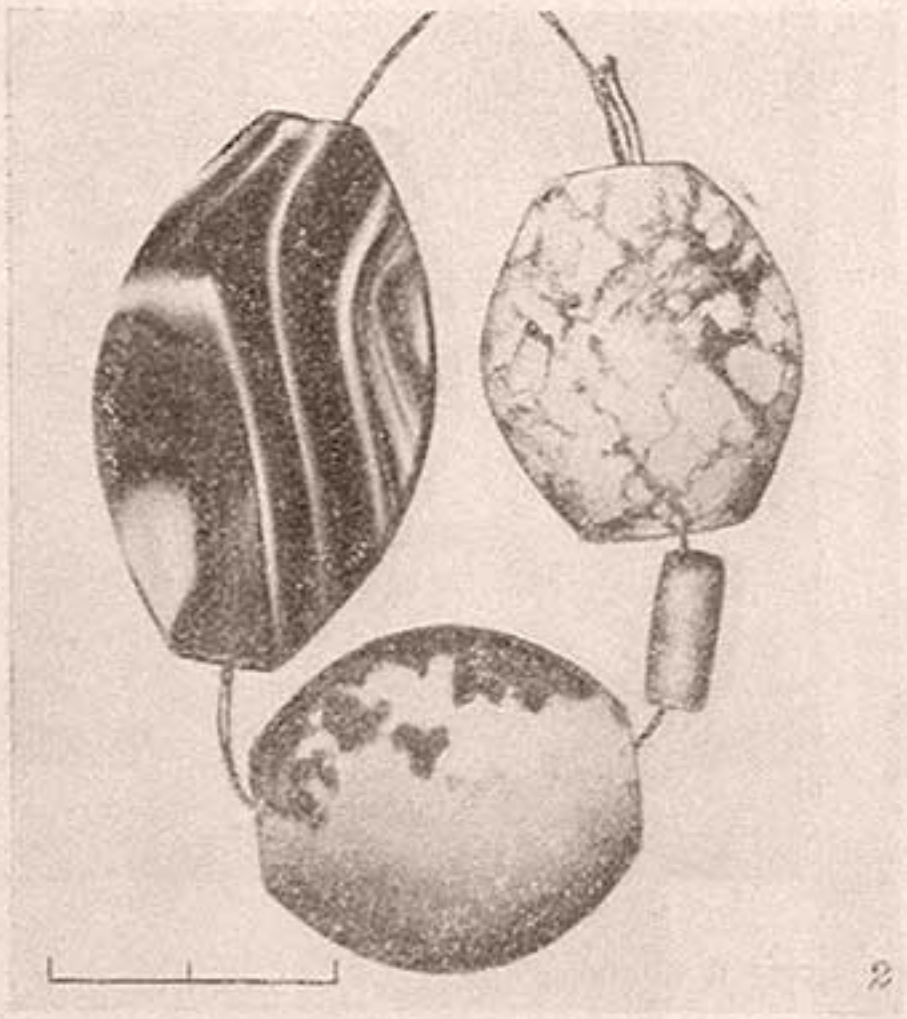
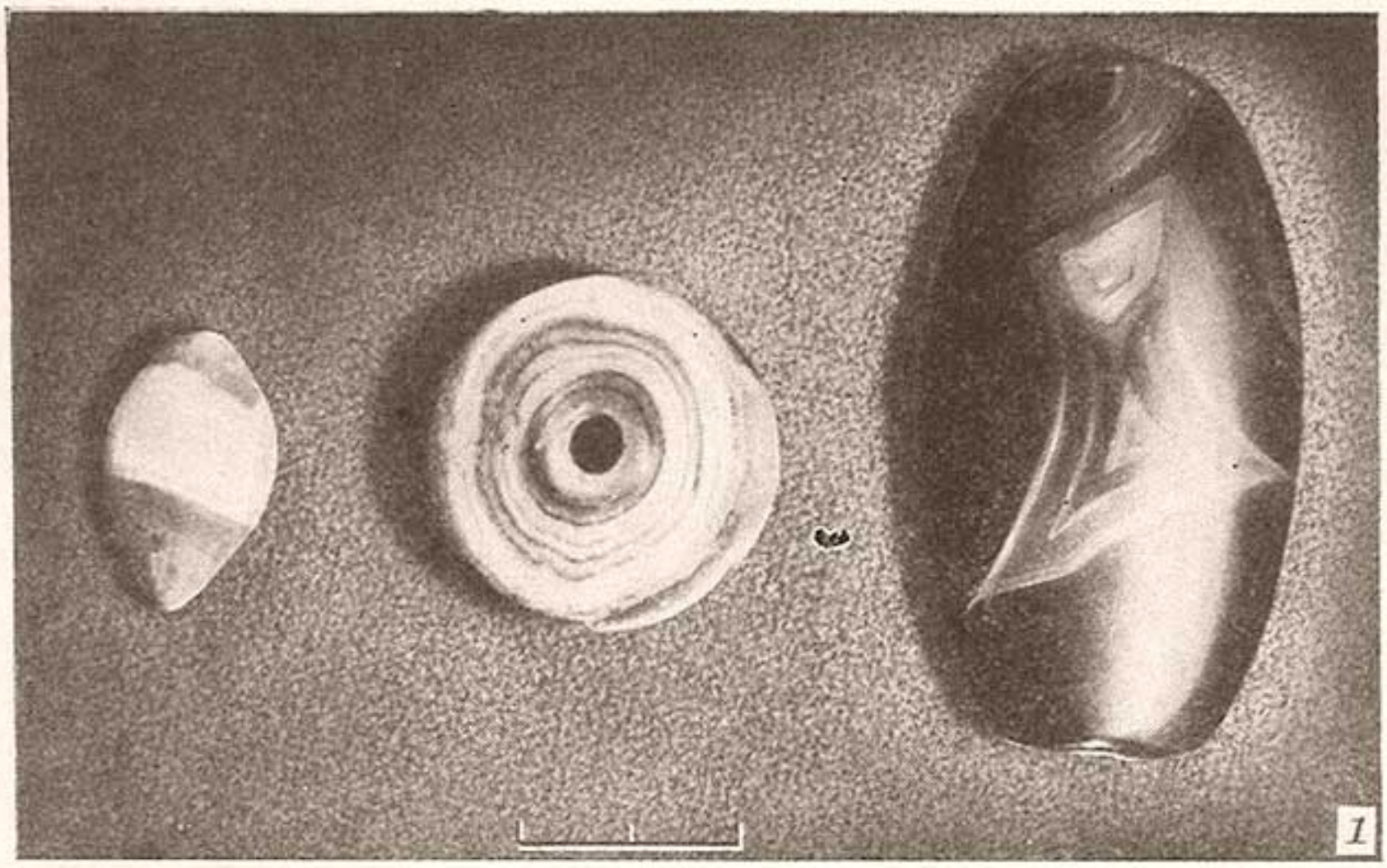

Табл. XX. Бусы из камня и слоновой кости (*1*, *2*). Зооморфный слив (*3*).

1 — раскоп 7, жреческая успыпальница, пом. 7; *2* — погр. 362; *3* — раскоп 5, улица.

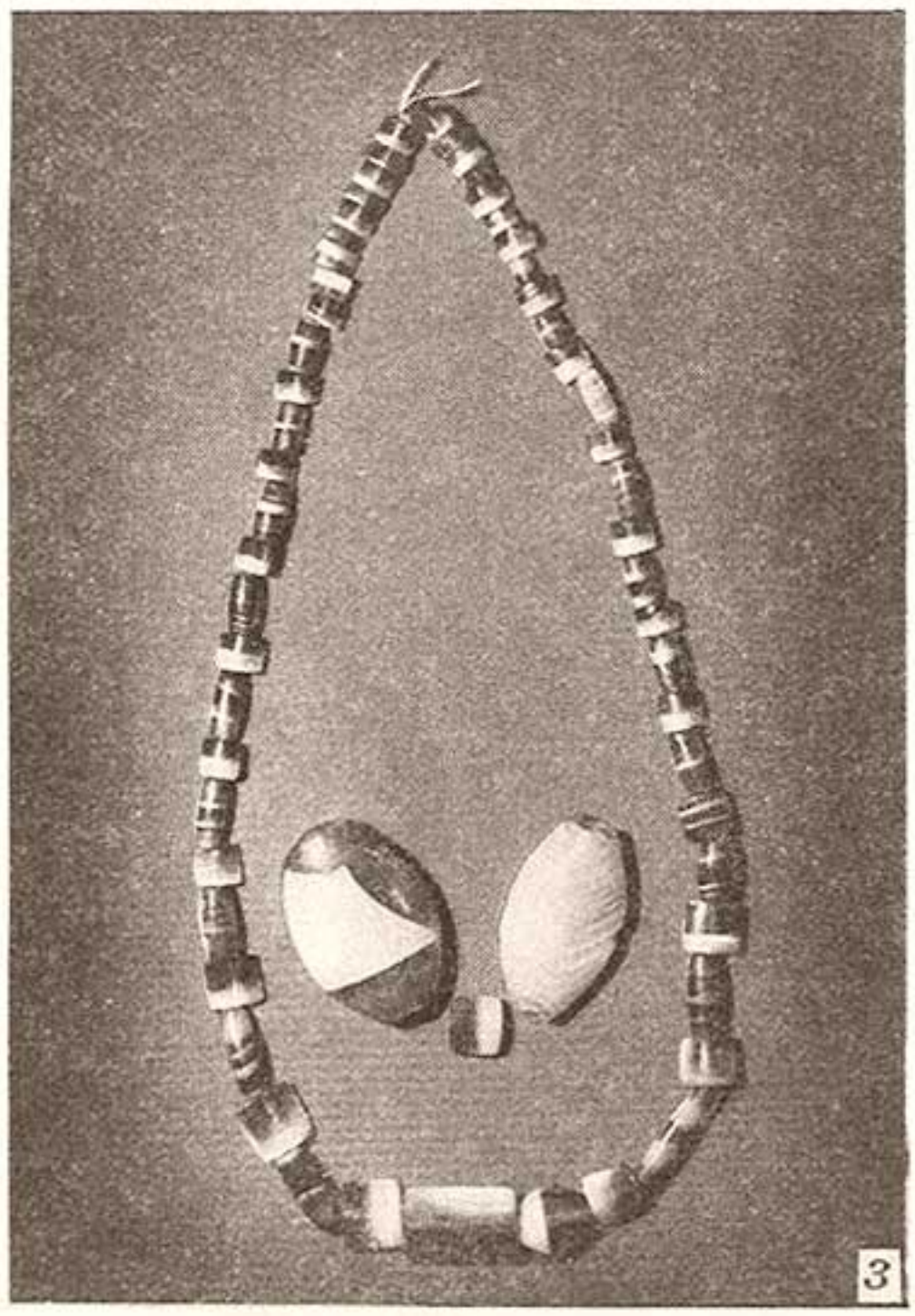
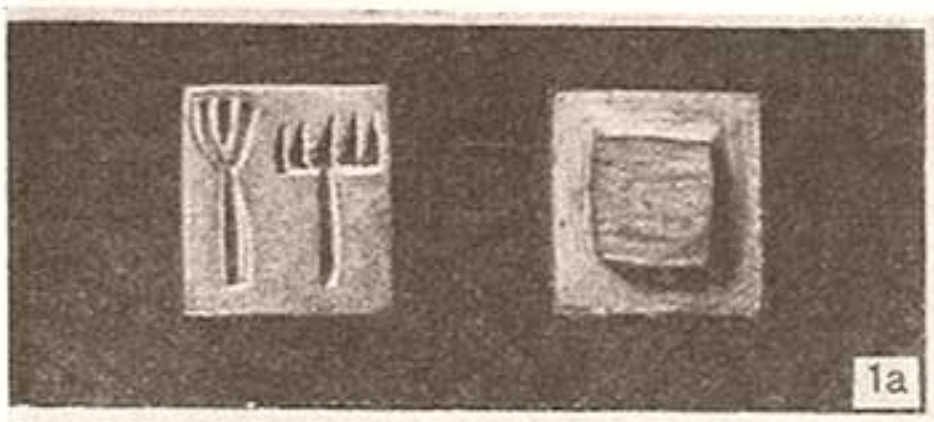
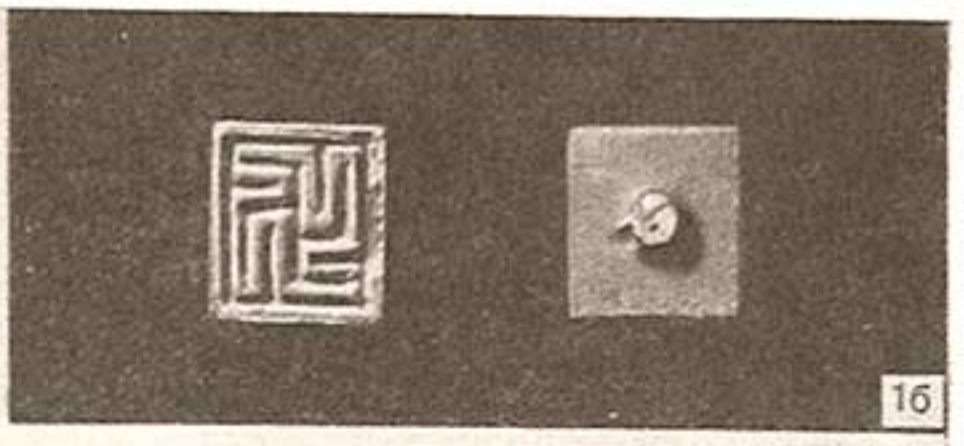
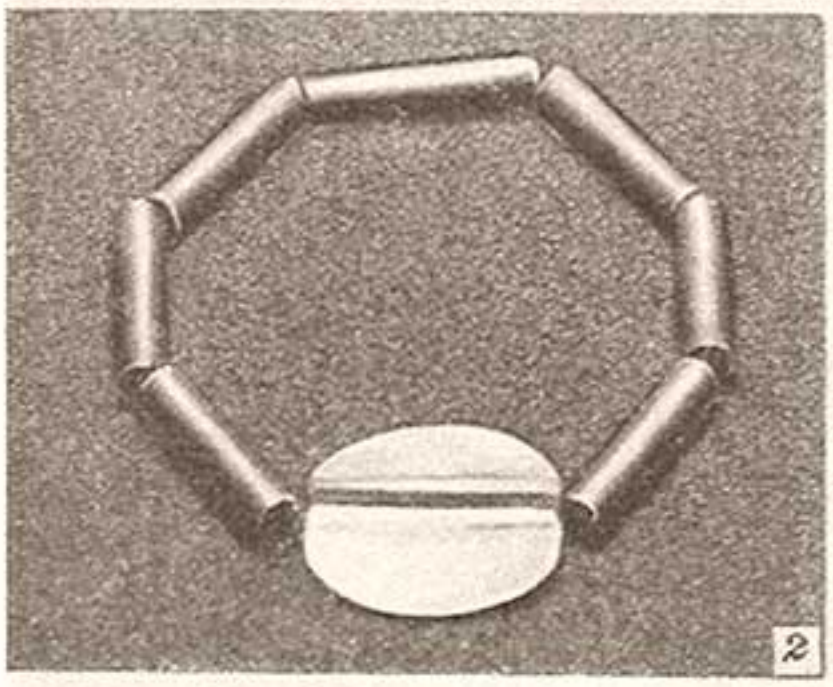

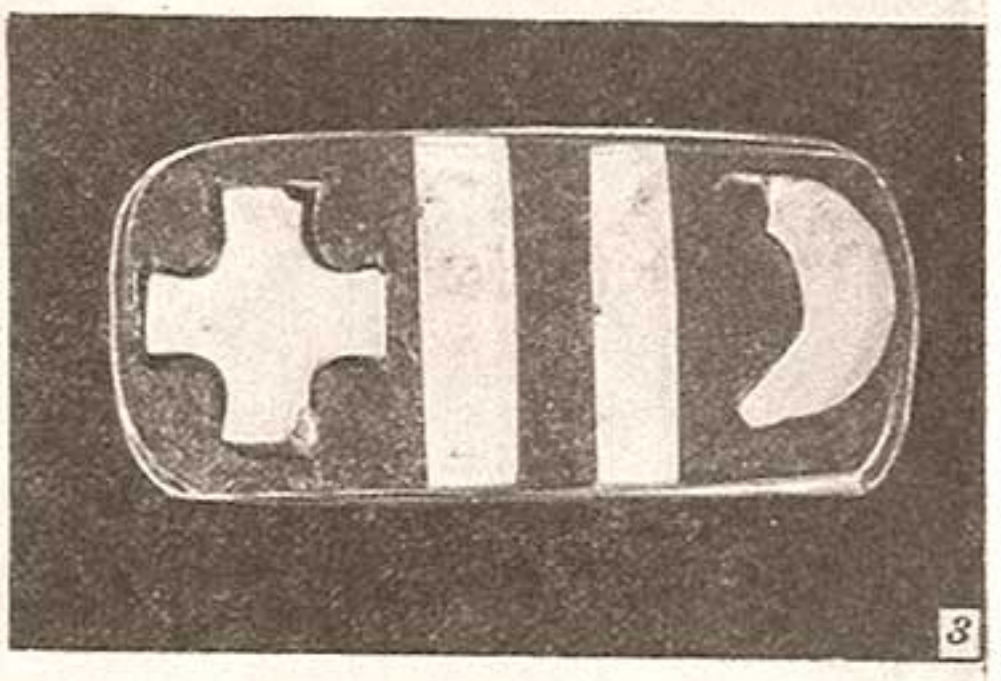
Табл. XXI. Каменные бусы и подвески.

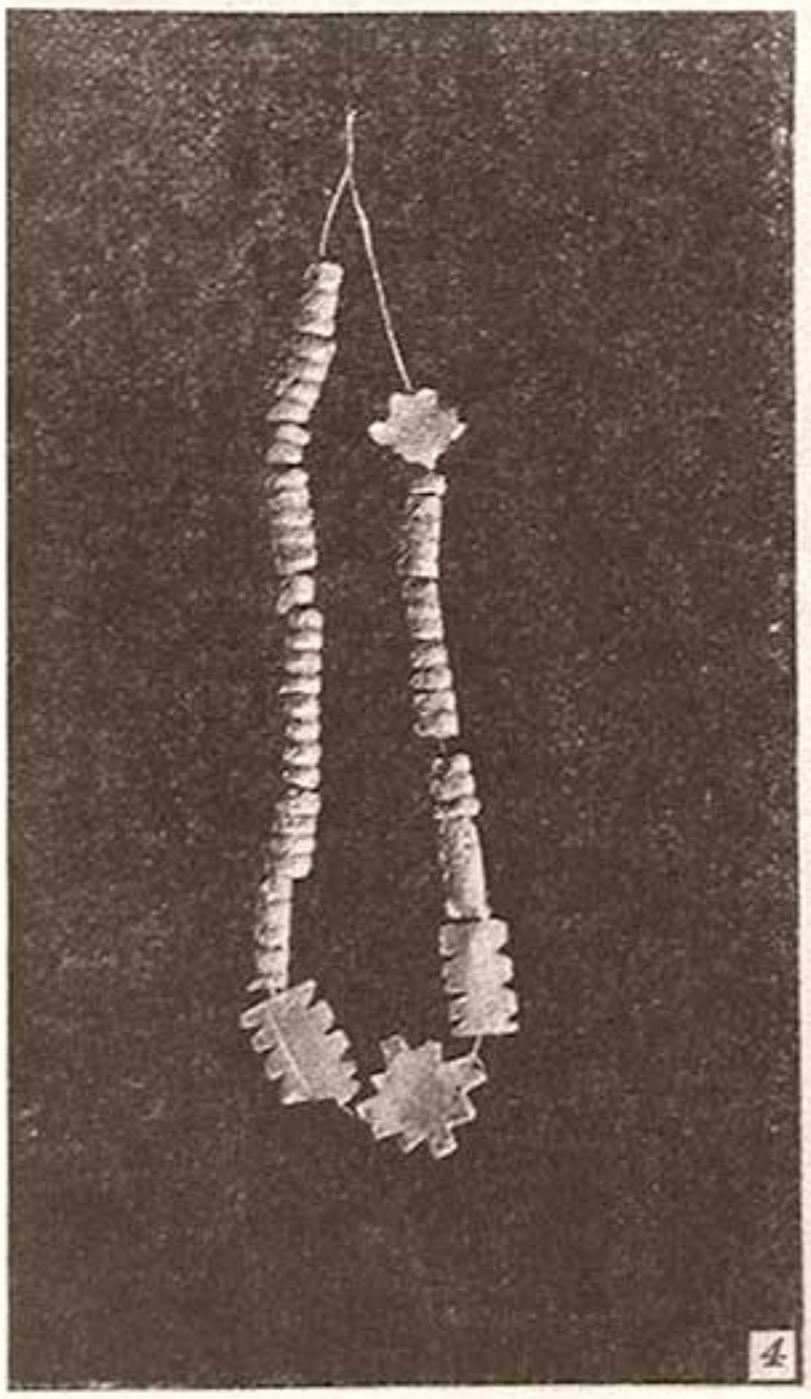
1, *2* — раскоп 7, жреческая усыпальница, пом. 7; *3* — раскоп 5, первый горизонт, погр. 60.

1а

1б

2

3

4

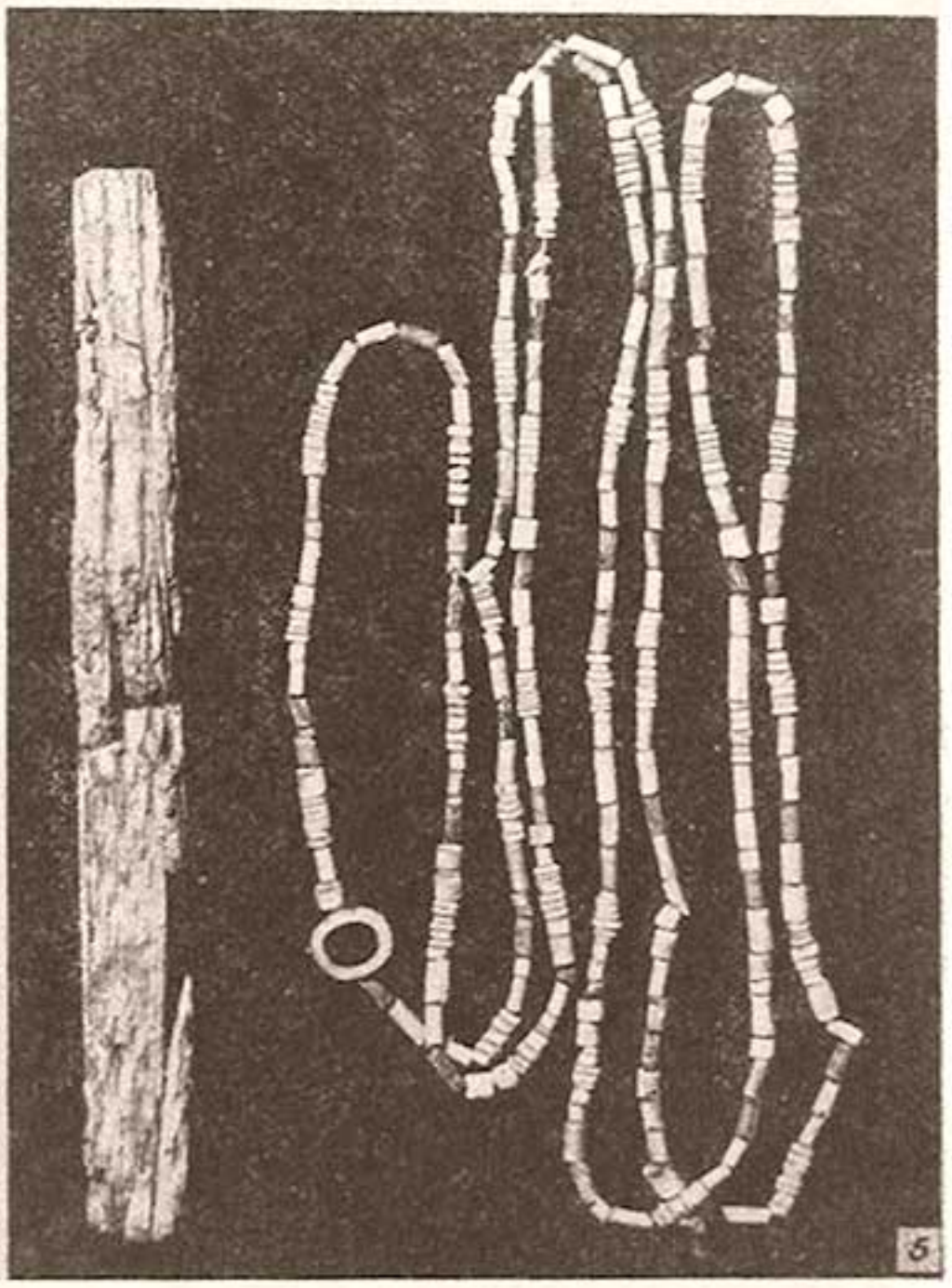
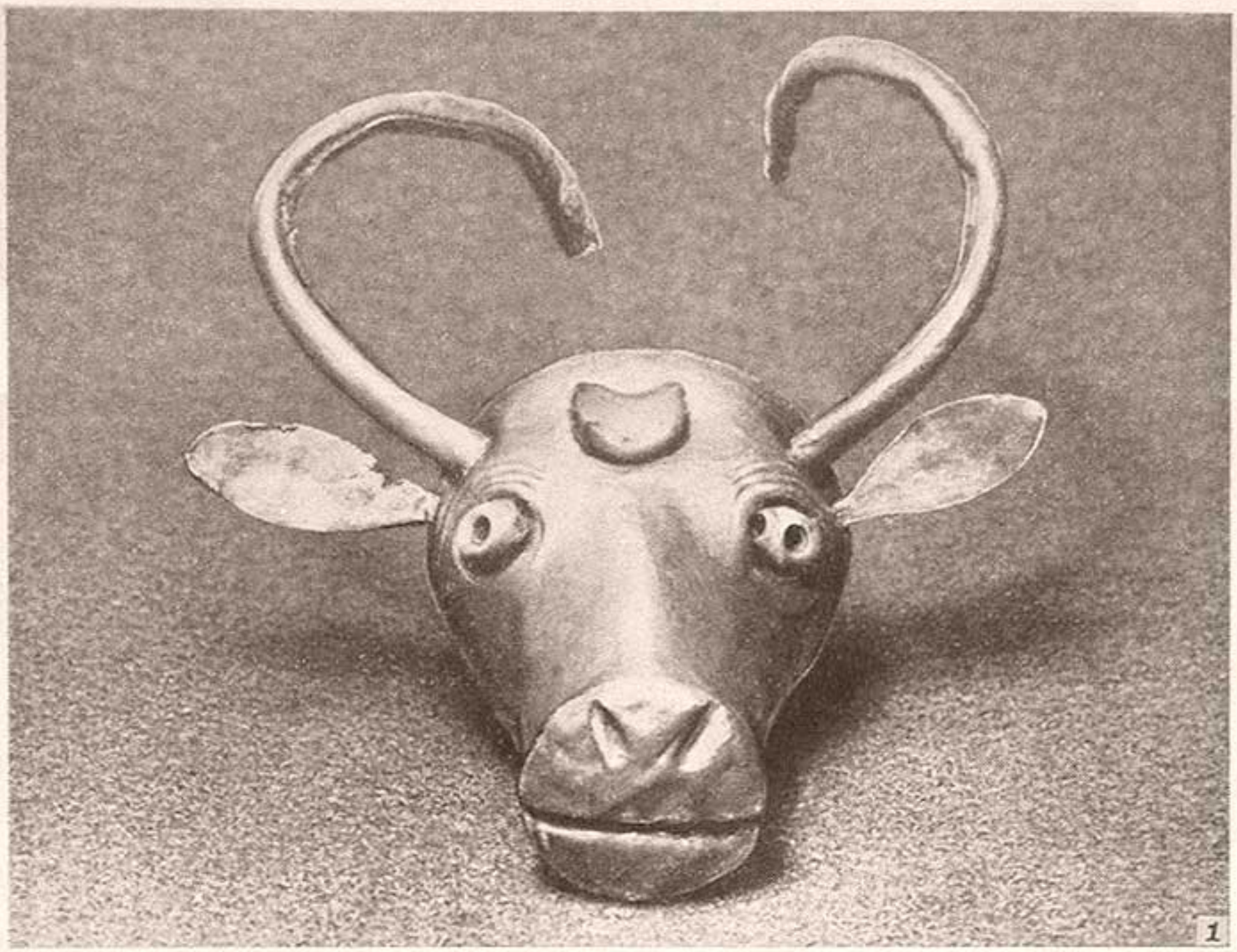

5

Табл. XXII. Печати протоиндийского типа (*1а*, *1б*). Золотые бусы (*2*). Каменная плакетка (*3*). Бусы и палочка из слоновой кости (*4*, *5*).

1а — раскоп 9; *1б—3* — раскоп 7, жреческая усыпальница, пом. 7; *4* — раскоп 5, первый горизонт, погр. 41; *5* — погр. 252.

1

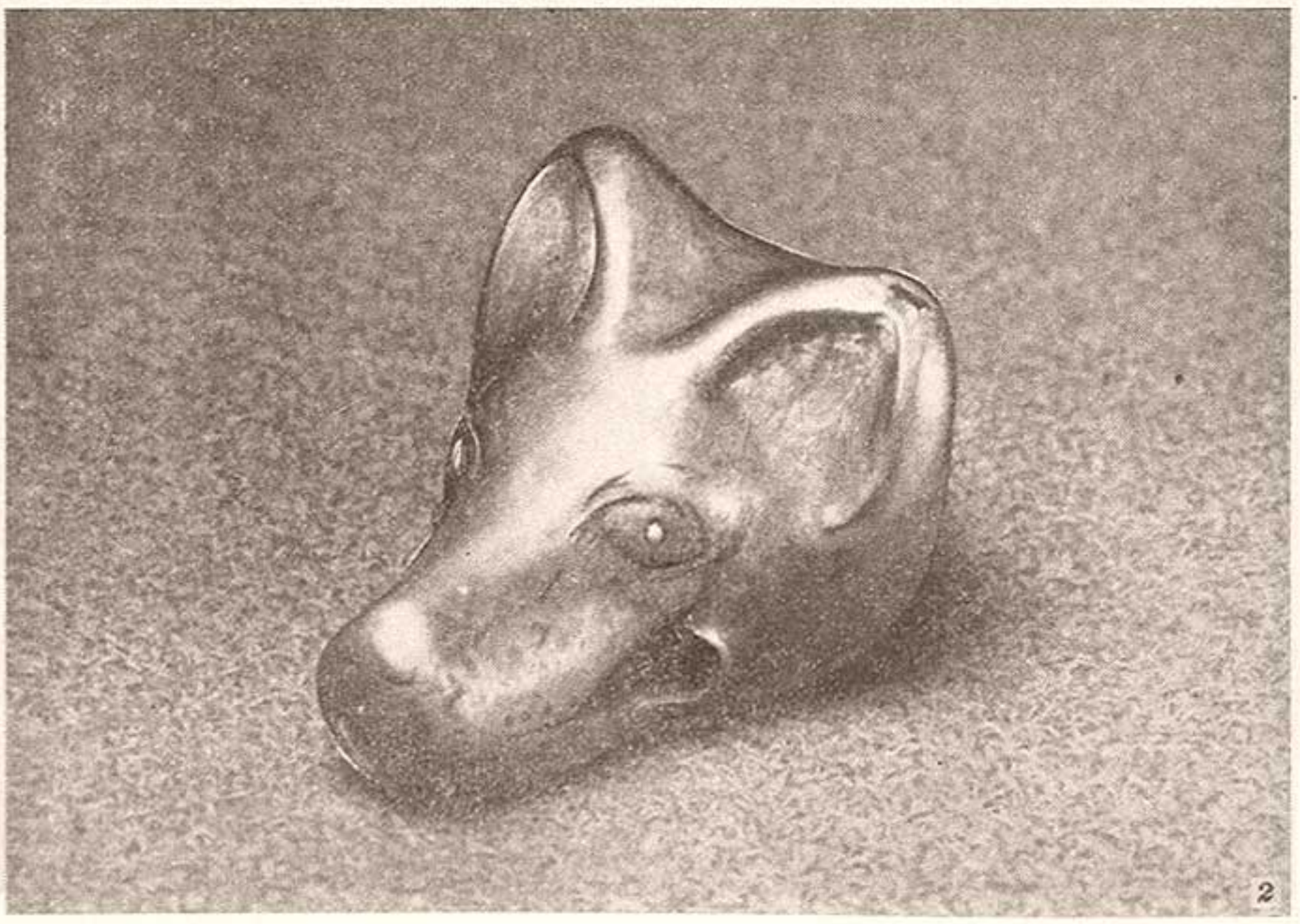

2

Табл. XXIII. Голова быка (*1*) и голова волка (*2*) из золота. Раскоп 7, жреческая усыпальница, пом. 7.

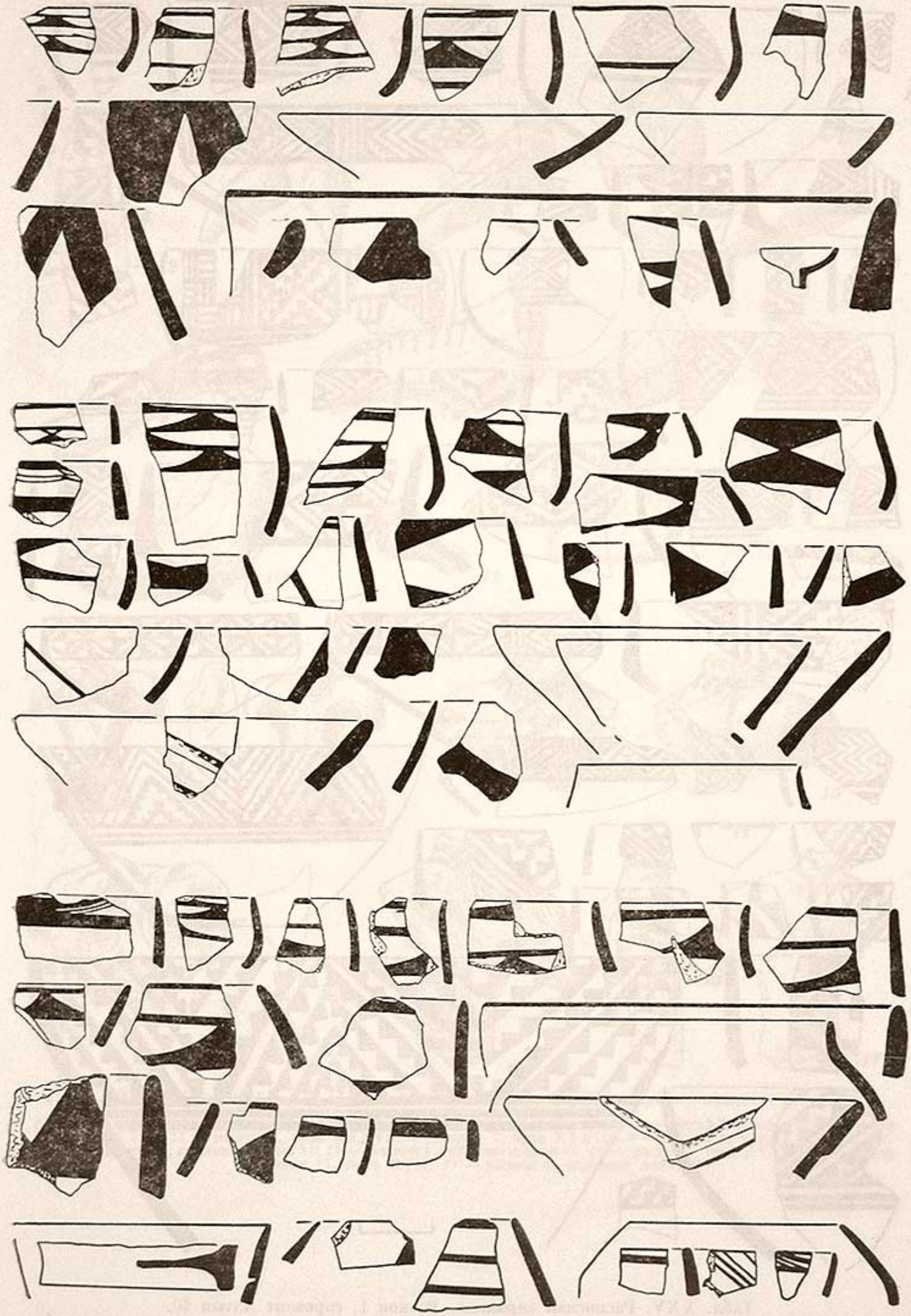

Табл. XXIV. Расписная керамика времени Намазга I. Шурф раскопа 11.

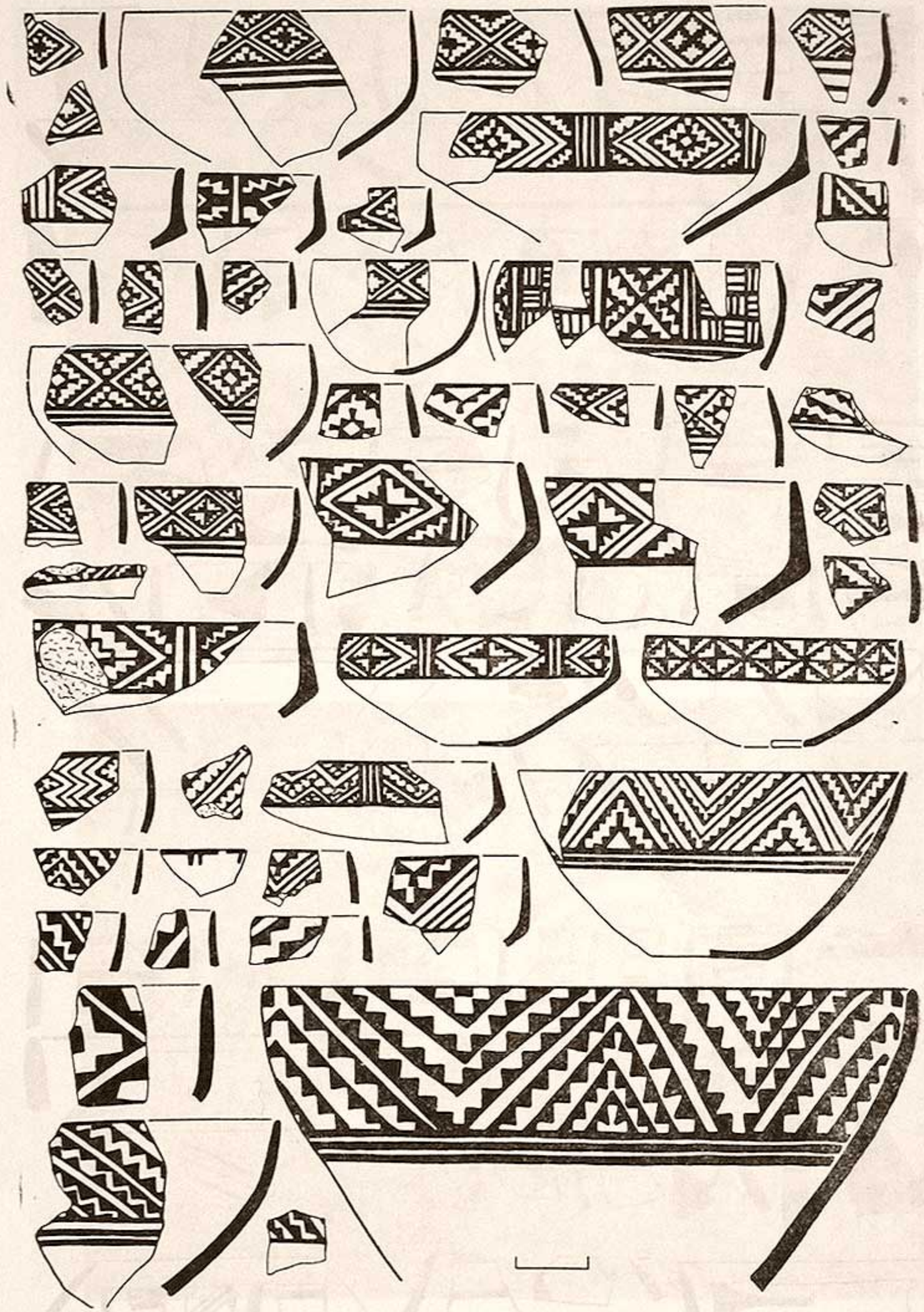
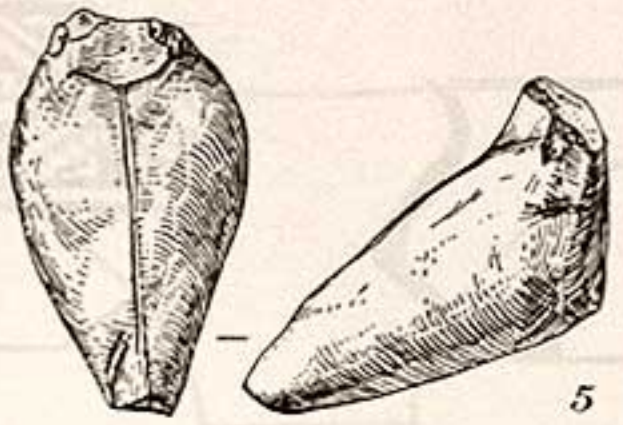

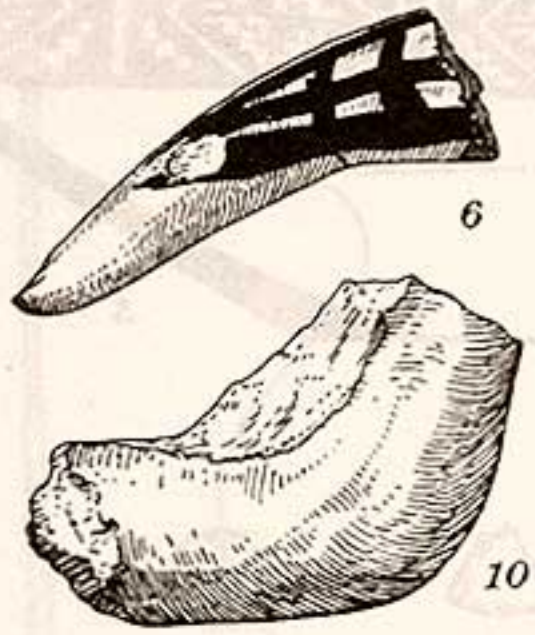
Табл. XXV. Расписная керамика. Раскоп 1, горизонт Алтын 10.

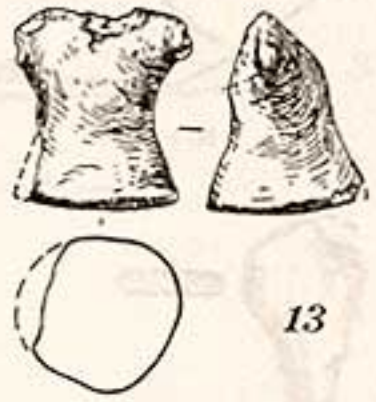

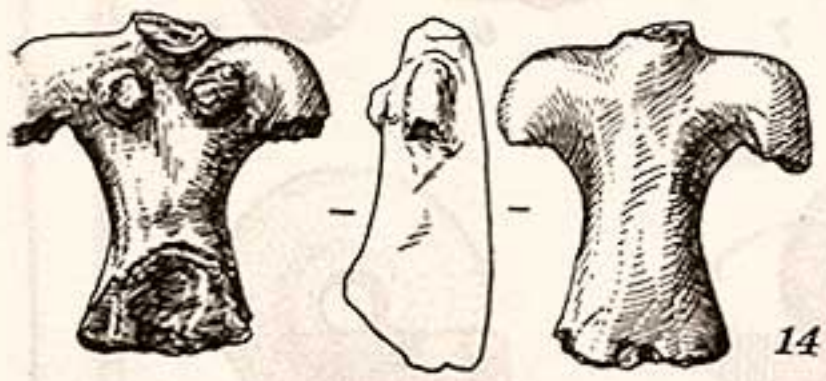

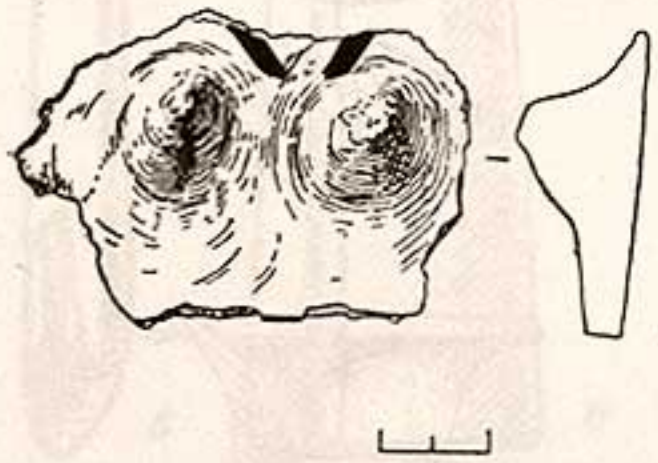

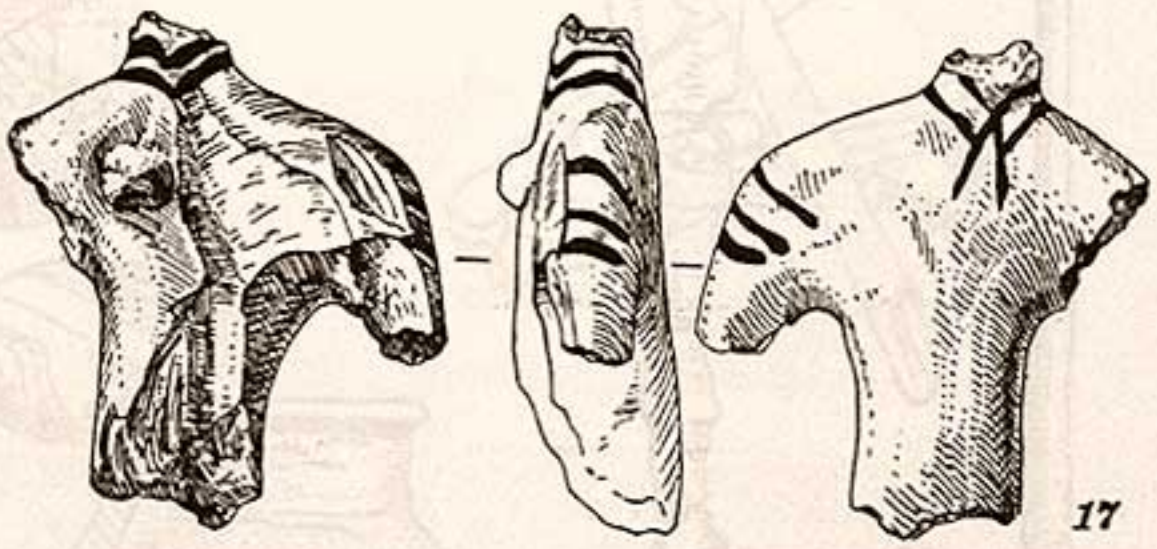
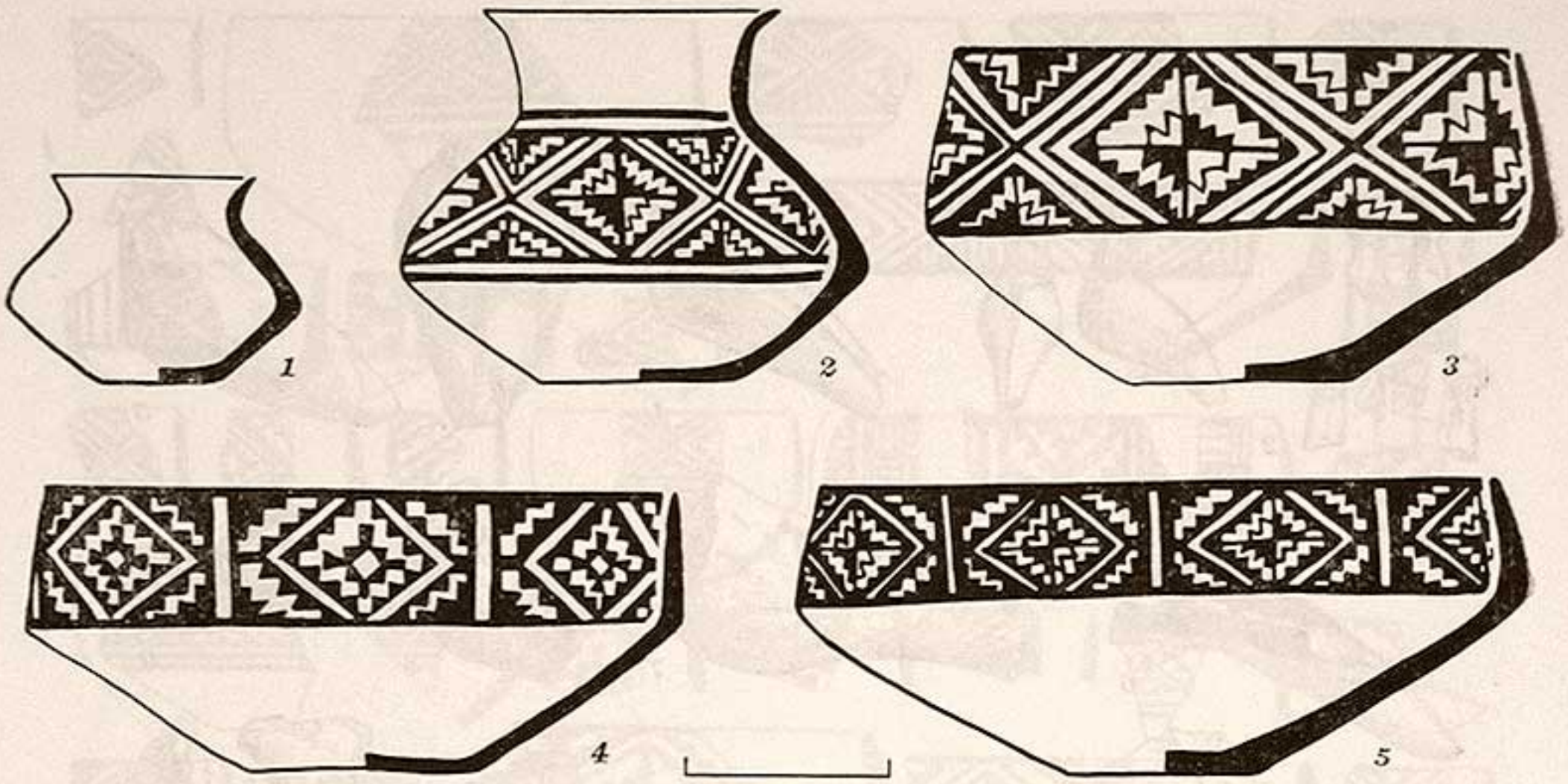

Табл. XXVI. Женские (*1—12*, *14—17*) и антропоморфная (*13*) статуэтки позднего энеолита.

1 — шурф 2, горизонт 1; *2* — шурф 2, горизонт 3; *3* — шурф раскопа 11, ярус V; *4* — шурф 2, горизонт 4; *5* — шурф 2, горизонт 2; *6*, *13* — раскоп 1, ярус XXXV; *7* — раскоп 1, ярус XXXIII; *8* — раскоп 1, ярус XXXVI; *9*, *10*, *12*, *14* — раскоп 1, горизонт Алтын 13; *11* — раскоп 1, горизонт Алтын 14; *15* — раскоп 1, ярус XXXVI; *16* — шурф раскопа 11, ярус XVII; *17* — раскоп 1, горизонт Алтын 10.

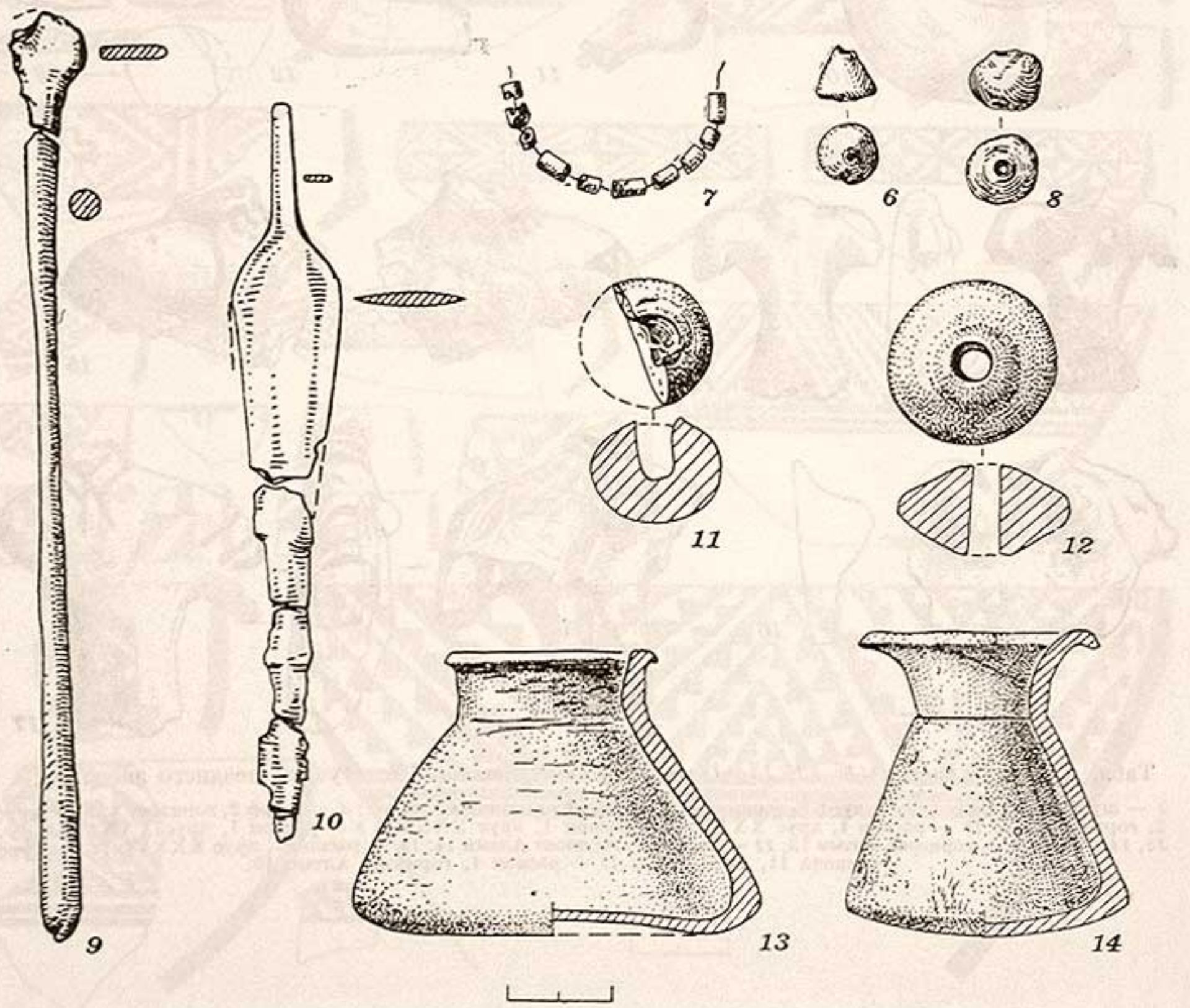

Табл. XXVII. Инвентарь погр. 296. Раскоп 1, горизонт Алтын 10.

1—5 — расписная керамика; *6—8*, *12* — бусы; *9*,*10* — медные изделия; *11* — навершие; *13*, *14* — каменные сосуды.

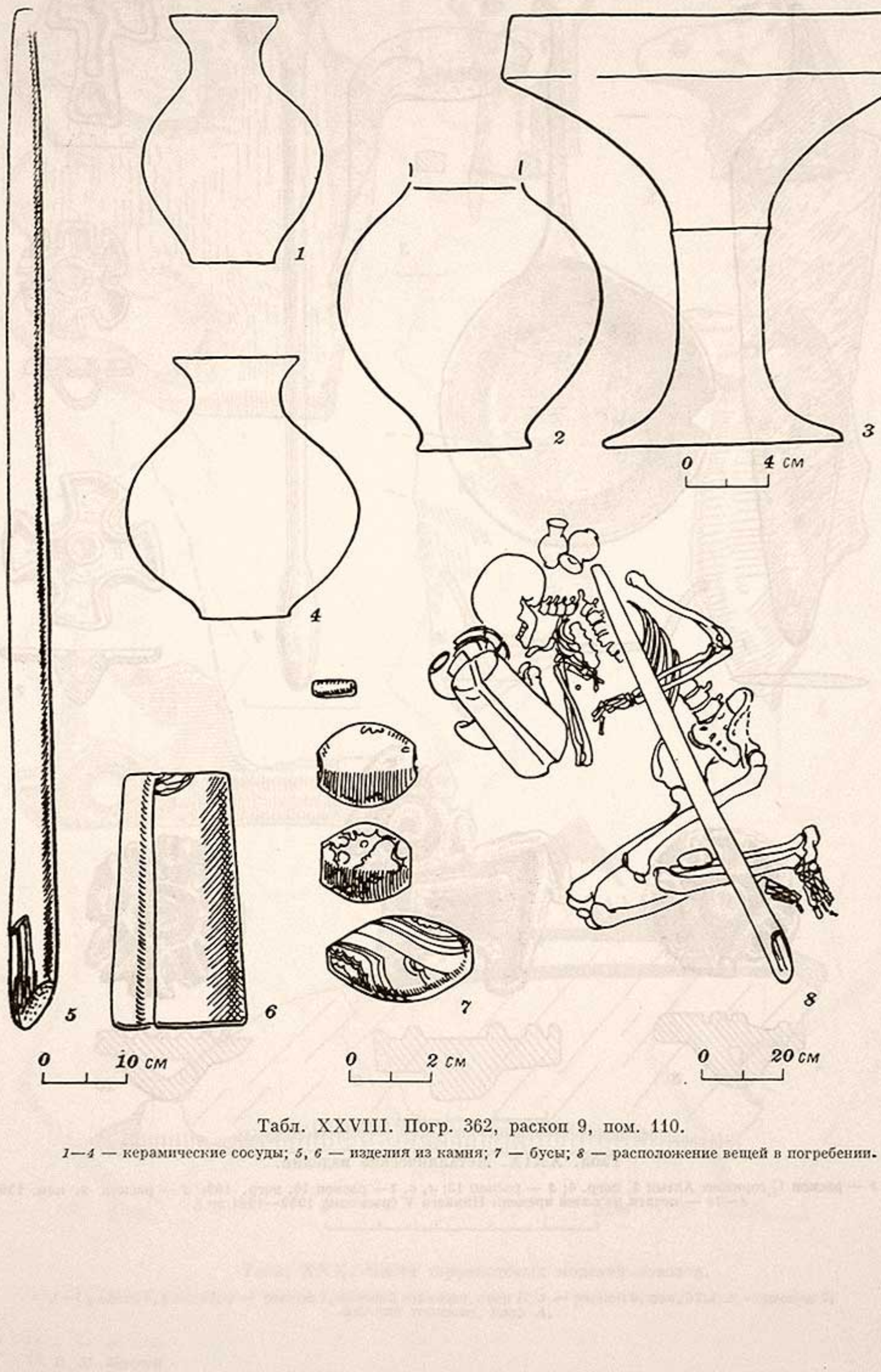

Табл. XXVIII. Погр. 362, раскоп 9, пом. 110.

1—4 — керамические сосуды; *5*, *6* — изделия из камня; *7* — бусы; *8* — расположение вещей в погребении.

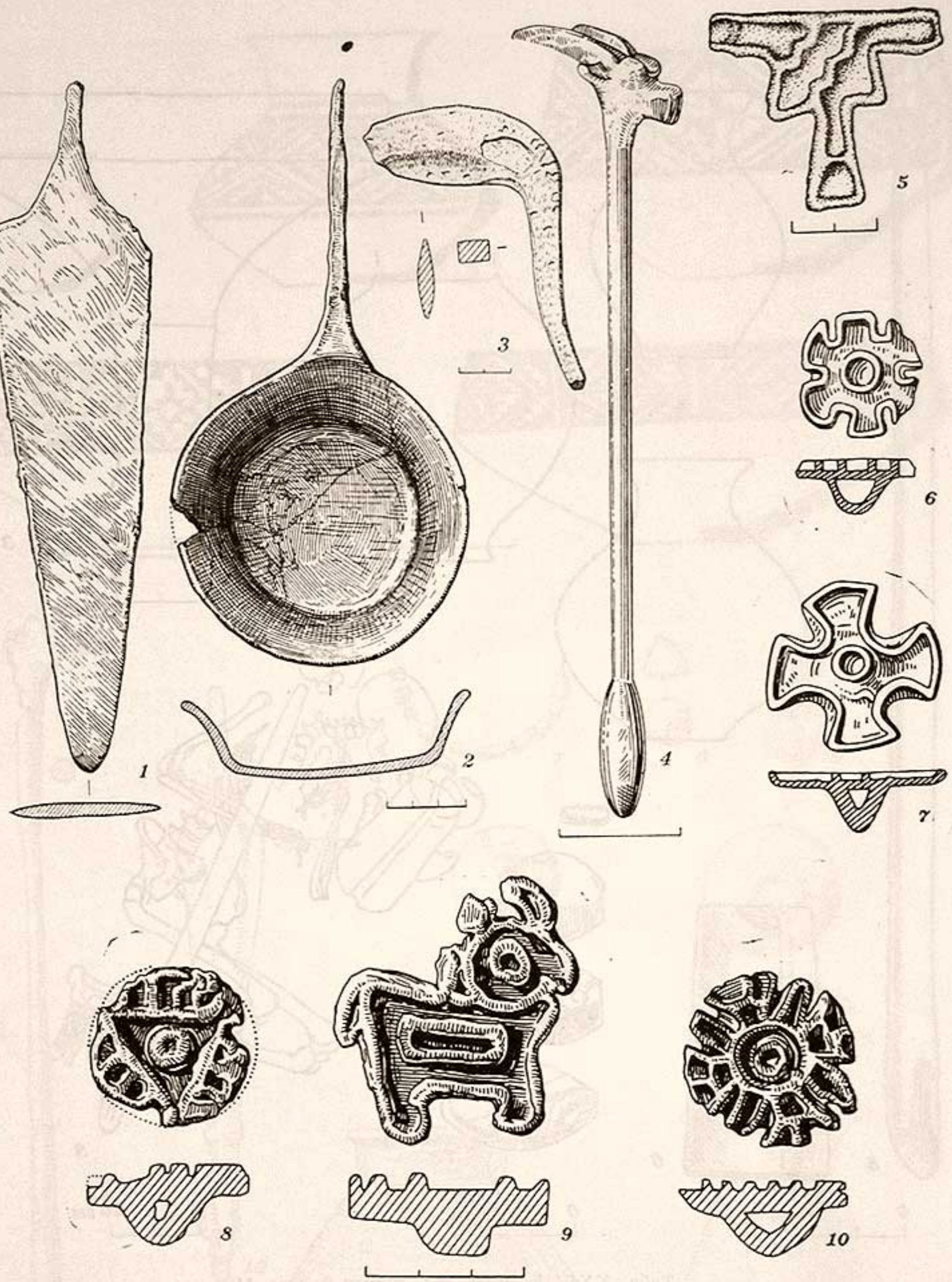

Табл. XXIX. Металлические изделия.

1, 2 — раскоп 1, горизонт Алтын 2, погр. 4; *3* — раскоп 13; *4, 6, 7* — раскоп 10, погр. 109; *5* — раскоп 9, пом. 130; *8—10* — печати из слоев времени Намазга V (раскопки 1959—1961 гг.).

1

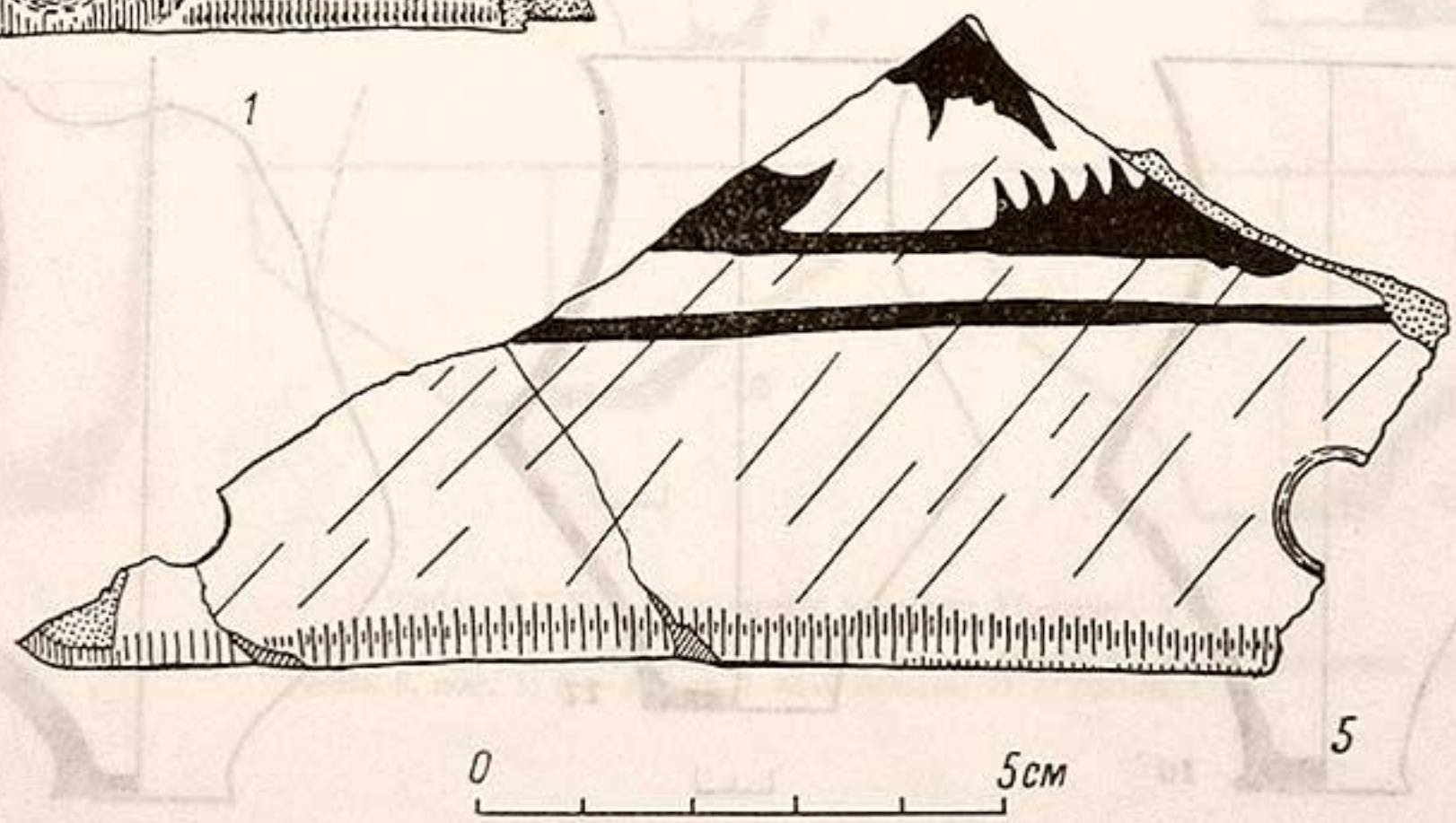

2

3

4

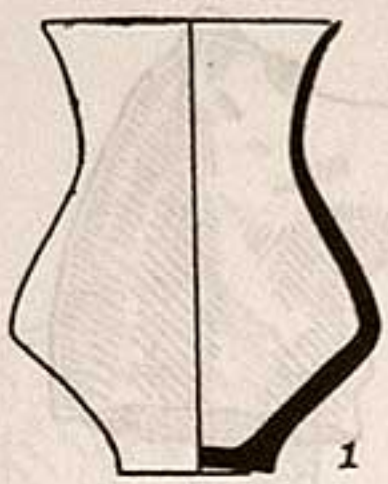

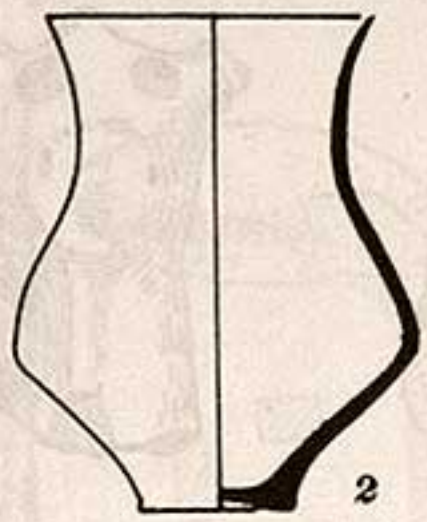
5

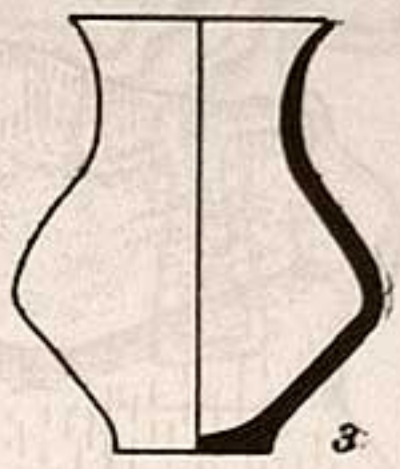
0 5см

Табл. XXX. Части терракотовых моделей повозок.

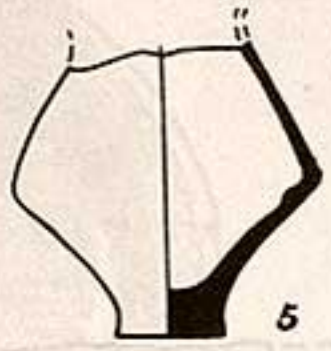
1 — раскоп 9, пом. 37; *2* — раскоп 7, нижний горизонт, двор *Б*; *3* — раскоп 9, пом. 37; *4*, *5* — раскоп 7, нижний горизонт, двор *А*.

1

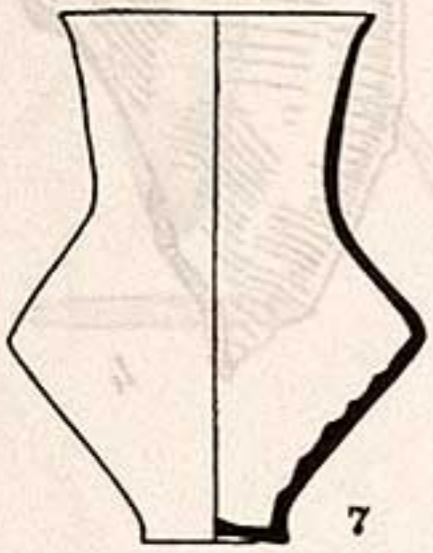

2

3

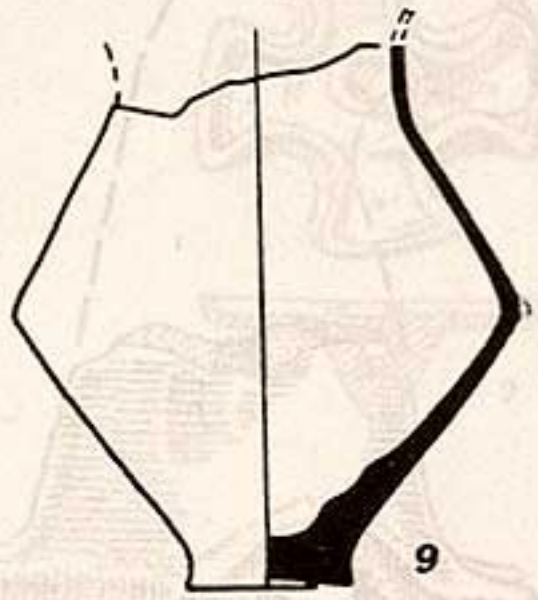

4

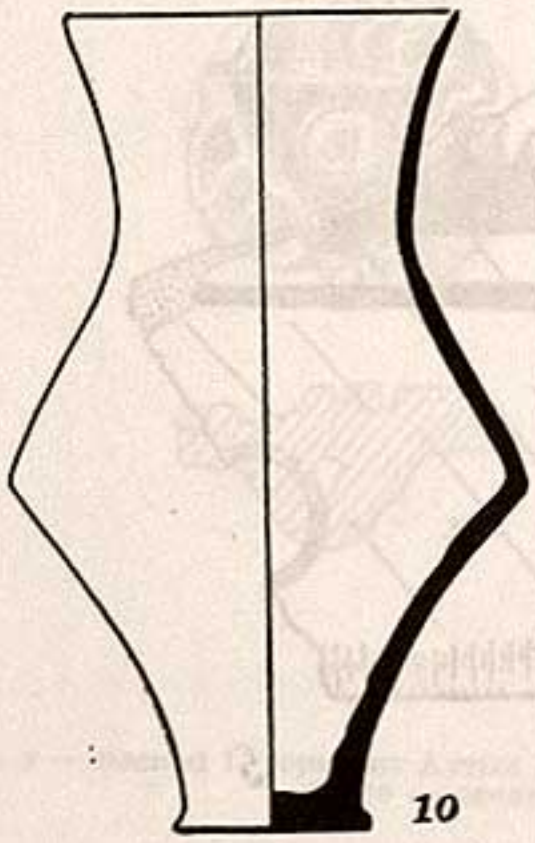

5

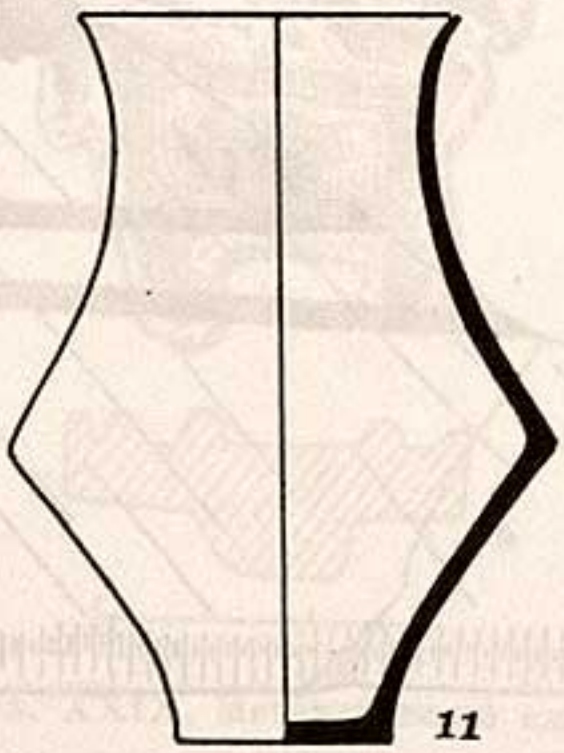

6

7

8

9

10

11

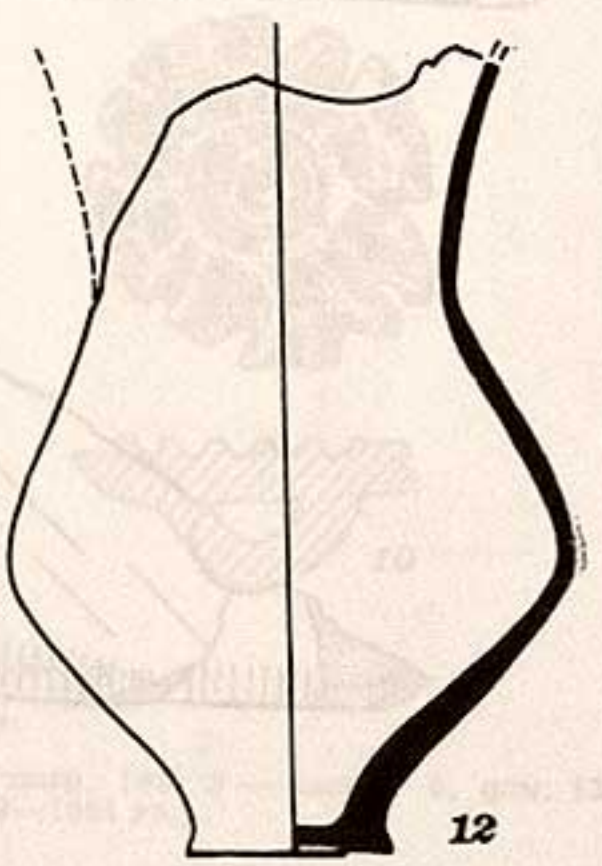
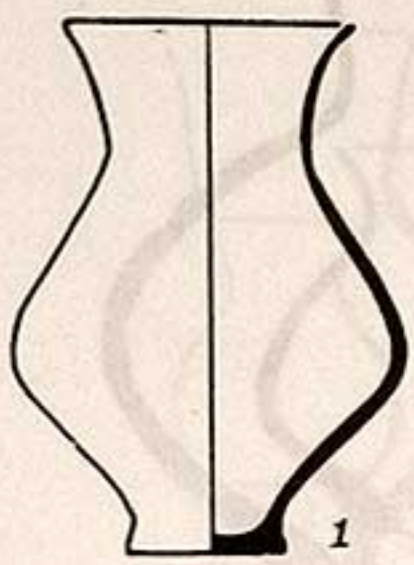
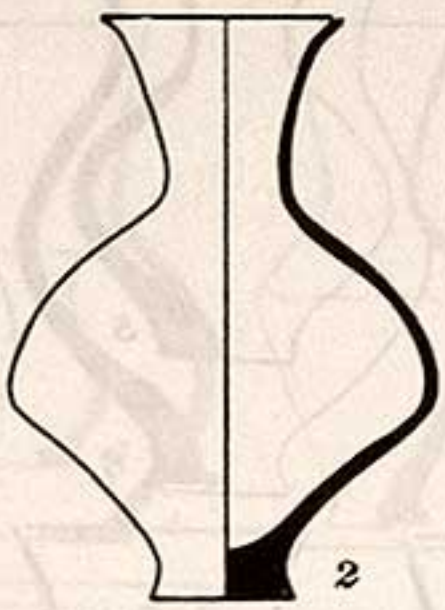
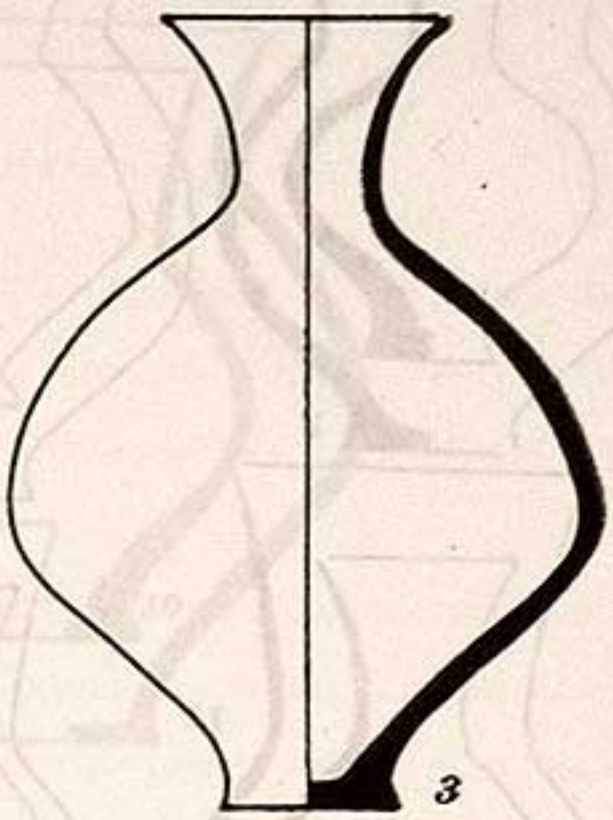

12

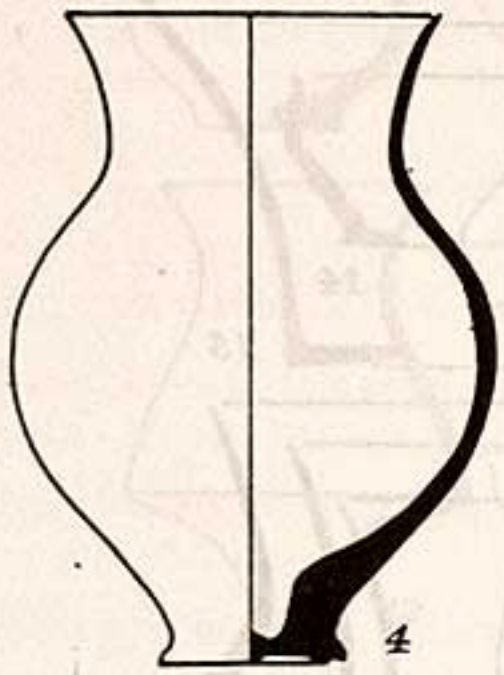
Табл. XXXI. Керамика времени Намазга V.

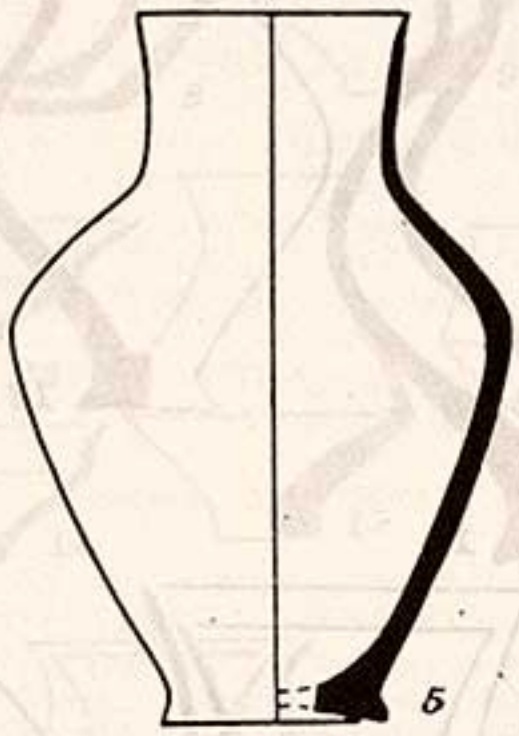
1 — раскоп 1, верхний горизонт, пом. 12; *2—12* — раскоп 7, нижний горизонт, пом. 32 (раскопки 1969 г.).

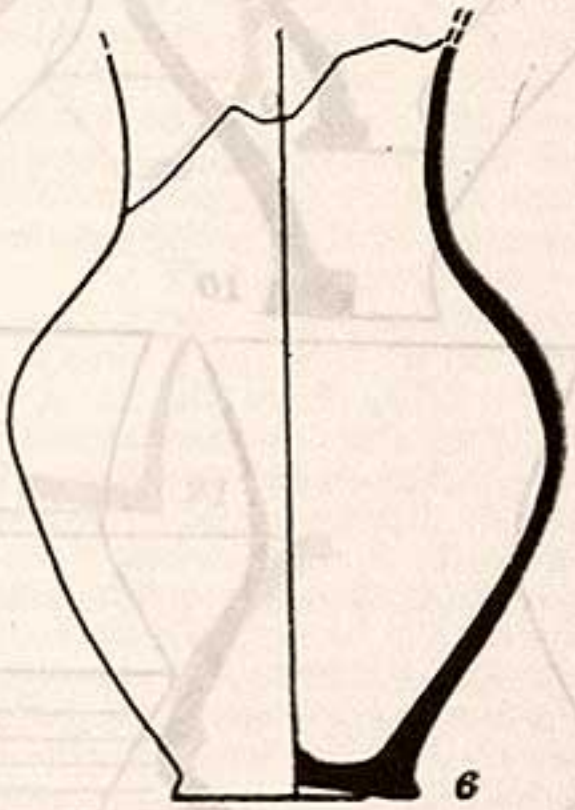

1

2

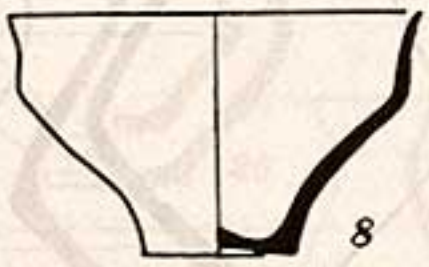

3

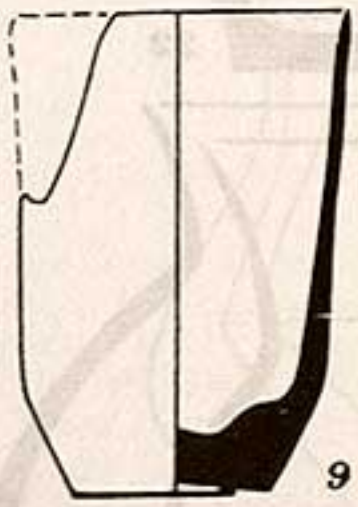

4

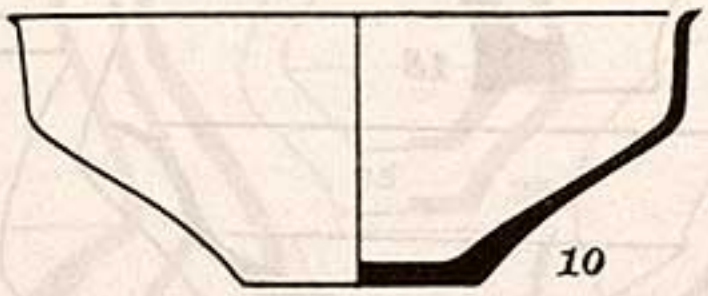

5

6

7

8

9

10

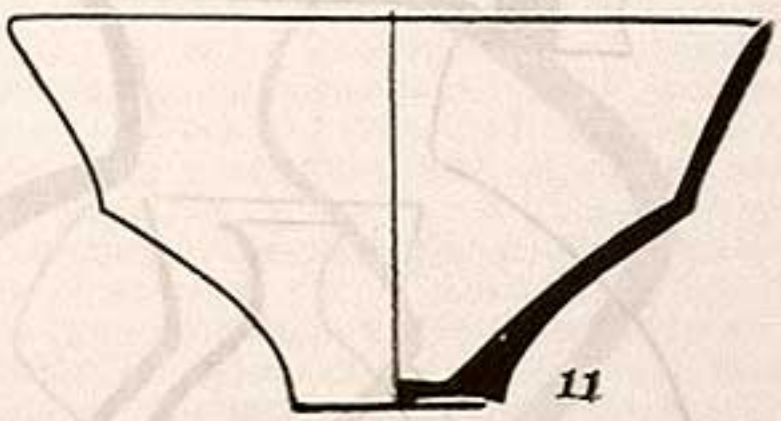

11

Табл. XXXII. Керамика времени Намазга V.

1—3, 7, 8, 11 — раскоп 7, нижний горизонт, пом. 32 (раскопки 1969 г.); *4* — раскоп 10, пом. 3 (раскопки 1969 г.); *5, 9* — раскоп 9, пом. 5; *6* — раскоп 9, «дом вождя»; *10* — раскоп 10.

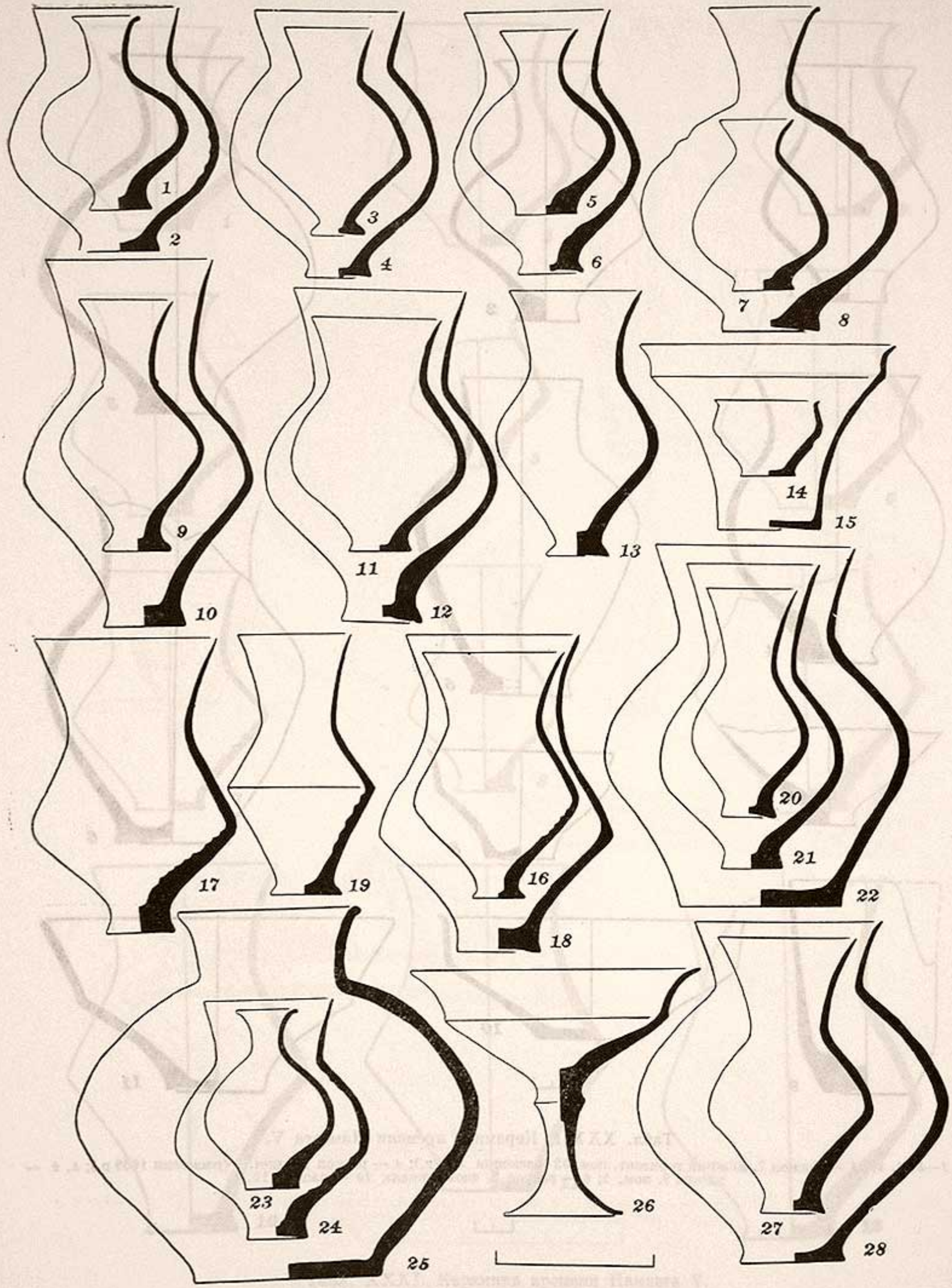

Табл. XXXIII. Керамика времени Намазга V (*1—28*). Раскоп 9, погребальная камера 9.

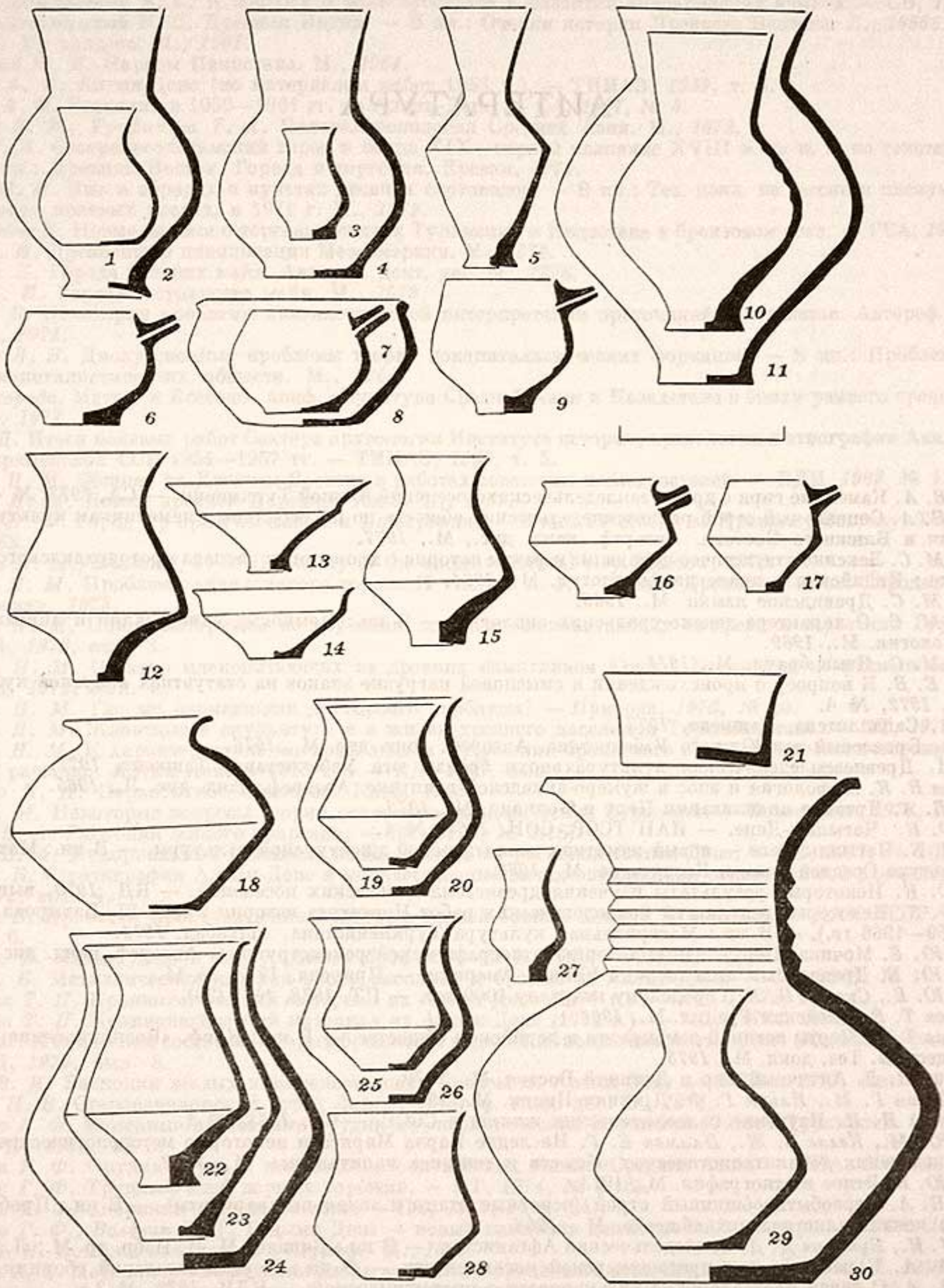

Табл. XXXIV. Керамика времени Намазга V.

1—11 — раскоп 9, погребальная камера 124; *12—17* — раскоп 7, нижний горизонт, погр. 240—241; *18*, *20*, *26*, *28* — раскоп 7, нижний горизонт, пом. 7; *21—25*, *30* — раскоп 7, нижний горизонт, пом. 9; *19*, *27*, *29* — раскоп 7, нижний горизонт, пом. 10.

ЛИТЕРАТУРА

Алекшин В. А. Каменные гири с древнеземледельческих поселений Южной Туркмении. — СА, *1973*, № 4.

Алекшин В. А. Социальный строй раннеземледельческих обществ по погребальным памятникам культур Средней Азии и Ближнего Востока. Автореф. канд. дис., М., *1977*.

Андронов М. С. Лексико-статистический анализ и факты истории о хронологии распада протодравидского языка. — В кн.: Индийская и иранская филология. М., *1964*.

Андронов М. С. Дравидские языки. М., *1965*.

Андронов М. С. О характере декано-уральских аналогий. — В кн.: Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., *1969*.

Андронов М. С. Язык браун. М., *1971*.

Антонова Е. В. К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков на статуэтках анауской культуры. — СА, *1972*, № 4.

Аскаров А. Сапаллитепа. Ташкент, *1973*.

Аскаров А. Бронзовый век Южного Узбекистана. Автореф. докт. дис. М., *1976*.

Аскаров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, *1977*.

Афанасьева В. К. Мифология и эпос в шумеро-аккадской глиптике. Автореф. канд. дис. Л., *1965*.

Башилов В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., *1972*.

Бердыев О. К. Чагыллы-Депе. — ИАН ТССР. СОН, *1964*, № 1.

Бердыев О. К. Чагыллы-Депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. — В кн.: Материальная культура Средней Азии и Казахстана. М., *1966*.

Бердыев О. К. Некоторые результаты изучения древнеземледельческих поселений. — КД, *1970*, вып. 3.

Бердыев О. К. Некоторые результаты археологических работ Института истории имени Ш. Батырова АН ТССР (1959—1966 гг.). — В кн.: Материальная культура Туркменистана. Ашхабад, *1971*.

Березкин Ю. Е. Мочика (Перу). Опыт историко-этнографической реконструкции. Автореф. канд. дис. Л., *1975*.

Березкин Ю. Е. Древнейшая цивилизация Южной Америки. — Природа, *1977*, № 11.

Березкин Ю. Е., Скакун Н. Н. Городскому кварталу 4000 лет. — ПТ, *1978*, № 1 (25).

Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., *1966*.

Блаватская Т. В. Черты военной демократии в дорийском обществе. — В кн.: Конф. «Возникновение классового общества». Тез. докл. М., *1973*.

Блаватский В. Д. Античный мир и Древний Восток. М., *1970*.

Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., *1969*.

Борисковский П. И. Изучение палеолитических жилищ в СССР. — СА, *1958*, № 1.

Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г. Наследие Карла Маркса и некоторые методологические проблемы исследования докапиталистических обществ и генезиса капитализма. М., *1972*.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.

Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты). — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., *1968*.

Вавилов Н. И., Букинич Д. Д. Земледельческий Афганистан. — В кн.: Вавилов Н. И. Избр. тр. М.; Л., *1959*, т. 1.

Вайман А. А. К расшифровке протошумерской письменности. — В кн.: Переднеазиатский сборник. М., *1966*.

Вайман А. А. О связи протоэламской письменности с протошумерской. — ВДИ, *1972*, № 3.

Вайман А. А. Обозначение рабов и рабынь в протошумерской письменности. — ВДИ, *1974*, № 2.

Вайман А. А. О протошумерской письменности. — В кн.: Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., *1976*.

Вайман А. А. Истолкование некоторых знаков в протошумерских списках рабынь. — В кн.: VIII Всесоюз. конф. по Древнему Востоку. Тез. докл. М., *1979*.

Виноградов А. В. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. — СЭ, *1957*, № 1.

Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. М., *1968*.

Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Ландшафтно-климатические условия пустынных равнин Средней Азии в голоцене. — В кн.: Каменный век Средней Азии и Казахстана. Тез. докл. совещ. Ташкент, *1972*.

Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. М., *1975*.
Виноградов Ю. А. Конференция «Типология и социальная структура древнего города». — ВДИ, *1978*, № 1.
Воробьев-Десятовский В. С. К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков. — СВ, *1956а*, № 1.
Воробьев-Десятовский В. С. Древняя Индия. — В кн.: Очерки истории Древнего Востока. Л., *1956б*.
Вулли Л. Ур халдеев. М., *1961*.
Ганковский Ю. В. Народы Пакистана. М., *1964*.
Ганялин А. Ф. Алтын-Депе (по материалам работ 1953 г.). — ТИИАЭ, *1959*, т. 5.
Ганялин А. Ф. Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-Депе. — СА, *1967*, № 4.
Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., *1972*.
Грибов Р. А. Северомесопотамский город в конце XIX—первой половине XVIII в. до н. э. по текстам Мари. — В кн.: Древний Восток. Города и торговля. Ереван, *1973*.
Грязнов М. П. Бык в обрядах и культах древних скотоводов. — В кн.: Тез. докл. на сессии и пленуме, посвящ. итогам полевых исслед. в 1971 г. М., *1972*.
Гульмурадов Д. Новые данные о торговых связях Туркмении и Индостана в бронзовом веке. — УСА, *1975*, вып. 3.
Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., *1972*.
Гуляев В. И. Города древних майя. Автореф. докт. дис. М., *1978*.
Гуляев В. И. Города-государства майя. М., *1979*.
Гуров Н. В. Некоторые проблемы лингвистической интерпретации протоиндийских текстов. Автореф. канд. дис. Л., *1971*.
Данилова Л. В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических формаций. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., *1968*.
Древние города. Матер. к Всесоюз. конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». Л., *1977*.
Дурдыев Д. Итоги полевых работ Сектора археологии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР 1954—1957 гг. — ТИИАЭ, *1959*, т. 5.
Дьяконов И. М. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей. — ВДИ, *1963*, № 1.
Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., *1967*.
Дьяконов И. М. Город Ур при Рим Сине I и Хаммурапи. — В кн.: IV сессия по Древнему Востоку. Тез. докл. М., *1968*.
(*Дьяконов И. М.*) *Diakonoff I. M.* Economy of the ancient oriental city. Moscow, *1970*.
Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э. — В кн.: Древний Восток. Города и торговля. Ереван, *1973*.
Ермолова Н. М. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении. — КД, *1970*, вып. 3.
Ермолова Н. М. Остатки млекопитающих из древних памятников Южной Туркмении по раскопкам 1970 г. — КД, *1972*, вып. 4.
Ермолова Н. М. Где же одомашнили двугорбого верблюда? — Природа, *1976*, № 10.
Ермолова Н. М. Животные в скульптуре и в жизни древнего населения Туркменистана. — ПТ, *1977*, № 2(24).
Ермолова Н. М. К характеристике млекопитающих Туркмении бронзового века (по остеологическому материалу из раскопок Алтын-Депе в 1975 г.). — КД, *1979*, вып. 8.
Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев, *1953*.
Жуков Е. М. Некоторые вопросы теории социально-экономических формаций. — Коммунист, *1973*, № 11.
Завьялов В. А. Раскопки жилого квартала. — ПТ, *1974*, № 2(18).
Завьялов В. А. Мемориальный комплекс эпохи бронзы из раскопок Алтын-Депе. — ПТ, *1977*, № 1(23).
Кирчо Л. Б. Стратиграфия Алтын-Депе и количественный метод определения относительной хронологии. — КД, *1972*, вып. 4.
Кирчо Л. Б. Проблема происхождения культуры ранней бронзы Южной Туркмении. — ИАН ТССР. СОН, *1976*, № 6.
Кирчо Л. Б. Алтын-Депе в эпоху ранней бронзы. — ИАН ТССР. СОН, *1979*, № 4.
Кирчо Л. Б. Металлические изделия эпохи энеолита и бронзы из Алтын-Депе. — СА, *1980*, № 1.
Кияткина Т. П. Краниологический материал из Алтын-Депе (1971 г.). — КД, *1977а*, вып. 5.
Кияткина Т. П. Краниологический материал из Алтын-Депе (1972 г.). — КД, *1977б*, вып. 6.
Клер М. М. Химический состав некоторых бронзовых изделий из поселения Алтын-Депе (Южный Туркменистан).— КД, *1979*, вып. 8.
Кнышев В. И. Раскопки жилых комплексов эпохи бронзы на Алтын-Депе. — КСИА, *1971*, вып. 127.
Козырева Н. В. Старовавилонский город Ларса. Автореф. канд. дис. Л., *1974*.
Коробкова Г. Ф. Каменные и костяные орудия из энеолитических поселений Южной Туркмении. — ИАН ТССР. СОН, *1964*, № 3.
Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. — МИА, *1969*, № 158.
Коробкова Г. Ф. Трудный хлеб первых горожан. — ПТ, *1974*, № 2(18).
Коробкова Г. Ф. Скорняки каменного века. — ПТ, *1977*, № 2 (24).
Коробкова Г. Ф., Воловик В. Т. Гадыми-Депе — новый памятник джейтунской культуры. — УСА, *1972*, вып. 2.
Крамер С. Н. История начинается в Шумере. М., *1965*.
Кузьмина Е. Е. Металлические изделия эпохи энеолита и бронзового века Средней Азии. — САИ, *1966*, вып. В4-9.
Курбансахатов К. Новый тип женской терракотовой статуэтки с Алтын-Депе. — СА, *1976*, № 3.
Курочкин Г. Н. «Богатство» усопших. — ПТ, *1970*, № 1 (9).
Куфтин Б. А. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». — ИАН ТССР. СОН, *1954*, № 1.
Куфтин Б. А. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ. — ТЮТАКЭ, *1956*, т. 7.
Лисицина Г. Н. Растительность Южной Туркмении в VI—I тыс. до н. э. по данным определения углей. — КД, *1968*, вып. 2.
Лисицина Г. Н. История орошаемого земледелия в Южной Туркмении. — УСА, *1972*, вып. 1.
Лисицина Г. Н. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М., *1978*.
Лисицина Г. Н. История древнего орошаемого земледелия. Автореф. докт. дис. М., *1979*.
Лоллекова О. Древние земледельцы в горах Копетдага. — Природа, *1978*, № 6.

Лоллекова О. Хозяйство неолитических племен юга Туркмении в свете экспериментально-трасологических данных. Автореф. канд. дис. Л., *1979*.
Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., *1957*.
Лундин А. Г. Город в древней Южной Аравии. — В кн.: Древние города. Л., *1977*.
Ляпин А. А. Новые памятники эпохи бронзы Южного Туркменистана. — УСА, *1975*, вып. 3.
Ляпин А. А., Масимов И. С. Обследование памятников ранней бронзы. — АО 1973 г. М., *1974*.
Масимов И. С. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в районе станции Баба-Дурмаз. — КД, *1968*, вып. 2.
Масимов И. С. Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы на поселении Алтын-Депе. — КД, *1970а*, вып. 3.
Масимов И. С. Ремесленный квартал городища Алтын-Депе. — АО 1969 г. М., *1970б*.
Масимов И. С. Раскопки на ремесленном квартале Алтын-Депе. — АО 1971 г. М., *1972*.
Масимов И. С. Керамическое производство Южного Туркменистана эпохи бронзы. Автореф. канд. дис. Л., *1973а*.
Масимов И. С. Раскопки святилища эпохи бронзы на Алтын-Депе. — СА, *1973б*, № 2.
Масимов И. С. Раскопки керамических печей эпохи бронзы на поселении Алтын-Депе. — АО 1972 г. М., *1973в*.
Масимов И. С. Комплекс керамики из раскопа А-1 поселения Намазга-Депе. — В кн.: Материальная культура Туркменистана. Ашхабад, *1974а*.
Масимов И. С. Новый раскоп на Алтын-Депе. — АО 1973 г. М., *1974б*.
Масимов И. С. Новый оазис бронзы в низовьях р. Мургаб. — АО 1975 г. М., *1976а*.
Масимов И. С. Керамическое производство эпохи бронзы в Южном Туркменистане. Ашхабад, *1976б*.
Масимов И. С. Раскопки жилых комплексов на Алтын-Депе. — КД, *1978а*, вып. 7.
Масимов И. С. Находки с Шор-Депе. — ПТ, *1978б*, № 1(25).
Масимов И. С. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба. — СА, *1979*, № 1.
Масимов И. С., Ляпин А. А. Археолого-топографические работы в низовьях древнего Мургаба. — АО 1976 г. М., *1977*.
Массон В. М. Первобытнообщинный строй на территории Туркмении. — ТЮТАКЭ, *1956а*, т. 7.
Массон В. М. Расписная керамика Южного Туркменистана по раскопкам Б. А. Куфтина. — ТЮТАКЭ, *1956б*, т. 7.
Массон В. М. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией. — ВДИ, *1957*, № 1.
Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, *1959а*, № 73.
Массон В. М. О культе женского божества у анауских племен. — КСИИМК, *1959б*, вып. 73.
Массон В. М. Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур. — ТЮТАКЭ, *1960а*, т. 10.
Массон В. М. Кара-Депе у Артыка. — ТЮТАКЭ, *1960б*, т. 10.
Массон В. М. Энеолит южных областей Средней Азии. — САИ, *1962а*, вып. Б3-8, ч. 2.
Массон В. М. Древнейшее прошлое Средней Азии (от возникновения земледелия до похода Александра Македонского). Автореф. докт. дис. Л., *1962б*.
Массон В. М. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Тепе. — СА, *1962в*, № 3.
Массон В. М. Средняя Азия и Иран в III тыс. до н. э. — КСИА, *1963*, вып. 93.
Массон В. М. Историческое место среднеазиатской цивилизации. — СА, *1964а*, № 1.
Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., *1964б*.
Массон В. М. К эволюции оборонительных стен оседлых поселений. — КСИА, *1966а*, вып. 108.
Массон В. М. Раскопки на Алтын-Депе. — АО 1965 г. М., *1966б*.
Массон В. М. Страна тысячи городов. М., *1966в*.
Массон В. М. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества (этапы культурного и хозяйственного развития по материалам Азиатского материка). — В кн.: VII Междунар. конгр. доист. и протоист. Докл. и сообщ. археол. СССР. М., *1966г*.
Массон В. М. Расцвет и упадок культуры земледельцев Юго-Запада. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., *1966д*.
Массон В. М. Древности Меана. — ПТ, *1967а*, № 3.
Массон В. М. Становление раннеклассового общества на Древнем Востоке. — ВИ, *1967б*, № 5.
Массон В. М. Протогородская культура Алтын-Депе. — АО 1966 г. М., *1967в*.
Массон В. М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. — СА, *1967г*, № 3.
Массон В. М. К вопросу о «городской революции». — В кн.: IV сессия по Древнему Востоку. Тез. докл. Л., *1968а*.
Массон В. М. Открытие монументальной архитектуры эпохи бронзы в Южном Туркменистане. — СА, *1968б*, № 2.
Массон В. М. Монументальная архитектура Алтын-Депе. — АО 1967 г. М., *1968в*.
(*Массон В. М.*) *Masson V. M.* Urban revolution in South Turkmenia. — Antyquity, *1968г*, N 167.
Массон В. М. Природа и происхождение цивилизации. — Природа, *1969а*, № 3.
Массон В. М. Четвертый сезон раскопок на Алтын-Депе. — АО 1968 г. М., *1969б*.
Массон В. М. Археологические изыскания и изучение древней и средневековой истории Туркмении. Ашхабад, *1969в*.
Массон В. М. Раскопки на Алтын-Депе в 1969 г. — МЮТАКЭ, *1970а*, вып. 3.
Массон В. М. Становление ремесел в свете данных археологии. — В кн.: Домашние промыслы и ремесла. Тез. докл. Л., *1970б*.
Массон В. М. Раскопки на Алтын-Депе. — АО 1969 г. М., *1970в*.
Массон В. М. К семантике знаков собственности эпохи бронзы. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, *1970г*.
Массон В. М. Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., *1970д*.
Массон В. М. Зона раннегородских цивилизаций между Шумером и Индией. — В кн.: Тез. докл. на засед., посвящ. итогам археол. исслед. 1969 г. М., *1970е*.
Массон В. М. Изучение стратиграфии и топографии Алтын-Депе. — АО 1970 г. М., *1971а*.
Массон В. М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). — МИА, *1971б*, № 180.
Массон В. М. Среднеазиатско-кавказский социологический параллелизм. — В кн.: Всесоюз. сессия, посв. итогам археол. исслед. в 1970 г. Тез. докл. Тбилиси, *1971в*.
(*Массон В. М.*) *Masson V. M.* Early agriculture and the ancient civilization types. Moscow. *1971г*.

Массон В. М. Шестой сезон работ на Алтын-Депе. — УСА, *1972а*, вып. 1.
Массон В. М. Рец. на кн.: Daniel G. The First civilization. — Народы Азии и Африки, *1972б*, № 3.
Массон В. М. Понятие культуры в археологической систематике. — В кн.: Каменный век Средней Азии и Казахстана. Тез. докл. совещ. Ташкент, *1972в*.
Массон В. М. Изучение общественной структуры раннегородского поселения Алтын-Депе. — АО 1971 г. М., *1972г*.
Массон В. М. Эволюция первобытных поселений Средней Азии. — УСА, *1972д*, вып. 1.
Массон В. М. Ремесленное производство в эпоху первобытного строя. — ВИ, *1972е*, № 3.
(*Массон В. М.*) *Masson V. M.* Prehistoric settlement patterns in Soviet Central Asia. — MSU, *1972ж*.
Массон В. М. Обмен и торговля в первобытную эпоху. — ВИ, *1973а*, № 1.
Массон В. М. Раскопки жреческой гробницы в Туркмении. — Природа, *1973б*, № 3.
Массон В. М. Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии. — В кн.: Тез. докл. сессии, посв. итогам археол. исслед. 1972 г. Ташкент, *1973в*.
Массон В. М. Раскопки погребального храмового комплекса на Алтын-Депе. — АО 1972 г. М., *1973г*.
Массон В. М. Изучение общественной структуры Алтын-Депе. — В кн.: Тез. докл. на секции пленума 1971 г. М., *1973д*.
Массон В. М. Развитие обмена и торговли в древних обществах. — КСИА, *1973е*, вып. 138.
Массон В. М. Социальные и экологические факторы в формировании раннеклассового общества. — В кн.: Возникновение раннеклассового общества. Тез. докл. М., *1973ж*.
Массон В. М. Новые раскопки на Алтын-Депе. — АО 1973 г. М., *1974а*.
Массон В. М. Раскопки погребального комплекса эпохи бронзы на Алтын-Депе. — СА, *1974б*, № 4.
Массон В. М. Рец. на кн.: Adams R., Nissen H. Uruk countryside. — ВДИ, *1974в*, вып. 3.
Массон В. М. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии. — В кн.: Древняя Бактрия. М., *1974г*.
Массон В. М. Рец. на кн.: Renfrew C. Emergence of civilization. — ВИ, *1974д*, № 7.
Массон В. М. Цивилизация Алтын-Депе. — ПТ, *1974е*, № 2(18).
Массон В. М. Каменный век Средней Азии и понятие археологической культуры. — В кн.: История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, *1974ж*, вып. 1.
Массон В. М. Алтын-Депе: раскопки 1974 г. — Природа, *1975а*, № 3.
Массон В. М. Первые города (к проблеме формирования городов в среде раннеземледельческих культур). — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев, *1975б*, ч. 1.
Массон В. М. Изучение слоев энеолита и бронзы на Алтын-Депе. — АО 1974 г. М., *1975в*.
Массон В. М. Образ небесного быка в эпоху бронзы. — ПТ, *1975г*, № 2(20).
Массон В. М. Новая цивилизация древневосточного типа на юге Средней Азии. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М., *1975д*.
(*Массон В. М.*) *Masson V. M.* The art of Altin-Depe. — In: To illustrate the monuments. London, *1975е*.
Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., *1976а*.
Массон В. М. Человек и пустыня: исторические аспекты взаимодействия. — В кн.: Конф. по изучению и освоению пустынь СССР. Тез. докл. Ашхабад, *1976б*.
Массон В. М. Раскопки жилых кварталов и оборонительных сооружений Алтын-Депе. — АО 1975 г. М., *1976в*.
(*Массон В. М.*) *Masson V. M.* Swit urbanizacii. — Problemy, *1976г*, N 10.
(*Массон В. М.*) *Masson V. M.* Altin-Depe and the bull cult. — Antiquity, *1976д*, vol. 50, N 1.
Массон В. М. Алтын-Депе в эпоху энеолита. — СА, *1977а*, № 3.
Массон В. М. Раскопки жилых кварталов и погребальных комплексов Алтын-Депе. — АО 1976 г. М., *1977б*.
Массон В. М. Типология древних городов и исторический процесс. — В кн.: Древние города. Л., *1977в*.
Массон В. М. Пустыня и общество. Динамика взаимодействия в историческом аспекте. — В кн.: Пустыни Средней Азии и Казахстана. Ашхабад, *1977г*, № 6.
Массон В. М. Печати протоиндийского типа из Алтын-Депе. — ВДИ, *1977д*, № 4.
Массон В. М. Городские центры раннеклассовых обществ. — В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, *1978а*.
Массон В. М. Изучение оседлоземледельческих поселений в Южном Туркменистане. — АО 1977 г. М., *1978б*.
(*Массон В. М.*) *Masson V. M.* Altin-Depe — die Stadt des heiligen Stiers. — Das Altertum, Berlin, *1978в*, H. 2.
Массон В. М. В. В. Струве и изучение древней истории Средней Азии. — В кн.: VIII Всесоюз. конф. по Древнему Востоку. Тез. докл. М., *1979а*.
Массон В. М. О характере древнейших классовых обществ на Востоке. — ИАН ТССР. СОН, *1979б*, № 5.
Массон В. М., Ганялин А. Ф. К изучению религиозных представлений Южного Туркменистана эпохи бронзы. — ИАН ТССР. СОН, *1969*, № 5.
Массон В. М., Кияткина Т. П. Человек на заре урбанизации. — Природа, *1976*, № 4.
Массон В. М., Сарианиди В. И. О знаках на среднеазиатских статуэтках эпохи бронзы. — ВДИ, *1969*, № 1.
(*Массон В. М., Сарианиди В. И.*) *Masson V. M., Sarianidy V. I.* Central Asia. Turkmenia before the Achaemenids. London, *1972*.
Массон В. М., Сарианиди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., *1973*.
Наумов Д. В. Химический состав некоторых бронзовых предметов Южного Туркменистана. — КД, *1970*, вып. 3.
Перфильев М. Н. Общественные отношения. М., *1974*.
Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов. М., *1965*.
Сайко Э. В. Технологическая характеристика керамики развитой бронзы из Алтын-Депе. — КД, *1972*, вып. 4.
Сайко Э. В. Становление города как производственного центра. Душанбе, *1973*.
Сайко Э. В. О теплотехнике керамики древнеземледельческих поселений (Алтын-Депе). — КД, *1977*, вып. 5.
Сайко Э. В. К изучению теплотехники керамического производства эпохи бронзы в Южном Туркменистане. — КД, *1978*, вып. 7.
Сарианиди В. И. Энеолитическое поселение Геоксюр. — ТЮТАКЭ, *1960*, т. 10.
Сарианиди В. И. Культовые здания поселений анауской культуры. — СА, *1962*, № 1.
Сарианиди В. И. Хапуз-Депе как памятник эпохи бронзы. — КСИА, *1964*, вып. 98.
Сарианиди В. И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. — САИ, *1965*, вып. Б3-8, ч. 4.
Сарианиди В. И. Раскопки могильников на Геоксюре и Алтын-Депе. — АО 1965 г. М., *1966*.

Сарианиди В. И. Раскопки на Алтын-Депе и Хапуз-Депе. — АО 1966 г. М., *1967*.
Сарианиди В. И. Продолжение работ на Улуг-Депе. — АО 1968 г. М., *1969*.
Сарианиди В. И. Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен. — УСА, *1972*, вып. 1.
Сарианиди В. И. Древности низовий Мургаба. — АО 1972 г. М., *1973*.
Сарианиди В. И. Новые открытия в низовьях Мургаба. — АО 1974 г. М., *1975*.
Сарианиди В. И. Печати-амулеты мургабского стиля. — СА, *1976а*, № 1.
Сарианиди В. И. Южный Туркменистан в эпоху бронзы. — В кн.: Первобытный Туркменистан. Ашхабад, *1976б*.
Сарианиди В. И. Исследование памятников Дашлинского оазиса. — В кн.: Древняя Бактрия. М., *1976в*.
Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., *1977*.
Сарианиди В. И., Качурис К. А. Раскопки на Улуг-Депе. — АО 1967 г. М., *1968*.
Семенов А. А. Развалины гг. Мейхене и Чехче в древнем Хаверане. — Изв. Тадж. фил. АН СССР, *1946*, № 12.
Скакун Н. Н. Функциональное исследование каменных наконечников стрел эпохи бронзы. — КД, *1972*, вып. 4.
Скакун Н. Н. Экспериментально-трасологические исследования керамических орудий труда эпохи палеометалла (по материалам Алтын-Депе и Теккем-Депе). — СА, *1977а*, № 1.
Скакун Н. Н. Каменные орудия эпохи бронзы (по материалам Алтын-Депе 1970—1972 гг.). — КД, *1977б*, вып. 6.
Соколов С. Н. Религиозная система зороастризма. — История таджикского народа, *1963*, т. 1.
Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. Proto-Indica: 1972. М., *1972*.
Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. Proto-Indica: 1973. М., *1973*.
Терехова Н. Н. История металлообрабатывающего производства у древних земледельцев Южной Туркмении. Автореф. канд. дис. М., *1976*.
Токарев С. А. Ранние формы религии. М., *1964*.
Толстов С. П. Древний Хорезм. М., *1948*.
Тоси М. Сеистан в бронзовом веке. — СА, *1971*, № 3.
Тревер К. В. Гопат-шах — царь-пастух. — В кн.: Тр. отд. Востока Эрмитажа. Л., *1940*, т. 2.
Тураев Б. А. История Древнего Востока. Л., *1935*, т. 1.
Хлобыстина М. Д. «Маленькие богини» туркменского энеолита. — КД, *1977*, вып. 6.
Хлопин И. Н. Энеолит южных областей Средней Азии. — САИ, *1963*, вып. Б3-8, ч. 1.
Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.; Л., *1964*.
Хлопин И. Н. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. — САИ, *1969*, вып. Б3-8, ч. 3.
Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., *1952*.
Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., *1956*.
Шифман И. Ш. Развитие городской организации в древнем Переднеазиатском Средиземноморье. — В кн.: Древние города. М., *1977*.
Щетенко А. Я. Раскопки на Алтын-Депе в Южной Туркмении. — КСИА, *1968а*, вып. 114.
Щетенко А. Я. Раскопки поселения эпохи бронзы Тайчанак-Депе. — КД, *1968б*, вып. 2.
Щетенко А. Я. Древнейшие земледельческие культуры Декана. М., *1968в*.
Щетенко А. Я. Раскопки мелких поселений эпохи бронзы. — КД, *1970а*, вып. 3.
Щетенко А. Я. Работы артыкского отряда Каракумской экспедиции. — АО 1969 г. М., *1970б*.
Щетенко А. Я. О торговых путях эпохи бронзы по материалам туркменистано-харапских параллелей. — КСИА, *1970в*, вып. 122.
Щетенко А. Я. Работы Каахкинской экспедиции. — АО 1976 г. М., *1977*.
Эпос о Гильгамеше / Пер. И. М. Дьяконова. М.; Л., *1961*.
Юсупов Х. Терракота из Гоч-Депе. — ПТ, *1976*, № 1(20).
Юсупов Х., Губаев А., Дурдыев М. Второй сезон работ на Гоч-Депе. — АО 1975 г. М., *1976*.
Янковская Н. Б. Международное торговое объединение Каниша. — ВДИ, *1965*, № 3.
Янковская Н. Б. Клинописные тексты из Кюль-Тепе. М., *1968*.
Янушевич З. В. О находке ячменя на поселении Алтын-Депе. — КД, *1977*, вып. 5.

Adams R. Mc. C. Land behind Baghdad. Chicago; London, *1966*.
Adams R. Mc. C., Nissen H. J. The Uruk countryside. The natural setting of urbian societies. Chicago; London, *1972*.
Agrawal D. P. The copper age in India. New Delhi, *1971*.
Allan W. Ecology, techniques and settlement patterns. — MSU, *1972*.
Barnett R. D. About musical instruments from Ur. — Iraq, *1969*, vol. 31, p. 2.
Biscione R. Dinamics of an early south asian urbanisation: the first period of Shahr-i Sokhta and its connections with Southern Turkmenia. — SAA, *1973*.
Bovington C. H., Dyson R. H., Mahadavi A., Masoumi R. The radiocarbon evidence for the terminal date of the Hissar IIIC culture. — Iran, *1974*, vol. 12.
Boyce M. History of zoroastrism. Leiden; Köln, *1975*, vol. 1.
Braidwood K. J., Reed Ch. A. The achievement and early consequences of food-production. — Gold Spring Harbor Simposia on Quantitative Biol., New York, *1957*, vol. 22.
Brown W. The Indian games of pachisi, chauper and chausar. — Expedition, *1964*, N 3.
Buren E. D. van. Clay figurines of Babilonia and Assyria. New Haven, *1930*.
Caldwell J. R. Investigations at Tali-Iblis. Illinois, *1967*.
Casal J. M. Fouilles de Mundigak. Paris, *1961*, vol. 1, 2.
Chang K. C. Urbanism and the king in the ancient China. — World Archaeol., *1974*, N 1.
Childe G. The urban revolution. — Sity Planning Review, *1950*, vol. 21.
Contenau G. Manuel d'archeologie oriental. Paris, *1931*, vol. 2.
Cowgill U. An agriculture study of the Southern Maya lowlands. — Am. Anthropol., *1962*, vol. 64, N 2.
Dales G. F. Necklaces, bands and belts on mesopotamian figurines. — Revue d'assyriologie et archeol. orient., Paris, *1963*, vol. 57, N 1.
Dales G. F. Prehistoric research in Southern Afghan Seistan. — Afghanistan, *1972a*, N 4.
Dales G. F. Turkmenistan, Afghanistan and Pakistan. — Propyläen Kunstgeschichte, Berlin, *1972b*.

Dales G. F. Archaeology and radiocarbon chronologies for protohistoric South Asia. — SAA, *1973*.
Dales G. F. Hissar III stone objects in Afghan Sistan. — Bibl. Mesopotamica, *1977*, vol. 7.
Dales G. F. Shifting trade patterns between the Iranian Plateau and the Indus Valley in the third millenium b. c. — PI, *1977*.
Dani A. H. Excavations in Gomal Valley. — Ancient Pakistan, 1970—*1971*, vol. 5.
Delougaz P. Pottery from the Diyala region. — OIP, *1952*, vol. 63.
Delougaz P., Lloyd S. Pre-Sargonid temples in the Diyala region. — OIP, *1941*, vol. 58.
Deshayès J. Les outils de bronze de l'Indus au Danube. — Bibl. archeol. et hist., Paris, *1960*, vol. 71, p. 1.
Deshayès J. Les civilisations de l'orient ancien. Paris, *1969*.
Deshayès J. A propos des terrasses hautes de la fin du III millenaire en Iran et en Asie Central. — PI, *1978*.
Drucker P., Heizer R. F. A study of the milpe system la Vente. — Southwest. Anthropol., *1960*, vol. 16.
Dupre L., Gouin Ph., Omer N. The Khosh-Tapa hoard from North Afghanistan. — Archaeology, *1971*, N 1.
During-Caspers E. C. L. The Bull's head from Barbar temple II Bahrain. A contact with early dinastie Sumer. — EW, *1971*, vol. 21, N 3—4.
Dyson R. H. Problems in the relative chronology of Iran 6000—2000 b. c. — In: Chronologies in old world archaeology. Chicago; London, *1965*.
Fairservis W. A. The origin, character and decline of an early civilization. — Am. Mus. Novitates, *1967*, N 2302.
Fairservis W. A. The roots of ancient India. The archaeology of Indian civilization. New York, *1971*.
Flannery K. V. The cultural evolution of civilization. — Ann. Rev. of Ekol. Sistematics, *1972*, vol. 3.
Frankfort H. P. Progress of the work of the Oriental Institute in Iraq 1934/35. — Orient. Inst. Communications, *1936*, N 20.
Frankfort H. P. The art and architecture of the Ancient Orient. Baltimore, *1955*.
Frankfort H. P., Pottier M. H. Sondage prèliminaire sur l'établissement protohistorique harappéen et postharappéen de Shortugai. — Arts asiat., *1978*, vol. 34.
Ghirshman R. Fouilles de Sialk. Paris, *1939*, vol. 1.
Glob P. V. Udgrauninger pa Bahrein. — Kuml, *1955*.
Glob P. V. Bahrein five thousand years age: the temples of Barbar. — ILN, *1958*, N 4.
Hall H. R., Woolley L. Al-Ubaid. London, *1927*.
Kohl P. S. Carved chlorite vessels: a trade in finished commodities in mid-third millenium. — Expedition, *1975*, N 3.
Krishnarao M. V. N. Foreign rulers in the Indus seals. — RIA, *1973*.
Labat R. Les religions du Proche Orient asiatique. Paris, *1970*.
Lal B. B. A picture emerges an assessment of the Carbon-14 datings of the proto-historic cultures of the indo-pakistan subcontinent. — Ancient India, *1962—1963*, vol. 18—19.
Lamberg-Karlovsky C. C. Excavations at Tepe Yahya. Iran 1967—1969. Cambrige Mass., *1970*.
Lamberg-Karlovsky C. C. The proto-elamite settlement at Tepe-Yahya. — Iran, *1971*, vol. 9.
Lamberg-Kalrovsky C. C. Trade mechanisms in indus-mesopotamian interrelations. — J. Orient. Soc., *1972*, N 2.
Lamberg-Karlovsky C. C. The proto-elamites on the Iranian Plateau. — Antiquity, *1978*, vol. 52.
Lamberg-Karlovsky C. C. and *M.* An early city in Iran. — Scientific Am., *1971*, vol. 224, N 6.
Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M. Sharh-i Sokhta and Tepe-Yahya: tracks on the earliest history of the Iranian Plateau. — EW, *1973*, vol. 1, 2.
Lanning E. P. Peru before the Incas. New Jersey, *1967*.
Lenzen H. L. Die Entwicklungen der Zikkurat. Leipzig, *1961*.
Mackay E. Further excavations of Mohenjo-Daro. New Delhi, *1938*, vol. 1, 2.
Mackay E. Chanhu-Daro excavations. New Delhi, *1943*.
Mahadevan J., Visvanathan K. Computer concordeance of proto-indian signs. — RIA, *1973*.
Makkay J. Shrine with bucranium. A tentative interpretation of the Tartaria sign 3, 5. — Kadmos, *1973*, Bd. 12, H. 1.
Marshall J. Mohenjo-Daro and the Indus civilization. London, *1931*, vol. 1—3.
McCown D. E. The comparative stratigraphy of early Iran. — Studies in Ancient Oriental Civilization, Chicago, *1942*, N 23.
Mellaart J. Anatolia 4000 b. c. and 2300—1700 b. c. Cambridge, *1964*.
Mellaart J. Anatolia 4000—2400 b. c. Cambridge, *1965*.
Mellaart J. Catal-Hüyük. A neolithic town in Anatolia. London, *1967*.
Mortensen P. On barbartemples datering. — Kuml, *1970*.
Mughal M. R. New evidence of the early harappan culture from Jalipur. — Archaeology, *1974*, N 52.
Myres J. Mediterranean culture. Cambridge, *1943*.
Nissen H. J. Materials for the Sumerian lexicon. Roma, *1969*, vol. 12.
Parpalo A., Koshnniemi S., Parpalo S., Aalto P. Decipherment of the proto-dravidian inscriptions of the Indus civilization. Copenhagen, *1969*.
Parrot A. Sumer. Paris, *1960*.
Perkins A. L. The comparative archaeology of early Mesopotamia. — Studies in Ancient Oriental Civilization, Chicago, *1949*, N 25.
Piggott S. The earliest wheeled vehicles and the caucasian evidence. — Proc. of the Prehist. Soc. for 1968, London, *1969*, vol. 34.
Rao S. R. The Indus script-methodology and language. — RIA, *1973a*.
Rao S. R. C^{14} dates as applicable to harrapan sites. — RIA, *1973b*.
Redman Ch. L. The rise of civilization. San Francisco, *1978*.
Renfrew K. The emergence of civilization. London, *1972*.
Shaffer J. G. Preliminary field report on excavations at Said-Cala-Tepe. — Afghanistan, *1971*, N 2, 3.
Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar. Philadelphia, *1937*.
Tosi M. Excavations at Shahr-i Sokhta, a chalcolithic settlement in the Iranian Sistan. Preliminary report on the first campaign. — EW, *1968*, vol. 18.
Tosi M. Excavations of Shahr-i Sokhta. Preliminary report on the second campaign 1968. — EW, *1969*, N 3, 4.
Tosi M. The problem of turquois in protohistoric trade on the Iranian Plateau. — Studi di Paletnologia, Paleoanthropologia, Paleontologia a Geologia del Quaternario, *1974*, vol. 2.
Tosi M., Piperno M. Lithic technology behind the ancient lapis-lasuri trade. — Expedition, *1973*, N 1.

Tosi M., Wardak R. The Fullol hoard. — EW, *1972*, N 1, 2.
Weiss H., Young T. C. The merchants of Susa Godin V and plateau lowland relations in late fourth millennium b. c. — Iran, *1975*, vol. 13.
Wheeler M. Harappa 1946, the defences and cemetery R-37. — Ancient India, *1947*, vol. 3.
Woolley L. Excavations at Ur. 1930—1931. — Antiquaries J., *1931*, vol. 11, N 4.
Woolley L. Ur excavations. London, *1934*, vol. 2.
Woolley L. The ziggurat and its surroundings. Ur excavations. Oxford, *1939*, vol. 5.
Wright H. T. The administration of rural production in an early mesopotamian town. — Anthropol. Pap. Mus. of anthropol. Univ. of Michigan, Ann Arbor, *1969*, N 38.
Yadin Y. The art of warfare in biblical lands. London, *1963*.
Vidali M. L. and *E., Lamberg-Karlovsky C. C.* Prehistoric settlement patterns around Tepe-Yahya: a quantitative analysis. — J. of Near Eastern Studies, *1976*, N 4.
Zervos C. L'Art de la Mesopotamie. Paris, *1935*.
Ziegler C. Die Terrakoten von Warka. Berlin, *1962*.
Zvelchil K. Harappa and the dravidians — an old mystery in a new light. New Orient, *1965*, N 3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия. М.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВИ	— Вопросы истории. М.
ИАН ТССР. СОН	— Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук. Ашхабад.
КД	— Каракумские древности. Ашхабад.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М., Л.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.
МЮТАКЭ	— Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Л.
ПТ	— Памятники Туркменистана. Ашхабад.
СА	— Советская археология. М.
САИ	— Свод археологических источников. М., Л.
СВ	— Советское востоковедение. М.
СЭ	— Советская этнография. М.
ТИИАЭ	— Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Ашхабад.
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
УСА	— Успехи среднеазиатской археологии. Л.
EW	— East and West. Rome.
ILN	— Illustrated London News.
MSU	— Man, Settlement and Urbanism. London, 1972.
OIP	— Oriental Institute Publications. Chicago.
RIA	— Radiocarbon and Indian Archaeology. Bombay, 1971.
SAA	— South Asian Archaeology. London, 1973.
PI	— Le Plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines a la conquete islamique. Paris, 1977.

SUMMARY

Altin-Depe represents a settlement of an urban type which belongs to the last quarter of the III—beginning of the II millenium b. c. The initial settlement appeared here in the eneolithic period in the V millenium b. c., when pottery of Namazga I was spread into this area (tab. XXIV). The economy of the local population was based on irrigation agriculture and herding of domestic animals. Later, a sequential development of cultures occured (fig. 3) and by end of IV millenium b. c., Altin-Depe forms as large center. The culture of this time is characterised by painted pottery of Geoksyur style (tab. IV, XXV) and elegant female figurines (tab. XXVI). The wealth of the burials (tab. XXVII) indicates the beginning of propriety differentiation. These cultural traditions develop in the middle of III millenium b. c., when there is a gradual change of ceramics made on the potter's wheel with simplified painting (tab. V). At that time, a cult center with surrounding walls (fig. 7, 8), and small sanctuaries and temples (tab. I) was built. By the end of this period, monumental gates were also constructed (fig. 11). All this indicates technological progress and the occurence of structural changes at Altin-Depe which gradually transforms into a settlement of an urban type.

Structural changes are particulary evident in the period of higest urban development at Altin-Depe (fig. 1). At this time a large craftsmen's quarter is isolated. A cult center is organised in a new place and develops as a monumental complex (fig. 18). Judging by types of dwellings and the character of finds in tombs and graves which are situated near the dwellings (fig. 16; tab. XXVIII), one can distinguish three groups of inhabitants. The higest social group occupies a separate section, «an elite quarter». (fig. 15). The cult center included, as well, a priest's tomb (fig. 20—23), where various decorations and cult objects were found (tab. XIX—XXII), including gold heads of a wolf and a bull (tab. XXIII). The economy of this period is characterised by the flourishing of crafts which were separated from agriculture. Ceramics were produced on the fast pottery's wheel (tab. VI, XXXI—XXXIV). Tools and ornaments were produced from arsenic bronze and silver (tab. XIV, XV). Wheeled carts drawn by camels served as transport (tab. XIX, *1*; XXX), the horse was not yet known. There is a wide distribution of seals (tab. XVI, XVII) and of female figurines in a flat abstract style different from that of the eneolithic period (tab. VIII—XII). Frequently there are signs on the shoulders of female figurines which are analogous to scripts of the Ancient Near East (fig. 24). A seal with an inscription of a Proto-Indian type was found in the «elite quarter» (tab. XXII, *1a*). The level of economic development, social differentiation expressed in the dwelling types and in the grave complexes, and the development of monumental architecture permit us to conclude that we have here an emerging civilisation, the most ancient discovered on the territory of the Soviet Union.

The civilisation of Altin-Depe was a part of the cultural world of the Ancient Near East. It was in close contact with the civilisations in Mesopotamia and in Ancient India, and used standarts and models elaborated there. This is particularly evident in the architecture of the cult complex with a stepped tower of ziggurat type. It is reasonable to suggest that the inhabitans of Altin-Depe, just as those of the Harappan civilisation, spoke in languages of the Proto-Dravidian group. This probably accounts for the appearance in South Turkmenistan of inscription of a Harrapan type. The irrigation agriculture of Altin-Depe belongs to a subtype, which is associated with limited water resources. This situation is similar to the civilisations in Asia Minor and Eastern Mediterranean and in contrast to the civilisations of the great river valley (fig. 33).

In the begining of the II millenium b. c., the site of Altin-Depe is gradually abandoned. The inhabitants are partly resettled to the east in the Murghab delta. The further migration of South Turkmenian tribes with highly developed urban culture led to the appearance of flourishing oasis of bronze age in the territory of Ancient Bactria (fig. 34). The civilisation of Altin-Depe was a distinguished achievement of ancient tribes of South Turkmenistan and its traditions in residential and monumental architecture, in ceramic production and in minor arts lay at the base of the later development of settled cultures in Central Asia, particulary in Bactria and in Parthia.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава первая. Алтын-Депе в эпохи энеолита и ранней бронзы . . . 10

Глава вторая. Раскопки оборонительных сооружений 30

Глава третья. Раскопки жилых кварталов 35

Глава четвертая. Изучение культового центра 56

Глава пятая. Алтын-Депе как археологический комплекс, вопросы типологии и хронологии 81

Глава шестая. Алтын-Депе как поселение городского типа, опыт структурно-функциональной характеристики . . . 96

Глава седьмая. Алтын-Депе в культурной системе Древнего Востока 109

Глава восьмая. Раннегородские центры и древние цивилизации 119

Заключение 129

Таблицы I—XXXIV . . . . . 137—165

Литература 166

Список сокращений 173

Summary 174

Вадим Михайлович МАССОН

АЛТЫН-ДЕПЕ
(РАСКОПКИ ГОРОДА БРОНЗОВОГО ВЕКА
В ЮЖНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ)

Утверждено к печати
Редакционно-издательским советом Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Т. Бочевер*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Н. И. Журавлева*, *Н. П. Кизим* и *Л. Я. Комм*

ИБ № 20051

Сдано в набор 24.11.80. Подписано к печати 11.06.81. М-18850.
Формат 84×108/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 11+2 вкл. ($^3/_8$ печ. л.)=
=19.11 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 20.33. Тираж 2150.
Изд. № 7714. Тип. зак. № 1998. Цена 2 р. 50 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12